

Победитель Российского конкурса
краеведческих периодических изданий фонда Д.С. Лихачева

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

Санкт-Петербург
Издательство «ЛЕТОПИСЬ»

2016

26.89
О-65

Фотография на обложке: Илья Савицкий

Кураторы проекта:

Дерендяев Роман Олегович,
заместитель главы администрации
Гатчинского муниципального района

Даниил Арменович Мкртчян,
председатель комитета по культуре и туризму
Гатчинского муниципального района

Составители:

Елена Леонидовна БАБИЙ,
директор муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»,
заслуженный работник культуры РФ

Светлана Александровна ТОПОРИКОВА,
заведующая инновационно-методическим отделом
муниципального казенного учреждения
«Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Оредеж: Литературно-краеведческий альманах: Вып. 13. — СПб.: ЛЕТОПИСЬ, 2016.
— 280 с.: ил., — 12 л.цв.ил.

ISBN 978-5-904545-53-6

Тринадцатый выпуск литературно-краеведческого альманаха «Оредеж» включает 12 традиционных разделов, наполненных новыми материалами разных жанров, тематики, форм и стилей их представления. Для постоянных читателей будут интересны архивные, коллекционные и семейные находки именитых авторов, таких как А.А. Семочкин, Д.С. Рябов, А.В. Бурлаков, В.И. Николаев, В.А. Кислов, А.А. Тришина и других. Приятно удивит проза А.М. Аршакуни, привлечёт внимание самостоятельный раздел поэзии, заставят задуматься откровения новых авторов, которых в этом издании 15. Несомненно, порадуют художественные вклейки, так ярко иллюстрирующие значимые события года.

Тех читателей, которые впервые возьмут в руки «ОРЕДЕЖ», ждут интересные открытия: многовековая история нашего края, бытовые, культурные и духовные традиции народов, населяющих Гатчинские земли, талантливые размышления современников о прошлом, настоящем и будущем родной земли и её жителей.

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» рассчитан на внимание всех, кто любит читать, узнавать и удивляться, делать открытия и делиться ими с друзьями.

*Уважаемые земляки!
Дорогие друзья!*

Вы держите в руках новый, 13-й выпуск литературно-краеведческого альманаха «Оредеж». Это во всех отношениях удачный проект, потому что его создают неравнодушные, любящие свой край авторы. Они популяризируют исторические знания, из года в год слагая летопись Гатчинской земли. В «Оредеже» реализована идея совместной публикации работ историков и краеведов, искусствоведов и писателей, журналистов, студентов и преподавателей.

Альманах успешен, он замечателен резонансом, который получает каждое его издание. От одного до другого выпуска он востребован, его ждут, с интересом читают и спустя годы перечитывают вновь.

Очередной выпуск «Оредежа» представляет вниманию читателей традиционные темы, безграничные по своей глубине и содержанию: православные страницы, загадки истории и современные открытия, Пушкинские места Гатчинского района, творческие поиски художников и поэтов Гатчинской земли.

Поздравляем всех авторов, чьи материалы опубликованы в этом выпуске, всех читателей, которым предстоят новые открытия и знакомства. Особенно поздравляем составителей альманаха и благодарим за серьёзную, кропотливую работу.

Тринадцать — это счастливое число, и мы уверены, что тринадцатый выпуск станет достойным продолжением краеведческой летописи с красивым названием «Оредеж».

Глава
Гатчинского муниципального района
Андрей Ильин

Глава администрации
Гатчинского муниципального района
Елена Любушкина

ISBN 978-5-904545-53-6

© Администрация Гатчинского муниципального района, 2016
© Редакционная подготовка. ООО «Издательство «ЛЕТОПИСЬ», 2016

*Над сонной гладью оредежских вод
Поднялся белой дымкою туман.
Он к зарослям осоки тихо льнёт,
Березки стройной обнимает стан.*

*Цветочный аромат стоит в садах
И стелется волною по траве.
А ветерок, запутавшись в ветвях,
Устал и спит тихонечко в листве...*

*Как вечер упоительно хорош!
И вновь поют в ложбинке соловьи.
И в сердце трепет, и по коже дрожь,
От этих нежных песен... о Любви!*

Евгения Корниенко

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

*И если вдруг из пушкинских начал,
Из строк в глаза прольётся море света,
То знайте, так всегда горит свеча —
Частица вечного огня души поэта!*

О. Лебедушкина

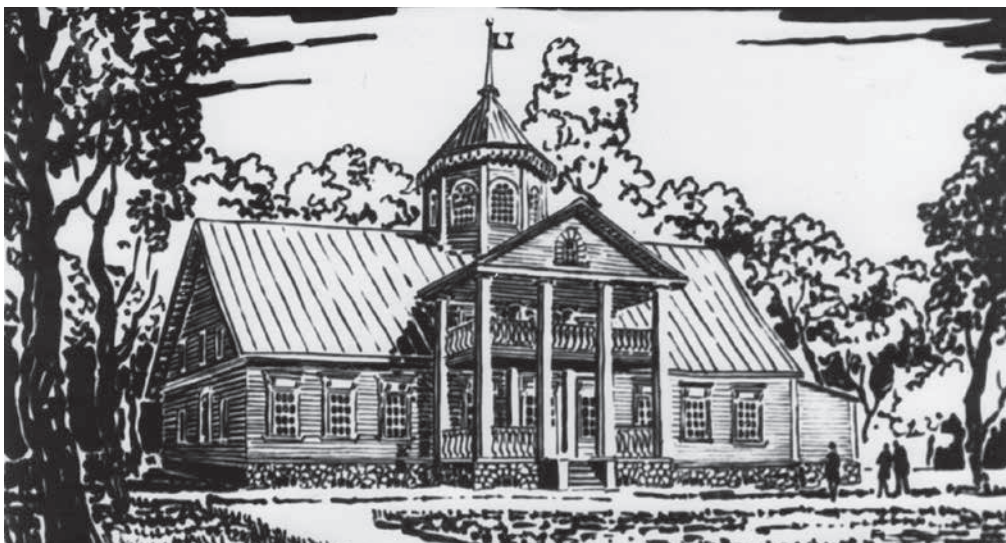
НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СУДЬБЕ РЕЛИКВИЙ А.П. ГАННИБАЛА

Из записок и воспоминаний потомков «Арапа Петра Великого»

Андрей Бурлаков

Занимаясь исследованием родословной Абрама Петровича Ганнибала, мне часто приходится встречаться с его потомками. Будучи директором Музея-усадьбы «Суйда», я проводил поиски семейных реликвий рода Ганнибалов и записывал легендарные истории о знаменитом предке А.С. Пушкина. В этой работе значительную помощь мне оказывала известный пушкиновед, старший научный сотрудник Всесоюзного музея А.С. Пушкина Нина Ивановна Грановская (1917–2002 гг.). В своё время она передала мне рукописные страницы воспоминаний, записанных в 1970 году прапрапраправнучкой А.П. Ганнибала, жительницей города Ленинграда Ксенией Яковлевной Коротовой (1906–1980 гг.).

В середине шестидесятых годов К.Я. Коротова познакомилась с Н.И. Грановской, которая занималась составлением родословной А.С. Пушкина. По её просьбе Коротова подготовила рукописные сведения по истории бывшей усадьбы «Заречье» Псковской губернии. Здесь находилось имение её деда, Владимира Фёдоровича Коротова, который приходился праправнуком «Арапу Петра Великого» по линии его сына, Петра Абрамовича Ганнибала — владельца усадьбы «Петровское», расположенной по соседству со знаменитым пушкинским Михайловским. В Петровском после смерти отца проживал внук А.П. Ганнибала — Вениамин Петрович Ганнибал, у которого часто в гостях бывал А.С. Пушкин. После смерти В.П. Ганнибала имение

Усадебный дом в Петровском. Художник Сергей Светлицкий. 1977 год

унаследовала его дочь Мария Вениаминовна, вышедшая замуж за Фёдора Павловича Коротова. В связи с продажей усадьбы Петровское, в 1840 году Коротовы перевезли оттуда всё «движимое имущество» в имение Заречье. Поэтому именно здесь впоследствии хранились некоторые семейные реликвии, связанные с именем А.П. Ганнибала. Возможно, что часть их них ранее находилась в Суйде. Исторические материалы, записанные К.Я. Коротовой, представляют особый интерес и открывают малоизвестные страницы из жизни потомков «Арапа Петра Великого».

Вот текст этих воспоминаний: «С 1914 по 1926 годы моя мать, брат Сергей и я жили в городе Опочке Псковской губернии у отца моей матери. Мой отец был на фронте во время Первой мировой войны, а потом жил с нами в Опочке. В 1918 году во время школьных каникул я летом гостила на хуторе у бабушки Марии Ивановны Коротовой, матери отца. Усадьба называлась Заречье, была расположена на берегу реки Алоли в Новоржевском уезде Кудеверской волости.

Как-то забравшись на чердак дома, я обнаружила там громадный кожаный сапог какого-то неизвестного для меня, тогда двенадцатилетней девочки, фасона. Спустившись с чердака, я обратилась к бабушке за разъяснениями: что это за сапог? В ответ я получила такое разъяснение. Сапог этот принадлежал Петру I и каким-то образом попал к нашему предку — Абраму Петровичу Ганнибалу.

Не помню, в это ли лето, или в последующее в 1919 году в Заречье приехал муж двоюродной сестры — студент Владимир Порфирьевич Михайлов. Узнав от бабушки и дяди, что в амбаре усадьбы хранятся книги из имения Ганнибалов — Петровского, Влади-

Мария Вениаминовна Коротова, урожденная Ганнибал — правнучка А.П. Ганнибала. Фотография 1880-х годов

мир Порфирьевич отправился в амбар для ознакомления с этой библиотекой. Я увязалась за ним. Сначала, когда он разбирал верхние связки книг, сложенные в ящики, я разглядывала вместе с ним книги, переплетённые в пожелтевшую потрескавшуюся кожу в переплёте с золотым тиснением, но когда он забрался глубже, из ящичков стали выскакивать мыши, и я сбежала из амбара. Всё это, принимая во внимание мой возраст, не произвело на меня впечатления.

Потом, зимой 1921–22 годов отец, ездивший проведать мать в Заречье, показал нам две печати. Одна из них по своей форме походила на обычную канцелярскую печать, но сделана была из других материалов: ручка выточена из слоновой кости, сама печать — кружок из топаза, на котором

был вырезан герб, обе части соединились пластиной из платины. Вторая часть в виде брелока из червонного золота, меньших размеров — кружок с подвижной дужкой. На одной стороне кружка вырезан тот же герб, а на другой стороне — буквы (вензеля) «РН». Отец объяснил нам, что печати эти принадлежали нашим предкам. Первая, большая — Абраму Петровичу Ганнибалу, а вторая — его сыну Петру. Буквы, вырезанные на ней, французские, как тогда было принято. Тут же отец сказал, что хочет продать эти печати в музей в виду стеснённых обстоятельств. Продажу эту он хочет поручить мужу моей младшей сестры, живущему в Москве. Я очень заинтересовалась печатями, разглядывала их и рассматривала, что на щите герба изображён слон. В конце концов я решила сделать на память оттиски этих печатей, что и сделала, оттиснув герб на сургуче. Печать увезли в Москву, вскоре муж тётки известил отца, что музей не хочет брать эти печати, и что, видя нужду отца в деньгах, продал печать в виде брелока в торгсин на лом, а вторая большая печать осталась у него.

Прошли годы, вся эта история с печатями забылась. Но вот как-то года два назад (1967–68 годы) я стала перелистывать произведения Ю.Н. Тыня-

нова «Пушкин», и где-то наткнулась на упоминания о печати Ганнибала с изображением на щите герба совы. И тут мне вдруг вспомнилась вся эта история с печатями, что я с них сделала оттиски, и что мне помнится, что на щите был слон, а не сова!

Я разыскала эти оттиски — на гербе действительно был слон, тут же я вспомнила, что эта печать должна находиться в Москве в семье покойной тётки. Я написала в Москву письмо и получила ответ, что эта печать находится у них. Вскоре, попав в Москву, я забрала эту печать и увезла в Ленинград. Но, увы, она была повреждена! Сын кузины, тринадцатилетний мальчик, пытался выковырять камень из оправы, сделать этого не смог, но отковырнул кусочки камня, слегка повредив буквы девиза. Мы с братом моим, Сергеем Яковлевичем, решили, что место печати в музее, и так как Абрам Петрович Ганнибал был прадедом А.С. Пушкина, то естественно место её в Пушкинском доме.

20 июня 1969 года я сдала печать в Пушкинский дом, заведующей фондами музея Елене Александровне Ковалевской.¹

Прадед наш Фёдор Павлович Коротов в середине 20-х годов XIX века женился на «воспитаннице», а факти-

чески — дочери Вениамина Петровича Ганнибала и его крепостной девки Ирины. Больше мы о матери нашей прабабки ничего не знаем. Прабабка наша Мария Вениаминовна после свадьбы продолжала жить вместе с мужем Фёдором Павловичем в имении отца Вениамина Петровича — Петровском, вплоть до смерти Вениамина Петровича в 1839 году, все её дети, в том числе и наш дед Владимир Фёдорович, родились в Петровском. Дед наш — последний ребёнок — родился за год-полтора до смерти Вениамина Петровича. Старшая дочь Марии Вениаминовны — Евпраксия, родившаяся в один день и год с Львом Николаевичем Толстым, очень этим гордилась, часто об этом говорила, и поэтому все её племянники, а мои дяди и тёти, хорошо запомнили год её рождения: 1829-ый.

Как-то предаваясь воспоминаниям, она рассказала им, что видела и помнит А.С. Пушкина. По её словам, он посетил своего двоюродного дядю Вениамина Петровича Ганнибала в Петровском в 1836 году. Евпраксию Фёдоровну, тогда 7-летнюю девочку, поразило, что Пушкин «все время молчал».

Начиная с 1918 года, вплоть до 1925 года, мы с братом каждое лето проводили у бабушки — Марии Ивановны Коротовой в усадьбе Заречье, часто по вечерам старшие братья отца, Борис и Валериан, и сестра Александра предавались воспоминаниям о своём детстве. Бабушка дополняла их рассказы.

После смерти Вениамина Петровича Ганнибала Мария Вениаминовна переехала с семьёй в купленное её же отцом имение «Герасимово Богородицкое тож» Псковской губернии. Здесь же жил её сын с невесткой. В Герасимове у Владимира Фёдоровича и Марии Ивановны родились пять стар-

Евпраксия Фёдоровна Любимова, урождённая Коротова — праправнучка А.П. Ганнибала. Фотография 1850-х годов

ших детей: Мария, Борис, Валериан, Александра и Яков. В начале 1890-х годов Герасимово было продано группе состоятельных крестьян, и семья переехала в город Великие Луки. Переезд этот был совершён в связи с тем, что старшим детям надо было дать образование. Мне известно, что Борис, мой дядя, учился в Реальном училище в городе Великие Луки. Здесь же родились младшие дети Владимира Фёдоровича и Марии Ивановны: Сергей, Анна и Владимир.

В начале 1890-х годов Коротовыми был куплен «отруб» в Новоржевском уезде, где на берегу реки Алоли была построена усадьба — дом и хозяйственные строения. Усадьба была названа Заречье. Здесь родились двое последних детей: Георгий и Наталья.

Со слов бабки моей Марии Ивановны мне известно, что старший брат её мужа, а нашего деда Владимира

¹ Известны и другие фамильные печати, хранящиеся как у потомков А.П. Ганнибала, так и у других лиц. Одна из печатей находилась у двоюродной сестры К.Я. Коротовой — Татьяны Николаевны Алышевой, жившей в Москве. Она была унаследована от матери Натальи Владимировны Андресен, урождённой Коротовой, и являлась личной печатью самого А.П. Ганнибала. В 1979 году Т.Н. Алышева передала её в дар московскому музею А.С. Пушкина. В дарственном документе она сообщила: «Передаю музею печать Ганнибалов. На уникальной реликвии чётко просматриваются все детали рисунка, выгравированные рукою искусного мастера. На щите изображён слон. Щит окружен знамёнами, литаврами, барабаном, пушкой и ядрами. Вверху традиционный двуглавый орёл, а внизу девиз, написанный по латыни «Fugit». Размер печати 2,5 x 2,2 см».

Другую печать Ганнибалов случайно обнаружил в 1911 году у старёвщика на ярмарке в Новгороде известный историк и специалист по сфрагистике В.К. Лукомский. По его описанию, она имела вид «овального молочного агата, оправленного в серебряный обод, к обратной стороне которого прикреплены четыре ножки, соединённые кольцом». Исследование Лукомского о печати и гербе А.П. Ганнибала было опубликовано в том же году в журнале «Русский библиофил». Позднее эта печатка хранилась в собрании других печатей в квартире В.К. Лукомского на Кировском проспекте в Ленинграде. Вся его коллекция погибла от прямого попадания бомбы блокадной зимой 1941–42 годов.

Семья Владимира Федоровича Коротова — праправнука А.П. Ганнибала.
Усадьба Заречье. Фотография 1882 года.

Фёдоровича — Павел был офицером, принимал участие в Севастопольской обороне 1854 года, вскоре после войны умер в Петербурге от полученных ран. Дочь Марии Вениаминовны — Евпраксия вышла замуж за владельца усадьбы Янково Новоржевского уезда Петра Петровича Любимова, а вторая её дочь, Александра — за помещика Храповицкого, а после его смерти — за Энгельгардта. Обе они были помещицами Смоленской губернии.

Младший сын Марии Владимировны — Владимир (мой дед) жил с родителями. Женился он в 1867 году на соседке по Герасимову — Марии Ивановне Почепцовой. После свадьбы он с женой проживал с родителями в Герасимове. Со слов моей тётки Александры я знаю, что Мария Вениаминовна умерла в 1889 году. Свою бабушку она хорошо помнила и говорила, что в год смерти Марии Вениаминовны ей было

одиннадцать–двенадцать лет, а родилась она в 1877 году. Когда умер наш прадед Фёдор Павлович — не знаю, слышать не приходилось.

Владимир Фёдорович Коротов умер в 1908 году и похоронен в селе Барбово Новоржевского уезда Псковской губернии. Жена его — Мария Ивановна умерла в 1930 году и похоронена на кладбище в городе Опочке. От тётки моей Александры Владимировны Коротовой я слышала, что многое из мебели, находившейся в усадьбе Заречье, было перевезено туда из Герасимова, а туда было доставлено моей прабабкой Марией Вениаминовной из усадьбы Петровское».

Другой исследователь родословной А.П. Ганнибала — Анастасия Михайловна Бессонова (1917–2001 гг.), автор фундаментальных трудов «Ганнибалы в России» (1999 г.) и «Родословная потомков А.П. Ганнибала» (2000 г.) в 1999

году познакомила меня с жительницей Санкт-Петербурга Ириной Васильевной Будановой, урождённой Лавровой (1914–2000 гг.), которая приходилась прапрапраправнучкой А.П. Ганнибалу. Запись воспоминаний с её слов я успел сделать за несколько месяцев до её смерти:

«В усадьбе Заречье я бывала много раз, и даже жила там у бабушки Марии Ивановны Коротовой каждое лето в послереволюционные годы. Там, на возвышенности, на берегу реки Алоль стоял длинный одноэтажный дом, стоял как бы на полуострове. Коротовы вели натуральное хозяйство. Держали коров и лошадей, имели сад, огород, разводили клубнику.

Дом состоял из множества небольших комнат (так как семья была большая). Значительной по размерам была только гостиная, где стоял рояль. В моё время в доме жили бабушка Мария Ивановна, её дети — Жорж, Владимир, Борис, тётя Александра Владимировна. Часто из Опочки приезжал дядя Яков. Примерно в 1926 году имение отняли местные большевики и передали его коммуне. Я в это время вместе с родителями жила в Опочке, где и училась. Что могли, Коротовы перевезли с собой в другое имение — Глубокое, где находился небольшой барский дом. Это была бывшая усадьба графа Гейдена, который заседал в

Думе. Среди перевезённых родовых вещей в Глубоком оказались сапог Петра I и ящики с книгами, по-видимому, очень старыми. Бабушка рассказывала, что они остались ещё от самого Ганнибала и впоследствии перевезлись из усадьбы в усадьбу.

Книги были в кожаных переплётах, очень толстые, пыльные и частично поедены крысами. Впоследствии часть книг растащили местные крестьяне, прислуживающие в усадьбе, часть книг продали, малую часть увёз в Москву муж Натальи Васильевны Коротовой, Николай Владимирович Андресен, который знал их ценность. Он же забрал с собой часть семейных реликвий, фамильное серебро, пресс для бумаг Вениамина Петровича Ганнибала, хранящийся ранее в Петровском, какие-то родовые бумаги, иконы, печать Ганнибала...

Будучи детьми, мы играли с сапогом Петра I, который мы называли ботфортом. Забирались в него, он был почти в наш рост, потом он куда-то затерялся. В имении Глубокое, отнятом у нас большевиками (в доме нам оставили всего несколько комнат), мы жили почти каждое лето до 1929 года. Потом все родственники Коротовых, жившие в Опочке и её окрестностях, разъехались, кто в Москву, кто в Ленинград, а дом в Глубоком, как потом говорили, сгорел в годы войны».

АННА ПУШКИНА, ВНУЧКА ПОЭТА

«Больше всего уважаю тех, кто живёт ради счастья других...»

(А.А. Пушкин, старший сын поэта А.С. Пушкина, о дочери Анне)

Киселёва Елена

Анна Александровна Пушкина родилась 24 апреля 1866 года, была шестым ребёнком в семье Александра Александровича Пушкина и его жены Софьи Александровны. Она прожила жизнь долгую и полную самых неожиданных событий.

В детстве, рано лишившись матери, Анна была особенно близка к отцу. Она часто по вечерам слушала его семейные предания, передававшиеся в семьях Пушкиных, Гончаровых и Ланских из поколения в поколение. Как вспоминал её внучатый племянник Г.А. Галин:

«В разговоре совершенно неожиданно от неё можно было услышать неповторимые вещи, которые известны только в устной традиции...»

Анна Александровна могла запросто объяснить, что мы в каком-то близком родстве с Эвелиной Ганской, которая была женой Оноре де Бальзака...

Анна Александровна вообще была ходячий курс истории XIX и начала XX века, знала массу придворных преданий, передававшихся из уст в уста.

Аня Пушкина получила прекрасное домашнее воспитание помимо гимназии и свободно разговаривала на английском, французском, итальянском языках.

Примерно в 1890 году Анне Александровне было сделано предложение стать фрейлиной у Великой княгини Милиции Николаевны, супруги Великого князя Петра Николаевича, дяди Государя Императора. Начитанная,

умная, высокообразованная внучка Пушкина пришлась ко двору. С ней искали знакомства не только писатели, журналисты, пушкиноведы, но и известные государственные деятели. Сохранилось письмо с просьбой П.И. Бартенева, русского историка и литературоведа, зачинателя пушкиноведения. Анна Александровна старалась помочь всем.

В трудную минуту к Анне обращаются её родственники. Так, отец просил её разрешения дать деньги Анны, оставшиеся от матери, Араповым, чтобы дядя мог рассчитаться с племянниками (из 7% годовых). Александр Александрович писал: «Хотя я и имею от тебя доверенность, но не

решаюсь распорядиться твоими деньгами без твоего согласия. Мне кажется, что Ивану Андреевичу можно их дать...

Пиши, моя дорогая Анна, и не претендуй на меня, что не пишу тебе. Ей-ей, это происходит не от недостатка любви к тебе, а просто, как ты сама знаешь, от моей антипатии к писанию...»

Отец очень любил свою дочь Анну. Её фотография всегда стояла у него на столе. У неё же на столе всегда стояла фотография отца с дарственной надписью: «Дорогой моей Анне от отца А. Пушкина».

(Подписана фотография в 1899 году сыном поэта. К сожалению, трудно различить день и месяц. Вы видите копию с подлинной фотографии, сделанную племянником и воспитанником Анны Александровны Борисом Борисовичем Пушкиным, ныне покойным).

После 1907 года письма, которые отправлялись Анне Пушкиной, подпи-

сывались не Её Превосходительству, а Её Высокопревосходительству. Это уже была высокая должность при Великокняжеском Дворе. Ум, светские манеры, порядочность Пушкиной оценили по достоинству.

Конечно, Анну Александровну достаточно часто отвлекали, интересуясь её великим предком. Внучка поэта при Великокняжеском дворе была прекрасным украшением. И только её большая скромность и порой вспыльчивый пушкинский характер помешали ей сделать блестящую партию. К имени Александра Сергеевича она относилась с самым высоким чувством благоговения, но всегда подчёркивала величие не потомков, а их деда.

В Петербурге Анна Пушкина снимала комнату на Фонтанке, в доме № 22, неподалёку от того места, где умер её великий дед. Наверное, это было не случайное совпадение.

1914 год стал особенно трудным для Анны. Она тяжело переживала смерть отца. Незадолго до своей кончины он передал своей любимице святые пушкинские реликвии — печатку А.С. Пушкина из дымчатого топаза с инициалами поэта (последнему подарила её княгиня Мария Николаевна Волконская); акварель с изображением Натальи Николаевны работы Томаса Райта 1844 года. Сейчас эти реликвии находятся в семьях двух братьев — воспитанников Анны Александровны — Сергея Борисовича и Бориса Борисовича Пушкиных, правнуков поэта...

После кончины отца Анна Александровна 26 июля 1914 года получила должность гофмейстерины при Милиции Николаевне. Казалось, можно было спокойно находиться при Великой княгине, ни о чём не беспокоясь, но она хотела чем-то помочь тем, кто дрался с немцами, защищая Отече-

ство. С 1915 года она работает в лазарете с Великой княгиней в качестве медсестры.

1917 год, октябрь, революция. Великая княгиня принимает единственно возможное в тех условиях решение — покинуть страну. В это время семья находится в Киеве. Анна Александровна решает остаться в России. Но что было делать? Возвращаться в Петроград не к кому, да и опасно. Пролетарский меч придворных разил безжалостно. Кто и где из её родственников (братьев и сестёр) находился, она не знала...

Анна Александровна решает возвращаться в Москву. Можно себе только представить, каким был переход от великосветской жизни к советскому полуголодному бытию в Москве того периода.

Привыкнув к светской жизни, Анна Александровна так до конца не смогла адаптироваться к новой суровой действительности. Н.С. Шепелева, племянница Пушкиной, вспоминала: «...Самое первое время она устроилась работать, было такое учреждение ГУКон (государственное управление конезаводов), её знакомый, который там трудился, помог ей. ...И тётя Аня каждый день к десяти часам бежала на работу. Но все эти учреждения того времени имели свой конец. Начинались как одни, заканчивались как другие. Так вскоре тётя ушла оттуда».

После ухода из ГУКона Анна Александровна работала в одном из райсобесов Москвы. В 1923 году журнал «Огонёк» сообщил, что Пушкина с апреля получает академический паёк вместе со своим братом Григорием Александровичем, но уже не работает с 1922 года, так как уволена по сокращению штатов и живёт случайным заработком. Автор, скрывшийся за инициалом И., сообщал: «Нарком-

прос очень близко заинтересовался судьбой внуков Пушкина, и сейчас подымается вопрос о выдаче им усиленной, так называемой персональной пенсии».

Видимо, пенсию Анна Александровна, как и её брат, получили не сразу. Этим объясняется необходимость в зарабатывании денег переводами.

Когда у племянницы Марины Мезенцевой родились сыновья Сергей и Борис, Анна Александровна очень обрадовалась. Своих детей у неё не было, и к маленьким внучатым племянникам она приходила как к своим, родным. Братья тоже полюбили бабушку Аню, ведь родную бабушку, её сестру Веру Александровну, они никогда не видели.

После смерти матери Сергея и Бориса Анна Александровна взяла опеку над ребятами и хотела выхлопотать разрешение, чтобы они носили её фамилию. Но это ей удалось осуществить только после Великой Отечественной войны.

Долгими зимними вечерами бабушка Аня рассказывала своим внукам о дружной семье Александра Александровича Пушкина, своего отца. О том, что у них было много девочек и мало мальчиков. Девочки опекали мальчиков. Внучка поэта стала одним из главных хранителей семейных преданий, воспоминаний и традиций.

В 30-х годах модно было обвинять жену А.С. Пушкина в легкомысленности. Многочисленные публикации в советской прессе доказывали, что Наталья Николаевна была виновата в смерти своего мужа. Анна Александровна очень болезненно это воспринимала. Она была глубоко убеждена в невинности своей бабушки. Она прожила больше других детей со своим отцом, а тот был любимцем Натальи Николаевны, и она делилась с ним

своими горестями и бедами. В свою очередь, Александр Александрович многое рассказывал своей любимой дочери. Когда где-то заходил разговор о Наталье Николаевне, Анна Александровна решительно и всегда отстаивала её честь.

«...Она была широко эрудированным человеком, — рассказывал мне Борис Борисович, — прекрасно говорила на нескольких языках. И однажды сказала, что англичане уверяли её: «Анна Александровна, вы говорите по-английски правильнее, чем мы». Но помню и другое: когда вернулся после армии и учился в институте, а ей было уже за восемьдесят, она иногда помогала переводить тексты. У меня были технические переводы, и в технике, конечно, она ничего не понимала, но смысл улавливала».

Конечно, эту женщину хотят видеть представители новой власти на всех Пушкинских юбилеях и праздниках. Удивительно и трогательно то, что присутствуя и выступая на торжественных заседаниях, посвящённых великому русскому поэту, она сохраняет и хранит годами билеты и приглашения, программы с этих мероприятий. Судьба распорядилась так, что мне выпала большая честь быть знакомой с Борисом Борисовичем Пушкиным и его женой Зинаидой Тимофеевной, от них я узнала некоторые подробности жизни этой удивительной женщины, стала хранительницей небольшой части её архива.

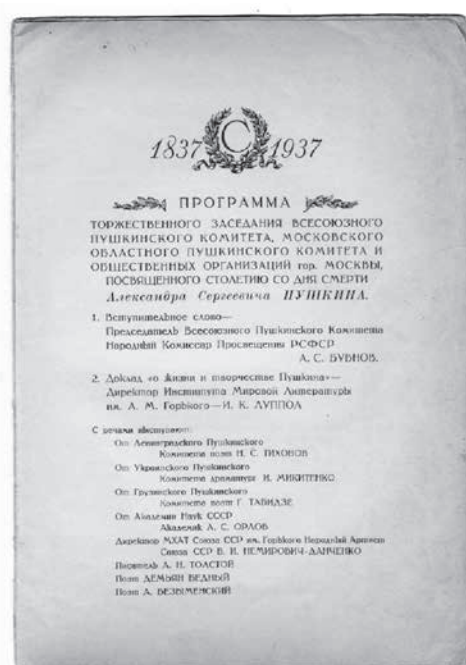
Вот пригласительный билет и программа 1899 года, к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина...

Открываю программу, выпущенную к 10 февраля 1937 года. Конечно, Анна

Александровна вместе с братом Григорием Александровичем и его семьёй была в числе почётных гостей.

«В начале войны с немцами, в 1941 году, в Москве Союз писателей выдавал писателям и семьям обеды, — писала в своих воспоминаниях вдова писателя Георгия Чулкова Надежда Чулкова. — ...Это были родственники писателей, ушедших на войну, или наследники умерших писателей... С Анной Александровной мы иногда возвращались домой... Дорогой мы беседовали. Вспоминаю её скромное улыбающееся лицо — очень добрые глаза. Как она была мила в обращении с людьми! Тихая, кроткая. Никогда не дававшая почувствовать своего значения как кровной

родственников великого поэта... Она строго оберегала честь и тайны семьи и не хотела своих воспоминаний для всеобщего опубликования...

Война закончилась. В Москву вернулись внуки Сергей и Борис. А для Анны Александровны вернулась наполненная смыслом довоенная жизнь, полная житейских хлопот и забот.

7 февраля 1947 года Пушкина пишет корреспонденту Ангелию Николаевичу Лбовскому в Гатчинский район Ленинградской области: «Очень хорошо всегда помню Вас, как всегда всех, кто оказывает внимание в память моего деда. Мои ресурсы не увеличились, но есть надежда, что после юбилея моего деда это будет. Мои племянники усердно учатся в экстернских учреждениях и, надеюсь, что скоро уже будут учиться правильно. В Москве собираются очень торжественно праздновать 10/11, но хвораю и вряд ли где буду присутствовать...»

Приближалось празднование 150-летия со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Об Анне Александровне Пушкиной, единственной живущей в это время внучке поэта, написал журнал «Советская женщина»: «...Во внешности Анны Александровны есть несомненное фамильное сходство с её знаменитым дедом. Овал лица, разрез глаз, нос и эти особенные маленькие «пушкинские руки» — узкие, маленькие, с длинными, тонкими пальцами...

Анне Александровне 82 года. Несмотря на преклонный возраст, она живо интересуется всеми происходящими событиями. Раннее утро. Спит столица. И только дворники и почтальоны нарушают безмятежность рассвета. Свежие газеты и журналы в дверной ручке. Анна Александровна встанет рано и до завтрака читает полученные газеты... Пушкина — очень интересная собеседница. Она отлично

знает литературу, искусство, историю, философию, архитектуру. У неё удивительная память, хранящая ценные наблюдения, копившая огромный запас знаний. «Живая энциклопедия», — добродушно подшучивают над Анной Александровной друзья и часто обращаются к старушке за уточнением того или иного события...

Анна Александровна Пушкина скончалась за несколько часов до 150-летнего юбилея её деда. Все были настолько увлечены юбилеем А.С. Пушкина, что не заметили этого печального события или не захотели замечать, чтобы не омрачать праздник.

Совершенно случайно в день похорон на кладбище оказался писатель Иван Новиков, автор романа «Пушкин в изгнании». По стечению обстоятельств именно он произнесил взволнованную речь в феврале 1937 года в Святых Горах, когда там была Анна Александровна. Новиков пришёл на могилу своей недавно умершей жены. Так как больше не было ни одного представителя (все были заняты Пушкинскими праздниками), он сказал прощальное слово от Союза писателей.

«Чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них», — не единожды признавался А.С. Пушкин. Мне кажется, что эти слова могла повторить его внучка Анна Александровна Пушкина, которую всегда смущало то, что она потомок великого поэта, но всю долгую и достойную жизнь гордилась своим гениальным дедом.

Если вы будете в Москве и посетите Новодевичье кладбище, найдите участок 2. Скромное надгробие Анны Александровны очень легко найти, оно в виде пирамидки.

Литература

1. Беседа с праправнуком А.С. Пушкина Б.Б. Пушкиным. Москва. Рукопись.
2. Полушин В.А. Потомки великого древа. Записки нестороннего наблюдателя. — Красноярск: Бонус, 1999.
3. Пушкинский некрополь. Близкие родственники и потомки А.С. Пушкина. / Составители Г.А. Галин, А.Е. Субботин. — Москва, Русский путь, 1999.
4. Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. — СПб: Лениздат, 1992.
5. Моя родословная. Предки, семья, потомки А.С. Пушкина. Государственный музей А.С. Пушкина. — Москва, 2009.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОВОЛЖСКИЕ ПОТОМКИ АБРАМА ПЕТРОВИЧА ГАННИБАЛА

Евгений Коротов

Исследуя родословную рода Коротовых в течение более двух с половиной десятилетий, из различных источников мне удалось собрать довольно много материалов не только документального порядка, но и содержащихся в литературных, архивных и устных источниках.

Легенда, существовавшая в роду Коротовых, живущих в селе Горный Балыклей на реке Волге, указывала буквально на «последний год века, в котором правил царь Пётр».

Именно этот опорный временной факт проверялся мной в документальном порядке, и легенда получила не только документальное подтверждение, но и совершенно неожиданное продолжение.

Готовя к печати мою книгу «Твоя родословная. Кто Ты?», её третье издание, в 2009 году я, совершенно неожиданно для себя, в Интернете, просматривая страницы журнала «Охота и рыбалка» №6 (62) от 01.06.2008 года, обнаружил статью Игоря Тиме «Наш Пушкин». Тиме рассказывал о большой дружбе своего отца и его очень близкого друга Сергея Яковлевича Коротова. Много интересных фактов о дружбе двух охотников приводилось в статье, но главными в ней были для меня утверждения, касающиеся происхождения С.Я. Коротова и его потомственных связей с А.С. Пушкиным и А.П. Ганнибалом.

Интереснейший материал статьи подвиг меня к оперативному розыску её автора. Вскоре с автором статьи, пе-

тербуржцем Игорем Владимировичем Тиме, была установлена связь, которая ещё больше дополняла имеющиеся у меня сведения, которые позволили связаться и с Музеем-усадьбой А.П. Ганнибала в посёлке Суйда Гатчинского района Ленинградской области, а также с Музеями Пушкина в Михайловском и в Москве. Выяснилось, что имеется множество артефактов и документов, связывающих Коротовых с Пушкиными и Ганнибалом.

В мае 2010 года я был приглашён на дни памяти Ганнибала А.П. (13–15 мая) в Суйду, и вот там мне открылось невероятно многое из жизни моих предков. Там же я с моими новыми родственниками — Пушкиным Борисом Борисовичем и Сладковым Валерием Юрьевичем (из рода Неёловых) — в торжественной обстановке посадили каждый по деревцу берёзы, чем и заложили аллею памяти Абраму Петровичу Ганнибалу.

Там же в Суйде я смог увидеть родословное древо Сладкова, которое показывало прямую связь рода Неёловых с родами Коротовых и Ганнибалов.

Действительно, одним из внуков Абрама Петровича Ганнибала (1696–14.05.1781), генерал-аншефа, крестника Российского царя Петра I, был Вениамин Петрович Ганнибал (1774–28.12.1839), дочь которого, Мария Вениаминовна Ганнибал (1802–1889), была замужем за Коротовым Фёдором Павловичем (1800–1870), воронежским дворянином, поручиком Псковского драгунского полка, и они имели в бра-

ке шесть детей. Один из них, Владимир Фёдорович Коротов (1839–1908), в браке с Поченцовой Марией Ивановной (1845–1930) имели десять детей, среди которых и был Сергей Яковлевич Коротов. Коротов С.Я. — это интеллигентнейший, известный человек своего времени, лауреат Сталинской премии второй степени, доктор технических наук, профессор, житель Санкт-Петербурга.

Такая появившаяся генеалогическая цепочка для меня многое не только объясняла, но и доказывала мои предположения. Село Коротово, находящееся ныне на территории Вологодской области, оказалось, ранее относилось к северу Новгородской губернии, где отбывала ссылку княгиня Екатерина Дашкова (по указу царя фамилию пресекавшегося рода Дашковых было приказано нести Воронцовым), урождённая Воронцова (первый президент Российской Академии наук), из мемуаров которой мне было известно, что Коротово принадлежало её сыну.

Выяснилось, что Коротово было куплено Дашковым, а ранее находилось в собственности Коротовых, фамилия которых и была дана для его обозначения на географических картах Российской Империи как «Коротово».

По историческим данным, «из детей Коротовых родные братья, Семён и Влас, спустились на плотках в низовья Волги в место Балыклей». Там по Сенатскому указу российской императрицы Анны Иоанновны № 5982 от 10 марта 1732 г., в целях усиления южных рубежей России, были основаны несколько сёл и станиц за счёт принудительного переселения 1057 семей из России и Малороссии (в том числе 520 семей Донских казаков). Станица Балыклейская, названная по имени речки Балыклейки, впадающей в Волгу с её правого гористого берега, уже в то время была немалой. В Горном Балыклее (ранее — Балыкалей, Болыклей, волостное село Балыклей Царицынского уезда 1-го стана, станица Балыклейская, особая Балыклейская

В.Ю. Сладков, Б.Б. Пушкин, Е.В. Коротов в Суйде

волость Царицынского уезда, районный центр Балыклейского района Сталинградской области), выросли уже десять поколений рода Коротовых. Большая часть Коротовых, живущих не только там, теперь знают и историю своего рода, и его роль в истории России.

В истории Великой Отечественной войны известны имена 443 воинов Коротовых, погибших в боях Сталинградской, Курской и других битв. Они брали Берлин и Прагу, обороняли Ленинград (Санкт-Петербург) и Москву. Они освобождали Крым, Украину, Польшу, Белоруссию. Они похоронены в отдельных и братских могилах 17 областей России.

*На каменном диване Ганнибала
Мы восседали некогда втроём,
Сладков-Неёлов, Коротов и Пушкин,
И каждый думал о своём...*

P.S. Позже выяснилось, что Коротовы смогли сохранить целый ряд артефактов, касающихся жизни Петра I, Ганнибала, и сдали их в музеи страны, что позволяет потомкам наглядно изучать историю нашей страны и её великих граждан.

Тарас Алексеев

О чём нам шепчет шум берёз

О чём нам шепчет шум берёз
В печали рощи белоствольной?
Воспоминания юных грёз
Всплывают думою невольной.
Мечты о трепетной любви
В наивной молодой надежде
Мне, добрый шелест, не зови —
Они бесследно скрылись прежде.
В ветвях с чернеющей корой
Звучат вод вешних отголоски,
Что мчат весеннею порой,
Рисуя ручейков полоски.
Смывая с памяти тоску,
Стекает с древа сок капелью.
А в чистом поле колоску
Судьба стать хлеба колыбелью.

Бескрайний русский наш простор —
Леса, луга, равнины, реки.
Дарует жизненный задор
Нам дух Отечества навеки.
И в тихом шёпоте берёз,
Как в материнском наставлении,
Воспринимается всерьёз
Завет о верном направлении.
Немало на Земле путей,
В скитании людей ведущих.
Наследие помыслов, затей
В круговороте дней грядущих.
В родимом шелесте берёз
Исконно русское смирение
В моменты горечи и слёз
Даёт нам умиротворение.

КРАЕВЕДЕНИЕ

**Опять пустынно и убого;
Опять родимые места...
Большая пыльная дорога
И полосатая верста!**

А. Жемчужников

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГАТЧИНЫ

Дмитрий Рябов

В конце Ливонской войны весь Копорский уезд Водской пятины, к которому относилось старинное село Хотчино, оказывается захваченным шведами. О бедственном положении населения гатчинских земель свидетельствует челобитная, отправленная отсюда весной 1584 г.: «Государя милостивого короля Копорским воеводам Клаусу Флямингу, да Матфею Андреевичю бьют челом и плачютца крестьяне Дягиленского погоста Тиханко Зеленков з братьею и с товарищи о том, что осталось, государь... недоплату... полотно и заецы, и тетереви, и хмел. И нам, государи, того недоплату платити не мошно, потому что погост наш стал на рубежи (т. е. на границе), рютели (рейтары) нас воевали и грабили... и в те поры у нас две недели стояли воинские люди казаки, и розбоичи нас воевали и грабили. И от того, государь, наш погост вес запустел, нынешнего году у нас мороз хлеб побил. Государь, милостивый король, покажи милость, отдай нам тот недоплат...». В 1583 г. в Дягиленском погосте обрабатывались лишь 2,5% пашни; два года спустя запашка уменьшается ещё вчетверо. А к концу десятилетия, когда здешние земли были освобождены русскими войсками, на месте многих деревень уже шумел настоящий лес.

Возврат земель России по условиям Тявзинского договора 1595 г., так, впрочем, и не ратифицированного русской стороной, не смог восстановить погосты Ижорской земли. Последующие годы принесли стихийные

бедствия, голод и Смуту. В 1610–11 гг. в ходе борьбы с Лжедмитрием II произошла повторная оккупация части Новгородской земли армией шведского генерала Якоба Делагарди. Первым результатом оккупации явилось создание интересного политического образования — формально независимого «Новгородского государства» во главе с боярином и воеводой князем И.Н. Большим Одоевским. Это было своего рода герцогство, созданное шведами на оккупированной территории: Делагарди признал незыблемость древних рубежей Новгородской земли (кроме Корелы с уездом, признанных шведским владением), однако союзный договор предусматривал размещение шведских гарнизонов в пограничных крепостях; в ряде погостов были выстроены небольшие «острожки» или «шанцы», являвшиеся опорой шведской военной власти. Понимая, что удержать за собой земли гораздо сложнее, чем завоевать их, Делагарди осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, однако воеводы и приказные всех рангов дублировались шведскими чиновниками. Тем не менее, жизнь здесь продолжается, строятся новые храмы, возрождаются монастыри, о чём свидетельствует запись 1612/3 г.: «Новые пустыни з городища Хотчинского монастыря строителю старцу Митрофану... Дано пот тот монастырь в нынешнем в 121 году в Вотской пятине в Дягиленском погосте на Жерятне 20 чет...». А «обыск»,

проведённый в тот же год объединённой шведско-русской администрацией края, показывает, что, несмотря на разорение, Хотчино остаётся сравнительно многонаселённым и по-прежнему поделённым между несколькими помещиками — новгородскими «детьми боярскими» — поселением: «за Васильем за Тыртовым в опчей деревни в Хочине крестьян дв. (двор) Ивашко Мартынов, пашни под ним полполчети обжы, да непашенных бобылей дв. Тиханко Иванов, да Сидорко Мартынов; да за Тиханом за Бестужевым, да за Дмитрием за Мартыановым крестьян дв. Иевко Василев, дв. Сидорко Василев, пашни под ними полполчети обжы; да за Ивановыми дочерьми Мордвинова за Федосьею с сестрами двор помещиков пуст, да крестьян дв. Федко Федоров... пашни под ним полполчети обжы, да непашенных бобылей дв. Васка Григорьев, да Омелка Федоров».

К октябрю 1615 г., когда производится очередной «дозор», хотчинское поместье Дмитрия Ильина Мартыанова отходит к Тихону, а поместье Федосьи, Прасковьи и другой Прасковьи Ивановых Мордвиновых¹ — к Фёдору Ивановым Бестужевым. Однако, вскоре русский период истории здешних земель временно прекращается, ибо два года спустя по Столбовскому мирному договору 1617 г. уезды Ижорской земли переходят «в вечное освоение свейской (шведской) короне».

Король Густав II Адольф имел самые обширные планы в отношении устройства новоприобретённой провинции. Чтобы разорённый в годы Смуты край мог приносить казне доход, предполагалось заселить запустевшие земли, построить новые города, развивать

хозяйство и торговлю. Для исполнения своих планов уже в конце 1617 г. король сдаёт Копорский уезд в аренду на несколько лет «крупнейшему кредитору шведской короны», богатому немецкому купцу из Ревеля (Таллина) Богуславу Розену. Но план заселения обезлюдивших земель колонистами из Германии, а затем и Голландии полностью провалился: далёкая пограничная провинция не смогла привлечь достаточного количества переселенцев из тёплой и ухоженной Европы. Более того, как показывают переписные книги за 1618–23 гг., шведские писцы зачастую бродили по пустым селениям: многие из оставшихся после Столбова русских крестьян бежали от свирепого и алчного «копорского откупщика Букслага» в Россию. А в Хотчине, к примеру, писцы зафиксировали лишь бобылей Исачко Чернецова, да Савку Ларивонова, и значилось у них по лошади, а коров не осталось вовсе...

Дальнейшую хронику местного землевладения на протяжении всего XVII века позволяя проследить шведские поземельные и мантальные (податные) книги. В 1624 г. значительный участок Дягиленского погоста в 312,5 обож², состоящий из Скворицкой мызы (усадыбы) с 21 деревней и пустошью, включая Хотчино, был пожалован королём одному из пяти главных чиновников Швеции, члену риксрода (госсовета) риксдротсу³ Габриэлю Густавсону Оксеншерне, представителю знатного дворянского рода и младшему брату тогдашнего риксканцлера

¹Сын боярский Иван Большев Мордвинов числился помещиком с. Хотчина ещё в 1595/96 г.

²Обжа — единица поземельного обложения в Новгородской земле в XV–XVIII вв. Начиная с 1613 г., наряду со «старой» существовала и «новая обжа», в которую предписывалось класть по 25 крестьянских дворов. Во времена ревизии земель провинции 1638–1643 гг. обжа равнялась 14,8 га.

³Государственный судья и наместник короля.

Граф Габриэль Густавсон Оксеншерна

Акселя Оксеншерны⁴. После смерти «королевского боярина Гаврила Осташева» (как именовали шведского графа русские), последовавшей в 1640 г., имение оказывается поделённым между его наследниками — а женат он был трижды. Так, соседнее имение — Войсковицкую мызу вместе с бывшим административным центром погоста — селом Дяглиным и деревнями — ещё в 1639 г. после подполковника Христофора фон Ягова получает Туре Оксеншерна (1614–1669), отцовская Скворицкая мыза переходит к Юхану Оксеншерне (1620–1664), а владельцем Пудости с деревнями Хотчино, Загозка и другими становится Густав Оксеншерна (1613–1648) — тайный советник и губернатор Эстляндии.

В последующем дробление имения продолжается между потомками графа, что, по-видимому, и явилось причиной создания новых усадеб, в числе

которых, начиная с середины 1650-х годов, находим и Хотчинскую мызу. Так, например, в мантальной росписи за 1656 г. упоминается мыза Gåtzina hoff покойного Густава Оксеншерны, где записаны трое слуг, а роспись 1666 г. среди деревень и пустошей имения Resitza hoff вдовы Г. Оксеншерны, гофмейстерины королевы Христины красавицы Марии-Софии Делагарди⁵,

Мария-София Оксеншерна, урождённая Делагарди

числит деревню Håtzina by, где запи-

саны 28 жителей мужского пола и 20 — женского. Наконец, в поземельной книге за 1678 г., составленной после генеральной ревизии земель Ингерманландии, рядом с деревней Gottzina eller (или) Håtzina By упоминается мыза Gottzina eller Håtzina Håff с третьей пустоши Duganitz, а также мельницей и деревней Dollgowa.

Впрочем, землевладельцы из этнических шведов (особенно крупные и средние), имея, как правило, поместья в коренной Швеции, не жили сами в пожалованных им ингерманландских имениях, а управляли ими через своих приказчиков: амтманов, хоппманов и инспекторов. Таким образом, имения в отдалённой и малоосвоенной провинции, находящейся под постоянной угрозой русского вторжения, были в первую очередь доходными. Ибо, в отличие от своих отцов и дедов, дворяне в тот период времени участвовали не в политических заговорах, а в заморских боевых походах шведских королей, а у себя дома усиленно торговали продуктами, получаемыми от крестьян, изощряясь в попытках увеличить размеры феодальной ренты.

Кем же были тогдашние хотчинские жители? В 1645 г. в деревне Kotzino by из 36 «старых» русских довоенных обож обрабатывались 4,7 обжи и насчитывалось 18 крестьянских дворов. К этому времени полным ходом идёт переселение на здешние земли крестьян из соседней Финляндии, которые, по подсчётам финского исследователя В. Салохеймо, составляли две трети жителей Дягиленского погоста. Иное дело Хотчино. Согласно книге мельничной подати за тот же 1645 г. (а она фиксировала всё население, включая детей) все 33 хотчинских мужчины и 25 женщин имеют нерусские имена: Олоф Андерсон, Андрес Олофсон, Якоб Мортенсон и т. п. А встречаемые

изредка фамилии жителей деревни (Швеция, в отличие от России, не знала крепостного права, но и там лица непривилегированных сословий не носили фамилий) имеют либо германский (Хенрик Эриксон Пакер), либо финский (Йоран Олофсон Кюлянен, Бертиль Персон Сауконен) облик.

Говоря же о Гатчинской мызе, на ряде обстоятельств стоит остановиться подробнее. Во-первых, название употребляется с буквой «г» в начале слова. Это объясняется тем, что пока в деревне жили финские крестьяне (в финском языке звонкий «г» встречается лишь в заимствованных словах, а в первой позиции оглушается), их вполне устраивало старорусское Хотчино. Но когда по соседству появляется дворянская усадьба (а управляющими дворянскими имениями Ингерманландии были, как правило, те же шведы или немцы), языковая ситуация меняется, ибо возникает более или менее активное делопроизводство на германских языках. Кроме того, иногда новые хозяева и вовсе давали строящимся мызам новые имена, например Карлберг (ныне — пос. Динамо под Павловском) или Сиксенбург (Орлино). Таким образом, древнее Хотчино и становится привычной нам Гатчиной⁶.

Далее, пустошь Туганицы, упоминаемая выше, была поделена между старейшей — Скворицкой, а также Таицкой и Гатчинской мызами, а мельница (риснём предположить, что она возникла во времена и благодаря энергии Марии-Софии Оксеншерны) относилась к деревне Pudost Gorka, расположенной неподалёку от Гатчины. При этом запашка при деревне Гатчине со-

⁴О пограничном споре между Г.Г. Оксеншерной и владельцем соседнего баронства Дудергоф Ю. Шютте см.: *Öhlander C. Bidrag till kännedom om Ingermanlands historia och förvaltning. I: 1617–1645. Upsala, 1898. S. 136–138.*

⁵Дочь завоевателя Ингрии Я. Делагарди, которую нередко — и по праву — называют «первой предпринимательницей Швеции»: она заведовала многими предприятиями страны, наладила добычу каменного угля в Хёгнэсе и, как известно, после смерти мужа, по крайней мере, дважды посещала свои имения в Прибалтике. См.: *Fries E. Märkvärdiga qvinnor. Ser. 2: Svenska qvinnor. Stockholm, 1891. S. 286.*

⁶Подробнее см.: *Рябов Д.С. Гатчина: Ещё раз об истории названия //Новый Топонимический журнал. 2010. № 1/2. С. 76–94.*

ставляла 4, а при одноимённой мызе с мельницей и прочим — 3,5 обжи.

Ну и, наконец, относительно самой Гатчинской мызы можно заметить, что в её развитии, очевидно, не последнюю роль сыграла проходящая здесь старинная проезжая дорога из Ниена (крепость и город на месте нынешнего Петербурга) в Новгород, идущая через Дудергоф, Гатчину, Выру, Дивну и т. д. Недаром в конце 1870-х годов при обработке земли в двух верстах от Гатчины были найдены три шведские монеты в 2 далера 1671 г. — деньги по тем временам приличные. Сыграло, безусловно, свою роль и наличие здесь системы озёр, а также чистой реки с прозрачной водой и мельницей, при которой должен был существовать пруд. Да и деревня Хотчино была не маленькой, уступая из семи поселений рассматриваемого имения лишь Парицам. В Военно-историческом архиве в Москве хранятся подробнейшие шведские планы земельных владений, по которым можно составить значительно более полное представление о планировке Гатчинской мызы, и эта работа ещё ждёт своего исследователя. Пока же отметим, что, судя по генеральной карте Кипенского и Дягиленского погостов, мыза располагалась на юго-восточном берегу Белого озера, на проезжей дороге, ставшей впоследствии Большим проспектом; на восток и северо-восток от мызы располагались дома деревни Гатчина. От мызы отходили дороги: на юго-запад — к Колпанской лютеранской капелле (часовне) и на юго-восток — на Загозку и далее в Суйдинский погост. Из северной части деревни по проезжей дороге можно было попасть в Пудость и далее отправиться к лютеранскому центру гатчинской округи — Скворицам, а по просёлочной — в Мойсина (Мозино). Следы «старой мызы», как известно,

Гатчина и окрестности на шведской карте. 1679 г.
Военно-исторический архив, Москва

были окончательно уничтожены в последние годы XVIII столетия при создании здесь Ботанических садов.

Что же касается дальнейшей истории, то в 1680-е годы в Швеции проводится «большая редукция» — конфискация пожалованных когда-то помещикам земель в пользу государства, чтобы доходы с них вновь поступали в казну. Дело в том, что пока велись непрерывные войны, шведская армия содержала себя сама за счёт контрибуций и грабежей на вражеских территориях. Однако после 1661 г., когда начался более продолжительный мирный период, и в течение войны за Сcone, шедшей на собственной территории, проблема стала очевидной. На содержание больших армий, необходимых для сохранения Швецией статуса великой державы, требовались немалые дополнительные средства. В результате в Копорском лене (уезде), например, за счёт «большой редукции» в царствование Карла XI доля коронных земель возрастает почти до 50%.

Несмотря на крайнюю непопулярность редукции среди шведской аристократии, в 1683 г. было редуцировано и гатчинское поместье потомков Г.Г. Оксеншерны, которое, будучи преобразованным в «коронное имение»,

через полтора года сдаётся в аренду хоппману Пе(де)ру Андерсону, одному из крупнейших арендаторов Ингрии конца XVII века⁷. В 1689 г. контракт с Андерсоном продлевается ещё на 6 лет, а затем — ещё на 9. Однако, в результате последовавшей вскоре смерти арендатора право аренды сохраняется за его вдовой Катариной Хольмбак, что и было подтверждено резолюцией губернатора от 22 ноября 1695 г.

Отношения между новым арендатором, думавшем в первую очередь о своей сиюминутной выгоде, и гатчинскими крестьянами складывались непросто. Последние отправили в Нарву, к генерал-губернатору Ингерманландии и Кексгольмского лена Йёрану Сперлингу петицию, которую тот поручил рассмотреть на зимнем тинге⁸ 1688 г. В петиции содержалось несколько вопросов, касающихся обязанностей крестьян по уплате налогов; в частности, они спрашивали, должны ли платить пятину с продуктов, которые не выращивают (горох и бобы), а также жаловались на обязанность содержать на своём иждивении троих рейтар. Андерсон же отклонил все обвинения в чрезвычайных налогах; более того, по его мнению, безрассудных крестьян следовало подвергнуть наказанию за их лживые заявления. Вообще, крестьянам нечасто удавалось найти справедливость у шведских бюрократов в судебных инстанциях, поэтому они ещё сравнительно легко отделались: четверо крестьян, что подписали петицию — Пааво

Рокка, Лаури Туомонпойка, Мартти Кольонен и Пекка Лавонен, — были приговорены к крупному штрафу в 40 марок. Тем не менее, волна жалоб и мятежей, прокатившаяся по Ингрии в 1680-е годы, привела к тому, что были, наконец, установлены твёрдые подати.

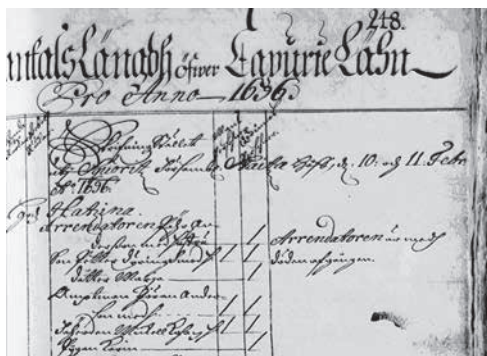
В 1695–1697 гг. на Прибалтику обрушилось тяжкое стихийное бедствие, известное как «великий голод». Ещё в 1693 г. «страшная болезнь скота» привела к гибели коров, лошадей, свиней, овец и коз, затем в течение трёх лет подряд здесь не вызревал хлеб; голод охватил население Ингрии, Эстляндии, Финляндии, Швеции и других стран региона. Нищие и беженцы сделались обычным явлением, тысячи людей умирали голодной смертью, тысячи вновь бежали отсюда в Россию.

«В Ревеле не успевали погребать ежеминутно от голоду издыхающего народа. По дорогам из Риги до Шлиссельбурга путешествующие везде встречали кучи народа, умершего или при последнем издыхании едва дышащего, — писал историк Ф.О. Туманский. — Писатели сие приписывают безрассудному правлению шведского короля, который, отобрав под видом коронного притязания от многих помещиков деревни, роздал оные на аренду; откупщики же, не имеющие нужды пещись о общем благосостоянии... но старающиеся токмо о настоящем, чтобы до срока довольно свои набить карманы, спешили весь запасной хлеб продать в чужие края и тем при случившемся недороде не могли дать помощи гибнущим селянам». Согласно мантальной росписи за 1696 г. в деревне Гатчине числилось 17 крестьянских и 2 бобыльских двора, где проживали 42 жителя мужского пола и 39 — женского.

Последним шведским арендатором гатчинского имения (в 1699–1702 гг.)

⁷ Среди прочего, Андерсон арендовал часть соседнего баронства Дудергоф, а также ряд деревень в Суйдинском погосте.

⁸ Собрание жителей какой-либо местности для отправления правосудия под председательством лагмана (прокурора) — lagmansting или герадсгёвдинга (уездного суда) — häradssting.

Фрагмент мантиальной росписи за 1696 г.
Государственный архив Финляндии, Хельсинки

становится уроженец Ингерманландии, «финский каролин» Карл-Густав Армфельт (1666–1736). Имя этого шведского военачальника неразрывно

Карл-Густав Армфельт

связано с Великой Северной войной за возвращение приневских земель России. Армфельт родился в семье подполковника, в девять лет потерял отца, а вскоре было редуцировано и родительское поместье. Мальчику по-

везло: он был принят бароном Отто Велингом — командиром кавалерийского полка, ставшим впоследствии последним генерал-губернатором Ингерманландии, и в 1683 г. получил звание капрала. Затем служил во Франции, участвовал во многих сражениях, после 12 лет службы стал капитаном. Незадолго до начала Северной войны вернулся на родину и, поскольку не имел родового поместья, стал коронным арендатором Гатчинской мызы, где в 1701 г. у него родился первенец Густав.

Начало же войны было неудачным: осенью 1700 г. русские войска потерпели сокрушительное поражение под стенами Нарвы. Освободив столицу Ингерманландии от осады, король Карл XII предоставил оборону провинции 6-тысячной армии под командованием ветерана Тридцатилетней войны, 66-летнего генерал-майора Абрахама Кронъюрта, помощником (överadjutant) которого стал Армфельт. Но, оправившись от поражения, русская армия уже вскоре начинает одерживать победы над шведами. Армфельт, будучи храбрым и опытным офицером, деятельно участвует в войне, в битве под Лахти в 1703 г. получает ранение. Два года спустя он возглавляет рейд к острову Котлин, где начинается сооружение Кронштадтской крепости; перейдя по льду Финский залив, разоряет прибрежные погосты и сжигает запасы продовольствия в предместьях Петербурга.

В 1706 г. он участвует в обороне Выборга, на следующий год его назначают командиром полка карельской кавалерии и производят в полковники. В 1708 г., во время неудачного похода генерала Либекера (Любеккера) по Ингрии, последний отправляет его в верховья Оредежа для сбора провианта — это был последний случай, когда

нога вооружённого шведа ступала на территорию нашего района. После потери Выборга полк Армфельта нападает на Кексгольм и Яаски, занятые русскими. В 1711 г. его производят в генерал-майоры, а в 1713 г. он принимает временное командование над шведской армией в Финляндии. После возвращения короля в Швецию армия Армфельта участвует в войне с Норвегией; наконец, в 1719 г. его назначают ландсгёвдингом (губернатором) Выборгского лена, но, поскольку лен был оккупирован русскими, а по Ништадтскому миру окончательно вошёл в состав России, он так и не смог занять эту должность. В заключение отметим, что Карл-Густав Армфельт был счастлив и в семейной жизни: женившись на дочери своего кузена Ловисе Аминовой (также из Ингерманландии), он стал отцом пятнадцати сыновей и четырёх дочерей. А за свои военные заслуги в итоге был произведён в генералы от инфантерии и получил баронский титул.

Говоря же о Гатчине, примем во внимание тот факт, что главные сражения Северной войны на территории Ингерманландии обошли это место стороной, и предположим, что деревня тогда серьёзно не пострадала. А вот Гатчинской мызе повезло куда меньше, ибо один из первых её российских владельцев, лейб-медик И.Л. Блюментрост, в своей челобитной императрице указывал, что мыза была ему пожалована разорённой в период шведской войны «всевозможными образами».

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / Рук. авт. кол. А.Л. Шапиро. Л., 1989.
2. Гиппинг А.И. Введение в историю Санкт-Петербурга, или Невы и Ниеншанц. М., 2003.
3. Кенсу С. Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.
4. Куяла А. Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. М., 2015. С. 15–45.
5. Мёрнер М. Наследие Столбовского мира: шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617–1704 гг. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. С. 78–95.
6. Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГАТЧИНА

Валентина Фёдорова

Гатчина, развиваясь как типично российский город, постоянно испытывала влияние европейской культуры, и в первую очередь это отражалось на её архитектурном облике. Немаловажное значение имели также художественные вкусы и предпочтения владельцев императорской резиденции.

Сегодня в Гатчине можно увидеть очаровательные уголки не только старой России, но и напоминающие Италию, Англию, Германию и Францию.

Получив в 1783 году Гатчину с близлежащими деревнями в подарок от своей матери Екатерины II, Павел Петрович превращает бывшее поместье богатого вельможи Григория Орлова в резиденцию, «достойную величия» будущего императора и равную европейским образцам.

Огромное влияние на формирование «Павловской» Гатчины оказало путешествие великого князя Павла Петровича с супругой Марией Фёдоровной по Европе в 1781–82 годах и полученные ими впечатления. Великокняжеская чета побывала в Польше, Австрии, Италии, Голландии, Швейцарии, немецких княжествах и королевской Франции. Надо заметить, что, хотя Павел путешествовал инкогнито под именем графа Северного, его везде принимали как наследника Российского престола.

Павел Петрович в своих политических взглядах был приверженцем абсолютной монархии, и не случайно «храм монархии», олицетворение

силы и богатства государства — Версаль — стал для него образцом для подражания. Как и многие европейские монархи, увидевшие «версальское чудо», Павел Петрович решил построить «свой Версаль» именно в Гатчине. Поэтому влияние французского искусства сказалось как на оформлении парадных залов дворца, районов парка, так и городских сооружений.

В Гатчинском дворце слава искусству королевской Франции воспета в таких залах, как Парадная спальня, Верхняя Тронная и Малиновая гостиная. Парадная спальня Павла в общих чертах повторяет спальню Людовика XIV, «короля-солнца», в Версале. Роскошная кровать под балдахином, отгороженная от простых смертных балюстрадой, была выполнена знаменитым французским мебельщиком А. Жакобом, живописный плафон «Свадьба Психеи» — французским художником Габриелем Дуайеном, обивка стен, кровати — из шёлка, произведения легендарной Лионской мануфактуры.

Главным украшением Верхней тронной Павла I и Малиновой гостиной Марии Фёдоровны стали уникальные тканые ковры Королевской гобеленовой мануфактуры, подарок Людовика XVI. Например, в золочёные рамы Верхней тронной Павла I вставлены два гобелена — «Зебра» и «Двое слуг несут вождя» — из серии «Новые Индии», выполненные Ж. Нейльсоном по картонам художника Ф. Депорта,

и гобелен «Церера» из серии «Порттеры богов» по картонам К. Одрана, а в Малиновой гостиной императрицы — три гобелена из серии «История Дон Кихота» по картонам Ш.А. Куапеля. А на каминной полке Тронной среди предметов декоративно-прикладного искусства выделяются часы французской бронзы (механизм Луи-Жана Лавесса, 1780-е годы).

И всё же во Франции не Париж и Версаль произвели наибольшее впечатление на Павла, а замок французского принца Луи-Жозефа Конде в Шантийи под Парижем. В этом замке в честь высоких гостей из России был устроен роскошный 3-дневный приём. По отзывам современников, несмотря на максимальные усилия французского короля и принца Орлеанского, они были «переиграны» Конде. В Париже говорили, что «король принял графа Северного по-дружески, герцог Орлеанский — по-мещански, а принц Конде — по-царски».

В то время Шантийи называли «Версалем Конде»: великолепный замок с богатейшими коллекциями и парк, который, как и Версаль, создавал знаменитый «король садоводов» Андре Ленотр.

Гатчинский парк времени Павла I можно назвать «парком воспоминаний». Восхищённый резиденцией французского принца, Павел пожелал иметь планы замка, парков и сооружений Шантийи. Вскоре он их получил в подарок от Конде. Сборник планов и чертежей по Шантийи был оформлен в виде роскошного альбома. Впоследствии его назовут «Альбомом графа Северного». К сожалению, бесценный для Гатчины и хранившийся во дворце альбом после 1917 года был продан российским правительством через Музейный фонд Института Франции. В настоящее время он находится в би-

блиотеке Музея Конде в Шантийи.

Материалы из этого альбома послужили основой для создания в Гатчине ансамбля площади Коннетабля, Карпина пруда, здания Больших конюшен, парка «Сильвии», острова Любви с павильоном Венеры и многого другого.

Надо отметить, что в те времена художественные заимствования считались нормой и частой практикой. Однако в Гатчине используемые французские образы творчески перерабатывались и органично «вписывались» в гатчинский ландшафт с учётом новых условий, художественных и культурных традиций. Так площадь Коннетабля при подъезде к Гатчинскому дворцу, повторяя название и план своего прообраза, отличается тем, что в её центре возвышается не конный памятник коннетаблю Анн Монморанси, как в Шантийи, а 32-метровый каменный обелиск.

Гатчинский ансамбль площади Коннетабля начали строить с 1792 года. Работами руководил талантливый «каменных дел мастер» Кирьян Пластинин, крестьянин Архангельской губернии. Автором проекта обелиска предположительно стал Винченцо Бренна, любимый архитектор Павла. Обелиск сложен из местного известняка и завершён золочёным шаром. Считается, что первоначально он служил стрелкой солнечных часов, тень от ко-

торой, падая на деления, нанесённые на каменный парапет вокруг площади, указывала время. По дороге к старинной площади сохранился небольшой каменный одноарочный мост с двумя сторожевыми будками-кордегардиями. Они тоже повторяют те, которые и сегодня охраняют въезд в замок Шантйи.

За площадью Коннетабля рядом с Гатчинским дворцом сохранилось ещё одно каменное здание в стиле французской архитектуры с высокими арочными проёмами окон, мансардной крышей и многочисленными слуховыми окнами. Это бывшие Дворцовые конюшни Павла. Прототипом для них послужили аналогичные Большие конюшни в Шантйи, построенные по проекту знаменитого французского архитектора Жана Обера. Большие конюшни в Шантйи называют «дворцом Лошади» из-за размера и многочисленных декоративных элементов.

В 20-е годы XIX века здание гатчинских конюшен было отдано для размещения лейб-гвардии Её Величества Государыни Императрицы кирасирского полка, переведённого из Санкт-Петербурга. По традиции шефами этого полка назначались российские императрицы, и последней была Мария Фёдоровна, супруга императора Александра III, мать Николая II.

Есть в Гатчине и свой вариант Гранд-канала из парка Шантйи — Карпин пруд. Во французском замке Гранд-канал пересекает парк с востока на запад и является главной водной артерией. В историю Франции вошли грандиозные водные феерии, которые устраивались на Гранд-канале для «короля-солнце» Людовика XIV. Павлу Петровичу и Марии Фёдоровне Луи-Жозеф Конде тоже организовал эффектное зрелище — охоту на оленя. Она стала кульминацией и заверше-

Г. Сергеев. Вид на дворец и Карпин пруд.
Акварель, конец XVIII в.

нием короткого, но незабываемого для гостей из России посещения Шантйи.

В Гатчине Карпин пруд в ансамбле с Придворцовыми садами и площадью Коннетабля планировался как парадный подъезд к «Павловскому» дворцу. Однако незаконченный по первоначальному проекту из-за преждевременной смерти Павла, Гатчинский канал оказался меньше и изменилась его роль в Дворцовом парке.

Этот искусственный водоём получил название Карпиного. Карпы в пруду содержались вплоть до 1917 года. По воспоминаниям жителей, их было «несметное число». Кормили карпов по звону колокольчика: «Лакеи приносили из дворца корзины с кормом, всякими остатками с кухни, французскими булками и прочим. Звонили, и карпы устремлялись к берегу. Выпрыгивали из воды и хватали корм. Ловить их посетителям парка было, конечно, запрещено».

В Гатчинском дворцово-парковом ансамбле существует один небольшой парк с красивым названием «Сильвия». Он находится на северо-западе от дворца, его площадь небольшая — около 20 га. С одной стороны парк отделён глухой каменной стеной, а с противоположной — речкой Колпанкой. Входом в парк в каменной ограде служат Сильвийские

ворота. Они выполнены из «именитого» пудостского камня в простой и лаконичной форме. Под треугольным портиком над аркой ворот помещена надпись «Сильвия», а на замковом камне — резная маска лесного духа и стража Сильвана с широким лицом и косматой бородой. Сегодня парк напоминает лес, но в конце XVIII века это была зона развлечений, весёлых и легкомысленных, в духе галантной Франции с множеством аттракционов, разными затеями и чудесами садово-паркового искусства. Между аллеями были устроены зелёные залы-боскеты с кружевной сетью маленьких дорожек, площадок, цветочных партеров, запутанных лабиринтов, гротов, каскадов. Парк создавался по переработанному французскому плану Малого парка замка Конде, но название получил другое. Лесной нимфой Сильвией называли одну из хозяек Шантйи графиню Монморанси за то, что она любила отдыхать с удочкой на берегу пруда. Позже, в честь прелестной графини был назван парковый павильон с садиком, а затем и целый парк. Во время пребывания Павла Петровича в замке Конде гостей пригласили в Домик Сильвии и угостили холодными закусками. История домика и парка была окружена легендами, романтическими любовными приключениями, которые, конечно, не могли

не запомниться впечатлительному по натуре Павлу Петровичу.

В гатчинской Сильвии также была построена Молочная ферма по образцу французской. В замке Конде она называлась «Молочной для удовольствия». В царские времена гатчинская резиденция представляла собой богатую усадьбу с натуральным хозяйством: оранжерейными комплексами, фермой, птичьим двором, в лесах было много дичи, а в озёрах и прудах — рыбы. Молочные продукты с Фермы отправлялись не только к царскому столу, но поступали и на продажу. Главным зданием на ферме был каменный павильон, предназначенный для приёма владельцев и их гостей. В парадном зале «под куполом» их угощали парным молоком, свежими сырами, мороженым.

В список хозяйственных построек входила и Лесная оранжерея. Несмотря на своё назначение, каменное здание оранжереи, построенное в стиле французской архитектуры, «по своим отличным пропорциям» причисляли к первоклассным сооружениям. В Лесной оранжерее выращивали теплолюбивые деревья: цитрусовые, лавровые, тисы и различные виды экзотических растений и цветов. Летом часть деревьев в кадках выставляли перед павильоном на берегу небольшого круглого пруда и на террасах Придворцовых садов.

Но, пожалуй, самым поэтичным уголком Франции в Гатчинском парке можно назвать остров Любви на Белом озере. Остров Любви — один из искусственных островов Белого озера. Его площадь немного более половины гектара. Остров получил форму треугольника, благодаря двум прямым каналам, которые отделили его от суши. На острове был спланирован сад в регулярном стиле с сетью дорожек, фи-

гурных площадок, обсаженных стриженным кустарником, цветниками, и украшенных мраморной скульптурой. «Остров блаженства» предназначался для увеселительных прогулок, игр, тайных свиданий, где влюблённые парочки могли скрыться от любопытных глаз.

С двух каменных балконов острова открывались «живые» картины природы, поражающие «изумительной по строгости, по грустному величию, по сдержанной скорби» красотой.

До сих пор на оконечности острова возвышается Храм Любви, образцом для которого тоже послужил аналогичный павильон в замке Шантийи. В отличие от французского, который был разрушен во время Французской революции, гатчинский павильон Венеры сохранился до наших дней, хотя тоже пережил нелёгкие для России времена.

Павильон Венеры сооружён под руководством придворного архитектора Павла I Винченцо Бренны. Как и в Шантийи, он весь выполнен из дерева. Его главный фасад украшен портиком из 4-х колонн и треугольным фронтоном, на тимпане которого помещены атрибуты прекрасной богини: пылающий факел и колчан со стрелами Амура, а над дверью бронзовыми буквами выложено: «Остров Любви. Павильон Венеринъ». Омываемый с трёх сторон

водой, павильон словно поднимается со дна озера, напоминая легенду о рождении Венеры из пены морской.

Декоративное оформление его фасадов выполнено проще и лаконичнее французского образца. Иначе решён и интерьер парадного зала. Стены зала украшены зеркалами и росписью в технике гризайль, а высокий потолок — живописным плафоном работы немецкого художника И.-Я. Меттенлейтера под названием «Триумф Венеры». Масляными красками на холсте живописец передаёт жизнерадостные образы античной мифологии.

С самого начала вода не только окружала Храм Любви, но и внутри были устроены фонтаны. Вода подавалась из озера по специальной системе. В XIX веке для них вместо деревянных были выполнены четыре мраморные чаши на высоких точёных ножках с поддонами.

Павильон также служил пристанью для небольших судов и лодок гатчинской флотилии, которая существовала на Белом озере до начала XX века, а также водных прогулок — любимого развлечения всех владельцев.

Известно, что в облике Гатчины были и черты увлечения Павла прусскими порядками. Он с детства и всю жизнь был пламенным почитателем Фридриха II и его военных преобразований, особенно после поездки в Берлин и встречи с королём в 1776 году. В литературе иногда встречается замечание, что в то время Гатчина напоминала «маленький германский городок» с будками и шлагбаумами, окрашенными чёрным, красным и белым цветами. А солдаты, одетые в прусскую форму, маршировали под drobный бой барабанов и звуки флейт. Однако для строящихся городских зданий и сооружений все же использовались французские образцы. К сожалению,

большинство этих построек до наших дней не сохранилось. Например, небольшая крепость Ингербург, которая была построена при въезде в Гатчину со стороны Санкт-Петербурга. Название этой крепости сейчас закрепилось за въездными воротами.

В основу окончательного проекта крепости Ингербург был взят план Королевской мануфактуры гобеленов в Париже. Во время посещения мануфактуры Павлом Петровичем она представляла собой целый городок с мастерскими и домами ткачей, мебельщиков, ювелиров и других ремесленников, работавших для королевского двора.

В Ингербурге находились казармы и дома для придворных, в том числе для

фаворитки Павла фрейлины Екатерины Нелидовой и камердинера, любимца императора Ивана Кутайсова.

К зданиям, при строительстве которых использовались французские прототипы, относится и бывший гатчинский госпиталь, перестроенный позже. Госпиталь павловского времени в некоторых своих чертах повторял главный фасад знаменитого Дома инвалидов в Париже.

Так, благодаря Павлу I, которого часто называли «гатчинским императором», в его любимой резиденции появилось много «уголков королевской Франции». Многие из них сегодня не только украшают наш город, но и напоминают о его богатой истории.

Сергей Пузатых-Елецкий

Однажды в Гатчинском дворце

Когда над Белым озером сгущается туман,
А в небе полнолуние сияет,
На пьедестале бронзовый мерцает Павла стан,
А дух его владенья посещает.
Подземный ход и залы, и любимый кабинет
Обходит он незримою походкой,
Со стен глядят портреты молчаливо ему вслед,
А он касается их тенью тонкой.
О чём же думает его мятежный дух?
Чем недоволен? Чем он озабочен?
Чего не довершил? О чём он вспомнил вдруг,
Бродя по галереям среди ночи?
Чуть скрипнул трон — присел он отдохнуть,
Помыслить перед новою дорогой,
Ведь утром снова в дальний Вечный путь,
И лик его стал собранный и строгий.
Те тайны недоступны и у Вечности в плену,
И неизменен прежний ход событий,
Выбеливает утро золотистую луну,
Пора ему, он Вечный, не убитый.

ДЕТСКАЯ КНИГА В ПОДАРОК

Издания детей императора Александра III
из собрания Государственного музея-заповедника «Гатчина»

Ирина Хухка

В 80-е годы XIX века в Гатчинском дворце помимо библиотеки периодических изданий императора Александра III (Собственная Его Величества Библиотека, что в верхнем этаже Главного корпуса) и коллекции книг, в его личных комнатах начинают формироваться книжные собрания

Александр III с семьей

детей. Кроме учебной и детской литературы в библиотеках великих князей и княжон были парадные книги по искусству, истории, военному делу, хорошие подборки произведений зарубежной и русской художественной литературы. Дети, как и взрослые, читали европейскую классику в оригинале.

К сожалению, большая часть этих изданий была утрачена в годы Великой Отечественной войны, сохранились лишь отдельные книги. Так, например, в фонде редкой книги ГМЗ «Гатчина» хранится двухтомное издание Шекспира на английском языке, принадлежавшее вел. кн. Ольге Алек-

сандровне, великолепное издание басен Лафонтена с иллюстрациями Гюстава Доре, книга о Ришелье Теодора Каю с иллюстрациями французского художника Лелуара, принадлежавшие вел. кн. Михаилу Александровичу. Многие книги выделялись ярким, красочным оформлением — коленкор разных цветов с тиснёным, а иногда и наклеенным рисунком на переплетных крышках, с большим количеством иллюстраций. О том, что чтение было

Вел. кн. Александр Александрович и вел. кн. Мария Фёдоровна

одним из любимых занятий в семье императора Александра III, свидетельствуют дневниковые записи ещё великого князя Александра Александровича: «занимались и читали с Минни¹», «после чая разговаривали, курил, потом я рисовал, а Минни мне читала», «разговаривали и читали», «мы читали до 12, а потом легли спать», «пошёл к Минни читать, и ели фрукты», «Минни легла в постель, и я читал ей до 1½ 1-го», «вечер провели с Минни вдвоём, пили чай и читали», «я писал журнал, а потом Минни пришла ко мне и читала газеты», «...я курил, писал журнал и читал, а Минни читала иностранные известия»². Детям также с ранних лет старались привить любовь к чтению. Именно чтение было главной состав-

ляющей в их воспитании и образовании. Книга же была одним из лучших подарков на праздники: день рождения, тезоименитство или рождество. Александр III сам, будучи ребенком, часто получал книги от родителей в подарок.

Так, в 1857 году, как пишет историк С.С. Татищев, император Александр II в день отъезда за границу, «возвратившись с прогулки, раздал подарки, предназначавшиеся Цесаревичу ко дню его рождения, а Александру Александровичу к именинам. Никса получил от отца фотографический портрет Государя в мундире лейб-гвардии Гродненского гусарского полка; элегантный охотничий прибор, состоящий из оленьего рога, серебряной порошницы, фляжки, лука со стрелами, ягдташа, серебряный портмоне; альбом Российской гвардии и армии в 3-х частях и книги: 12 томов «Описания вооружения российских войск» с рисунками, немецкую книгу «Charakterzüge aus dem Leben Kaiser Nicolaus I» и роскошное французское иллюстрированное издание «Le Musée de Versailles»; картину «Контрабандисты». На долю Саши достались: фотография Государя в мундире лейб-гвардии Финского стрелкового батальона, бронзовые столовые часы, серебряный портмоне, старинный русский бердыш, картины: «Демьянова уха» и «Семейная сцена», 2 акварельных рисунка, 24 раскрашенные литографии, изображающие войска гвардии, 2 английские гравюры, 2 тетради рисунков с изображением российской артиллерии времен Петра II и Александра I и французское иллюстрированное издание «Costumes des différentes nations»³.

¹ Супруга Александра Александровича — Мария Фёдоровна.

² Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба: Каталог выставки // ГИМ и др. СПб.: «Петроний», 2006. С. 124–125

³ Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сб. М., 2002. С. 134.

Спустя годы сам Александр Александрович и его супруга Мария Фёдоровна будут делать подарки детям и часто это будут именно книги. Например, 6 мая 1881 года старшему сыну, великому князю Николаю Александровичу в его день рождения был подарен ряд изданий: «Французско-русский словарь» и «Русско-французский словарь» Н.П. Макарова; Штоль Г.В. «Герои Греции в войне и мире», Петискус А.Г. «Олимп. Мифология греков и римлян», Гомер «Одиссея» (пер. Жуковского); Авенариус В.П. «Книга былин»⁴. В том же году, в декабре, на тезоименитство старшего сына родители, помимо набора принадлежностей для фехтования, подарили ему собрание сочинений И.С. Тургенева в десяти томах, собрание сочинений Д.В. Григоровича в восьми томах, книгу о Е.И. Пугачёве и роман Чарльза Дикенса «Дэвид Копперфильд» на английском языке⁵.

Самым любимым и долгожданным праздником в императорской семье было Рождество, которое при Александре III ежегодно отмечали в Гатчине. Готовиться начинали заранее: выбирали подарки для гостей, развешивали и поправляли образа в церкви, отбирали фарфоровые и стеклянные вещи для лотереи и подарков, стряпали. Маленькая Ксения вспоминала ёлку 1884 года, когда она «получила много вещей», а на «ёлке хлопали хлопушки». Даже Михаил, будучи уже подростком, писал, что «валялся в кровати и думал о ёлке»⁶. Постоянными участниками рождественских ёлок в Гатчинском дворце были и дети

К. Брож.
Ёлка в Гатчинском манеже для нижних чинов.
Государыня Императрица раздаёт подарки. 1883 г.

младшего брата Александра III великого князя Владимира Александровича и его супруги Марии Павловны. Великий князь Кирилл Владимирович вспоминал в эмиграции: «Если мы не встречали Рождество в Царском, то проводили его с дядей Сашей, тетей Минни и нашими кузенами в Гатчине. Мы нередко ездили туда и в течение года, но Рождество в Гатчине являлось особым поводом для сбора семьи... За неделю до Рождества к нам приходила мадам Флотова, одна из фрейлин тётки Минни, и интересовалась, какие подарки мы хотели бы получить на праздник. Мы заказывали книги, ноты, часы с сюрпризом и много других, восхищавших нас вещей. С детских лет я очень люблю музыку и помню, что однажды на Рождество я попросил подарить мне пьесы Шопена и Чайковского, но, разумеется, это было позднее...»⁷.

Денежные документы за разные годы, с 1881 по 1894 гг., хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, позволяют нам узнать, что приобретали по распоряжению императорской четы в разных мага-

⁷ Рыженко И.Э. Александр III в Гатчине. СПб., 2011. С. 52.

⁴ РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 200.

⁵ РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 395.

⁶ Зимин И. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX века. М., С. 72.

зинах Петербурга⁸. Так, на Рождество всегда, помимо детских игрушек, скакалок, мячей, кукольных домиков, живописных лото, складных картинок, домино, бирюлек и кубиков, покупали книги, причём отдельно выделяли книги для библиотеки и книги для раздачи⁹. Делались покупки или в книжном магазине товарищества М.О. Вольф или в Санкт-Петербургской мастерской учебных пособий и игр. В основном это были детские издания: повести А.Н. Анненской, В.П. Авенариуса, А.И. Ишимовой, А.Н. Острогорского, М.Б. Чистякова, Е.А. Сысоевой, Л.Ф. Нелидовой, В.И. Водовозова, М. Твена, Ч. Дикенса, Луизы Мэй Олкотт, сказки Н.П. Вагнера, произведения из серии «Библиотека-крошка»¹⁰. Согласно записям довоенных чистовых описей, в ванной комнате младшего сына Александра III великого князя Михаила Александровича находились 5 книг из этой серии: Л.Н. Толстой «Чем люди живы» (М., 1887); «Из детской жизни: Рассказы разных авторов» (М., 1882); М. Киселева «Шальная пуля» (М., 1887); А. Доде «Из писем с мельницы» (М., 1880); «Путешествие С. Бэкера к истокам Нила» (М., 1887). Издания были оформлены однотипно, отличаясь друг от друга цветом коленкорového переплёта.

Многие книги покупали уже в готовых издательских переплётах. Но иногда переплёты заказывали в тех или иных мастерских. Так, на книгах детей Александра III из фонда редкой

⁸ Согласно этикету, членам императорской фамилии не позволялось самолично бегать по лавкам и магазинам.

⁹ Раздавали подарки детям родственников, слуг, а также в детских приютах, куда выезжала сама императрица.

¹⁰ РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 378; Д. 999 Л. 486, Л. 607; Д. 1001 Л. 443; Д. 1010 Л. 517–518.

книги имеются ярлыки следующих переплётчиков, поставщиков Двора его императорского величества: Н.В. Гаевского, О.Ф. Кирхнера, А.Д. Петерсена.

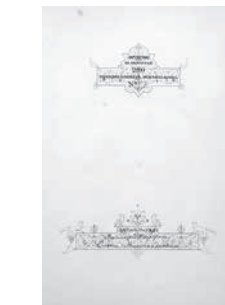
Некоторые издания были одеты в роскошные, нарядные переплёты, как правило, это были подносные издания. Особого упоминания заслуживает издание с суперэкслибрисом великого князя Михаила Александровича — «Столетие Уделов. 1797–1897» (СПб., 1897). «Это роскошное издание, напечатано было в небольшом количестве экземпляров не для продажи. Ред-

Столетие уделов.
1797–1897. СПб., 1897

Кондаков Н.
История и памятники
византийской эмали.
СПб., 1892.
Экземпляр вел. кн.
Ольги Александровны

Кондаков Н.
История и памятники
византийской эмали.
СПб., 1892.
Лист с посвящением

¹¹ Бурцев А.Е. Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг. СПб., 1911. — С. 311–312.

кость»¹¹. Книга в изящном подножном сафьяновом переплёте, с золотым тиснением между бинтами на корешке и широкими дублюрами, тиснёными золотом. Золотое тиснение по торцам крышек. Зелёные муаровые форзацы из шёлка. Тройной золотой обрез. На сайте магазина антикварной книги «Русский библиофил» выставлено аналогичное издание из коллекции Н.И. Бобрикова и дана следующая информация: «Переплёт выполнен в мастерской поставщика Императорского двора А.А. Шнеля, лучшего переплётчика столицы конца XIX — начала XX вв.»¹².

Младшей дочери Александра III великой княжне Ольге Александровне была подарена одна из наиболее изысканно изданных книг конца XIX века — труд Кондакова Н. «История и памятники византийской эмали» (СПб., 1892). Общий тираж её — 600 нумерованных экземпляров по 200

Титульный лист с дарственной надписью From Nanna 1890

на русском, немецком и французских языках. Книга в продажу не поступала, все экземпляры были раздарены учреждениям и высокопоставленным лицам. Цельнокожаный переплёт с инкрустацией в византийском стиле, рисунки в красках с золотом, орнаментальный обрез. Текст оглавлений

перед каждой главой книги, помещённый внутри византийских цветных рамок, написан почерком Остромирова евангелия (шрифт-устав) и отпечатан «червонным золотом». Ольге Александровне достался экземпляр № 7 на русском языке.

Иногда сами родители покупали роскошные переплёты для тех или иных книг. Например, в Рисовальной художественно-промышленной школе в феврале 1887 года по распоряжению Марии Фёдоровны были приобретены следующие переплёты:

1) Писанный по шёлку переплёт к сочинению «Фрегат Паллада» И.А. Гончарова — работа ученицы Машуковой;

2) Писанный по шёлку переплёт к «Демону» М.Ю. Лермонтова — работа ученицы Машуковой;

3) Писанный по шёлку переплёт к «Сказкам А.С. Пушкина» — работа ученицы Шнейдер¹³.

Но не только от родителей и родственников маленькие великие князья и великие княжны получали книги в подарок. Часто к этому были причастны их няни, воспитатели и педагоги. Так, на титульном листе издания «Lee M. and C. The oak staircase. New York, [A.n.]» с экслибрисом великой княжны Ольги Александровны из собрания ГМЗ «Гатчина», имеется запись, сделанная чёрной тушью: «From Nanna. 1890».

У младшей дочери Александра III, Ольги Александровны, с детства была няня-англичанка — миссис Элизабет Франклин, которую девочка ласково называла «Нана»¹⁴. Миссис Элизабет Франклин была протестанткой по вероисповеданию и воспитывала

Княжну Ольгу в строгом духе викторианской Англии. Благодаря миссис Франклин Ольга Александровна великолепно знала английский язык, и в её книжном собрании в Гатчинском дворце было много изданий на английском языке.

Вел. кн. Ольга Александровна с няней-англичанкой — миссис Элизабет Франклин

Из описей узнаём, что среди дарителей книг младшему сыну Александра III великому князю Михаилу Александровичу были: воспитатели и учителя Карл Хис и Фердинанд Тормейер, королева английская Александра, сестра императрицы Марии Фёдоровны, брат Николай Александрович, протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев, преподаватели и композиторы Цезарь Кюи и Сергей Ляпунов. В основном книги были подарены на те или иные дни рождения великого князя или на Рождество. Например, повесть для детей на английском языке «Маленькие мальчики в больших ботинках» Г. Арчибальда была подарена братом Николаем Александровичем Михаилу в его день рождения в ноябре 1894 г. («To darling Mishka from Nicky. November, 1894»). Иллюстрированные

Лист с дарственной надписью из издания Н.И. Кутепова об императорской охоте

издания на французском языке «Золотой жук» Э. По и «Сверчок за очагом» Ч. Диккенса были подарены великому князю его учителем Карлом Хисом на Рождество 25 декабря 1893 г., о чём свидетельствуют надписи на книгах. Действительный статский советник Карл Осипович Хис — английский дворянин, с 1856 по 1878 гг. был преподавателем императорского Александровского лицея, с 1864 г. русский подданный, с 1878 г. исполнял обязанности преподавателя английского языка и помощника воспитателя при августейших детях Александра III¹⁵.

Но не только в праздничные дни могли быть сделаны подарки. Например, 30 апреля 1905 года, в связи с окончанием 10-летних занятий с Михаилом Александровичем, композитор Сергей Ляпунов дарит ему своё сочинение «Польский для большого оркестра». Дарственная надпись на заглавном листе издания гласит: «Дорогому ученику моему — Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу в память 10-летних занятий и в знак беспредельной преданности. С. Ляпунов. 30. IV. 1905». Еще в конце 1894 года по воле императрицы Марии Фёдоровны Сергей Ляпунов — помощник Управляюще-

¹² http://www.rusbibliophile.ru/Book/Stoletie_Udelov__1797-1897_

¹³ РГИА Ф. 544. Оп. 1. Д. 1010. Л. 79.

¹⁴ Ольга Александровна. Мемуары. М., 2003. С.14–15

¹⁵ РГИА Ф. 544. Оп.1. Д.451. Л. 142–143.

Вел. кн. Мария Фёдоровна
с сыном Николаем Александровичем

го Придворною Певческою капеллою, известный пианист и композитор, — был приглашён преподавателем игры на фортепиано для великого князя Михаила Александровича вместо господжи Голидэ¹⁶.

Помимо родителей, родственников и преподавателей, книги часто преподносили в знак благодарности их авторы. Так, в фонде редкой книги ГМЗ «Гатчина» хранится одно из первых изданий труда Н.И. Кутепова об императорской охоте — не такое роскошное в оформлении как издание, вышедшее в Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1895–1911 гг., но не менее ценное. Оба тома (Т.1 1894 г. и Т.2 1895 г.) были подарены младшему сыну Александра III, обожавшему охоту, автором книги Н.И. Кутеповым, о чём свидетельствует следующая дарственная надпись на

форзацах книг: «Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Михаилу Александровичу. Вернопреданный автор Николай Кутепов. 5 апреля 1895 г.». Из описей узнаём, что роман А.К. Толстого «Князь Серебряный», изданный в Париже на французском, был подарен Михаилу Александровичу переводчиком. Л. Гольтманом 2 мая 1896 г.

Иногда авторы не только дарили книги членам императорской семьи, но и посвящали им свои произведения. Так, например, 10 февраля и 8 марта 1896 года последовали разрешения Государыни Императрицы Марии Фёдоровны на посвящение Ея Императорскому Высочеству великой княжне Ольге Александровне следующих книг: «Premieres lectures et leçons de causerie» А. Силюиной и «Лепестки. Рассказы, очерки и картинки о природе» Д.Н. Кайгородова¹⁷.

Дарение книг иногда было приурочено к той или иной дате или событию. Из дневника великого князя Михаила Александровича узнаем, что 11 ноября 1896 года, в связи со столетием Гатчины, депутация от города подарила ему и сестре Ольге Александровне два тома истории Гатчины¹⁸.

Подаренные книги часто читали вслух с родителями или воспитателями. Вот несколько записей из дневника за 1882 год старшего сына императора Александра III цесаревича Николая Александровича: «28 января / 9 февраля... Мама напоила меня чаем, и я читал ей «Хижину дяди Тома» вслух; «4 / 16 апреля... Пробудились в половине седьмого; полуодевшись, я читал

брату «Фрегат Палладу» в постели...»; «2 / 14 октября... Я играл с Mr. Heath [учитель Карл Хис] на бильярде и обыграл его; читал с ним английскую книгу...»¹⁹.

К.В. Лемох.
Портрет вел. кн. Михаила Александровича
в классной комнате. 1890-е гг.

Приведённые также в сборнике «Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917» выдержки из памятных книжек вели-

кого князя Михаила Александровича не так пестрят записями о чтении книг, как дневники его старшего брата. Правда, позже, по воспоминаниям личного адъютанта великого князя графа Анатолия Александровича Мордвинова, Михаил, осознавая необходимость чтения, знакомился с русской и иностранной литературой. Мордвинов нередко заставлял его за книгой, а иногда по его просьбе читал ему Тургенева, который ему очень нравился²⁰.

Таким образом, традиция дарить книги явно способствовала тому, что чтение являлось неотделимой частью детского мира в императорской семье Александра III. Подаренная книга часто становилась лучшим другом: к ней часто обращались, перечитывали и берегли, о чём свидетельствует хорошее состояние многих детских книг из библиотеки императорской семьи, дошедших до наших дней.

¹⁹ Дневник великого князя Николая Александровича. 1882 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 188–1917. СПб., 2006. С. 34–46.

²⁰ Мордвинов А.А. «Из пережитого» // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб., 2006. С. 335.

Алла Горячева

Всем в жизни ведает Любовь,
Парит и царствует над нами,
Уйти и возвратиться вновь,
Обнять озябшими руками.
И этим ведает Любовь.
Дать в долг иль срочно всё вернуть,
Забрать, ни капли не оставив,
Забиться, вычеркнуть, заснуть...
Сжать крылья так, что не расправить.

И этим ведает Любовь.
Ты трезв. Ты страстью не охвачен.
Знай, долг тобою не оплачен.
Его платить придётся вновь.
Ведь жизнью ведает Любовь.
И той, и этой стороною,
И если я стихов не стою,
Они уж не вернутся вновь.
И рифмой ведает Любовь.

¹⁶ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 559 Л. 7–8.

¹⁷ Кайгородов Д.Н. — ученый-натуралист, профессор, преподавал вел. кн. Михаилу Александровичу и вел. кн. Ольге Александровне естественную историю.

¹⁸ Дневник великого князя Михаила Александровича. 1896–1899 годы // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб., 2006. С. 294.

КАК ТУКУМСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ГАТЧИНСКУЮ ЧАСТНУЮ (1915)

Анастасия Дмитриенко

Проблема беженцев в ходе военных действий вставала перед правительствами разных стран и раньше. Однако до Первой мировой войны она, как известно, не носила такого массового характера. Города Российской империи с массовым наплывом беженцев столкнулись осенью 1915 г. Не избежала этой участи и Гатчина.

Исследование истории беженцев-латышей в годы Первой мировой войны началось Я. Керстеном¹ практически сразу после их появления. Он проанализировал материальное положение, численность и социальный состав беженцев из Курляндской губернии. В 1920–1930-е гг. публиковались документы, воспоминания о жизни латышских беженцев.

В советское время эта проблема поднималась преимущественно в рамках таких наук, как демография и статистика.

Интерес к повседневной жизни беженцев снова вспыхнул в 1990-е гг. Анализ историографии проблемы «беженцев, а не беженства», дали пермские историки Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев и С.А. Пьянков, отметив, что существовало неравнозначное отношение властей к беженцам разных национальностей, в том числе к латышам².

¹ См.: Керстен, Я. Литовские беженцы в Туле. — Тула, 1917.

² Суржикова, Н.В. и др. Российское беженство 1914–1922 годов в контексте новейших отечественной и зарубежной историографии // Вест-

Латышские авторы В. Шалда и Т. Бартеле установили, что латышские беженцы в основном обосновывались в Москве и Петрограде. Так, в Петрограде к весне 1917 г. их число превышало 60 тыс. человек.³

Анализ роли государственных и общественных органов в деле помощи беженцам содержится в работах А.В. Ильина⁴, А.Н. Курцева⁵, Д.В. Надсадного⁶, В.С. Утгофа⁷, Д.Г. Цовяна⁸, Л. Щегловой⁹. Из иностранных авто-

ник Пермского университета. — 2012. — № 3. — С. 142.

³ Шалда, В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Эпоха перемен. — М., 2002. — С. 63.

⁴ См.: Ильин, А.В. Об особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». — 1991. — № 5. — С. 49–55.

⁵ См.: Курцев, А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России. // Вопросы истории. — 1999. — № 8. — С. 98–113.

⁶ См.: Надсадный, Д.В. Помощь беженцам в Петрограде во время Первой мировой войны: деятельность городского самоуправления и Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам (1914–1917 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2013. — № 162. — С. 30–38.

⁷ См.: Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. — СПб., 2003.

⁸ Цовян, Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. историч. наук. — М., 2005.

⁹ См.: Щеглова, Л. Беженцы в Петрограде // Призвание и благотворительность в России.

ров проблемами беженцев занимается П. Гатрелл. Он впервые рассмотрел беженцев как активную политическую силу, а также выделил латышей в отдельную группу и пришёл к выводу, что беженство привело к консолидации их национального самосознания¹⁰.

В Гатчине в 1915 г. уже существовали Гатчинская женская гимназия и гимназия Табунщиковой. Тем не менее для беженок на базе Тукумской женской гимназии было решено создать ещё одну, отдельную Гатчинскую частную женскую гимназию. В министерстве образования и Петроградском учебном округе в официальных документах ещё долго по старинке продолжали называть гимназию «Тукумской», а также Гатчинской гимназией для беженок¹¹.

Между тем, в приведённых выше исследованиях внимание организации быта беженцев на региональном уровне практически не уделяется. До сих пор это наименее освещённый вопрос в отечественной историографии. Наконец, в приведённых работах нет ни слова о роли Гатчины и Петроградской губернии в целом в деле оказания помощи латышским беженцам.

Цель данной статьи — восполнить этот пробел, проанализировать быт беженок-латышек в Гатчине на примере эвакуированной туда Тукумской женской гимназии (находилась в 65 км от Риги), изучить организацию их образовательного процесса в эвакуации, а также выявить религиозный, возрастной и социальный состав как учащихся, так и учителей.

1915, октябрь–декабрь. — № 6-10. — С. 558–563.

¹⁰ См.: Гатрелл, П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны. // Исторические записки. — 2002. — Т. 4. — С. 49–55.

¹¹ ЦГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 21.

Это позволяют сделать документы, сохранившиеся в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб) и Центральном государственном архиве С.-Петербурга (ЦГА СПб). До нас дошли ведомости о должностных лицах, имеющих право на прибавку к жалованию, переписка между учебным заведением и попечителем Петроградского учебного округа, а также между попечителем и Департаментом народного просвещения, годовые отчёты о работе Гатчинской частной женской гимназии за 1915 и 1916 гг. В документах содержатся статистические данные о работе гимназии, а также сведения о преподавателях и организации учебного процесса. Сохранилось также прошение об увольнении начальницы гимназии А.С. Петровой, написанное её собственной рукой.

Гатчина была последним, но не единственным городом, где искали приюта беженки-латышки. Первоначально гимназия была эвакуирована в Псков¹². Дату прибытия туда её учителей и учениц мы можем установить благодаря псковскому историку М.С. Васильеву: «7 июля Пскова достигла первая крупная партия беженцев из латвийских городов Тукум и Слока», к приёму беженцев «город готов не был», не были организованы места для питания и ночлега, люди голодали, болели и умирали¹³. В том же июле 1915 г. Тукумская женская гимназия была переправлена в Гатчину.

Можно предположить, что Тукумская женская гимназия «в полном составе, вместе со всеми учителями, ученицами и казённым имуществом» оказалась в Гатчине во многом бла-

¹² Там же. Д. 19261. Л. 13.

¹³ Васильев, М.В. Беженцы Первой мировой войны и Псковская губерния // Псков. — 2014. — № 40. — С. 171.

годаря А.С. Петровой¹⁴. В своё время она окончила полный курс Гатчинской женской гимназии, и в городе у неё наверняка сохранялся свой круг общения. Кроме того, латыши не относились к «подозрительной» группе беженцев, как немцы и евреи, поэтому им не было отказано в размещении в Гатчине, находившейся сравнительно близко к столице.

Находясь в Пскове и Гатчине, гимназия «времененно ...приостановила деятельность»¹⁵. Это объяснялось тем, что деньги на её содержание были выделены только 1 сентября 1915 г.¹⁶, то есть более двух месяцев учителя и ученицы вынуждены были самостоятельно решать вопросы получения жилья и пищи. Из Тукума они были эвакуированы с казённым имуществом, которое, скорее всего, и начали распродавать. И только по прошествии этого времени средства были предоставлены Комитетом Ея Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинским комитетом)¹⁷. Переданы они были депутату Государственной Думы от гор. Риги и будущему председателю попечительского совета гимназии Ивану Петровичу Залиту.

На содержание учебного заведения было отпущено 4945 руб. 03 коп., на организацию четырёх общежитий для беженцев — 12936 руб. 68 коп., всего — 17881 руб. 71 коп.¹⁸ Для сравнения, в

следующем 1916 г. Гатчинская частная женская гимназия получила из Татьянинского комитета уже 65000 руб.¹⁹

В целом, это соответствует общероссийской тенденции периода Первой мировой войны, когда беженцы стали «ресурсом для гуманитарных инициатив» и развития благотворительности²⁰. В отчётах о годовой деятельности гимназии только Татьянинский комитет упоминается в качестве организации, которая финансировала деятельность этого образовательного учреждения. Комитет, как известно, имел полугосударственный статус, хотя и существовал при государственном казначействе.

Благотворительные комитеты, оставшиеся безымянными, через И.П. Залита передали девочкам-беженкам платья, белье, обувь, одежду, заранее уточнив у них, что конкретно нужно, так как в годовом отчёте о деятельности гимназии за 1915 г. отмечается, что «неудовлетворённых просьб со стороны учащихся не осталось»²¹.

Для проживания девочек на средства Татьянинского комитета было арендовано 4 благоустроенных дома с водопроводом и всеми удобствами. Это было особенностью на фоне предоставления беженцам помещений для проживания в самих учебных заведениях, как, например, в Алтайском крае²².

Аренда жилья практиковалась для размещения беженцев силами этого комитета, и отчёты о числе арендованных построек, нанятых для нужд бе-

женцев, посылались в земский отдел²³. В военное время было достаточно трудно приискать и оборудовать необходимое число помещений. Тем не менее «в основном все необходимое» в зданиях «было, однако наблюдалась сильная скученность»²⁴. Единственно, что один из четырёх арендованных домов оказался очень холодным, его невозможно было натопить в холодное время.

Беженки проживали в общежитиях бесплатно. Однако для подсчёта затрат годовая плата за проживание в общежитии с одного человека была установлена 15 руб. 00 коп., тогда как реально составляла 80 руб. 85 коп.²⁵

В этих домах, которые в учебном заведении стали называть общежитиями или пансионами, размещалось сначала 160 человек, в конце 1915 г. — 187 человек, а в конце 1916 г. — 265 человек.²⁶ Ученицы находились под постоянным наблюдением классных надзирательниц и учительниц — некоторые из них также жили в помещениях общежитий.

Начальнице гимназии Александре Сергеевне Петровой, которая взяла на себя решение хозяйственных и воспитательных вопросов в общежитиях, безвозмездно помогали все учителя гимназии, иначе она и две классных надзирательницы не смогли бы справиться со своей задачей.

Другое «начальствующее лицо» в гимназии, и.о. председателя педагогического совета Порфирий Николаевич Кавокин в октябре-декабре 1915 г. также занимался организационной работой не только в учебном заведении, но и в общежитиях.

Гатчинская гимназия для беженцев «возобновила занятия случайно» че-

Здание Гатчинского реального училища, где занимались беженки

рез четыре месяца пребывания в городе и через два месяца после начала её финансирования. По одним документам это произошло 22 октября 1915 г.²⁷, по другим — 23 октября того же года²⁸. В любом случае, официальным днём открытия Гатчинской частной женской гимназии было названо 23 октября 1915 г.²⁹

Документальное оформление открытия новой Гатчинской женской гимназии началось через неделю после фактического начала её работы, 28 октября 1915 г., заняло 2 месяца и завершилось к середине декабря 1915 г. Служащие были зачислены в её штат 28 октября 1915 г.³⁰

Новоиспечённой Гатчинской частной женской гимназии бесплатно и временно было предоставлено поме-

¹⁴ Она была назначена на должность исполняющей обязанности начальницы будущей Гатчинской частной женской гимназии по предложению № 3716 попечителя Петроградского учебного округа от 12 октября 1915 г., а с мая 1916 г. стала начальницей.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19261. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 15585. Л. 5 об.

¹⁷ Комитет был создан в 1914 г. для оказания временной помощи беженцам из Польши, Прибалтики и Белоруссии.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Суржикова, Н.В. и др. Цит. соч. — С. 143.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 5 об.

²² См.: Гордиенко, О.Н. Организация помощи детям беженцев учебными заведениями Алтайского округа в годы Первой мировой войны. // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История». — Барнаул, 2009. — Вып. 4/1. — С.63.

²³ См.: Там же. Ф.261. Оп. 1. Д. 39.

²⁴ Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19261. Л. 14.

²⁵ Там же. Д. 15585. Л. 5–5об.

²⁶ Там же. Л. 15.

щение в Гатчинском реальном училище имени Александра III на ул. Люцевской (здание современной школы № 4 на ул. Чкалова, 2).

Ученицы имели право посещать церковь при училище. Также под контролем и наблюдением учителей («учащих») они могли пользоваться книгами Гатчинской частной библиотеки. В ней девочки по нескольким абонемен-там гимназии могли брать произведения русской классической литературы и сочинения, разрешённые для учебных библиотек. Учителям для подготовки к занятиям разрешено было пользоваться фундаментальной библиотекой училища.

Обучение, как и проживание, для беженков было бесплатным. Средней стоимостью обучения одной ученицы-беженки в год считались 26 руб. 44 коп. Однако в классах сразу же после открытия учебного заведения стали появляться ученицы — дочери гатчинских горожан. Для учениц (не беженков) обучение в I–II классах стоило 50 руб. с ученицы в год, III классах — 60 руб., IV–VI — 70 руб., VII — 80 руб., VIII — 100 руб. За октябрь — декабрь 1915 г. за обучение и проживание в общежитиях такими ученицами было заплачено 825 руб. 00 коп.³¹

Занятия для беженков были вечерними и начинались с четырёх часов после освобождения училища от учеников. Беженки-латышки приходили заниматься в семи основных (нормальных) классах и одном дополнительном восьмом классе. Один подготовительный класс появился позднее, в следующем учебном году, когда было подано достаточное количество прошений. Параллельных классов в 1915/1916 и в 1916/1917 учебных годах не было³².

Самое большое количество учениц было в старших шестом и седьмом классах, значительно меньшее — в младших классах. Это объяснялось тем, что родители отпускали из семьи преимущественно старших дочерей. Кроме того, сами старшие ученицы были более энергичны в поисках возможности продолжить образование.

Обобщённый портрет ученицы Гатчинской частной женской гимназии выглядел следующим образом. Так как учебное заведение было открыто преимущественно для беженков-латышек, подавляющее большинство учениц были латышской национальности и евангелическо-лютеранского вероисповедания. В конце 1915 г. из 187 человек православных было 23 человека, римско-католической веры — 3 человека, остальные 161 человек — евангелическо-лютеранской веры. Большинство учениц принадлежали к крестьянскому сословию — 135 человек, дочерей чиновников было 12, дочерей почётных граждан и купцов — 17, дочерей мещан — 22, дочерей иностранцев — 133.

Продолжив (а некоторые из них — начав) обучение в Гатчинской частной женской гимназии, девочки столкнулись с рядом трудностей. Главной из них был процесс адаптации в иноэтнической среде. Многие ученицы недостаточно хорошо знали русский язык, это была типичная для того времени проблема беженцев из прибалтийских губерний³⁴. Поэтому педагогический совет возбудил ходатайство перед попечителем Петроградского учебного округа об увеличении числа уроков во всех классах по русскому языку, а в первом и четвёртом классах — по арифметике. Чтобы улучшить знание ученицами русского языка без

особого увеличения числа недельных уроков предлагалось уменьшить число уроков по новым языкам, чистописанию и рукоделию.

Кроме того, теоретическая подготовка девочек не всегда могла быть усилена практическими занятиями. С одной стороны, гимназисткам было разрешено заниматься в хорошо оборудованных физическом и естественно-историческом кабинетах Гатчинского реального училища, а также пользоваться пособиями рисовального класса, географическими и историческими картами, картинами. Однако на практике они не всегда могли это сделать. Например, после четырёх часов вечера, когда начинались занятия с беженками, практически отсутствовало освещение в рисовальном классе. Не было выделено средств для проведения опытов, учителям предлагалось самим приобретать всё необходимое для опытов и демонстраций³⁵.

Беспокоило и состояние здоровья беженков-латышек. Во время их пребывания в Пскове «свирипствовала детская холера»³⁶. В четырёх общежитиях беженков были зафиксированы два вида заразных болезней. Так как в зданиях содержались вместе и больные, и здоровые девочки, с распространением болезней стали бороться с помощью прививок. Были успешно ревакцинированы 160 из 187 учениц³⁷. Следовательно, можно предположить, что заболели 27 человек. Кроме того, в конце 1915 г. гимназия была временно закрыта на карантин. Именно поэтому за октябрь — декабрь 1915 г. девочки, согласно учебному плану, недополучили 38 уроков.

Во время учёбы и совместного проживания в общежитиях ученицам

Физический кабинет

Рисовальный кабинет

Естественно-географический класс

Физкультурный зал

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 5–5 об.

³² Там же. Д. 19261. Л. 1 об.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 4 об.

³⁴ Чагин, Г.Н. Цит. соч. — С. 54.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 2 об.

³⁶ Васильев, М.В. Цит. соч. — С. 171.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 22.

всегда нужно было помнить и о психологическом состоянии некоторых своих одноклассниц. Например, беженки — ученицы из учебных заведений Либавы (современный гор. Лиепая, Латвия) и Виндавы (сейчас гор. Вентспилс, Латвия), портовых городов на побережье Балтийского моря, имели «тревожный предыдущий учебный год»³⁸.

В целом занятия как для девочек, так и для учителей проходили трудно, состав классов был сборным, из нескольких гимназий, в некоторых классах учениц приходилось делить на группы. Число учениц на начало занятий не установилось и всё время увеличивалось по мере оборудования общежитий. Если в первые дни работы гимназии было менее 100 учениц, то в ближайшие после открытия дни их стало 187.

Тем не менее, за первые три месяца существования гимназии только две ученицы перешли в другую гимназию, и ни одна не выбыла за неуспеваемость. Поведение учащихся по итогам 1915 г. было отличное, нарушений дисциплины не было. А уже в 1916 г. состоялся первый выпуск: VII классов окончили 38 человек, VIII (дополнительный) класс — 25 человек.³⁹

Во многом это можно объяснить, помимо целеустремлённости самих учениц, работой педагогов, преданных своему делу людей. Например, когда в конце 1915 г. гимназия была закрыта на карантин, члены педагогического совета организовали с учащимися занятия в общежитиях. Их вели совместными силами как учителя, так и классные надзиратели⁴⁰.

Было решено, что ученицы должны изучать и «необязательные» (факультативные) предметы: французский,

немецкий и латышский языки, а также рисование и пение. Преподавание латышского языка велось в четырёх младших классах.

Ученицам восьмого дополнительного класса была предоставлена возможность выбрать себе один из трёх дополнительных предметов: математику, географию или немецкий язык. Математику выбрала 21 ученица, географию — 18, немецкий язык — 4⁴¹. Для учениц восьмого дополнительного класса было испрашено разрешение посещать уроки в начальном училище для беженок, которое тоже располагалось в здании Гатчинского реального училища. А в 1916/1917 учебном году в расписании появился такой предмет, как космография.

Для беженок организовывались и внеклассные занятия. В общежитиях учителя читали своим подопечным произведения русской классической литературы.

Наконец, в Гатчинской частной женской гимназии была сохранена прежняя, как в Тукумской гимназии, методика преподавания. Для пользы дела практиковалось соединённое преподавание однородных предметов, например, физики и математики, истории и географии. Интересно, что в годовом отчёте гимназии перед попечителем Петроградского учебного округа особо защищается совмещённое преподавание истории и географии, отмечается, что учительница Д.Т. Рыбакова имеет более чем двадцатилетний педагогический опыт и уже много лет преподаёт эти два предмета.

К концу 1915 г. занятия с гимназистками проводили 18 человек: 13 учителей, три классных надзирательницы и две заведующих хозяйством пансионеров. К концу 1916 г. число учителей

стало равняться 20⁴². Служащих «из платы по найму» в 1915 г. было четыре человека.⁴³ В 1916 г. их количество увеличилось практически в два раза и составило семь человек.⁴⁴

Учителя в основном были православного вероисповедания, все выдержали экзамен на звание преподавателей, окончили в своё время гимназию, университет или высшие женские курсы, имели более пяти лет опыта преподавания⁴⁵.

Многие вопросы быта и обучения девочек-беженок решались на заседаниях попечительного и педагогического советов гимназии. Попечительный совет провёл за октябрь — декабрь 1915 г. восемь заседаний, на которых обсуждались организационные и хозяйственные вопросы. На имя председателя этого совета беженки подавали прошения о принятии их в общежития для бесплатного проживания. Положительно ответить всем было нельзя, из более 400 прошений было удовлетворено чуть меньше половины⁴⁶.

Так как работа попечительного совета в гимназии не была чётко отлажена, его председатель Иван Петрович Залит был тем человеком, который регулярно присутствовал на собраниях,

а, значит, и решал судьбы девочек-беженок. Заместителем председателя числился Арвид Христофорович Берг, членами совета — инженер-технолог Арнольд Тенисович Предит, врач Ян Петрович Лепин⁴⁷. На место последнего скоро пришёл уполномоченный по продовольственной части гор. Гатчины Ян Яковлевич Цимбуль⁴⁸.

А.Х. Берг и А.Т. Предит являлись, так же как и И.П. Залит⁴⁹, представителями от латышского общества, однако жили далеко от Гатчины, и поэтому не приезжали на собрания⁵⁰. Возможно, поэтому предложением № 171 попечителя Петроградского учебного округа от 5 января 1916 г. в состав попечительного совета вошли учительница географии и истории Д.Т. Рыбакова и учительница русского языка и педагогики А.С. Кривицкая. В идеале же на собраниях должны были присутствовать четыре члена от педагогического совета, два выборных члена и два непременных члена.

Свою роль в судьбе беженок-латышек играл и педагогический совет Гатчинской частной женской гимназии, который за октябрь — декабрь 1915 г. провёл девять заседаний. Исполняющим обязанности председателя вплоть до 6 октября 1917 г. являлся учитель математики П.Н. Кавокин, затем он стал председателем. Учительница русского языка и педагогики

³⁸ ЦГИАСПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 3 об.

³⁹ Там же. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ Там же.

⁴² Полный список учителей с их краткими биографиями см. в приложении в конце статьи.

⁴³ Это законоучитель евангелического вероисповедания А.Б. Раман, учительница арифметики и естествознания Ю.Ф. Ламберт, учительница немецкого языка О.И. Фрик и учитель арифметики и латышского языка Я. М. Бальтцар.

⁴⁴ Это и.о. преподавателя физики и космографии Ф.Н. Краснов, и.о. преподавателя русского языка С.В. Чикалини, и.о. классной надзирательницы Л.К. Ключе, и.о. учительницы немецкого языка О.И. Фрик, и.о. учителя латышского языка Я.М. Бальтцар, и.о. учительницы арифметики, географии в младших классах, естествознания Ю.Ф. Ламберт, и.о. преподавателя математики М.М. Разуменко.

⁴⁵ См. Приложение.

⁴⁶ ЦГИАСПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 3 об.

⁴⁷ Член попечительского совета врач Ян Петрович Лепин являлся военным врачом и был занят на военной службе. В октябре 1917 г. он был переведён на южный фронт, в связи с чем подал заявление об освобождении от обязанностей.

⁴⁸ Проживал по адресу: Гатчина, Малая Загвоздка, ул. Михайловская, 18.

⁴⁹ Проживал по адресу: Петроград, Загородный пр., 64–18.

⁵⁰ Скорее всего, имеется в виду Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам (ЛЦКОПБ), избранный в Петрограде в конце августа 1915 г.

А.П. Кривицкая исполняла обязанности секретаря педагогического совета. От этих людей зависело решение вопросов о принятии учащихся в образовательное учреждение, организационные моменты, а на двух заседаниях — выработка критериев оценки успехов учениц.

Исследователи В. Шалда и Т. Бартеле в своих работах утверждают, что латышские беженцы не связывали своё будущее с Россией, и большинство планировало вернуться обратно на родину⁵¹. Пожалуй, этого нельзя сказать о беженцах-латышках и их учителях, нашедших приют в Гатчине. Служащие гимназии были против её статуса — частная⁵². Можно предположить, что эту позицию разделяла активная часть учениц-беженок. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что и.о. педагогического совета П.И. Кавокин, возглавивший борьбу за присвоение гимназии статуса государственной, в сентябре 1917 г. был единогласно перевыбран ученицами и учителями в качестве председателя.

Позиция учениц и учителей была вполне объяснима. Во-первых, в Гатчинской частной женской гимназии учителя потеряли служебные права и преимущества, которыми пользовались в Тукумской женской гимназии. И это на фоне того, что они находились в крайне тяжёлых материальных условиях: во время эвакуации учителям пришлось бросить всё своё имущество в Тукуме. При этом два года, 1915 и 1916 гг., они получали жалование в размере мирного времени, а «жизнь подорожала в 4–5 раз»⁵³. Плата

«за годовой урок» учителям и учительницам старших классов равнялась 75 руб. (для лиц с высшим образованием), учителям и учительницам младших классов — 50 руб.⁵⁴

Сведения о повышении зарплаты содержатся в «Ведомости о должностных лицах Гатчинской женской гимназии, имеющих на основании закона от 3 июля 1916 г. право на пятилетние прибавки в 1917 г. и о размере расхода, потребного на этот предмет в том же году»⁵⁵. В 1917 г. право на прибавку к

вета, учитель математики П. Н. Кавокин (7 лет опыта) получал в 1915 г. 75 руб. за годовой час, в 1916 г. — 450 руб. за должность и.о. председателя и 450 руб. за преподавание математики. Законоучитель православного вероисповедания священник И.А. Янсон (10 лет опыта) в 1915 г. — 75 руб. в год и 50 руб. годовой час, в 1916 г. — 650 руб. в год за 10 недельных уроков; учитель рисования и чистописания П.Г. Гагаев с таким же стажем — 50 руб. за годовой час в 1915 г., в 1916 г. — 1000 руб. за 20 недельных уроков; учительница рукоделия А.П. Вознесенская (10 лет опыта) — 50 руб. годовой час; учительница географии и истории Д.Т. Рыбакова (28 лет опыта) — 50 руб. в младших классах и 75 руб. в старших классах за годовой час в 1915 г., в 1916 г. — 1525 руб. за 23 недельных урока; учительница русского языка и педагогики А.П. Кривицкая (5 лет опыта) — так же, в 1916 г. за 19 недельных уроков — 1425 руб. и 100 руб. за исполнение должности председателя педагогического совета; учительница французского языка О.И. Холостова (14 лет опыта) — 50 руб. годовой час в 1915 г., в 1916 г. — 1200 руб. в год за 24 недельных урока; учительница русского языка Е.Р. Гагаева (опыт 7 лет) — те же 50 рублей годовой час в 1915 г., в 1916 г. — 500 руб. в год за 10 недельных уроков; А.В. Сироткина в 1916 г. за 16 недельных уроков получала 800 руб. в год; А.П. Вознесенская, учительница рукоделия — 700 руб. за 14 недельных уроков и 180 руб. в год за должность классной надзирательницы. Жалование классной надзирательницы IV класса С.А. Подостроец равнялось 600 руб. в год, другой классной надзирательницы, М.И. Поташковой — тоже 600 руб. в год при готовой квартире и содержании. Е.К. Гирш за 18 уроков в неделю получала 1050 руб. в год.

⁵⁴ ЦГИАСПБ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15585. Л. 7.

⁵⁵ Там же. Д. 19261. Л.1–5.

жалованию имели лишь одна классная надзирательница основных классов и 5 учителей и учительниц наук и языков основных классов.

Ситуация усугублялась тем, что многие педагоги лишились дополнительного заработка, который был у них в Тукуме. Некоторые, например, П.Н. Кавокин, стали проводить дополнительные уроки в Петрограде. Другие стали проживать при пансионах для беженек-латышек и за это бесплатно присматривать («надзирать») за детьми. Однако семейные учителя, а также преподаватели, у которых было много уроков, не могли себе это позволить.

Наконец, статус гимназии — частная — создавал впечатление временности её существования (на период обслуживания беженек) и вызывал страх перед будущим. Девочки-беженки, в свою очередь, хотели быть уверены, что гимназия продолжит существование, и они смогут окончить своё образование.

Поэтому 27 сентября 1917 г. министру народного просвещения Временного правительства С.С. Салазкину была послана докладная записка от уполномоченных членов педагогического совета с просьбой принять Гатчинскую частную женскую гимназию «в ведение министерства или каким-нибудь обществом»⁵⁶.

Акцент в записке делался на том, что, являясь частной, гимназия при этом находится в ведении Татьянинского комитета при государственном казначействе, а не частного лица. Под документом стояли подписи (очередность подписей приводится так, как в документе) председателя педагогического совета учителя математики П.Н. Кавокина, начальницы А.С. Пе-

тровой и учительницы русского языка Е.Р. Гагаевой.

Департамент народного просвещения послал отношение № 11198 от 27 сентября 1917 г. попечителю Петроградского уездного округа с просьбой прояснить ситуацию. Ответ был получен через месяц, 24 октября 1917 г., накануне октябрьских событий. В нём признавалось, что «нет оснований закрывать учебное заведение», однако вопрос о его содержании из казны или назначении ему постоянного пособия может быть рассмотрен только после подачи ходатайства со стороны попечительского, а не педагогического совета гимназии.

В ответе попечителя также подчёркивалось, что «фактически не состоялось закрытие Тукумской женской гимназии до сих пор; переведён только учительский персонал». Этот факт признавала в своём прошении об увольнении со службы, датированном 25 сентября 1917 г. и написанном на имя попечителя Петроградского учебного округа, и начальница гимназии А.С. Петрова: я «воссоздала Тукумскую гимназию в Гатчине»⁵⁷.

Позицию попечителя в гимназии разделял председатель педагогического совета, учитель математики П.Н. Кавокин. Из-за этого между ним и начальницей Александрой Сергеевной разгорелся конфликт. По словам самой А.С. Петровой, П.Н. Кавокин «проявляет безумно оскорбительное отношение ко мне», «все моё аннулирует» и «относится ко мне лишь как к исполнителю»⁵⁸.

Последнее слово в этом противоборстве было за ученицами и учителями. 15 сентября 1917 г. на собрании педагогического совета гимназии Александра Сергеевна впервые вслух заявила

⁵⁷ ЦГИАСПБ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19261. Л. 14.

⁵⁸ Там же.

о своей предстоящей отставке. Порфирий Николаевич тоже отказался от должности председателя педагогического совета, объясняя это тем, что был «назначен при старом режиме». Однако учителя и ученицы единогласно его переизбрали, высказавшись, таким образом, за организацию на новых основах именно Гатчинской частной женской гимназии, а не за воссоздание старой, Тукумской. И.П. Залит, председатель попечительского совета, поддержал их: «с этим решением надо считаться»⁵⁹.

Уже через неделю, 21 сентября 1917 г., П.Н. Кавокин письменно попросил попечителя Петроградского учебного округа А. Воронова «скорее снова назначить меня председателем педагогического совета», обосновывая это тем, что «могут быть сложности в школе с началом учебного года» и ведёт уроки в Петрограде⁶⁰. Его повторное назначение было подписано 6 октября 1917 г.

В целом, с беженками-латышками в Гатчинской частной женской гимназии вёл занятия довольно постоянный состав учителей. К 1917/1918 учебному году произошли лишь незначительные изменения. Так, некоторые учителя нашли новые места службы и переехали на постоянное место жительства в другие учебные округа. Так, А.П. Кривицкая, преподававшая русский язык и педагогику, перешла на место учительницы русского языка и истории в Киевском учебном округе, в Вороновицкой четырёхклассной гимназии в местечке Вороновица Подольской губернии. А.В. Стефанюк (Сироткина) вышла замуж и уехала к мужу. Покинула гимназию Ю.Ф. Ламберт.

В связи с увеличением количества девочек-беженек другая часть служащих гимназии, которые раньше состо-

яли в ней учителями или классными надзирателями, получили новые обязанности к уже имеющимся. Например, Л.К. Клуге, окончившая Московские высшие женские курсы и бывшая классной надзирательницей, стала учительницей русского языка в V, VI и VII классах. Я.М. Бальтцар начал преподавать Закон Божий учащимся евангелическо-лютеранского вероисповедания, О.И. Холостова — французский язык в VIII классе (до этого восьмой класс она не вела), Е.Р. Гагаева — русский язык в подготовительном, I и II классах, С.А. Подостроец, классная надзирательница, — арифметику, Е.Э. Гирш — латинский язык в VIII классе.

Наконец, в Гатчинскую частную женскую гимназию были приглашены учителя со стороны: Д.Н. Баронов, учитель Гатчинского реального училища, в гимназии стал преподавать географию; А.Г. Огородников, кандидат Петроградского университета и преподаватель Гатчинского сиротского института — естествознание; А.И. Бурова-Беркова, окончившая историко-филологический факультет Петроградского университета, — педагогику.

Все эти учителя, а также временно исполняющая должность начальницы Д.Т. Рыбакова (с 1 октября 1917 г.), учительница географии и истории с опытом работы в образовании 29 лет, были утверждены в своих новых должностях попечителем Петроградского учебного округа 24 октября 1917 г. Тогда же членами попечительского совета педагогическим советом на 1 год были избраны Е.Р. Гагаева и Я.М. Бальтцар.

Роль Февральской и Октябрьской революций в судьбе гимназии выясняется. В документах латышских общественных и национальных организаций сохранился «Отчёт уполномоченного агента Я. Цимбуля в г. Гатчино по приходу и расходу сумм, получен-

ных на оказание помощи беженцам как из средств казны, так и других источников, по Петербургской губернии, за время с 1 июля по 1 октября 1917 г.». Напомним, что Я.Я. Цимбуль был членом попечительского совета Гатчинской частной женской гимназии. В разделе «Содержание школ» пусто, как и в подразделах «Количество обучавшихся», «Наем помещений», «Завтраки» и др.⁶¹ В отчёте отдела Гатчинского волостного Царскосельского уезда отделения Татьянинского комитета от 9 июля 1917 г. упоминание о гимназии тоже отсутствует⁶².

Фамилий преподавателей гимназии нет и в списках лиц, лишённых избирательных прав по Ленинграду и области за 1929–1936 гг. Встретились лишь фамилии И.Я. Янсона, зарегистрированного в иностранном отделе, однако мы не можем доказать, что это законоучитель Гатчинской частной женской гимназии⁶³, и А.С. Петровой, но начальница ли это гимназии, неизвестно⁶⁴.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что организация быта и учебного процесса для беженек-латышек в Гатчине имела свои особенности. Для проживания прибывших были арендованы четыре отдельных дома, для продолжения их обучения организовано самостоятельное учебное заведение — Гатчинская частная женская гимназия. Ученицы всегда могли обратиться за помощью к депутату Государственной Думы И.П. Залиту, который исполнял обязанности председателя попечительского совета гимназии.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 1. Д. 147. Л. 154.

⁶² Там же. Д. 137. Л. 11.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 53. Оп. 17. Д. 74. Л. 368.

⁶⁴ Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 19. Л. 6; Там же. Д. 47. Л. 24; Там же. Д. 48. Лл. 13, 19; Там же. Д. 1963. Оп. 1. Д. 632. Л. 92.

Краткие биографии служащих Гатчинской частной женской гимназии

Петрова Александра Сергеевна, начальница. Окончила полный курс Гатчинской женской гимназии. Наград не имела. Православная. К 1915 г. имела 18 лет опыта работы в сфере образования⁶⁵. До поступления в 1895 г. на государственную службу она давала частные уроки. Однако после смерти отца, вынужденная содержать мать, сестёр и братьев, она устроилась учительницей и начальницей Назаретской двухклассной женской школы императорского православного Палестинского общества в Палестине и проработала там с 1 мая 1895 г. до 1 августа 1899 г.

Через четыре года она была вынуждена уехать из-за заболевания «палестинской лихорадкой», бича европейцев в Палестине. Полтора года она лечилась в России, затем поступила на службу в Киев. С 20 ноября 1901 г. А.С. Петрова состояла надзирательницей Острожского двухклассного городского училища и в той же должности — в Киевском IV городском двухклассном училище с 1 августа 1902 г.

Вскоре ей предложено было перевестись в г. Тукум Курляндской губернии, чтобы «преобразовать начальную школу в прогимназию» (1903 г.)⁶⁶. После этого А.С. Петрова была перемещена учительницей Тукумского одноклассного начального женского правительственного училища с 28 марта 1903 г. и, наконец, назначена начальницей Тукумской женской прогимназии с 1 октября 1903 г. и начальницей Тукумской женской гимназии с 1 июля 1908 г. по 28 октября 1915 г.; исполняющая обязанности начальницы Гатчинской частной женской гимназии (28.10.1915 — май 1916), на-

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19261. Л. 2.

⁶⁶ Там же. Л. 13.

⁵⁹ Там же. Л. 15.

⁶⁰ Там же. Л. 16.

чальница этой же гимназии (май 1916 — 1 октября 1917 г.)⁶⁷

Как признается сама А.С. Петрова, тяжести эвакуации привели к тому, что у неё «стали проявляться признаки душевной болезни, которой уже страдают три моих брата».

В Гатчине она проживала в доме по адресу: Баговутовская ул., 26. После увольнения со службы 1 октября 1917 г. переехала в Петроград и стала жить на набережной реки Фонтанки, 129 в квартире Черноморского.

Рыбакова Домна Тимофеевна, и.о. начальницы, учительница географии и истории. Окончила Петроградские высшие женские курсы и имела учительское звание домашней учительницы. Награждена 06.12.1910 г. серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие». Православная. Сначала служила учительницей в Полоцком женском училище Духовного ведомства (29.08.1887–16.08.1903), потом — в том же звании в Тукумской женской гимназии (15.09.1904–01.03.1905, 01.09.1905–28.10.1915). В Гатчине вела 19 уроков в основных классах и четыре урока — в дополнительных.

Бальтцар Яков Матвеевич. Окончил курс учительской семинарии. Имел звание учитель начального училища. Был учителем-заведующим Тукумским городским начальным училищем. Вёл арифметику и латышский язык, с 01.09.1916 г. — и.о. учителя пения, арифметики и латышского языка. Лютеранин.

Вознесенская Антонина Павловна, учительница рукоделия и классная надзирательница. Окончила восьмиклассную Рыбинскую Мариинскую женскую гимназию и «выдержала экзаме́н на звание учительницы рукоделия». Сначала работала учительницей

Пречистенского начального земского училища Любимского уезда Ярославской губернии (01.09.1903–27.09.1907), потом — учительницей рукоделия в Тукумской женской гимназии (01.07.1909–28.10.1915). В Гатчинской частной женской гимназии вела 14 уроков в основных классах. Наград нет. Православная.

Гагаев Пётр Георгиевич, надворный советник, учитель рисования и чистописания. Окончил полный курс Пензенского художественного училища им. И.Д. Селиверцова. Получил документ «профессионального рисовальщика с правом преподавать рисование в средних учебных заведениях». Имел 10 лет службы в Тукумской женской гимназии (01.02.1905–28.10.1915). Вёл 18 уроков в основных классах. Православный. В 1916 г. в Петроградском учебном округе ему испрашивали орден Св. Станислава 3 степени «За служебные отличия».

Гагаева (Касьнова) Екатерина Романовна, учительница русского языка. Окончила восьмиклассную Псковскую женскую гимназию и имела звание домашней учительницы. Служила учительницей Тукумской женской гимназии (01.02.1905–01.08.1907, 08.09.1913–28.10.1915), а также учительницей из платы по найму в Тукумском коммерческом училище (15.08.1909–31.12.1912). Наград нет. Православная.

Гирш Ева Карловна. Окончила Рижское городское шестиклассное училище, затем — одногодичные курсы новых языков при Рижском учебном округе. Имела звания учительницы средних учебных заведений и учительницы немецкого языка. С 09.10.1914 преподавала немецкий язык. Наград не имела. Евангелическо-лютеранского вероисповедания.

Кавокин Порфирий Николаевич, учитель математики. Окончил

Рижский политехнический институт с отличием со званием инженера-технолога, имел звание домашнего наставника. Чина и наград не имеет. Православный. Семь лет служил в Тукумской женской гимназии (01.08.1908–28.10.1915). Вёл два урока в основных классах, четыре — в дополнительных.

Клюге Любовь Константиновна. Окончила Московские высшие женские курсы. Православная. С 15.01.1916 г. — и.о. классной надзирательницы Гатчинской частной женской гимназии.

Краснов Фёдор Назарович. Статский советник. С 01.08.1901 г. служил в ведомстве министерства народного просвещения, с 01.09.1916 г. — штатный преподаватель Гатчинского ремесленного училища. И.о. преподавателя физики и космографии в Гатчинской частной женской гимназии. Имел орден Станислава 3 и 2 степени, Анны 3 и 2 степени. Православный. Окончил Иркутскую классическую гимназию и Петроградский университет, физико-математический факультет и естественное отделение в 1900 г. Учитель средних учебных заведений.

Кривицкая (Стефанюк) Александра Пантелеймоновна, учительница русского языка и педагогики, секретарь педагогического совета Гатчинской частной женской гимназии. Окончила Петроградские высшие женские курсы и имела звание домашней учительницы. Имела пять лет службы в Тукумской женской гимназии (20.08.1910–28.10.1915). Вела 16 основных уроков и четыре — дополнительных. Наград нет. Православная.

Ламберт Юлия Фридриховна. Окончила полный курс Петроградских высших женских курсов. Имела звание домашней наставницы с правом преподавания математики. Пре-

подавала арифметику и естествознание. С 01.09.1916 г. — и.о. учительницы арифметики, географии в младших классах, естествознания. Евангелическо-лютеранского вероисповедания.

Подостроец Софья Александровна, учительница арифметики. Окончила четырёхклассную женскую гимназию (какую — не указано) и выдержала экзаме́н на учительское звание домашней учительницы. К концу 1916 г. имела опыт службы пять лет из платы по найму в Тукумской женской гимназии (январь 1910–28.10.1915), классной надзирательницы IV класса, 24.10.1917 — назначена учительницей арифметики. Наград нет. Православная.

Поташкова Мария Ивановна. Окончила VIII классов Рижской Ломоносовской женской гимназии. Имела звание домашней наставницы с правом преподавать математику и историю. На службе с 01.01.1914 г. Наград нет. Православная.

Раман Александр Борисович. Священник. Законоучитель евангелического вероисповедания.

Разуменко Михаил Митрофанович. Окончил Харьковский технологический институт. И.о. преподавателя математики в Гатчинском реальном училище. С 01.09.1916 г. — и.о. преподавателя математики в Гатчинской частной женской гимназии. Православный.

Стефанюк (Сироткина) Александра Васильевна. Окончила VIII классов Костромской женской гимназии Смольянинова. Имела звание домашней наставницы с правом преподавания русского языка и математики. На службе (где — неразборчиво. — Прим. А.Д.) с 31.05.1913 г., в другом месте дата — 01.01.1913 г. В Гатчинской частной женской гимназии преподавала русский язык. 1 сентября 1917 г. уволилась из гимназии в связи с переездом

⁶⁷ Там же. Л. 8.

по месту жительства мужа (куда именно — не указано). Фамилия в браке — Стефанюк. Наград нет. Православная.

Чикалини Сергей Владимирович. Надворный советник. Окончил Петроградский университет. Наставник Гатчинской учительской семинарии имени императора Александра II с 1902 г. С 01.09.1916 г. и.о. преподавателя русского языка Гатчинской частной женской гимназии.

Фрик Ольга Ивановна. Окончила VIII классов Тукумской женской гимназии. Имела звание домашней наставницы с правом преподавания немецкого языка и математики. С 01.01.1915 г. была и.о. классной надзирательницы, а также и.о. учительницы немецкого языка. Евангелическо-лютеранского вероисповедания.

Холостова Ольга Ивановна, учительница французского языка. Окончила Оренбургское городское женское училище и имела звание домашней учительницы. Сначала служила учительницей из платы по найму в Оренбургской мужской гимназии (12.08.1899–01.10.1902), затем — учи-

тельницей в частном начальном училище III разряда (вторая половина 1899 — июнь 1905). Вела 20 уроков в основных классах. Наград нет. Православная.

Янсон Иоанн Андреевич, законоучитель православного вероисповедания, священник. Окончил Петроградскую духовную академию, имел степень кандидата богословия, вёл Закон Божий во всех классах. Сначала состоял штатным законоучителем Вольмарской учительской семинарии (01.09.1905–26.03.1907), затем там же — законоучителем (26.03.1907–15.09.1909), потом — законоучителем Рижской гимназии (неразборчиво — Малоона) (15.09.1909–01.10.1911), законоучителем Тукумской женской гимназии (настоятелем Тукумской церкви) (01.10.1911–28.10.1915). В Гатчине он вёл 8 уроков в основных классах и два — в дополнительных, в параллельных классах занятий у него не было. Был награждён набедренником, скуфьёю и камилавкой. Камилавка была пожалована в 1914 г. Духовным ведомством.

Тарас Алексеев

Не обещай . . .

Не обещай мне гор златых.
Влекомый их коварным светом,
Себя утрачу я при этом,
Познав печаль волос седых.
Не обещай мне сладких снов
В плену иллюзии надменной.
Останусь в яви неподменной,
Вне чар морфеевых лгунов.
Не обещай мне вечный фарт.
Лукавство очерствляет душу,
Желая вырваться наружу
И дать бесцельной гонке старт.

Не обещай чужих щедрот.
В безбрежном море наслаждений
Бросают волны заблуждений
На скалы северных широт.
Не обещай призов за труд.
Определить деяний ценность
Не позволяет жизни бренность.
Тернист к добру земной маршрут.
Не обещай мне ничего,
Что на исходе тяжким грузом,
С концом пути сближая юзом,
Терзало б мыслью: «Для чего?»

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

(Дом № 51 на улице Чкалова)

Владислав Кислов

Редчайший случай, когда мы можем наглядно проследить историю дома: от проекта до результатов двух пожаров и до постепенного исчезновения следов существования этого великолепного когда-то образца деревянной застройки Гатчины.

В конце 1880-х годов на этом участке уже стоял дом (каким он был, мне неизвестно), принадлежащий Анне Андреевне Ивановой.

В конце 1890-х годов дом и участок перешли во владение Ираиды Михайловны Глухаревой, жены купца 1-й гильдии Евгения Егоровича (Георгиевича) Глухарева (1858–1911), который в Петербурге держал торговлю железными и строительными товарами.

Евгений Глухарев происходил из крестьян деревни Раткова Угличского уезда Новосельской волости Ярославской губернии. Получил домашнее образование.

Сколотив на родине усердным трудом приличное состояние, Евгений в 1890 году (ему — 32 года) перебрался в Петербург, где вступил в купеческую гильдию, занявшись торговлей железом и железными изделиями. Поселился он на Садовой улице, в доме № 58, а торговлю вёл на Обуховском (позднее — Забалканском, в наши дни — Московском) проспекте, в доме Вяземского (№ 4).

В 1894 году Глухарев стал купцом 2-й гильдии и переселился в дом № 18 на Забалканском проспекте. А в 1895 году Глухарев переехал в дом № 1 на Измайловском проспекте.

Дом № 51 на улице Чкалова в Гатчине.
Фото 1959 года

В 1899 году состояние Глухарева позволило ему не только стать купцом 1-й гильдии, но и приобрести у прежней владелицы Ольги Степановны Синелобовой в собственность дом № 8 по 6-й роте (ныне 6-я Красноармейская улица) Измайловского полка.

В первом десятилетии XX века купец Евгений Егорович Глухарев стал известным и уважаемым жителем Петербурга, владел там торговым домом, несколькими домами, был почётным членом Ведомства учреждений Императрицы Марии, товарищем пред-

седателя правления Православного общества ревнителей веры и милосердия, старостой церкви святого Николая Чудотворца при Ремесленном училище Цесаревича Николая. Кроме того, он был потомственным почётным гражданином.

В доме № 8 по 6-й роте Измайловского полка в Петербурге семья Глухаревых проживала вплоть до 1917 года.

Жену Глухарева звали Ираидой Михайловной. У Глухаревых было семеро детей: сыновья — Михаил, Георгий и Сергей; дочери — Анна, Анастасия, Александра и Варвара.

В самом начале XX века Глухарев не был стеснён в средствах и поэтому решил построить роскошный загородный дом в Гатчине, где на Люцевской улице Глухаревым, напомним, с конца 1890-х годов принадлежал дом № 51.

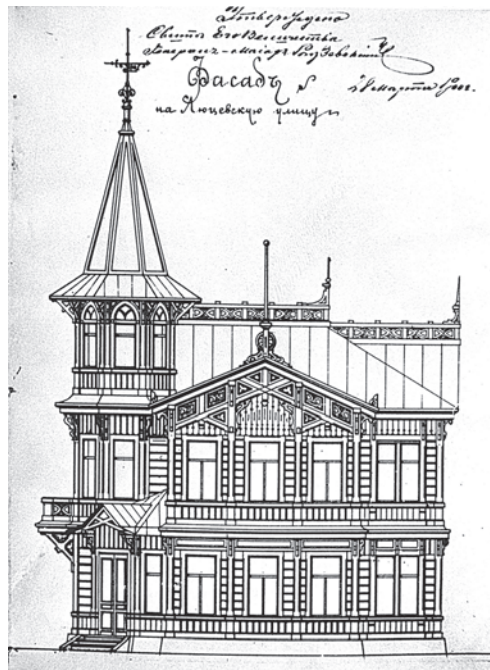
В 1903 году архитектор Гатчинского Дворцового управления Леонид Михайлович Харламов (1870 — после 1919) возвёл для Глухаревых дом, который сразу же стал украшением Люцевской улицы.

Двухэтажный деревянный дом венчал шпиль с изящным флюгером. Главный вход располагался в левом углу здания и имел крыльцо, по сторонам которого в начале 1950-х годов ещё сохранялись каменные фигурки лежащих львов.

Проект дома утверждён 28 марта 1900 года исполняющим обязанности Министра Императорского Двора, Свиты Его Величества генерал-майором Константином Николаевичем Рыдзевским.

Участок обнесли кованой металлической решеткой. На дворовой территории, по сторонам от главного здания, возвели одноэтажные каменные хозяйственные строения: слева — прачечную; справа — сарай.

Надо сказать, что по проекту того

же архитектора Л.М. Харламова в 1905 году для Е.Е. Глухарева было построено в Петербурге здание в стиле модерн. И находилось оно по 7-й роте (ныне 7-я Красноармейская улица) Измайловского полка, 7.

Семья Евгения Егоровича Глухарева жила, напомним, в собственном доме — № 8 по 6-й роте Измайловского полка.

Этот дом в стиле неоклассицизма в 1914 году был надстроен по проекту архитектора А.И. Николаева.

Глухаревы жили в основном в собственном доме в Петербурге. Лишь в 1902–1903 и 1906–1907 годах зафиксировано проживание в гатчинском доме его владелицы, Ираиды Михайловны Глухаревой. Но, конечно, в гатчинском доме не раз бывали как сам Евгений Егорович Глухарев, так и его дети.

После кончины мужа в 1911 году, Ираида Михайловна стала купчихой 1-й гильдии и унаследовала торговый дом мужа. Совладельцами были её сыновья: Михаил Георгий и Сергей.

Дом Е.Е. Глухарева с торговыми помещениями и складами на 6-й Красноармейской улице, 10 в Петербурге. Построен в 1899 году по проекту архитектора Н.М. Самойлова

Из жильцов дома № 51 на Люцевской улице старой Гатчины отмечу графа Николая Дмитриевича Мавроса (1862–1919) и его сестру, Марию Дмитриевну, в замужестве фон Эксе. О судьбе этих людей можно узнать в моём очерке в интернете.

С установлением в Гатчине советской власти, в 1919 году, в здании на Люцевской, 51 разместились Городской и Уездный комитеты Российской коммунистической союза молодёжи (РКСМ).

В этом же здании находился комсомольский клуб, о котором рассказывала заметка из газеты «Гатчинская правда» от 28 октября 1962 года.

Во время оккупации города фашистами и боёв за освобождение Гатчины немало домов улицы Чкалова, переименованной оккупантами в Gartenstrasse (Садовую улицу), были разрушены или серьёзно пострадали. Однако дом № 51, к счастью, уцелел.

5 марта 1947 года в доме № 51 начал работать Дом пионеров и школьников.

Гатчинцы помнят, что внутренняя отделка помещений Дома пионеров и школьников была очень привлекательной.

Первым директором Дома пионеров стал замечательный музыкант и педагог Георгий Петрович Борисов (1898–1984), который ещё в предвоенные годы работал руководителем детского хора и преподавателем Детской музыкальной школы города Красногвардейска (Гатчины), а с 1948 года стал её директором.

Из воспоминаний Г.П. Борисова: «Отгремела лихая година. Гром салюта возвестил о великой победе советского народа над фашистской Германией. Снова наши люди приступили к мирному труду, снова в школах зазвучали радостные голоса и смех наших детей.

Вернулся в 1945 году и я в родную мне

Гатчину, работал в 4-й, 5-й школах (бывшие 2-я и 10-я). Всю войну я провёл на Ленинградском фронте и никогда не порывал связи с внешкольным отделом Леноблпо. Его возглавлял тогда Р.А. Теас. Вот он-то в 1946 году и предложил мне заново организовать в Гатчине детскую музыкальную школу. Я согласился. Сразу это сделать не удалось — музыкальная школа подчинялась другому ведомству — Управлению Культуры. Но мы не пали духом.

В Гатчине был открыт Дом пионеров, и вот в нём в марте 1947 года мы организовали классы фортепиано и скрипки, которые явились дальнейшим продолжением работы школы».

Постепенно ветшая, дом № 51 ещё несколько десятков лет всё-таки сохранял достаточно привлекательный и оригинальный внешний вид, о чём свидетельствуют сохранившиеся, к счастью, фотографии 1960–1990-х годов.

А потом начались пожары. Первый из них произошёл в начале июля 1997 года. Фотографии того времени позволяют нам увидеть все разрушения, которые зданию причинил тот пожар.

Первый снимок, где дом ещё цел, датирован 3 июля 1997 года.

А на другом снимке, сделанном с той же точки, но уже 10 июля 1997 года, изображён дом после пожара.

Видно, что серьёзно пострадали второй этаж и кровля. Но здание всё-та-

ки подлежало восстановлению. Что и было вскоре сделано. Было даже воссоздано подобие сгоревшей башенки.

Но многие детали деревянного декора дома были тогда безвозвратно утеряны. В восстановленном доме предпола-

галось разместить Музей истории Гатчины. Но оказалось, что как состояние самого строения, так и состояние коммуникаций не соответствовали этой цели.

Несколько лет дом простоял пустым. А в 2007 (?) году случился очередной пожар. На этот раз от дома почти ни-

чего не осталось.

В октябре 2009 года остатки строе-

ния (кроме полуразрушенного фундамента) были снесены. На участке остались только развалины бывшей прачечной и сарая.

Участок бывшего дома № 51 на улице Чкалова в Гатчине. Снимок начала 2010-х гг.
В центре — дома №№ 34, 36 на противоположной стороне улицы Чкалова.

ТУРЕЦКАЯ ПАЛАТКА (ПЛОЩАДКА)

Владислав Кислов

В марте 2013 года на моём сайте в интернете появился очерк «Гатчинские названия — от прошлого к настоящему» <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/interesnoe-o-gatchine/gatchinskie-nazvaniya/>. В очерке, в частности, шла речь о расположенной в Дворцовом парке территории, именуемой в предвоенные годы Турецкой площадкой.

Тогда я предполагал, что это место находилось на большой поляне неподалёку от Берёзовых ворот, и что название Турецкая площадка никак не было связано с существовавшей до начала XX века Турецкой палаткой (беседкой), ибо, хотя мне и было известно, что Турецкая палатка когда-то располагалась на дороге, ведущей от Кухонного каре Дворца к Лесной оранжерее, но в тех местах в 1970–2010 годах не просматривалось большой поляны, где могло бы находиться такое сооружение.

Признаюсь, я ошибался. На самом деле, Турецкая палатка действительно находилась по другую сторону Белого озера, недалеко от Дворца. Оправданием служит то, что истинное место расположения бывшей Турецкой палатки, а позднее — Турецкой площадки, многие десятилетия скрывали под рост и высокая трава.

Судя по некоторым сведениям, в 1970-х годах место бывшей площадки было отреставрировано с восстановлением первоначальной планировки, но никаких следов этих работ я в те годы, откровенно говоря, не заметил.

А позднее всё заросло молодыми деревьями, кустарником и высокой травой.

Лишь масштабные работы по восстановлению парка, начатые в 2010-х годах, позволили открыть и уточнить место расположения этого утраченного сооружения Дворцового парка.

Итак, в марте 2013 года мне ещё не было достоверно известно место, где когда-то стояла Турецкая палатка, а в конце лета 2014 года это место вдруг объявилось во всей красе!

Находится оно неподалёку от Дворца. Если идти от Карпина пруда по аллее вдоль заднего фасада Дворца, то вскоре по левую сторону аллеи, по направлению к линии Балтийской железной дороги, вы увидите в некотором отдалении обширную круглую поляну, самая дальняя сторона которой приподнята. От аллеи к поляне ведёт широкий проход.

На снимке, сделанном мною 20 ноября 2014 года, хорошо видно, что проход и поляна ориентированы с востока на запад, так как на заднем плане виднеется заходящее солнце.

На заднем плане второго снимка в центре виден Павильон Венеры. Турецкая палатка находилась на одной оси с ним. А примерно посередине между ними, на Длинном острове, когда-то стояла декоративная ваза, от которой ныне остался лишь постамент.

К счастью, в Кушелевском альбоме сохранилась акварель Г. Сергеева, на которой изображён Гатчинский парк при Павле I (1798 год).

На акварели видна и сама Турецкая палатка, и декоративная ваза на Длинном острове, и Чесменский обелиск.

Первоначальная Турецкая палатка существовала со второй половины XVIII века до 1840-х годов и представляла собой деревянный павильон, имитировавший тканый шатёр. Сооружение использовалось для отдыха и трапез.

По соседству с Турецкой палаткой

позднее возникли сооружения, предназначенные для игр и развлечений, в т. ч. качели.

В 1840-х годах на месте старой Турецкой палатки была построена новая: в виде трельяжной беседки, которая в 1920-е годы была утрачена.

Привожу современные изображения Турецкой палатки. Вот такой её представлял, к примеру, инженер, участник военно-исторических реконструкций Владимир Долгов. Видно, что от Турецкой палатки, стоящей на возвышении, вниз на Турецкую площадку вели пять каменных лестниц.

Итак, Турецкая палатка исчезла в 1920-х годах, а вот Турецкая площадка осталась. И название это сохранялось вплоть до Великой Отечественной войны.

В советское время, вместо разрушенных сооружений, на возвышении была построена эстрада. А саму площадку использовали для танцев (фото из газеты «Красногвардейская правда» за 1940 год).

В выходной день на Турецкой площадке Гатчинского дворцового парка.

В одном из номеров той же газеты, в статье «Хулиганы мешают отдыхать», написанной секретарём комитета ВЛКСМ завода «Цветметштамп» В. Штокаловым, говорилось: «Наш город, где отдыхают тысячи ленинградских трудящихся, не может похвастаться отсутствием хулиганствующего элемента. Наши парки вместо того, чтобы стать очагами культурного отдыха, зачастую становятся местом скопления хулиганов. Например, так называемую «Турецкую площадку» посещают многие трудящиеся города,

но их отдых отравляют завсегдатаи ресторана, расположенного рядом. Этот ресторан давно стал убежищем местных хулиганов и тунеядцев. И посетители «Турецкой площадки» вполне обоснованно обвиняют органы милиции в недостаточной охране отдыха трудящихся, в либеральном отношении к нарушителям общественного порядка».

Ресторан, что находился поблизости от Турецкой площадки, это ресторан Балтийского вокзала. Порядки, царившие в этом заведении, не раз становились объектом критики в городской газете.

Необычное и красивое название — Турецкая площадка. Оно должно было остаться в памяти горожан, тем более что неоднократно упоминалось в местной газете. Но — нет! Не сохранилось оно в памяти гатчинцев. Никто из гатчинских старожилов, с кем мне приходилось беседовать, не упоминал его.

Валентин Хрящёв

Я посмотрел сегодня умный фильм —
Красивый, ироничный, чуть тревожный;
Купался в этом фильме, как дельфин,
Такое ежели сравнение возможно.

Я посмотрел сегодня светлый фильм —
Дожливой ночью хватит разных мыслей,
И в те часы, когда обычно спим,
Копать в себе до спрятанного смысла.

ДЕРЕВНЯ МИНЫ И ЕЁ ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

Андрей Бурлаков

Странное и даже удивительное название носит старинная деревня Мины, расположенная в трёх километрах от посёлка Вырица. Живописные берега среднего течения извилистой, словно змея, реки Оредеж были обжиты нашими предками уже в эпоху средневековья. Вот и на месте современной деревни находилось небольшое селение с названием Горка Змеино, имеющим славянское происхождение. Впервые селение упоминается в Новгородской Писцовой книге 1499 года: среди сёл и деревень Суйдовского Никольского погоста здесь значится деревня «Горка Змеино на реке Аредежи». Рядом обозначены соседние населённые пункты: деревни Устье (ныне — село Введенское) и Клетно. В Писцовой книге сообщается, что в деревне Горка Змеино имелся один крестьянский двор, в котором проживали: «Васко да Куземка Сменовы». Каких-либо других сведений о том, что представляла собой деревня в тот период, найти не удалось.

Во времена шведского господства на территории края, в XVII веке, недалеко от этих мест прошла русско-шведская граница. Почти на столет деревня Горка Змеино оказалась под шведской оккупацией, соседние деревни — Борисово и Клетно — считались пограничными. Несмотря на притеснения иноземных захватчиков и бегство местных жителей на русскую территорию ближе к Новгороду, деревни среднего Поореджья, в большинстве своём, сохранялись, на месте

некоторых селений при шведах образовались пустоши. В Писцовых книгах Ингерманландской земли 1618–1623 годов упоминается деревня Smeino. В середине семнадцатого столетия превратившееся в пустошь селение Змеино выбирают для жительства несколько семей переселенцев из Финляндии, которая в то время входила в состав Свейской короны. Шведы всячески приветствовали расселение лютеран в Ингерманландии. Эти переселенцы были приписаны к приходу лютеранской кирхи, расположенной в деревне Кобрино.

Благополучно обосновавшиеся в этих местах финны впоследствии до неузнаваемости исказили исконное название деревни, постепенно превратив его из Змеино в Мины. Если на шведской карте Ингерманландии 1676 года, на левом берегу реки Оредеж значится деревня Smeino, то на карте 1699 года, уже — Smina. На «Географическом чертеже Ижорской земли», выполненном Адрианом Шхонебеком, селение фигурирует под названием Смиина. И уже в окончательном русском варианте во второй половине XVIII века бывшая деревня Горка Змеино окончательно превратилась в деревню Смины, а затем — Мины.

Земли среднего течения реки Оредеж с петровских времён составляли владения царевича Алексея — сына Петра Великого, и были приписаны к Куровицкой мызе. В дальнейшем царская вотчина относилась к дворянскому ведомству и даже некоторое

время принадлежала монахам Александро-Невской лавры. В 1779 году императрица Екатерина пожаловала Устинскую мызу с деревнями Устье, Мины, Горки, Каужа (ныне — Каушта), Борисово, Клетно и другими «бригадиру» Александру Александровичу Саблукову (1746–1828 гг.). Его лесная дача, граничащая с землями Новгородского уезда, возникшая на месте современного села Введенское, упоминается в одном из архивных документов за 1780 год. Личность А.А. Саблукова заслуживает отдельного повествования, здесь же отметим некоторые эпизоды его биографии.

Он был сыном придворного камер-лакея, начинавшим свою службу в 1762 году сначала пажом, а затем камер-пажом при дворе императрицы Екатерины II. В 1767 году Александр Саблуков начинает военную службу поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. В августе он был послан в Москву, в числе других офицеров, для усмирения беспорядков по поводу свирепствовавшей там «моровой язвы». В том же году за усердие, проявленное в данной компании, капитан-поручик Саблуков производится в гвардии капитаны, а в 1778 году — в бригадиры. В этом звании он находился около года, вскоре оставив военную службу.

В 1780 году А.А. Саблуков назначается заседателем верхнего Земского суда Санкт-Петербургской губернии, а вскоре, получив чин действительного статского советника, переходит на службу в Петербургское государственное казначейство. Именно в этот период ему были пожалованы ордена Святого Владимира (1786 г.) и Святой Анны (1789 г.). На момент начала царствования Павла I он управлял Экспедицией о государственных расходах. В 1796 году начинается его стреми-

тельный карьерный рост: Саблуков, получив чин тайного советника, назначается сенатором, а в следующем году — товарищем министра Департамента уделов и президентом Мануфактур-коллегии. В день коронации императора Павла I (1798 год), он получил от государя 500 душ крепостных крестьян. Однако, несмотря на покровительство царя, в 1799 году он оказался в опале, был отстранён от службы и всех должностей. В 1800 году А.А. Саблуков, благоприятным образом помилованный императором, получил чин действительного статского советника. При Александре I он состоял членом Государственного Совета, был почётным опекуном Санкт-Петербургского воспитательного дома и председателем Опекунского Совета. Могила его находится в Александро-Невской лавре.

Сколько лет А.А. Саблуков был хозяином поместья, расположенного на ордежских берегах, — неизвестно, но удалось установить связь с этими местами ещё одного известного владельца. В документальных источниках за 1793 год упоминается новый устинский помещик — действительный статский советник Александр Григорьевич Демидов, владевший в окрестностях Гатчины знаменитой усадьбой Тайцы. Листая метрические книги, можно проследить, что крестьяне деревень Устье, Мины, Горки и других были приписаны к приходу Таицкой церкви святого и благоверного князя Александра Невского. Этот храм располагался в сорока верстах от вышеперечисленных селений, и местным крестьянам приходилось, невзирая на большое расстояние, добираться до него и бывать здесь на службах.

Интересно отметить, что в 1815 году Демидов устроил на берегу реки Ордеж (при впадении в неё реки Суйды) стекольный завод, на котором труди-

лись окрестные крестьяне. В метрической книге за 1822 год сообщается о бракосочетании служителя Устинского стекольного завода Адама Паянена, лютеранского вероисповедания, с дочерью крестьянина из деревни Мины Акулиной Ивановой. Со шведских времён в этих местах жили финны-ингерманландцы (официальное название этой народности — зурямёйсет). В деревне Мины, по отношению к русскому православному населению, они составляли большинство. Финское название деревни, согласно архивным источникам XIX столетия — Miina.

У сына А.Г. Демидова — Григория Александровича — «отрезок» из его владений в 1836 году приобрёл полковник Пётр Артамонович Кожин (1800–1864 гг.). «Мины — деревня принадлежащая Кожину, полковнику, — сообщается в описании этого селения, сделанном в 1838 году, — число жителей по ревизии: 27 мужского пола и 31 женского пола». Соседнее имение Новопетровское с одноимённой деревней, расположенное в двух вёрстах от деревни Мины (на месте современного посёлка Вырица) за рекой Ордеж, оставалось в собственности Демидовых до 1864 года.

П.А. Кожин происходил из дворян Псковской губернии. Военную службу он начинал в 1815 году юнкером в Кавалергардском полку. В 1836 году, получив звание генерал-майора, он был назначен командиром 2-й бригады 1-й Кирасирской дивизии. Однако 1 января следующего года по домашним обстоятельствам, связанным со смертью жены, Кожин уволился со службы с правом ношения мундира. Некоторое время он состоял предводителем дворян Порховского уезда Псковской губернии. Последняя его должность — директор отделения Попечительского общества о тюрьмах. П.А. Кожин был

Пётр Артамонович Кожин (1800–1864 гг.)

похоронен в родовом имении в Порховском уезде.

Сохранилось несколько документов кожинского периода истории деревни Мины. Например, известие о пожаре в 1840 году, в результате которого в деревне сгорели три избы и несколько хозяйственных строений. Известно, что в 1845 году помещик построил рядом со своей усадьбой в деревне Устье деревянную церковь Введения Господня, после чего Устье стало называться селом Введенским. Стоит отметить, что в 1837 году местные крестьяне лютеранского исповедания, в связи с дальностью расположения их приходской Кобринской кирхи, обратились к губернскому начальству с просьбой относительно устройства в Устье молитвенного дома. Но он так и не был построен. По сведениям на 1851 год, Кожину принадлежали в имении Введенское 155 крестьян мужского пола и 796 крестьян — в Порховском уезде.

Согласно статистическим сведениям, в 1862 году отставному генерал-майору П.А. Кожину принадлежали: в селе Введенское — 11 крестьян мужского пола и 18 — женского; в деревне Мины — 31 крестьянин мужского пола и 27 — женского; в деревне Горки — 46 крестьян мужского пола

и 34 — женского... В деревне Мины имелось 14 дворов, по данным Исполведальной росписи Введенской церкви за 1864 год, в этой финской деревне числилась только одна русская семья — Гавриловых. «Вдова Параскева Осипова, 60 лет, — сообщается в документе. — Дети ея — Гавриловы: Сергей, 38 лет, Иоанн, 25 лет и Фёкла, 17 лет. Сергеева жена — Дарья Дементьева 33 года, дочь их Параскева 8 лет». В том же году, согласно записи в Метрической книге, у «временного обязанного крестьянина» Сергея Гаврилова родилась дочь Марфа. Крестьянская реформа 1861 года способствовала созданию Минского крестьянского общества, объединившего «свободных крестьян» этой деревни. Среди значительных дел новой общественной организации — ремонт Кауштинского шоссе в 1877 году.

После смерти П.А. Кожина поместье принадлежало его дочери Марии Петровне Новосильцевой, а в 1870 году у наследников генерал-майора Введенское имение было куплено столичным купцом, потомственным почётным гражданином Петром Николаевичем Зиновьевым. При нём в селе строится стекольно-хрустальный завод, а для крестьянских детей открывается первая школа. Известно, что в 1884 году предприятие производило продукции на сумму 180 рублей. Всего здесь трудились 318 рабочих. Однако, дела

Фрагмент карты 1884 года

на заводе шли, видимо, не очень хорошо, и предприятие за долги в 1893 году было выставлено на продажу. Последним, дореволюционным хозяином завода с 1897 года стал великобританский подданный, столичный фабрикант Матвей Яковлевич Эдвардс, владевший в этих местах 1060 десятинами земли. Он же был основателем будущей дачной местности Посёлок, появившейся в начале XX века близ деревни Вырица.

Огромное влияние на становление местных деревень оказало бурное развитие Вырицкой дачной местности. В 1910 году был утверждён «План дачной местности Вырица-Посёлок села Введенского при станции Вырица».

Во второй половине XIX века через деревню Мины неоднократно следовали из Гатчинской резиденции на охоту в село Лисино и окрестные леса императоры Александр II и Александр III со своими свитами. Здесь находился императорский охотничий заказник и учебное лесничество. В Лисине (ныне — село Лисино-Корпус) имелся путевой царский дворец. До Октябрьской революции некоторые минские крестьяне служили лесными обходчиками и смотрителями лесных угодий.

В этот период деревня Мины входила в состав Лисинской волости Царскосельского уезда. В 1889 году здесь имелось 19 крестьянских дворов. В деревне существовали питейный дом и торговая лавка. По сведениям на 1896 год, в Минах финское население составляло 127 человек. В начале XX столетия это число возросло до 150. Последним местным помещиком с 1911 года был статский советник Василий Эмильевич Шольц, купивший заложенное за долги имение М.Я. Эдвардса. Накануне революционных событий 1917 года в деревне Мины насчитывалось 23 крестьянских двора.

Сегодняшняя деревня больше похожа на рядовой совхозный посёлок с пятиэтажными домами и социально-бытовыми объектами: начальной школой, детским садом, клубом и библиотекой. До перестройки здесь находилась центральная усадьба передового совхоза «Искра». Ещё совсем недавно существовал Минский сельский совет, объединяющий несколько деревень. В настоящее время деревня входит в состав Вырицкого городского поселения. Каких-либо памятников старины здесь не сохранилось, исключение составляет бесхозное, заброшенное здание, где в разные времена находились сельский Совет, клуб, библиотека... По рассказам старожилов, в этом деревянном доме в дореволюционный период находился питейный дом. В народной топонимике до сих пор живы старинные названия: Кожинский лес и Кожина канава. Из по-

Вид на реку Оредеж со стороны деревни Мины.
Фотография автора

томков исконных жителей и сегодня проживают в деревне ингерманландцы из рода Паянен. Советская летопись деревни Мины и её героическая военная история также заслуживают внимания, но об этом в следующем очерке.

(Продолжение в следующем номере)

Валентин Хрящёв

Не жить в скворешне воробью,
Прогонят воробья.
Ты говоришь, тебя люблю,
И я любил тебя.
Холодным чувствую плечом
Горячее твоё,
И воробей здесь ни при чём, —
Он даже не поёт.
Но я похож на воробья:
Как наши воробьи,
В иные не стремлюсь края
От холода любви.

Дарья Петрова

Совсем не южный Новый Свет

Кто знал, что через много лет
Второй родится Новый Свет!
В нем нет Голицынской тропы,
Нет черноморской красоты.
Здесь летом не поспеет дыня,
Но земли помнят шведа имя,
Близ Павел строил свой дворец,
И Пушкина жил праотец.
На месте финских деревень
Орлова помнит светлый день.
Хранит молчание всегда
Мемориальная звезда.
О тех, кто жизнь здесь положил,
Хотел бы жить, но не пожил...
Кто каторжным трудом своим
Нам северный создали Крым.
Встречает каждый день рассвет
Совсем не южный Новый Свет —
Он наш родной, неповторимый,
Такой желанный и любимый!

ИМЕНА В ИСТОРИИ

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.*

И.А. Бунин

«ЛИШЬ СВОЕЙ РУКЕ ОН ОБЯЗАН СЛAVOЙ»

Марина Шеметова

В процессе подготовки в 2013 году к выставке в Приоратском дворце «Знак Высшего благочестия. Под сенью мальтийского креста» была затронута тема взаимоотношений принца Конде и императора Павла I.

Принц Луи-Жозеф де Бурбон, принц де Конде (фр. Louis V Joseph de Bourbon-Condé, 9 августа 1736 — 13 мая 1818) — потомок Людовика Святого, принимал у себя в Шантильи летом 1782 года великокняжескую чету — Павла Петровича и Марию Фёдоровну, путешествующих под вымышленными именами графов Северных. Именно после этого поистине королевского приёма и под впечатлением дней, проведённых в Шантильи, Павел Петрович и задумал все переделки в Гатчине, осуществлённые им через несколько лет. Таким образом, большинство известных исторических памятников в Гатчине, таких как Коннетабль или парковые сооружения, непосредственно или косвенно связано с именем принца Конде.

После Великой Французской революции принц вместе с семьёй эмигрировал одним из первых и уже в июле 1790 года выпустил Манифест, в котором призывал собраться под его знамя всех дворян. Они и сформировали впоследствии ядро армии Конде. «Армия обычно состоит из солдат примерно одинакового возраста, одного роста и сходной силы, — вспоминал позднее Ф.Р. де Шатобриан. — Наша была совсем иной, беспорядочным объединением людей зрелых, стариков и спустившихся с голубятни детей [...].

Неизвестный художник.
Портрет Луи Жозефа де Бурбона, принца Конде.
Конец XVIII века. Пастель.
Национальный музей, Версаль

Отец служил рядом с сыном, тесть — с зятем, дядя — с племянником, брат — с братом, кузен — с кузеном. В этом ополчении, каким бы смешным оно ни казалось, было нечто трогательное и достойное уважения, поскольку люди руководствовались искренними убеждениями».¹

Одновременно через вербовочные центры осуществлялся набор наёмников, в основном из западных и южных областей Германии и Швейцарии. Уже осенью 1792 года эти отряды принимали участие в военных действиях против французских революционных войск. Потерпев ряд неудач и после отступления союзников, принц Конде, через посредничество короля в эмиграции Людовика XVIII, обратился за

помощью к императрице Екатерине II. В ответ русская императрица прислала с герцогом Ришелье 60 тысяч рублей золотом и предложение основать французскую военно-земледельческую колонию на побережье Азовского моря. «Мы были потрясены, — писал один из «кондейцев», — мы предполагали лучше умереть и хотели быть убитыми во Франции, нежели принять подобное предложение»².

Людовик XVIII

Но в январе 1793 года император Франц принял на службу «армию» Конде, сделав его фельдмаршал-лейтенантом, а его сына — генерал-майором. Была образована отдельная дивизия в составе Верхне-рейнской армии.³

С июня 1795 года армию Конде начинает финансировать английское правительство, и это обстоятельство позволяет ему увеличить численность своей армии с 5600 до 13 тысяч человек. Но Леобенское соглашение, а затем и Кампо-Формийский мирный договор положили конец первой коалиции европейских государств против Франции. Поэтому положение армии Конде

Д.Г. Левицкий. Екатерина II — законодательница
в храме богини правосудия. 1783 г.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

окончательно стало неопределённым.

Летом 1797 года «кондейцы» были расквартированы в южной Германии, и перспективы корпуса быть расформированным стали реальными. При посредничестве короля Людовика XVIII Конде связывается с императором Павлом I. В июле к Конде прибывает русский дипломат М.М. Алопеус, привезший согласие императора Павла принять «армию» Конде на русскую службу. «Павел явно стремился оказать французам благодеяние, однако сами они относились к идее переселиться на территорию его империи более чем прохладно — как к меньшему из зол. В июле 1797 года Людовик XVIII в письме Конде выражал надежду, что пребывание армии на территории России долго не продлится».⁴

В сентябре войска принца Конде были ознакомлены с условиями перехода на русскую службу. Они должны были направиться на квартиры в Россию, в окрестности города Владимира-Волынского, где «климат приятен и почва плодородна».⁵

Корпус французских эмигрантов подчинялся непосредственно Павлу I, его командир имел право сноситься с императором. Всем «кондейцам» разрешалось свободно исповедовать свою религию. Они обязывались присягнуть на верность русскому царю и его знамёнам и подчиняться всем военным уставам и регламентам Российской империи. Впоследствии корпус Конде должен был принять эмблемы и униформу.⁶

В армии принца, прежде всего, присутствовали части и подразделения, состоящие из французских дворян, в основном, кадровых офицеров. Также служили и представители крупных буржуа. Другую группу составляли наёмники, немецкие солдаты из мелких прирейнских княжеств и швейцарцы.

Пехота «армии» состояла из одного полка дворян — пеших егерей. Ими командовал полковник граф де Мазанкур. Все его офицеры в прошлом являлись генералами королевской службы. Служили люди разного возраста — и подростки 14–16 лет, и пожилые мужчины. Многие из них были кавалерами орденов Святого Людовика, Мальтийского и Св. Лазаря. Существовали также 2 кавалерийских полка под командованием графа де Меле, маркиза де Монпэ и графа де Монморанси-Лаваль. Особую часть составляли «рыцари Короны» под командованием герцога д'Аркура, состоявшую из сыновей зажиточных буржуа и небогатых дворян Прованса, Дофине, Оверни и Лионнэ.

Из наёмников выделялся своими боевыми качествами легион под командованием виконта де Мирабо, младшего брата деятеля Французской революции. Немецкими наёмниками командовал полковник князь Карл Гогенлоэ-Вальденбург-Бартенштейн-Ягстберг.

У солдат «армии» принца была общая внешняя деталь — белая повязка на левом рукаве мундира. На ней имелось изображение королевских геральдических лилий (трёх у дворян всех чинов и одной у наёмных солдат), которые первоначально были голубого цвета, а затем (с 1793 г.) стали чёрными в знак траура по казнённому Людовику XVI. Такие повязки подчёркивали элитарный характер эмигрантских формирований и указывали на единство политических взглядов «кондейцев».⁷

Перед отправкой в Россию общая численность корпуса Конде (к 1 октября 1797 г.) сократилась до 5300 солдат и офицеров, что было связано с условиями императора Павла Петровича — он не принимал иностранных наёмников, кроме немецкого полка Гогенлоэ. Также армию принца покинули те французы, которые испугались сурового климата России и чужих порядков.

Итак, через пятнадцать лет после блистательного приёма в Шантильи Павел I и принц Конде встретились в Санкт-Петербурге. Принц выехал из Уберлингена 11 октября 1797 года в сопровождении свиты и слуг. 20 ноября он прибыл в Ригу, где его встретили военный комендант города, генерал-лейтенант граф Х.И. Бенкендорф, губернатор барон фон Рихтер и генерал-адъютант русского императора граф Кретов. Последний вручил принцу письмо Павла I и соболью шубу стоимостью в 3 тыс. дукатов. Три дня Конде провёл в Риге, где приобрёл русскую генеральскую униформу, в которой он должен был предстать перед царём.⁸

2 декабря 1797 г. принц уже был в Петербурге и остановился в Таврическом дворце, предоставленном ему Павлом I для жительства. «Дом Чер-

С. Тончи. Портрет Павла I в одеянии
гроссмейстера Мальтийского ордена. 1798–1801

Фрагмент знамени армии принца Конде.
Вышито воспитанницами
Смоляного института благородных девиц
по просьбе Павла I

нышова, который государь купил для него, чтобы сделать ему подарок, и на фронте которого был помещён герб принца и надпись золотыми буквами: Hôtel de Condé, ещё не был окончательно отделан. Принца предупредили, что для него приготовлен ужин, и он может пригласить, кого он сочтёт

нужным».⁹ Русский император жалует принца орденом Андрея Первозванного и Большим мальтийским крестом, а также назначает Конде Великим приором Мальтийского ордена.

Император и принц обсудили детали, связанные с организацией контингента французских эмигрантов. Было определено, что французский корпус будет состоять из трёх пехотных полков (дворянского пешего — принца Конде, гренадерского — герцога Бурбонского и мушкетёрского — князя Гогенлоэ) и двух кавалерийских полков (дворянского конного — герцога Беррийского и драгунского — герцога Энгийского). Шефы этих полков становились генералами русской службы (принц Конде — генерал-лейтенантом, а герцоги — Бурбонский, Энгийский и Беррийский — генерал-майорами). Начальники штабов эмигрантской пехоты и кавалерии (маркиз де Бутийе и граф д'Экевийи), а также исполняющий должность начальника главного штаба корпуса (барон де Ларошфуко) получали звания генерал-адъютантов.¹⁰

21 декабря 1797 г. Император Павел в торжественной обстановке вручил принцу Конде новые знамёна и штандарты эмигрантского корпуса, соединявшие в себе русские и французские эмблемы (в центре каждого полотнища помещался двухглавый орёл, а на углах — по одному цветку королевской лилии). Тогда же принцу были показаны образцы предназначенной для «кондейцев» униформы.¹¹

Тем временем вести войска на Волынь пришлось внуку Конде, герцогу Энгийскому, и 30 декабря корпус Конде достиг реки Буг, служившей границей между Австрией и Россией.

1 января 1798 г. корпус прибыл в местечко Кладнев, где его встретили русские офицеры со священниками и

пикетом казаков. Там французы присягнули на верность русскому императору. «Эта торжественная церемония состоялась на берегу Буга, на фоне унылого зимнего пейзажа. Под звуки военной музыки, игравшей как русские так французские мелодии, войска построились в одно большое каре, в центре которого, на холмике, был установлен алтарь. Католический священник громким голосом трижды прочёл пространный текст присяги, а затем совершил молитву перед алтарём. Все офицеры и генералы повторили слова клятвы, в то время как солдаты держали поднятой руку. «Там, — писал в своих воспоминаниях один из участников церемонии граф Александр де Пюимэгр, — мы оставили, к сожалению, эту белую кокарду, знак объединения и цели наших усилий, чтобы принять отличительные знаки московитов».¹²

В Дубно был размещён штаб корпуса принца, а воинские части были расквартированы по деревням и местечкам вокруг этого города.

Сумма ежемесячного жалования военнослужащим корпуса составляла 142798 флоринов 55 5/6 крейцера, или в русской валюте — 92 554 руб. 86 коп.¹³

Кроме того на содержание выделялось в месяц ещё 96807 рублей 48 3/4 коп. Каждый солдат французского корпуса получал в сутки 2 фунта печёного хлеба, а каждая лошадь — 3 гарнца овса, 10 фунтов сена и 1 сноп соломы. В то время четверть овса стоила в России 1 руб. 30 коп., пуд сена — 13 коп., а фунт печёного хлеба — 1 1/2 деньги.¹⁴

В феврале 1798 г. в столицу приехал с Волыни герцог Энгиенский, и был весьма гостеприимно принят и обласкан императором. Герцога Павел I помнил ещё ребёнком, когда он, «красивое десятилетнее дитя», преподнёс

Марии Фёдоровне огромный букет «наиредчайших и наироматнейших цветов».¹⁵

Louis Henri Antoine de Bourbon-Condé, prince de sang, le pair de France, le duc d'Enghien.
Часть портрета работы Шилли
(выпускник Académie royale 1770 года).
Хранится в национальном музее в Версале, замок Трианон

8 марта 1798 г. принц Конде и герцог Энгиенский покинули Петербург и вместе со свитами, кассой и новыми знамёнами отправились к месту расквартирования французского корпуса. 30 марта они прибыли в Дубно и поселились в великолепном дворце князя Михаила Любомирского. Принц немедленно приступил к намеченной реорганизации своих войск, которая была закончена в середине апреля 1798 г. Теперь корпус Конде насчитывал около 6 тыс. человек и состоял из пяти полков.¹⁶

Имеются воспоминания бывших «кондейцев» о бытовых условиях расквартированных французов, так, например, Ипполит д'Эспэншаль, бывший «рыцарь Короны», писал: «Уезды, в которых была расположена армия, состояли из городков и деревень...

Дубно, дворец Михаила Любомирского, современная фотография

состоявшие из разрозненных домов, сооружённых из земли и дерева, — грязными, нечистоплотными и совсем опустившимися крестьянами...»¹⁷.

Однако имеются и другие свидетельства, как, например, мемуары офицера дворянского конного полка графа де Пюимэгра, утверждавшего, что эмигранты жили в России в лучших условиях, чем в Германии, и что «материальное положение последнего солдата было полностью обеспечено благодаря обилию и дешевизне продуктов». «Я помню, — писал де Пюимэгр, — что фунт мяса стоил пять копеек — одно су, а дюжина яиц или один каплун — три или четыре су, но вино, кофе, сахар, предметы роскоши для туалета, — все это доставлялось из Англии и было непомерно дорого».¹⁸

Но вскоре русское военное устройство с ежедневными смотрами, парадами и экзерсисами стало тяготить французских военных и вызвало случаи дезертирства, за которое наказывали: солдат — палками, офицеров — сажая под арест. Ожидавшие более лёгкого и приятного времяпрепровождения, непривычные к зимним холодам, французские эмигранты стали ропотать из-за условий службы. Летом 1798 года на русском таможенном пункте пограничного городка Усти-

луг был перехвачен пакет с письмами из корпуса принца. В письмах содержалась резкая критика монарха и государственного устройства России. Авторы писем, офицер Бурбонского гренадерского полка де Бомануар и фурьер дворянского полка де Клозе, были арестованы и посажены как государственные преступники в Каменецкую крепость. Французов приговорили было к ссылке в Сибирь, затем они были препровождены под стражей в Санкт-Петербург, но Павел I их помиловал. Он повелел их перевести прапорщиками в русский Сибирский драгунский полк под командованием их соотечественника графа де Виомениля.

Граф де Виомениль

Эти события имели последствия, поскольку Павел I был очень недоволен поведением и вольнодумством французских эмигрантов. Он повелел принцу Конде принять незамедлительные меры по укреплению дисциплины. В июле 1798 года Павел издал указ, запрещающий въезд в Россию французам. Это привело к тому, что возвращавшиеся из отпуска «кондейцы» застряли на границе, оставшись без средств к существованию. Конде сумел, в конце концов, выхлопотать

для них паспорта и послать им из личных средств небольшие суммы.

От скучной, однообразной лагерной жизни в глухой провинции французы отвлекались картами и охотой. Нередко вспыхивали ссоры, заканчивавшиеся дуэлями.

Одна из групп эмигрантов организовала театральный кружок. Местом, где они ставили свои спектакли, стал замок польской графини Чацкой. Ставили в основном комедии Мольера и Реньяра из репертуара Comédie-Française.

В 1799 году сложилась новая коалиция держав после перехода Швейцарии под французский контроль (Гельветическая республика). Одну из основных ролей в ней играла Россия. Были подписаны союзные договоры с Австрией, Англией, Неаполитанским королевством, Турцией, несколькими немецкими княжествами и Швецией.

В Австрию был отправлен русский вспомогательный корпус генерала Розенберга, в Средиземное море послана военная эскадра адмирала Ушакова.

В марте 1799 года началась война между Австрией и Французской республикой. Павел I послал на подмогу австрийскому эрцгерцогу Карлу русский корпус генерала Нумсена и французский эмигрантский корпус принца Конде. После ряда проволок, связанных с комплектованием кавалерии, ремонтом дорог и остального, императором было предписано принцу Конде задержаться с выступлением и пропустить вперёд русские войска. Наконец, 19 июня им было приказано выступить за границу империи. В октябре корпус Конде занял город Констанц, где вместе с русскими частями принял бой с наполеоновской армией.

В дальнейшем корпус Конде был расквартирован в Баварии, затем в австрийском Линце, где ожидал своей

Город Констанц со стороны Рейна, современная фотография

дальнейшей участи. Россия вышла из антифранцузской коалиции, и в марте 1800 г., по договорённости, Павел I известил Конде, что его корпус переходит в распоряжение британского правительства. Павел I, впрочем, оставил эмигрантскому контингенту в знак благодарности за верную службу всё снаряжение, вооружение, обмундирование, а также повозки и лошадей.¹⁹

В апреле 1800 года по распоряжению британского правительства армия Конде была направлена в Италию, затем её включили в состав австрийской армии, но после заключения Люневильского мира её решили расформировать, что и произошло 1 июня 1801 года в австрийском городке Виндиш-Фейстрице. К тому времени корпус сократился до трёх тысяч человек. Некоторые из них продолжили служить в австрийской армии, многие возвратились во Францию по амнистии, объявленной Бонапартом.

«Они были наймитами наших врагов — это верно, — говорил император на острове Святой Елены, — но являлись ими или считали необходимым быть таковыми ради своего короля. Франция погубила их дело и оплакала их храбрость. Всякая преданность есть героизм».²⁰

Судьба самого принца Конде и его

семьи трагична. После гибели герцога Энгиенского род их прервался. Когда в 1814 году принц Конде вместе с сыном вернулся во Францию, Шантильи было разрушено. После смерти Конде титул принца унаследовал его сын, уже немолодой, Людовик Генрих-Жозеф Бурбон, смерть которого до сих пор вызывает вопросы. Его нашли повешенным в замке Сен-Ле. Смерть его была выгодна многим людям, в том числе и королю Луи-Филиппу.

У Дмитрия Юрьевича Бовыкина в статье о службе французских роялистов русскому императору, приведено четверостишие, посвящённое принцу Конде:

¹ Бовыкин Д.Ю. Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. С. 77–86.

² Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.

³ Там же.

⁴ Бовыкин Д.Ю. Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. Вып. 7. с.77–86.

⁵ Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Мемуары графини Головиной // Русские дневники, письма, воспоминания. М.1996. С. 175.

¹⁰ Васильев А.А. Роялистский эмигрантский

*Великий в объятиях Победы,
В Несчастье ещё более Велик.
Положением в обществе обязанный предкам,
Лишь своей руке он обязан Славой.*

Куст плакучей ивы на месте расстрела герцога Энгиенского. Акварель 1820-х годов

корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мемуары баронессы Оберкирх и праздник в Шантильи по случаю пребывания там графа и графини Северных // Перевод А.Н. Спацанского. НВА ГМЗ «Гатчина» № 1805.

¹⁶ Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

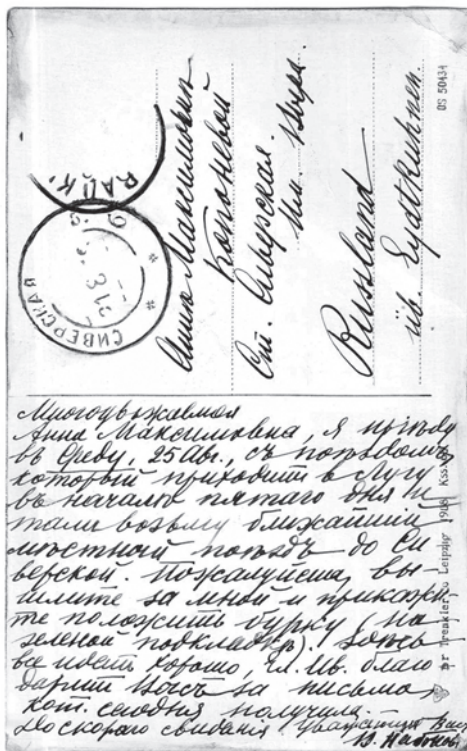
²⁰ Там же.

«...И СЛУЧАЙ, БОГ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОТКРЫТКИ

Екатерина Сёмочкина

Как часто бывает: благодаря случайным, казалось бы, совпадениям происходят удивительные встречи... Хочется рассказать об одном не слишком значительном, но показательном переплетении судеб и событий, которое наглядно подтверждает простую истину: всё в жизни не случайно, всё предусмотрено. Остаётся лишь удивляться изобретательности случая...

Всё началось с открытки, обнаруженной в архиве Музея-усадьбы «Рождествено».

Копия открытки от В.Д. Набокова к А.М. Копоневой от 18.08.1910 г. (архив Музея-усадьбы «Рождествено»)

дествено». С адресной стороны был текст, написанный чернилами, уверенным почерком, рукою, судя по подписи внизу, В.Д. Набокова¹ (отца писателя В.В. Набокова). С другой стороны открытка была совершенно пустой. При этом печати были слегка размыты. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не оригинал: типографская разлиновка была искусно подделана... Этим письмом В.Д. Набоков уведомляет управляющую вырским имением Анну Максимовну Копоневу о скором своём прибытии («...я приеду в среду, 25 авг., с поездом, который приходит в Лугу в начале пятого дня, и там возьму ближайший местный поезд до Сиверской»). Открытка была отправлена 18 августа 1910 года. Любопытно, что А.М. Копонева является тёткой М.П. Кончаловского², который по её протекции был личным врачом бабушки и деда писателя (о чём оставил интересные воспоминания³).

Через пару недель после этой «находки» я получила письмо. Давний приятель нашей семьи, поэт А. Чернов, прислал копию статьи⁴ С. Таска «В гостях у Набокова» с припиской «это текст тебе нужный». Текст, действительно, оказался очень интересным и нужным. Автор статьи описывает свои встречи и разговоры с нашими земляками, состоявшиеся в мае 1979 года. Тогда живы были ещё те, кто помнил и «прежнюю жизнь», и Набоковых, и Рукавишниковых — хозяев местных усадеб. Сейчас таких свидетелей уже не осталось... На одной

из фотографий, иллюстрирующих текст, вдруг оказалось знакомое изображение. Та самая открытка, — правда, здесь у неё обнаружилась вторая сторона с изображением курортного города Бад Киссингена (Западная Германия). С. Таск не только приводит текст открытки, но и рассказывает её историю. Оказывается, она принадлежала Л.Е. Алейниковой, дочери доктора Розанова, домашнего врача Набоковых. «Людмила Евгеньевна положила передо мной картонную открытку... <...> Откуда? От Копоневой, управляющей имением. После её смерти кое-что осталось...» Описывая открытку, автор замечает: «Марка выдрана с мясом — явно детские ручонки поработали»...

Не могу не привести хотя бы несколько воспоминаний из этой статьи. По словам Л.Е. Алейниковой, «дети Набоковых владели ракеткой лучше, чем русской речью», а сама Людмила Евгеньевна девочкой была тайно влюблена в младшего брата Володи Набокова — Сергея, «интересного молодого человека» в пенсне. Про Набоковых местные жители вспоминали только хорошее: на Рождество и господским, и крестьянским девочкам дарили платя или косыночки (баронесса М.Ф. Корф всегда участвовала в их пошиве), мальчикам — штанишки, ремешки. Господа помогали крестьянам, кроме школы и больницы, построили народный театр. «Лошадь падёт или что, они тебе тридцать пять рублей», — вспоминала ровесница писателя, некая «тетя Люба». — «Помню, в семнадцатом Владимир Дмитриевич на гумне народ собрал. Без шапки, волосы зачёсаны назад, высокий такой, в пиджачке. Мужики ему: «Когда вы землю нам раздадите?» А он: «А когда вы мне пошлину отдадите?» Из Петербурга нередко приезжали артисты, ставили сцену на гумне. Ещё одна местная жительница заметила: «...При господах

лучше было. У них свои уголья, у крестьянина своя угожь. Самый бедный держал корову, овцу и козу».

...Ну а мне оставалось связаться с автором статьи и выяснить у него, где находится оригинал открытки. Ответ не заставил себя долго ждать. «В моих руках были, несомненно, оригиналы, — писал Сергей Таск, — пишу "были", так как после нескольких переездов Россия-Америка-Россия я не могу их найти и не помню, куда спрятал. Но сохранились негативы и распечатанные фотографии, сделанные тогда же, в мае 1979 года. Я их посылал Наталье Толстой⁵ в Ленинград, а она пересылала Елене Владимировне⁶, чей благодарственный отзыв, видимо, где-то издевательски от меня прячется по сей день вместе с оригиналами открыток».

Вот так — поразительно, но именно в нужное время! — пришла разгадка. Открытка была подарена С. Таску дочерью доктора Розанова 4 мая 1979 года и сейчас потеряна. Но это было ещё не всё. Ведь опять же, нередко бывает, что одна неожиданность неумолимо влечёт за собой другую, и всё выстраивается в мудрёном и стройном, неподвластном человеку порядке.

Вскоре после истории с открыткой музей посетила супружеская пара из Санкт-Петербурга. Евгений Борисович Скраливецкий и его жена Наталья Валентиновна решили передать в дар музею некоторые старинные предметы. Однако у нас состоялся не один разговор, прежде чем я услышала: «...А знаете что? У меня ведь есть друг, внук доктора Набоковых. Мать его девочкой жила тут, да и он бывал здесь не раз. Хотите с ним пообщаться?» Конечно! Так я познакомилась с Дмитрием Ивановичем Алейниковым (правда, тогда и не вспомнив про статью, где речь шла о его матери). Побывала у него дома, узнала о судьбах его родствен-

ников, увидела семейные раритеты: фотографии и два альбома с открытками, адресованными и Евгению Евгеньевичу Розанову, и его супруге Софье Эдуардовне. Одна из открыток была от В.Д. Набокова, другая — от М.Ф. Набоковой (бабушки писателя В.В. Набокова по отцу). Позже Дмитрий Иванович приехал в музей и любезно позволил отсканировать свои фотографии. На одной из них его мать, Л.Е. Алейникова, сидит рядом с пожилой женщиной, своей няней Наточкой. «Возможно, вы её знали, — заметил Дмитрий Иванович. — Ведь она как раз жила на Выре.

А.А. Алексеева и Л.Е. Алейникова. 1976 г.*

Анастасия Акимовна Алексеева». Я не знала, но, оказалось, знал мой отец. Он и поныне дружен с сыном Анастасии Акимовны Борисом. И не раз слышал о том, что она работала у Набоковых (предположительно, горничной). Вот как всё переплетено в жизни!.. Тут-то я и вспомнила о статье. Всё сошлось. Дмитрий Иванович вспомнил и С. Таска, и его статью. «Детские ручонки», оторвавшие марки с открыток, были именно его.

Что же мы знаем о докторе Розанове? В «Других берегах»⁷ он упоминается дважды. Сначала безымянно: «... рождественский доктор прикатывал на своих лёгоньких дрожках, запряжённых крутошеей цирковой понькой с гривкой, как зубная щётка» (Дмитрий

Е.Е. Розанов, Кострома, до 1900 г.

Оборотная сторона фото Е.Е. Розанова с дарственной надписью «От молодого врача»

Иванович пояснил, что жеребчика этого звали Ванечкой). А затем вот так: «...До сих пор вспоминаю с беспомощной досадой, как наш сельский врач, милейший доктор Розанов, которому, как человеку учёному, я, доверчивый десятилетний мальчик, оставил на попечение драгоценные синеватые куколочки редкой совки (боялся взять их с собой в заграничное путешествие), преспокойно написал мне в Биарриц, что они отлично вылупились, — но на самом деле их вероятно пожрала мышь, ибо по моём возвращении обманищик торжественно преподнёс мне каких-то потёртых крапивниц, почему-то обложенных ватой, которых крестьянские ребята верно наловили ему в его же саду».

Дмитрий Иванович рассказал о своём деде следующее. Евгений Евгеньевич Розанов родился в 1875 году, в семье сельского священника в Костромской губернии, в деревне Коробово. Село это примечательно тем, что там жили потомки Ивана Сусанина. В честь этого пустошь Коробово была пожалована царём Михаилом Фёдоровичем дочери Ивана Сусанина — Антонине Сабининой и всем его потомкам. Жителей села Коробо-

ва освободили от всех податей, они получили большие льготы и были вольными. В 1900 г. Евгений Евгеньевич окончил медицинский факультет Московского университета и был распределён на работу в Общину святой Евгении⁸. Там он познакомился со своей будущей женой Софьей Эдуардовной Керштейн (1877–1942), немкой по происхождению (она окончила фельдшерско-акушерскую школу). У

Слева сидит жена доктора Е.Е. Розанова Софья Эдуардовна Керштейн

Предположительно няня Наточка — Анастасия Акимовна Алексеева и Софья Эдуардовна Керштейн

них родилось двое детей: Людмила и Евгений. Доктор Розанов участвовал в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. в качестве врача военно-санитарного поезда №34 от Общины святой Евгении или Красного Креста.

В селе Рождествено Е.Е. Розанов был одним из первых земских докторов⁹, и работал здесь, по разным сведениям, с

Софья Эдуардовна Керштейн с детьми Женей и Люсей

1901, с 1903 или с 1907 по 1914 год. Здесь нужно сделать необходимые пояснения. Работа эта была очень трудоёмкой и непростой: каждый врач в среднем обслуживал участок радиусом примерно 17 вёрст. При этом участковый врач должен был оказывать лечебную помощь всем приходящим больным, делать хирургические операции, принимать роды и ездить на выезды. В журнале «Всемирная иллюстрация» за 1876 год об этом писалось так: «Карьера медика тяжёлая: она требует огромного самоотвержения, крепкого здоровья, скромности, находчивости, хладнокровия, энергии — и в награду даёт большинству посвятивших себя ей только кусок хлеба...»

Лечебница Рукавишниковой для приходящих больных была построена в Рождествено в 1885 году в память умершего в 16-летнем возрасте от чахотки Владимира Рукавишников¹⁰. На её содержание И.В. Рукавишников¹¹ пожертвовал 62 тысячи рублей. По утверждённому Министерством Внутренних дел Уставу приём больных в

Е.Е. Розанов в дверях рождественской больницы

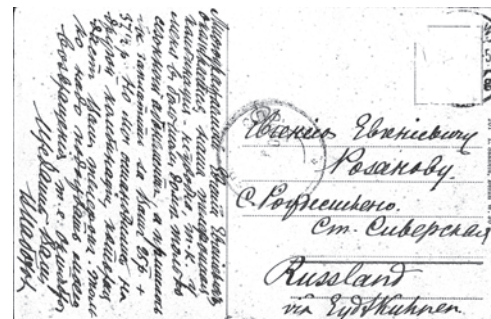
лечебнице проводился бесплатно. Помещения были такими: приёмный зал, кабинет врача, аптека. За счёт Рукавишникова был выстроен и заразный барак на 10 кроватей в деревне Даймище Рождественской волости. Здесь и на заводе Чикиных также вёл приём доктор Розанов. В 1911 году Рождественский медицинский участок стал смешанным и обслуживал 10 772 жителей из одиннадцати селений. В статье С. Таска написано, что доктору Розанову помогала фельдшерница Мефодиевна, по-домашнему Фотьма. «Все выезды доктора Розанова оплачивал Рукавишников». И за лекарства никогда не платили, а больных поили миндальным молоком.

Д.И. Алейников прекрасно помнит няню Наточку. По её словам, доктор Розанов был «золотой человек». Она, простая крестьянка, тоже помогала ему при операциях, и доктор «уважал» и хвалил её за усердие и внимание. Анастасия Акимовна вспоминала, что наиболее частыми в их практике были операции по зашиванию ушей и ноздрей после сельских драк...

Е.Е. Розанов был мобилизован во время Первой мировой войны и слу-

жил врачом в полку жёлтых кирасир¹², расквартированных в Царском Селе. На фронте был контужен, взят в плен и освобождён казаками. Вернулся с войны с психическим расстройством; умер 9 сентября 1918 г. Похоронен в Рождествено. Его жена, Софья Эдуардовна, работала акушеркой в ленинградском роддоме и умерла во время блокады в 1942 году. Их сын Евгений, родившийся в 1909 году, стал геологом. Он погиб в 1944 году, в звании капитана при освобождении г. Львова, где и похоронен.

Доктор Розанов, в рождественском доме которого несколько раз бывал Ф.И. Шаляпин, был типичным представителем «сельской интеллигенции», — так же как и здешний учитель Набоковых, Василий Мартынович Жерносеков, заведующий рождественской школой, также не раз упоминаемый в «Других берегах». И Василий Мартынович, и Евгений Евгеньевич жили прямо в учреждениях, где работали: первый — в комнате «каменного здания образцовой школы, выстроенной отцом»¹³, второй с семьёй занимал весь второй этаж лечебницы, выстроенной дедом писателя. С обоими, по всей видимости, В.Д. Набоков поддерживал тесные, если не сказать, дружеские отношения: в «Других берегах» описывается, как Василий Мартынович приглашает Набоковых в свою комнату «закусить», а из текста публикуемой здесь открытки, отправленной из Берлина 29.07.1909 года В.Д. Набоковым доктору Розанову, мы можем узнать, что Набоков хлопотал об устройстве для своего доктора весьма недешёвого тогда телефона. Вот её текст: *«Многоуважаемый Евгений Евгеньевич, оказывается наша телефонная комбинация — неудобна, т.к. у меня в большом доме только сезонный абонемент, и пришлось бы заплатить*

Адресная сторона открытки, отправленной В.Д. Набоковым доктору Е.Е. Розанову из Берлина. 29.07.1909 г.

Лицевая сторона открытки, отправленной В.Д. Набоковым Е.Е. Розанову

за Ваш 25 р. + 37 ½ р. Но мы остановились на другой комбинации, которая даст Вам телефон¹⁴. Только надо подождать моего возвращения, т.е. октября. Преданный Вам В. Набоков». Также «случайно» встретившись в нашем музее с исследователем судеб русских эмигрантов в Эстонии, Сергеем Гавриловым, я узнала о судьбе Василия Мартыновича, которого Набоков считал расстрелянным при Ленине «за эсерство». Он выжил и эмигрировал в Эстонию, где также был заведующим начальной школой при Лнопрядильной мануфактуре в Ивангороде. Наверняка эмигрировать пришлось бы и Е.Е. Розанову, останься он жив.

Дочь доктора Людмила Евгеньевна, с которой и встречался С. Таск, родилась в 1906 году. Её первый муж Ушаков Сергей Александрович погиб

в ссылке в г. Чкалов (Оренбург), куда попал после «чистки» 1934 года (родители Сергея служили в Дворцовом ведомстве в Петергофском дворце). У них родился сын Александр (1932 г.р.), который сейчас живёт в Гатчине. Второй муж, Алейников Иван Ефимович, также имел «запятнанное» происхождение: был сыном священника и сам окончил Духовную семинарию, после чего, по словам Дмитрия Ивановича, «пытался выйти из этой среды и учился на фельдшера, следователя, литератора». Всю жизнь из-за преследований он не мог ни нормально учиться, ни работать. «Спрятаться от прошлого» получилось на комсомольской стройке уральского Камского бумажного комбината. Всю жизнь И.Е. Алейников работал бухгалтером — в то время это было уделом многих «бывших»¹⁵, прекрасно образованных, но «политически ненадёжных» граждан. Параллельно печатался в журналах «Крокодил», «Смехач», и даже был заместителем главного редактора заводской газеты «Краснокамский бумажник» (напечатанное в 1934 году в газете известие об убийстве С. Кирова не точно соответствовало тексту правительственного сообщения, в результате чего Иван Ефимович был арестован и находился под следствием). Воевал. В 1946 году у Алейниковых родилась дочь Людмила (умерла в 2006 году), в 1951 году — сын Дмитрий. Он, кстати, также стал доктором (зубным). Людмила Евгеньевна умерла в 1990 году, её муж — в 1998-м. Оба они похоронены в Рождествено.

...Каждый раз, когда сын отвозил Людмилу Евгеньевну к могилам родных на Рождественское кладбище, она просила его остановиться у здания современной больницы, стоящего на месте амбулатории и, показывая на угловые окна второго этажа, говорила: «Вот, это наши окна...» Конечно,

окна были не те, они находились уже в здании постройки середины XX века, но именно в этом месте трудился и помог тысячам своих подопечных, наших земляков, доктор Розанов...

¹ Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) — юрист, политический деятель и публицист, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии, отец писателя В.В. Набокова.

² Максим Петрович Кончаловский (1875–1942) — российский и советский врач, крупный клиницист, основатель школы клиники внутренних болезней.

³ Кончаловский М.П. Моя жизнь, встречи и впечатления. <http://celenie.ru/konchalovsky.htm>

⁴ Таск С. В гостях у Набокова. / Альманах библиофила., Вып. 27. М., Книга. 1990.

⁵ Наталья Ивановна Артеменко Толстая (1926–2003) — филолог, переводчик, редактор издательства «Художественная литература», исследователь творчества В.В. Набокова. Её письма к сестре Набокова Елене хранятся в музее.

⁶ Елена Владимировна Набокова (в замужестве Сикорская) (1906–2000), сестра В.В. Набокова. Её письма к Н.И. Толстой хранятся в музее.

⁷ «Другие берега» (1953) — автобиографический роман В.В. Набокова о его детстве и жизни в России.

⁸ В 1882 году был организован «Санкт-Петербургский Попечительный комитет о сёстрах Красного креста». Инициаторами его создания явились российские деятели искусства. Заботу об этой благотворительной организации взяла на себя принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, внучка императора Николая I. В честь её небесной покровительницы, святой Евгении, организация и получила название «Община святой Евгении».

⁹ После введения в 1864 году земского самоуправления для некоторых губерний, на земства была возложена забота о народном здравоохранении. С появлением земской медицины врач или фельдшер, продающий услуги за деньги, стал представителем социальной службы. По данным З.Г. Френкеля («Очерки земского врачебно-санитарного дела», 1913), к 1910 году в России было создано 2 686 врачебных участков, на службе у земств состояло 3 100 врачей. Рождественский участок был открыт в 1870 г.

¹⁰ Здесь и далее — данные В. Кислова («Земская медицина Гатчины и окрестностей 1870–1918 гг.»).

¹¹ Иван Васильевич Рукавишников (1843–1901) — русский горный инженер, миллионер-золото-промышленник, совладелец Ленских золотоносных приисков, меценат, дед В.В. Набокова.

¹² В пригородах Петербурга квартировался целый ряд гвардейских полков: в том числе л.-гв. Кирасирский Его Величества полк в Царском Селе и л.-гв. Кирасирский Ея Величества полк в Гатчине. Соответственно этому и назывались они «жёлтыми» и «синими» кирасирами — по отличительным (приборным) цветам полка. Воротники, обшлага, погоны, выпушки, канты, околыши фуражек и конские чепраки Гатчинского полка были синего цвета, в отличие от красного — у Кавалергардского и л.-гв. Конного полков и жёлтого — у л.-гв. Кирасирского Его величества полка в Царском Селе. Иногда также говорили «Гатчинские кирасиры», «Царскосельские кирасиры».

¹³ Цитата из романа В.В. Набокова «Другие берега».

¹⁴ В 1882 году были открыты первые в России телефонные станции в Москве и Петербурге. С 1895 года абонентская плата составляла 75 руб. в год для расстояния до 2 верст и 15 руб. за каждую следующую версту, что могли себе позвонить лишь очень состоятельные люди.

¹⁵ После опубликованного в 1897 году рассказа Максима Горького «Бывшие люди» о людях, павших из благополучия в бездну страдания, до революции 1917 года «бывшими людьми» называли бродяг, босяков и прочих представителей социального дна. После октябрьского переворота это выражение стало применяться (в усеченной форме — «бывшие») к дворянам, чиновникам, интеллигенции и др.

***В статье представлены фотографии из семейного архива Д.И. Алейникова.**

И ВЕРЕН НЕБУ, ВЕТРУ ВЕРЕН...

Над полями, лесами, болотами,

Над изгибами северных рек,

Ты проносишься плавными взлетами,

Небожитель — герой — человек.

Владислав Ходасевич

САЛИЗКИЕ БЫЛИ. ГНЕЗДО «ЛЮДЕЙ ВОЗДУХА»

Владимир Николаев

Сализи¹ — Saalisi — Котельниково — небольшая финская деревня в пяти километрах от Гатчины и, пожалуй, одна из самых известных в Гатчинском районе. Известность к ней пришла в конце первого десятилетия прошлого века, когда рядом, на участке земли, арендованном Военным министерством у Министерства Императорского двора, начал создаваться полигон Учебного воздухоплавательного парка русской императорской армии. Конечно же, газеты тотчас разнесли эту важную новость по всему свету и потом продолжали сообщать читателям о том, что делалось на полигоне.

Сама деревня Сализи непосредственной причастности к полигону не имела, в ней не было ни сооружений, ни построек, относившихся к нему, но по её названию и расположению можно было узнать местонахождение «гнезда людей воздуха»: деревня Сализи Староскворицкой волости Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии.

1. Сбывшееся предсказание Петра Великого

16 (27 ст.ст.) мая 1703 года царь Всея Руси Пётр I, отлучаясь в Новую Ладугу с церемонии закладки на Заячьем острове крепости Санкт-Питер-Бурх (позже её назовут Петропавловской), в разговоре со своим другом и сподвижником Александром Меншиковым

¹ В литературе встречается другое, слегка изменённое название деревни — «Салюзи»

сказал пророческие слова: «Не мы, но правнуки наши будут ходить по небу, аки посуху». Всё так и получилось, как предсказал Пётр Великий.

Прошло восемь десятков лет, и в небольшом французском городке Аннонэ 5 июня 1783 года (здесь и далее даты указываются по новому стилю — прим. авт.) владельцы бумажной фабрики братья Жозеф-Мишель и Жак-Этьен Монгольфье закачали в бесформенную оболочку, склеенную из бумажных листов, горячий воздух, отчего та, приняв форму шара, стала рваться ввысь. Отпущенный на волю шар поднялся в небо и, гонимый ветром, полетел над полями и лесами вдаль. Так братьями Монгольфье был изобретён воздушный шар или аэростат (от греч. «аэр» — «воздух» и «статос» — «стоящий», то есть «стоящий в воздухе»). Специальная, созданная во Французской академии наук Комиссия пригласила изобретателей повторить опыт в Париже. К указанному сроку изобретатели прибыть не смогли, чем воспользовался парижский физик Жан Александр Шарль. За полтора месяца с помощью братьев-механиков Робер он изготовил свой шар, наполнил его водородом и поднял в воздух. Скоро нашлись и отважные парижане — преподаватель физики Пилатр де Розье и офицер королевской гвардии маркиз де Арланд, пожелавшие отправиться на аэростате в воздушное путешествие. В те времена атмосфера Земли была ещё недостаточно изучена и считалось, что жи-

вым существам будет нечем дышать даже на малой высоте (высокие горы не в счёт — там земля якобы испускала некие «полезные испарения»). Решили проверить это предположение и 19 сентября в небо запустили шар с клеткой, в которую поместили петуха, утку и барана. Все трое возвратились из поднебесья живыми, только петух оказался с повреждённым крылом. Как установили, это сделал баран, вероятно, с непривычки он вёл себя беспокойно. Ранение птицы насторожило публику (а за пусками аэростатов следила не только вся страна, но и Европа), и король Франции Людовик VI, опасаясь за жизнь подданных, приказал вместо готовившихся к полёту смельчаков отправить в полёт двух опасных преступников. Маркиз де Арланд возразил: «Как? Позволить этим негодям прославить их подлые имена?» С трудом удалось ему отговорить короля от этого несправедливого решения. 21 ноября 1783 года отважные французы совершили первое в мире воздушное путешествие.

Русский посол во Франции, князь Иван Сергеевич Барятинский, немедленно дал знать императрице Екатерине II об удивительных событиях во французской столице. Сообщая ей о полётах воздушных шаров в Париже, он писал: «Возможно будет дойти до того, что оными машинами могут управлять, как судами на воде... то многие вещи в свете возмут совсем другой оборот, а наипаче политические и коммерческие дела... равномерно и военные силы и движения не могут быть скрыты от верного исчисления и примечания и не будет никакой крепости, которую не можно было бы овладеть через угрозы воздушных машин метанием огненных материй, каковых потушить невозможно». Но Екатерина II не смогла разглядеть в

«забавах» французов выдающегося технического достижения. Более того, указом от 4 апреля 1784 года, во избежание пожаров, она ежегодно в период с марта по декабрь запретила пускать воздушные шары, а на предложение французских воздухоплавателей совершить в России показательные полёты, велела передать, что «здесь отнюдь не занимаются сею или другою подобною аероманиею, да всякие опыты оной яко бесплодные и ненужные у нас совершенно затруднены». Не проявил интереса к воздухоплаванию и её преемник император Павел I.

Прошло ещё 20 лет — и, вот он, предсказанный Петром I «правнук», отжившийся пройти по небу «яко посуху», — российский генерал, герой Очакова и Измаила в войнах с Турцией за выход России к Чёрному морю, 63-летний Георгиевский кавалер и известный при Дворе весельчак и остряк Сергей Лаврентьевич Львов!² 18 июля 1803 года при содействии императора Александра I, заплатившего за полёт своего подданного довольно приличную сумму, генерал Львов первым в России из наших соотечественников сел в корзину аэростата, пилотируемого придворным воздухоплателем французского императора Наполеона Анре Жаком Гарнереном. Поднявшись с плаца 1-го кадетского корпуса в Петербурге, воздушный шар некоторое время парил над городом, но затем ветер понёс его в сторону Финского залива. Чтобы избежать опасного приводнения в открытом море, Гарнерен прекратил полёт, посадив шар на землю. В целом полёт прошёл успешно. Сергей Львович получил большое

² С.Л. Львов (1740–1812) сын смоленского губернского прокурора. Окончил Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпус. С 1789 года — генерал-майор, с 1790-го — флигель-адъютант Её Величества.

удовольствие и, как желал, острые ощущения, о которых потом с юмором рассказывал своим друзьям и даже императору Александру I.

2. Из хроники русского воздухоплавания

Прежде чем рассказать о том, как через 105 лет после первого полёта воздушного шара в России рядом с деревней Сализи появился полигон Учебного воздухоплавательного парка, приведу для ознакомления некоторые важные факты из истории отечественного воздухоплавания.

20 июня 1803 года. Придворный воздухоплаватель Наполеона Анре-Жак Гарнерен с супругой Жанной-Женевьевой Лабросс совершили первый в России полёт на воздушном шаре. Поднявшись в присутствии Александра I, всего царского двора и многочисленных зрителей с плаца 1-го кадетского корпуса, воздухоплаватель опустился в лесу возле Малой Охты — пригорода Санкт-Петербурга.

18 июля 1803 года. Полёт Гарнерена с генералом от инфантерии С.Л. Львовым в Санкт-Петербурге. Поднявшись с плаца 1-го кадетского корпуса, шар опустился в районе Красного Села. Сергей Лаврентьевич стал первым русским человеком, поднявшимся в небо. Академией наук был организован научный полёт академика химии Я.Д. Захарова с французским физиком и воздухоплавателем бельгийского происхождения Э. Робертсоном. Расстояние 60 км от Санкт-Петербурга до села Сиворицы (ныне в Гатчинском районе) аэростат преодолел за 3,5 часа, достигнув высоты более 3000 метров. Во время полёта Захаров исследовал состав и состояние атмосферы, Робертсон уточнял данные о земном магнетизме, полученные ранее.

24 декабря 1869 года. При Главном инженерном управлении (ГИУ) Военного министерства России образована Комиссия для обсуждения вопросов применения воздухоплавания в военных целях во главе с генерал-адъютантом Э.И. Тотлебенем. К лету 1870 года её усилиями впервые в России был изготовлен «полностью из русских материалов и на отечественных заводах» воздушный шар объёмом 1500 куб. метров и газодобывательный аппарат.

7 (19 июля) 1870 года. Член Комиссии ГИУ полковник Л.Л. Лобко и два его помощника провели испытания этого шара в привязном режиме и поднялись на высоту 135 метров. Для продолжения опытов шар с плаца Павловского военного училища был перенесён на Усть-Ижорский сапёрный полигон.

Декабрь 1884 года. Учреждена новая «Комиссия по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек к военным целям» под председательством заведующего Гальванической частью ГИУ генерала М.М. Борескова (Комиссия Э. Тотлебена была упразднена). В неё включили военных специалистов, деятелей науки, придали отделение нижних чинов от гальванической роты.

16 февраля 1885 года. Отделение преобразовано в Кадровую команду численностью 22 нижних чина, в т.ч. два унтер-офицера. Её заведующим был назначен подпоручик А.М. Кованько, в подчинение ему выделили трёх офицеров. Место для расположения команды отвели на окраине Санкт-Петербурга, на так называемом Волковом поле, где прежде находился артиллерийский полигон. С целью ознакомления с постановкой воздухоплавательного дела, во Франции побывал и хорошо изучил его сам начальник Комиссии генерал Боре-

А.М. Кованько

сков. Там же было приобретено необходимое имущество и два воздушных шара. Началась напряжённая учёба.

6 октября 1885 года. Русские военные воздухоплаватели совершили первый свободный полёт. На воздушном шаре, названном «Соколом» (объём 1100 куб. м.), поручик А.М. Кованько, подпоручик А.А. Трофимов вместе с французским инструктором Рудольфи, поднялись с Волкова поля и, преодолев расстояние в 150 вёрст, достигнув наибольшей высоты подъёма 2150 метров, через 5 часов опустились в Новгороде.

5-11 августа 1886 года. Команда воздухоплавателей впервые приняла участие в войсковых манёврах под Красным Селом и Брестом. С этого года она ежегодно стала участвовать в манёврах и учениях гвардии и армии, отрабатывая задачи взаимодействия с ними.

22 апреля 1887 года. Команда военных воздухоплавателей преобразова-

на в Учебный кадровый воздухоплавательный парк (УКВП). Увеличены его штатная численность и денежные ассигнования, улучшено оснащение мастерских парка и его обеспечение материалами, расширен перечень учебно-боевых задач, например, стрельбы артиллерийских батарей по невидимым целям, выявленным воздухоплавателями, обучение переменного состава из офицеров и нижних чинов крепостной артиллерии и др.

14 мая 1890 года. Военный министр утвердил «Положение о воздухоплавательной части», в соответствии с которым УКВП был преобразован в Учебный воздухоплавательный парк (УВП). Круг возложенных на него задач был ещё более расширен, он стал центром русского военного воздухоплавания и распространил сферу своей деятельности и ответственности на воздухоплавательные части и подразделения двух министерств: Военного и Морского. Русское военное воздухоплавание стало всё более приобретать черты специального рода войск. На должность командира парка был назначен капитан А.М. Кованько. Александр Матвеевич находился во главе парка и предшествовавших ему воздухоплавательных команд с 1885 года до июня 1910 года (за исключением неполных 1887 и 1888 гг. и времени командования воздухоплавательным батальоном в Русско-Японской войне 1904–1905 гг.). С июня 1910 года по март 1918 года командовал Офицерской воздухоплавательной школой, затем непродолжительное время служил в высших учреждениях Управления Воздушного флота России и Управления ВВС РККА. Ему уже было 68 лет, он был нездоров и уехал лечиться на юг, в Одессу, где и скончался. В советское время городские власти, воздаяние заслуг перед Отечеством,

установили скульптурный памятник на могиле видного организатора военного воздухоплавания и авиации нашей Родины.

Лето 1894 года. Утверждён флаг русских военных воздухоплателей. Положено начало участия русских военных воздухоплателей в международных научных исследованиях. По их программам было произведено три свободных полёта.

26 января (9 февраля) 1904 – 23 августа (3 сентября) 1905 гг. — Русско-Японская война. На боевые позиции в Маньчжурию (Северо-Восточный Китай) убили две воздухоплавательные части: Сибирская воздухоплавательная рота (5 офицеров, 198 нижних чинов, командир капитан К.М. Боресков) с 4-мя воздушными шарами и сформированный приказом от 26.06.1904 г. Восточно-Сибирский полевой воздухоплавательный батальон 2-х ротного состава (командир — полковник А.М. Кованько). Они успешно выполняли боевые приказы, обеспечивая русские войска разведанными и корректируя огонь артиллерии. За мужество и героизм около 30 нижних чинов были награждены георгиевскими крестами, все офицеры — орденами Св. Георгия, А.М. Кованько — золотым оружием с надписью «За храбрость». После войны, в апреле 1906 г. ему был присвоен чин генерал-майора.

9 июня 1910 года. Издан приказ по военному ведомству о переформировании Учебного воздухоплавательного парка в Офицерскую воздухоплавательную школу (ОВШ). Таким образом, к стрелковым, кавалерийским, артиллерийским, электротехнической и другим школам, предназначенным для «усовершенствования офицеров», добавилась ещё одна.

Образована она была на базе хорошо

оснащённого парка, одного из лучших учебных центров императорской русской армии. Место дислокации — Петербург, Гатчина. Рядом с деревней Сализи ей отвели место для оборудования полигона. Начальником школы был назначен командир Учебного воздухоплавательного парка, видный организатор русского военного воздухоплавания, генерал-майор А.М. Кованько. Категория воинского чина начальника школы — генерал-майор (может быть, генерал-лейтенант).

3. Дирижабли теснят баллоны

До 1908 года русское военное воздухоплавание существовало в двух видах: привязном и свободном. В привязном аэростаты (их также называли баллонами) отпускались в плавание по воздушному океану на ограниченном по длине тросе, намотанном на вал подъёмной лебёдки. Целью таких подъёмов была разведка, фотографирование, наблюдение за тылом противника, корректирование стрельбы артиллерии. Связь наблюдателя с батареей велась по телефонной линии, проложенной между ними.

Свободное воздухоплавание — это полёт по воле ветра: куда он подует — туда послушно следует и аэростат. Такие полёты русские военные аэронавты в мирное время выполняли довольно часто, первый состоялся в том же году, когда была сформирована их славная дружина — 6 октября 1885 года.

Но воздухоплателей всех стран и армий не устраивали полёты по прихоти воздушных потоков, они хотели сделать аэростат управляемым и подражали морским судам: кто-то приделывал к аэростату паруса, кто-то — огромные вёсла. Ничто не помогало, пока в 1852 году французский

инженер Жиффар не установил в гондоле своего веретенообразного аэростата, названного дирижаблем (от фр. dirigeable — «управляемый»), механический двигатель — паровую машину в 3 л. с., вращавшую гребной винт и рулевое устройство. Только с их помощью он передвигался в пространстве и был, как писали очевидцы, «несколько управляем». И лишь спустя 32 года, в 1884 году, другие воздухоплатели — Ш. Ренар и А. Кребс — на своём дирижабле «Ля Франс» с 9-сильным мотором, гребным винтом и рулевым устройством возвратились к месту вылета. Это было значительное достижение технической мысли, подхваченное во многих странах. Так стало развиваться дирижаблестроение, и почти сразу же дирижабли стали приспособлять к применению в военных целях. Раньше и лучше всех это получилось у французского конструктора Жуллио, работавшего в фирме братьев Лебоди. В 1902 году им был построен первый в мире военный дирижабль «Patrie» (объём 3150 куб. м, двигатель 70 л. с., скорость 12 м/сек.).

Россия стала вооружать дирижабли свою армию позже других ведущих европейских стран. В феврале 1907 года при Главном инженерном управлении была образована Комиссия по разработке управляемых аэростатов во главе с профессором Военно-инженерной академии генерал-лейтенантом Н.Л. Кирпичёвым 2-ым. В неё вместе с военными аэронавтами — генерал-майором А.М. Кованько, подполковником В.А. Семковским, капитанами Н.И. Утешевым, И.А. Антоновым — были приглашены учёные военных академий и гражданских институтов — профессора Е.С. Фёдоров, В.С. Найдёнов и другие.

4. «Кречет» был первым, боевым...

В качестве образца для изготовления русского управляемого аэростата был взят первый французский военный дирижабль «Патри» полужёсткой системы инженера Жуллио. Русский проект управляемого аэростата выполнил Н.И. Утешев с помощниками — С.А. Немченко и И.А. Антоновым. В постройке дирижабля приняли участие сразу несколько российских и один французский завод. В Петербурге на «Треугольнике» изготовили оболочку, на заводе «Первого русского товарищества воздухоплавания» — четырёхлопастные орехового дерева винты, в Москве на «Дуксе» — платформу и гондолу, Ижорский и Содо-вый заводы Южно-Русского общества заготовили водород. В первоначальный проект вносились изменения и конструкторские усовершенствования: увеличили объём — вместо двух двигателей по 50 л. с. установили два по 85 л.с. Строительство продолжалось 11 месяцев — с июня 1908-го по 17 июля 1909 года.

Строящийся дирижабль называли «Комиссионным», а по окончании зарегистрировали под названием «Кречет». Из-за наступившей зимы испытания были проведены только в следующем году, после чего он был передан в 9-ю воздухоплавательную роту, дислоцировавшуюся в Риге.

«Кречет» стал первым военным дирижаблем, построенным в России, но к началу Первой мировой войны он устарел и в боевых действиях не участвовал.

Одновременно со строительством «Комиссионного» группа офицеров парка, возглавляемая генералом А.М. Кованько, принялась строить небольшой учебный дирижабль, проект которого представил старший

офицер парка капитан А.И. Шабский. Для его оснастки были использованы оболочки двух змейковых аэростатов, для тяги взят 16-сильный мотор. 27 августа (8 сентября) того же года строительство дирижабля, названного «Учебным», было завершено. Он стал первым дирижаблем, построенным в России. На испытаниях, начатых на следующий день, была достигнута высота 800 метров, скорость 21,6 км, полёт продолжался около трёх часов.

Использовался в ОВШ, как учебный, для лётной практики офицеров и техсостава. Через год из-за износа оболочки «Учебный» был разобран.

5. Полигон в Сализи

Впервые название деревни Сализи в высших военных кругах прозвучало в связи со строительством первого военного дирижабля для русской армии. Когда и по какому поводу — видно из ниже приведённого фрагмента «Отчёта о действиях Военного министерства за 1908 год. О работе в области военного воздухоплавания».

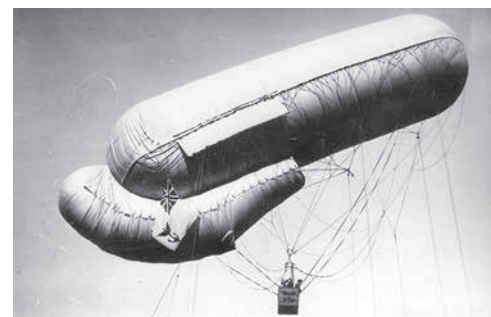
«...Для производства первоначальных испытаний и первых полётов управляемых аэростатов, предполагенных весной и летом 1909 г., — говорится в нём, — необходимо было выбрать особое место для устройства Воздухоплавательного полигона, удалённого от моря, Петербурга, большой реки и т.п. на расстояние 20–30 вёрст, что позволило бы производить первоначальные опыты без риска погубить аэростат при небольших повреждениях и авариях его механизмов, неизбежных при первоначальных опытах.

Устроить такой воздухоплавательный полигон предложено у деревни Сализи, близ Гатчины, где предполагено установить второй

*разборный эллинг. (Первый строился в УВП в Петербурге, на Волковом поле, и должен был быть готовым к весне 1909 года — В.Н.). Проект такого эллинга был выработан Комиссией по разработке управляемых аэростатов и ныне приступлено к постройке этого эллинга».*³

Из отчёта следует, что в 1909 году, в Петербурге, в мастерских Учебного воздухоплавательного парка было начато строительство дирижабля, а в Сализи — эллинга для него. С этого времени и начинается известность деревни Сализи, с этого момента она вошла в историю отечественного и мирового воздухоплавания. Как было сказано выше, впервые, как род оружия, русское военное воздухоплавание получило боевое крещение в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. В следующие два года, с учётом приобретённого на войне опыта, оно подверглось некоторому реформированию. При этом полигону Учебного воздухоплавательного парка (УВП) в Сализи отводилась важная роль как в подготовке кадров, так и в испытаниях снаряжения и вооружения дирижаблей и неуправляемых змейковых аэростатов (сферические аэростаты, как показала практика, для боевого применения были непригодны). В памяти были ещё свежи события Русско-Японской войны 1904–1905 гг., именно тогда русская армия для выполнения перечисленных задач впервые применила средства воздухоплавания — привязные аэростаты. К такой деятельности русские военные воздухоплаватели готовились с 1886 года, когда они впервые участвовали в Красносельских манёврах, и затем ежегодно вызывались на крупные войсковые учения.

³ «Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг. (Сб. документов и материалов)». Вып. 1 (1907–1909 гг.), М., 1966. с. 44.

Змейковый аэростат (привязной)
на воздухоплавательном полигоне в деревне Сализи.
Фото 1912 года

Но работать в боевой обстановке им довелось только спустя восемь лет, в Русско-Японскую войну 1904–1905 гг., и то лишь двум воинским частям: Сибирской воздухоплавательной роте с двумя привязными сферическими аэростатами (командир — капитан К.М. Боресков) и созданному на основе Варшавского крепостного воздухоплавательного отделения Восточно-Сибирскому полевому воздухоплавательному батальону двухроторного состава с 4-мя сферическими аэростатами (командир батальона — полковник А.М. Кованько). Война выявила плохую обеспеченность воздухоплавательных частей полевым воздухоплавательным имуществом. К тому же некоторые войсковые командиры при достаточно хорошей выучке военных аэронавтов их неумело использовали, а в ряде случаев даже пренебрегали данными воздушной разведки, что не шло на пользу русской армии.

После окончания войны опыт, приобретённый в сражениях на полях Маньчжурии, был всесторонне изучен и, положенный в основу новых инструкций и наставлений, начал внедряться в практику. Была пересмотрена структура воздухоплавательных частей и подразделений, взята на вооружение новая техника (змейковые

аэростаты, моторные лебёдки, усовершенствованные подвижные газодобывательные аппараты, конные лебёдки на лафетном ходу), увеличено число тренировочных свободных полётов личного состава, например, в 1910 году их было совершено 91.

В 1912 году русская армия уже имела в своём составе Офицерскую воздухоплавательную школу в Санкт-Петербурге, Брест-Литовский и три Восточно-Сибирских воздухоплавательных батальона (в Омске, Иркутске и Никольске-Уссурийском), воздухоплавательные роты в Свеаборге (крепость на острове рядом с Хельсинки), Каунасе, Гродно, Осовце, Киеве, Севастополе, Лиде, Бердичеве, Новогеоргиевске, Песчанке (под Читой), в крепости Карс на территории Турции. Каждая рота состояла из двух станций, имевших по два змейковых аэростата. Военно-морской флот тоже обзавёлся своим Морским воздухоплавательным парком в Одессе.⁴

5. Летний лагерь аэронавтов

Через год-другой рядом с деревней Сализи, на месте бывшего пустыря, выросли огромные вместительные эллинги для сборки и стоянки дирижаблей, казарма для нижних чинов, канцелярия и другие постройки. А поскольку в летнее время сюда на переподготовку из воздухоплавательных рот откомандировывались команды нижних чинов, и вся свободная территория полигона покрывалась жилыми палатками, то в обиходе часто употреблялось другое его неофициальное название — «Лагерь воздухоплавательного парка».

Вот так, с 1908 года, рядом с Сализи

⁴ П.Д. Дузь. История авиации и воздухоплавания в России. Период до 1914 г. Изд. 2-е. М., 1981, с. 146.

начал строиться и жить своей, не похожей ни на чьи другие, жизнью городок воздухоплавателей. В погожие дни тёплого времени года над ним подолгу висели огромные сферические или продолговатые змейковые аэростаты (в народе одних называли «пузырями», других — «змейкачами» или «колбасами»). В подвешенных к ним гондолах (корзинах) до революции виднелись фигурки господ офицеров — учеников Офицерской воздухоплавательной школы, обучающихся искусству воздушной разведки. Ну а в последующие годы публика была одета в самые разные одежды от красноармейских гимнастёр до рабочих пиджаков.

Но учёба велась не только на привязных аэростатах. Отсюда в свободные полёты отправлялись воздушные шары с отважными аэронавтами, иные улетали достаточно далеко: до границ Прибалтики, лесных просторов Заонежья, хлеботородных полей центральной и даже южной России. Особенно впечатляли дирижабли с их урчанием моторов, неспешными эволюциями, осторожными причаливаниями к высоким мачтам или «вползанием» в огромные эллинги. Желающие посмотреть на здешние чудеса приходили отовсюду. Бывали здесь и высокие чины: военный министр В.А. Сухомлинов, начальник Генерального штаба Я.Г. Жилинский, своё начальство из Главного инженерного управления (в те времена авиация и воздухоплавание входили в состав инженерного ведомства). Понятно, что начальники и военные пониже рангом приезжали по своим делам и их сразу пропускали на территорию полигона, ну а простая публика наблюдала за всем происходящим, находясь по ту сторону ограждений.

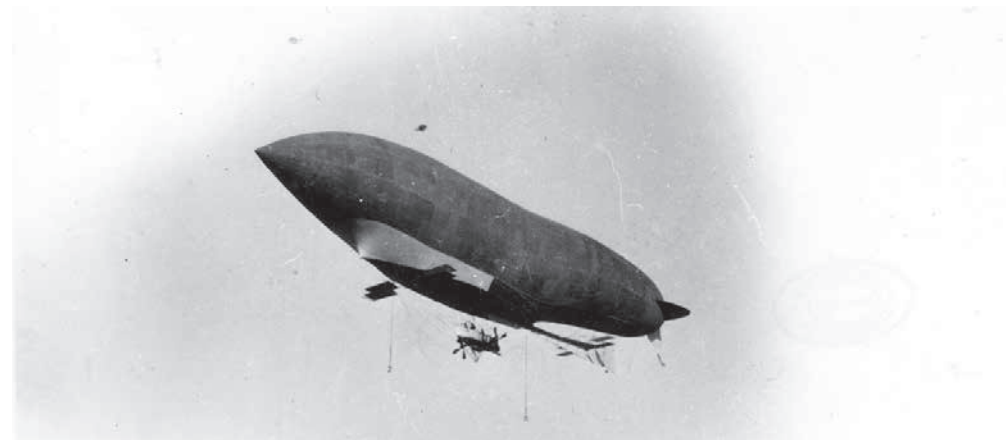
Вот что рассказывал о своём посещении «гнезда людей воздуха» в Сализи

внештатный корреспондент военной газеты «Русский инвалид», побывавший там одним из первых, ещё в августе 1909 года (статья приводится в сокращении с сохранением орфографии и пунктуации оригинала — прим. авт.):

НАШИ ВОЕННЫЕ ЛЕТУНЫ И ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛИ

...Чтобы попасть с Гатчинского аэродрома в деревню Сализи (извозчик с Балтийского вокзала в Гатчине, берёт в Сализи и обратно 1 р. 50 к. с заездом на аэродром) надо пересечь военное поле и через егерскую слободку Императорской охоты, выехать на прекрасное удельное шоссе. Приятная прогулка. Проехав парк, вы видите на краю большого поля огромный эллинг влево от дороги, а вправо, палатки воздухоплавательной роты. Тут же протекает небольшая зеркальная река (вода необходима для добывания водорода щелочным способом). Хотя и в новом, но небольшом чухонском домике, живёт группа офицеров Учебного парка, изучающих службу при управляемом аэростате, вместе с ними помещается и поручик Матвеев, второй помощник командира «Лебеда»; далее в деревне живёт в чухонской же избе первый помощник штабс-капитана Шабского, поручик Нижевский с женой, а при выезде из Сализи на деревню Репузи (на реке Пудость) изба командира «Лебеда». С ним его семья.

Боже мой, подумал я, победители и завоеватели воздушной стихии, как они скромны. Какая колоссальная разница в материальной обстановке службы во флоте надводном и воздушном. Во втором куда больше риска, а между тем содержание наших авиаторов и воздухоплавателей не отличается от содержания рядового офицера, даже лагерных не получают. Осматри-

Аэростат «Лебедь»

вая эллинг в Сализи, я обратил внимание и тут на отсутствие телефона. Более чем 200-тысячное имущество и значительная команда оторваны от основного учреждения — Учебного парка и не имеют быстрого сообщения. Случись что — кто виноват? Относительно эллингов, сооружённых в УВП в Петербурге и в Сализи, мне хочется сказать одно — рассчитаны ли они на появление аэростатов свыше 8000 куб. метров? Ведь такие большие аэростаты в них не войдут, а для малых, тысячи в 4 кубов, они велики. Красивые сооружения, долговечные и довольно дорогие. В результате ознакомления с современным положением воздухоплавательного дела могу смело сказать, что воздухоплавание наше военное, зародившись 25 лет тому назад, идёт по верному пути к совершенству.

С. Одинцов «Русский инвалид»,
9 июня 1910 г.

6. Жизнь как она есть

Жизнь в городке воздухоплавателей шла своим чередом. Небо над ним не пустовало. Каждый учебный день над

городком зависали один, чаще два аэростата, в корзинах которых находились 2–3 обучающихся офицера и один инструктор. Через два часа аэростат опускался, и происходила смена обучающихся.

Не пустовали и эллинги. Их постоянно занимали прилетающие из Санкт-Петербурга или других мест такие же огромные, похожие на гигантских рыб, дирижабли. Какие-то из них прилетали сюда своим ходом, какие-то доставляли в разобранном виде в многочисленных ящиках с российских или зарубежных заводов; на полигоне их собирали, заправляли газом, испытывали ходовые качества и распределяли по воздухоплавательным ротам.

В летнее время поле рядом с Сализи покрывалось десятками белых солдатских палаток. Со всей России сюда на практические занятия прибывали нижние чины воздухоплавательных рот. Например, в июле 1909 года здесь осваивали профессии монтеров, машинистов, газодобывателей, специалистов балонных, выводных, планерных и др. команд 60 нижних чинов из Варшавского крепостного воздухоплавательного отделения, по

30 нижних чинов из таких же родственных подразделений Новогергивской и Брест-Литовской крепостей. Обучаться воздухоплавательному делу в Сализи приезжали и из Сибирских военных округов. Рабочий день в лагере был плотный. Параграф 3-й «О порядке занятий» приказа командира Учебного воздухоплавательного парка генерал-майора А.М. Кованько был строг и лаконичен: «Практические занятия производить 2 раза в день: до обеда с 7¹/₂ до 11¹/₂ часов и после обеда с 2-х до 6-и часов дня».⁵

Не все полёты дирижаблей были удачными, случались и аварии, и незапланированные спуски. А поскольку они происходили над крестьянскими полями, то иногда причиняли хозяе-

⁵ ЦГВИА, ф. 352, Приказы по УВП за 1910 г., оп. 1, д. 175, л. 164.

вам некоторый ущерб, который возмещался военными властями.

Вот один пример. 3 июня 1910 года Старосквицкое волостное правление направило в адрес полиции следующий документ (своеобразие изложения и пропуски в документе сохранены. — В.Н.).

Его Высокоблагородию
г. Приставу 3 стана
Царскосельского уезда
РАПОРТ

Волостное Правление имеет при сем представить Вашему Высокоблагородию ведомость о потопках произведённых нижними чинами команды военного дирижабля Лебедь при спуске означенного дирижабля 17 с.г. в 9 ч. вечера на поле крестьян дер. Бол. Тайцы около станции СЗЖД.

Вол.старшина М. Няппи
Вол.писарь (подпись неразборчива)

В Е Д О М О С Т Ъ
о потопках угодий и других повреждениях войсками
во время лагерного сбора

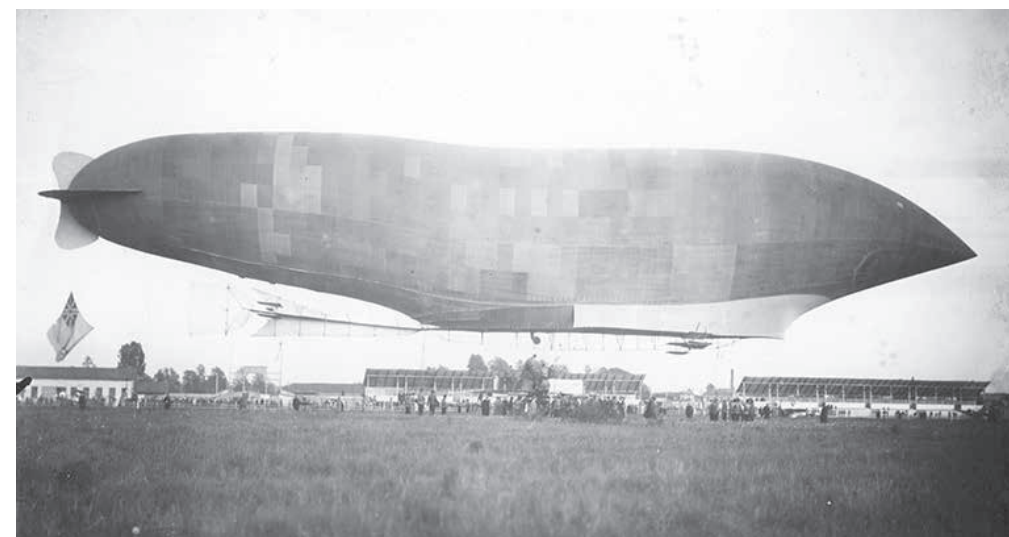
Общества	потопки	руб.
Дер. Б. Тайцы	ржи 2 десятины	96. 60
Иван Корки	пашни 120 сажень	4 крестьян
Корки И.С.	вики 110 сажень	1.68
Адам Скинарь,	картофель 110 сажень	5.6
Иван Останен	1100 сажень	1
Михаил Скинарь	80 сажень	12. 00

Деньги выданы **135 руб 15 коп..**

Оценочная комиссия во главе с приставом осмотрела 12 июня. 86 руб. 60 коп. отнесено на Воздухоплавательный парк.

Пристав Барон Вильгоф
Сельский староста Хянинен⁶

⁶ РГИА, ф. 439, оп. 15, д. 155, ч. 2. лл. 589, 590, 596.

Дирижабль «Лебедь»

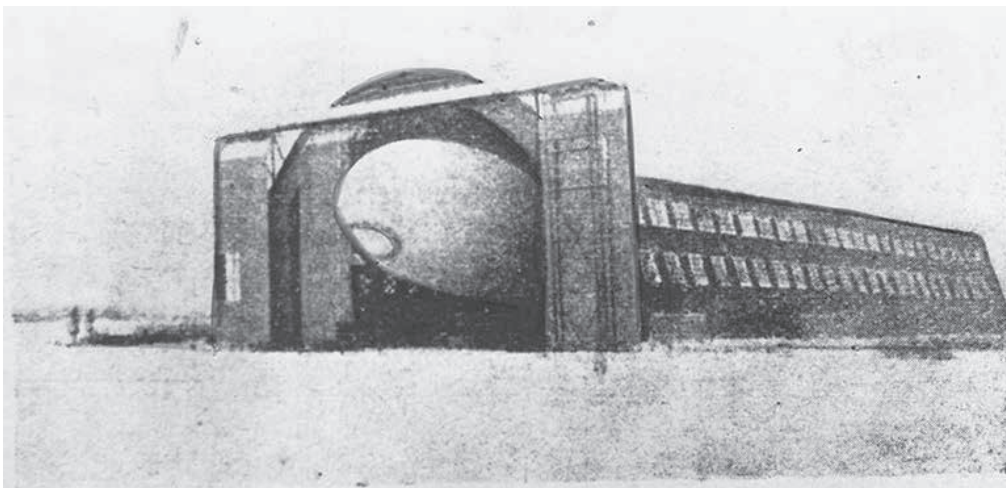
7. Первый дирижабль Красного Флота

Три десятилетия — с конца 1910-х до начала 1940-х годов — будет существовать в Сализи гарнизон военных воздухоплателей. Менялась власть, менялись командиры, менялись размещавшиеся здесь воинские части и организации. Менялись названия: до революции — полигон Учебного воздухоплавательного парка, полигон Офицерской воздухоплавательной школы; в годы Первой мировой войны — Воздухоплавательный парк Северного фронта; в годы Гражданской войны и позже — Воздухотряд курсов красных командиров, Воздухотряд Высшей военно-воздухоплавательной школы с 2-х годичным сроком обучения, Красногвардейский учебный порт, Красногвардейский дирижабельный порт...

Сменила своё имя и деревня. 23 августа 1949 года решением исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся деревня переименована в Котельниково, в честь

талантливого русского конструктора Котельникова Глеба Евгеньевича, человека, который подарил аэронавтам и авиаторам надежный, безотказный ранцевый парашют. В июне 1912 года он с успехом прошёл испытания на Гатчинском аэродроме (сбрасывался с грузом из аэроплана) и на полигоне в Сализи (сбрасывался с манекеном).

Из других памятных событий можно назвать двухнедельную стоянку в ожидании благоприятной погоды в здешнем эллинге дирижабля Norge арктической экспедиции Нобиле — Амундсена — Эйльсворта по маршруту остров Шпицберген через Северный полюс в Америку в апреле-мае 1926 года; посещения Сализи почти всеми дирижаблями царской России (их насчитывалось 15, в т.ч. 8 из них — заграничной постройки) и СССР (более 10 дирижаблей). Сюда же можно отнести восстановление в Сализском воздухоморском в 1920 году боевого дирижабля «Астра-ХІІІ» под новым именем «Красная Звезда», развитие во второй половине 1930-х годов Сализской воздухоплавательной базы, как

Управляемый аэростат «Красная Звезда»

Красногвардейского дирижабельного порта в системе Дирижабельных воздушных линий СССР. К сожалению, осуществлению этого плана сначала стала мешать Советско-Финляндская и окончательно помешала война с фашистской Германией.

В августе 1941 года в бывший городок «людей воздуха» вошли немецкие солдаты. Так началась гибель ПОЛЯ РУССКОЙ СЛАВЫ, одного из святых мест отечественной истории, где ярко расцвело русское и набирало мощь и величие советское воздухоплавание. После Великой Отечественной войны

растерзанную в боях территорию бывшего города «людей воздуха» с останками сооружений передали военным, в 1970-е годы они оставили её. Постепенно некогда шумное место превратилось в пустырь, на котором осталось только красное кирпичное здание солдатской казармы. Перестройка снесла и его, и теперь, чтобы нам не оказаться в роли Иванов не помнящих родства, надо хорошо подумать, как достойно увековечить память о «гнезде людей воздуха». И, конечно, технику, благодаря которой мы стали ходить по небу, «яко по суху».

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...

*Никуда от прошлого не деться,
Вновь война стучится в души к нам,
Обжигает, обжигает сердце
Благодарность с болью пополам.*

Ю. Друнина

ОСВОБОЖДЕНИЕ СИВЕРСКОЙ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. ВСПОМНИМ, КАК ЭТО БЫЛО...

О чём рассказывают архивные документы, очевидцы и участники сражений

Андрей Бурлаков

Семьдесят два года отделяют нас от тех героических январских дней, когда наши войска освободили Сиверский край от немецко-фашистских захватчиков. Оперативные строки Совинформбюро, подготовленные командованием Ленинградского фронта, сообщали, что 30 января 1944 года было освобождено более 50 населенных пунктов, в том числе: Выра, Замостье, Даймище, Межно, Изора, Кургино, Дружная Горка, Лампово, Дружноселье, рабочий поселок Сиверский и железнодорожная станция Сиверская. Ценой скольких человеческих жизней досталась нам победа только одного этого дня? Для ответа на этот вопрос военным историкам вряд ли когда-то удастся найти подлинные архивные сведения о количестве потерь. Ведь только в Братской могиле посёлка Сиверский захоронены сотни наших солдат и офицеров, погибших при освобождении посёлка и окрестных деревень Старосиверская, Новосиверская и Куровицы.

Преследуя противника от Гатчинских рубежей, красноармейцы, почти повсеместно, на всей линии фронта, встречали сильно укрепленные позиции фашистов. Особенно кровопролитные бои развернулись за деревни Куровицы, Изора, Старосиверская и железнодорожную станцию Сиверская. Зимняя обстановка диктовала

проведение особых действий и военной тактики на передовой. Гитлеровцы в панике отступали, уничтожая многие важные объекты: склады, штабы, мосты и дороги. Со стороны Киевского шоссе на Лужском направлении наступала 121-я стрелковая дивизия. Со стороны Варшавской железной дороги и шоссе Гатчина — Вырица — 123-я стрелковая дивизия.

Как происходило освобождение населенных пунктов Гатчинского района, можно узнать из воспоминаний участников сражений. Вот что рассказывал в машинописном сборнике «121-я Гатчинская краснознаменная дивизия» (1987 г.) бывший помощник начальника 6-го отдельно штаба этой дивизии Григорий Федорович Григорьев: «К исходу дня 29 января 92-й и 122-й стрелковые полки вышли севернее окраины деревни Выра, 191-й стрелковый полк вышел в лес севернее населённого пункта Межно. КП 121-й стрелковой дивизии разместился в Меньково. 30 января на рубеже реки Оредеж противник оказал упорное сопротивление, пытаясь остановить на этом рубеже наступление наших войск. В ожесточённом ночном бою части дивизии освободили населённые пункты Выру и Межно, форсировали реку Оредеж. 123-я стрелковая дивизия в это время освободила станцию и поселок Сиверский. КП 201-й стрелковой дивизии утром

Ветераны 123-й стрелковой дивизии на встрече однополчан в Сиверской, фотография 1976 года

Памятник Боевой славы в посёлке Сиверский

Руины, которые оставили фашистские захватчики от здания дома отдыха республиканского значения ВЦСПС в Сиверской, фотография 1945 года

30 января расположился в Поддубье, а днём — в Выре».

По сведениям Центрального архива Министерства обороны СССР, с 27 по 30 января 1944 года «в результате боевых действий, частями 201-й СД были нанесены противнику потери в живой силе — убито и ранено 1400 солдат и офицеров». В примечании к архивной справке о потерях, которые понесли фашистские войска, было указано: «3 одномоторных самолета и 5 тонн бензина были захвачены на полевом аэродроме противника в результате боевых действий 191 СП по овладении д. Межно».

Как уже отмечалось, одновременно с 121-й стрелковой дивизией, бои за освобождение южной части Гатчинского района вели бойцы 123-й дивизии. Архивные сведения сообщают, что за два дня до штурма железнодорожной станции Сиверская, отдельные части этой дивизии, овладев деревней Кобрино, по лесной тропе вышли в район северо-восточнее деревни Куровицы, где были встречены сильным пулемётным и артиллерийским огнём. Рота автоматчиков 272-го стрелкового полка заняла шоссе на дорогу Куровицы — Вырица, но была контратакована танками противника и вынужденно отошла. «29 января 1944 года 2-й СБ 272-го СП обошел Куровицы с запада совместно с взводом разведчиков дивизии, — указывается в документе, — перехватил дорогу Куровицы — Вырица в районе отметки 76,8 и к четырём часам полностью овладел населённым пунктом Куровицы. В этих боях противник потерял 200 солдат и офицеров убитыми, 5 танков, 6 автомашин, 50 лошадей...»

С историей деревни Куровицы связан эпизод, о котором в своё время рассказывали многие газеты. Накануне взятия деревни, сюда под при-

крытием ночи проникла группа разведчиков, которая должна была на следующий день атаковать фашистов с тыла. Но разведчики наткнулись на окопавшихся вражеских автоматчиков. Завязался бой, в результате которого почти все бойцы погибли. Одного из раненых — лейтенанта Шутова — спасла на чердаке своего дома от немецкого дозора местная жительница Александра Васильевна Харламова. Фашисты искали советского офицера, спрашивали о нём хозяйку дома, но она не выдала бойца, сказала, что видела, как кто-то полз в сторону кладбища. Утром Шутов сказал хозяйке, что ему нужно уходить. Пришлось ползти окраиной деревни, через кустарник, где он наткнулся на наше боевое охранение. От усталости и боли после ранения он потерял сознание и очнулся уже в госпитале.

В боях за деревню Куровицы особенно отличился капитан А.Б. Бородкин, приняв командование батальона на себя, он трижды водил бойцов в атаку. Его батальон уничтожил десятки фашистов. За этот бой Бородкин был представлен к ордену Александра Невского. В неравной схватке с врагом в Куровицах погиб командир взвода, лейтенант Николай Трофимович Гнедышев.

Среди погибших за Куровицы бойцов были и совсем молодые парни: рядовые Евгений Александров и Николай Григорьев, которым было всего по 19 лет. Столько же было сержанту Лукьяну Абросинкову, убитому в бою за освобождение деревни Изора. В Старосиверской погиб рядовой Виталий Борисов, которому только что исполнилось 20 лет. Всех не перечислишь...

Сильное сражение развернулось накануне взятия Сиверской на лесной поляне в районе деревни Маргусы.

Здесь также было много погибших. Среди них — разведчик, младший лейтенант Фёдор Николаевич Волков. Вечная им память!

Не менее интересны рассказы очевидцев — мирных жителей, которые оказались свидетелями этих исторических событий. Среди них — Андрей Борисович Голдобин, 1936 года рождения, проживающий сейчас в Петербурге. Ленинградский дачник, он вместе с матерью в августе 1941 года не успел уехать домой и оказался в оккупации. Несмотря на то, что ему в январе 1944 года было всего восемь лет, он до мельчайших подробностей помнит этот день: «Куровицы освободили рано утром, до этого немцы всю ночь отступали, перевозили подводы и технику в Сиверскую. Заходили к жителям за кипятком. За ними шёл «факельщик», который должен был поджечь деревню с двух сторон. Его уговорили этого не делать староста дядя Вася Ефимов и мой отец, который работал у немцев переводчиком. Мы, как и многие, прятались в блиндаже, устроенном во дворе дома, до этого целый день рядом с деревней шёл бой. О приближении своих узнали по доносившемуся через поля громкому мату; до этого тихо, в белых маскировочных халатах прошли разведчики. Услышав бранные русские слова, не смогли сдержать слёз и выскочили на улицу обнимать наших...»

По воспоминаниям бывшей сельской учительницы, старейшей жительницы деревни Куровицы, Веры Ивановны Романдиной (1921–2007 гг.), при освобождении деревни погибли 75 наших воинов. Все они были похоронены в братской могиле, перенесённой впоследствии из Куровиц в общую братскую могилу в посёлке Сиверский.

Более яркую картину фронтовой

летописи того времени представил в своих воспоминаниях бывший командир роты, капитан в отставке Николай Иванович Белик: «До сих пор помню ожесточённые бои, смелость и отвагу бойцов и командиров нашей роты. Было это в ночь с 29 на 30 января. После ожесточённого боя за деревню Куровицы, мы устремились в Сиверскую. Сходу посёлок не взяли, противник здесь сосредоточил большое количество техники и живой силы. Командир дивизии генерал-майор А.П. Иванов принял решение: выйти во фланг и ударить по врагу с севера и юга одновременно. При этом особенно отличились лыжники отдельного батальона под командованием капитана И.Е. Ткаченко».

Этот отдельный лыжный батальон, ценой героических усилий, по глубокому снегу совершил смелый поход по тылам противника, пройдя в общей сложности около пятидесяти километров, обошёл Сиверскую стороной, перерезав железную дорогу на перегоне Строганово — Сиверская. Тем самым он замкнул кольцо окружения фашистского гарнизона, блокируя отступление последних тыловых немецких частей. Наступление лыжников было настолько внезапным, что фашисты не успели взорвать несколько важных стратегических объектов, среди которых был железнодорожный мост. Сапёр Сергей Михайлов под непрекращающимся вражеским огнём сумел подобраться к мосту, перерубил шнур и обезвредил заложенные на мосту фугасы. Батальон капитана Ивана Ефимовича Ткаченко ворвался на мост. Завязался бой. Фашисты ещё целый час яростно пытались атаковать лыжников. Часть бойцов, внезапно появившихся в центре посёлка, начали прочёсывать Пролетарский и Республиканский проспекты.

В это же время начали наступление и части, действующие с фронта. По оборонительным сооружениям врага, тянувшимся вдоль Оредежа, был произведён мощный артиллерийский удар. Вслед за артиллеристами, прямой наводкой громившими вражеские укрепления, поднялась пехота. К 10 часам утра 30 января 1944 года отдельные части 123-й дивизии освободили посёлок и железнодорожную станцию Сиверская. Первыми вошли в посёлок подразделения младшего лейтенанта Георгия Самусенкова, сержантов Ройберга, Денисова и Кашкинбаева. Как рассказывал очевидец, ещё гремели взрывы на окраинах, а местные мальчишки показывали бойцам, где были расположены брошенные немецкие штабы и склады, в какую сторону ушли немецкие танки...

В Белогорке догорал Елисеевский дворец, подожжённый отступающими фашистами, и клубы серого дыма ещё поднимались над окрестностями. На территории довоенного детского санатория в Кезево наши бойцы увидели ряды фашистских могил, с торчащими из-под снега крестами, сделанными из берёзовых кольев. Около станции взяли в плен группу немцев, так и не дождавшихся подкрепления. Некоторые сидели, спрятавшись в каменном станционном погребке, и робко молчали. А на следующий день в сводках Совинформбюро было сказано: «Уничтоженный вчера нашими войсками немецкий гарнизон в посёлке и железнодорожной станции Сиверская состоял из танкового полка, двух пехотных полков, строительного батальона и других подразделений немцев. Захвачены трофеи и пленные».

В бою за освобождение Сиверской мужественно сражался 20-летний пулемётчик Иван Китаев, уроженец деревни Овчинкино Ярославской обла-

сти, уничтоживший более пятнадцати гитлеровцев. Об этом подвиге впоследствии рассказывал ветеран дивизии В.А. Заварин: «Недалеко от железнодорожной станции стояла сторожевая будка, в которую пробрался разведчик Иван Китаев. Немцы, застигнутые врасплох, метались по посёлку. Одна группа наткнулась на нашего пулемётчика. Он в упор расстреливал немцев, был ранен, но продолжал вести огонь. В том бою отважный пулемётчик погиб».

О потерях наших войск говорит в своих воспоминаниях бывший радист 3-го батальона 122-го стрелкового полка А.И. Пахомов: «Во время боя за Сиверскую на командный пункт пришло по радиации сообщение из штаба: «Батальону атаковать позиции немцев». Я сразу же доложил о его содержании начальнику штаба батальона капитану Сироткину. Он приказал срочно дать текст следующего содержания: «Нас уже атакуют немцы». Не успел я передать, как получаю мгновенный ответ: «Контратаковать!». Тогда капитан Сироткин говорит: «Передай по радиации полку, что за три часа боя батальон потерял из 350 человек 170. Это убитыми и ранеными». Положение было критическим. На наше счастье, на помощь нам пришли лыжники соседнего отряда...». Он же вспоминал, как на его глазах в районе станции Сиверская был убит немецким снайпером командир взвода радистов лейтенант Жаворонок. Во время проверки линии связи он ползком добрался до командного пункта и приподнялся к радиации, став

на колени. В этот миг «снайпер снял его в грудь разрывной пулей». Тяжело ранен был и находившийся рядом солдат командного взвода.

Сегодня на территории Сиверского поселения находятся несколько памятников Боевой славы. По сведениям Гатчинского военкомата, в 1947 году в Сиверской и окрестных деревнях находилось 17 массовых и одиночных братских захоронений. Известно, что в 1956 году с территории Сиверского сельского Совета было перенесено на Гатчинское городское мемориальное воинское кладбище 810 павших солдат и офицеров. В том же году в центре посёлка на месте братского захоронения советских воинов и расстрелянных фашистами мирных жителей в период фашистской оккупации был открыт памятник. Сюда же были перезахоронены останки воинов из братских могил окрестных деревень (Новосиверская, Куровицы, Маргусы). После строительства рядом с памятником кинотеатра «Юбилейный», мемориал был благоустроен. В Сиверской именами героев Великой Отечественной названы улицы. Одна из них носит имя 123-й Лужской стрелковой дивизии. Памятная надпись на одном из домов указывает: «Улица названа в честь 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии, освободившей поселок 30 января 1944 года от немецко-фашистских захватчиков». С 1975 года в Сиверской гимназии №1 существует Музей боевой славы. Его экспозиция посвящена славному боевому пути 123-й стрелковой дивизии.

«КОМАНДИР РОТЫ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ...»

Валерий Лукин

22 июня — скорбная дата в истории нашего Отечества. В этом году — 75-летие начала Великой Отечественной войны, развязанной фашистской Германией против советского народа. Человеческие жертвы, которые понёс Советский Союз в этой войне, поистине огромны и исчисляются десятками миллионов. Многие участники войны, «с кровавых не пришедшие полей», навсегда остались лежать в братских могилах, а тех, кто вернулся, сегодня становится все меньше и меньше. Они выполнили свой долг до конца и оставили в наследство нам, потомкам, память о Великой Победе в той войне, и забывать об этом мы не вправе.

В этой статье я хочу рассказать о капитане 2 ранга И.В. Прохватайлове, водолазе-разведчике, участнике Великой Отечественной войны, человеке, который стоял у истоков создания первого подразделения специального назначения советского Военно-Морского Флота, являющегося предшественником современного российского спецназа ВМФ, или, как неофициально называют его бойцов, — «морских дьяволов».

Иван Васильевич Прохватайлов родился 5 мая 1907 года на Украине в деревне Лосивка ныне Ахтырского района Сумской области. Учился в церковно-приходской школе. За драку был исключён из второго класса.

В 1925 году начал работать шахтёром в Донбассе.

В 1927 году был призван на военную службу во флот. В 1929 году после окончания срочной службы И.В. Прохва-

тайлов поступил в Балаклавский водолазный техникум. В 1932 году по окончании техникума тяжёлый водолаз ЭПРОН (экспедиция подводных работ особого назначения — прим. ред.) И.В. Прохватайлов был назначен старшиной водолазной станции во Владивостокский порт на строительство гидротехнических сооружений.

Там он принимает участие в подрыве скалы возле острова Сахалин для выполнения работ по снятию севшего на мель парохода «Сталинград». Участвует в спасении парохода «Кузнец Лесов» в Южно-Китайском море. Работает на строительстве подводной части пирсов во Владивостоке и в Совгавани (Ванино).

В 1938 году И.В. Прохватайлов успеш-

но сдаёт экзамены в Высшее военноморское училище им М.В. Фрунзе и оканчивает его в 1940 году.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, которая застала лейтенанта И.В. Прохвятилова на Балтике. Согласно приказу наркома ВМФ от 11 августа 1941 года при разведывательном отделе Балтийского флота была сформирована рота особого назначения (РОН). Полное название — РОН РОШ КБФ (рота особого назначения разведотдела штаба Краснознаменного Балтийского флота) в составе 146 человек, укомплектованная командирами и водолазами, получившими специальную подготовку в Военноморской медицинской академии и подразделениях ЭПРОН. Командиром роты был назначен лейтенант Иван Васильевич Прохвятилов.

Не один десяток личных дел перелистали кадровики, выбирая офицера на должность командира. Им должен был стать опытнейший водолазный специалист, физически сильный, выносливый, смелый, образованный офицер. Всеми этими качествами в наибольшей степени обладал тридцатичетырёхлетний лейтенант Иван Васильевич Прохвятилов. Предложение о назначении на должность командира подразделения водолазов лейтенант Прохвятилов принял с радостью. С присущей ему энергией вместе с политруком Матценко взялся за его формирование, обучение старшин и матросов легководолазному делу, проведение тренировок. Местом дислокации РОН была опустевшая ленинградская средняя школа на острове Декабристов. Из окон четырёхэтажного здания школы торчали десятки железных труб от печек-буржук. Из-за этих труб здание получило прозвище — «сорокатрубный».

С острова был виден залив, на север — за широкой протокой — заросший

высокими тополями остров Вольный. На южном берегу Финского залива в районе Петергофа по прямой — километров десять — фашисты. В блокаде город в распоряжении РОН виднелись грядки белокочанной капусты и других растений. Заботливый командир делал всё, чтобы его бойцы не голодали. После бомбёжек и обстрелов всплывало много глушёной рыбы. Свободные от вахт и занятий разведчики вылавливали её. Кроме того, отстреливали из малокалиберных винтовок растолстевших от рыбы чает, которые даже не могли взлететь. Прохвятилов рассказывал, что во время блокады они перепробовали всё съедобное.

Водолазы РОН под командованием И.В. Прохвятилова совершили во время войны более 200 разведывательно-диверсионных операций, и половина из них осуществлялась с применением легководолазного снаряжения. О смелом, и в то же время осмотрительном, командире Роты особого назначения и его бойцах — подводных спецназовцах, которые умели побеждать врага малой кровью, — написано много статей и книг. Особенно эффективными операциями роты особого назначения были: Ладожский десант; подрыв построенной немцами пристани в Петергофе; уничтожение итало-фашистских катеров флотилии Decima Flottiglia MAS в районе Стрельны; подъём секретных материалов с

немецкой подводной лодки U-250, потопленной морским охотником МО-103; операция на заводе «Пишмаш»; операция в Гатчине и многие другие.

В сентябре 1941 года бойцы РОН лейтенанта И.В. Прохвятилова дважды участвовали в десантах на Шлиссельбург, где они потеряли наиболее подготовленных бойцов. 23 сентября 1941 года И.В. Прохвятилов с группой разведчиков из 37 человек высадился со стороны Ладожского озера восточнее Шлиссельбурга. Собрав информацию о вражеской обороне, разведчики через два дня с боем пробившись в расположение 54-й армии, уничтожив при этом 79 фашистов. За эту десантную операцию многие водолазы-разведчики были награждены правительственными наградами. И.В. Прохвятилов был досрочно представлен к званию старшего лейтенанта и награждён орденом Красного Знамени.

Осенью 1942 года РОН открыла счёт собственным разведывательно-диверсионным операциям. Незадолго до этого командование Балтфлота получило информацию о том, что на Средиземном море были проведены испытания немецких и итальянских быстроходных радиоуправляемых катеров, начинённых взрывчаткой и специально предназначенных для уничтожения крупных судов на плаву и в базах. Можно было ожидать появления таких катеров и в Финском заливе. В сентябре наша воздушная разведка установила, что немцы восстанавливают разрушенный причал в гавани Нижнего парка в Петергофе. Командующий КБФ вице-адмирал В.Ф. Трибуц приказал уничтожить причал. Задачу по его уничтожению поставили перед РОН. Для этого решили применить морские якорные мины образца 1908 года, несущие в боевой части 300 кг взрывчатки. Скрытно подойдя к причалу, водола-

зы-разведчики прикрепили к нему две мины с часовым взрывателем. Потом под воду пошёл специалист минно-взрывного дела. Он проверил постановку мин и снарядил взрыватели. На следующий день с поста наблюдения и связи было получено донесение: «В 09 часов 12 минут в районе Петергофской пристани наблюдались почти одновременно два взрыва... ясно видно, как летели вверх люди и обломки конструкций». Больше немцы не пытались восстановить эту пристань. Это была первая в истории ВМФ СССР диверсия, совершённая из-под воды.

Ещё одна крупная разведывательно-диверсионная операция РОН была проведена летом — осенью 1943 года. В это время заметно активизировались действия немецких малых сторожевых катеров. Незадолго до этого они потопили дозорный катер Балтфлота, а затем поставили мины на фарватерах Ленинград — Кронштадт. РОН предстояло найти и уничтожить базу вражеских катеров. В течение августа — сентября 1943 года бойцы РОН провели несколько разведпоисков. В конце сентября разведгруппа обнаружила на западном берегу Стрельнинского канала три катера, поднятых на берег и накрытых брезентом и маскировочной сеткой. Четвёртый катер находился рядом на плаву. Нападение на базу катеров было совершено в ночь на 4 октября 1943 года. В разведывательно-диверсионной группе под командованием И.В. Прохвятилова было 12 бойцов. Разведчики подорвали гранатами НП и четыре немецких катера. Потеряв одного бойца убитым, группа на шлюпках вернулась в исходную точку — к дамбе Морского канала. Все участники операции были награждены орденами и медалями, в частности, командир РОН И.В. Прохвятилов — орденом Отечественной войны II сте-

пени.

Одной из самых примечательных операций РОН стал поиск и обследование немецкой подводной лодки U-250. 30 июля 1944 года в Выборгском заливе, северо-западнее острова Руонти, советский морской охотник МО-103, под командованием старшего лейтенанта А. Коленко, обнаружил и потопил немецкую подлодку. Она затонула на глубине около 30 метров. О лодке бы благополучно забыли, если бы не странное поведение противника. Немецкая авиация неоднократно бомбила квадрат затопления своей субмарины. Этим неожиданным обстоятельством заинтересовались в штабе КБФ, и командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц приказал личному составу РОН найти и обследовать вражескую подлодку. В течение трёх дней 16 водолазов РОН выполняли поставленную задачу. Ознакомившись с добытой на затонувшей подлодке документацией, командование КБФ приняло решение поднять её на поверхность. Позже было выяснено, что во второй половине 1943 года немецкие ВМС получили самое эффективное торпедное оружие не только против крупных надводных кораблей и подводных лодок, но и против кораблей и судов малого водоизмещения. Принципиальным отличием таких торпед было то, что они самостоятельно наводились на цель. Именно с помощью этого оружия немцы надеялись полностью блокировать Англию, оградив её с моря «забором» из самонаводящихся торпед, и объявить неограниченную подводную войну. Эти торпеды доставили много хлопот англичанам. Из подводной лодки извлекли, обезвредили и изучили две торпеды. Они оказались электрическими, самонаводящимися по акустическому каналу, с неконтактными взрывателями.

Новое оружие рейха сразу же привлекло пристальное внимание союзников.

Личный состав РОН выполнял и обязанности подводных сапёров, занимаясь поиском и обезвреживанием донных магнитных мин, которыми буквально было усеяно Балтийское море. Известно, что из 108 442 мин всех типов, поставленных противником и советскими минёрами в морях Советского Союза за годы войны, более 70 % приходится на Балтику.

В 1943–1944 годах бойцы РОН провели 840 водолазных спусков с целью обезвреживания мин. Рота работала успешно, несмотря на несовершенное снаряжение и отсутствие должного материально-технического обеспечения.

Под водой разведчики РОН работали только в тёплое время года. Зимой боевая работа роты заключалась главным образом в наблюдении за противником.

14 октября 1945 года приказом командующего Краснознамённым Балтийским флотом № 0580 рота особого назначения была расформирована.

В годы Великой Отечественной вой-

ны Иван Васильевич Прохвятилов был награждён двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени и двумя орденами Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда». Был дважды ранен. Уже в мирное время грудь ветерана украсили медаль Советского комитета ветеранов войны и медаль «Ветеран труда».

С 1946 по 1951 годы И.В. Прохвятилов работал водолазным специалистом аварийно-спасательного отдела на Балтике. В 1951 году был назначен начальником лаборатории специального назначения в водолазный отдел 11-го Института ВМФ, ныне 40-го ГНИИ аварийно-спасательного дела, водолазных и глубоководных работ. Лаборатория работала над созданием водолазного снаряжения особого назначения (ВСОН). Для этого снаряжения был создан регенеративный бесследный водолазный аппарат разведчика (ВАР-

52), который позволял скрытно ходить и работать под водой на небольших глубинах в течение 10 часов.

В 1953 году в звании капитана 2 ранга И.В. Прохвятилов по болезни уходит в отставку. Живёт и работает в деревне Черново Гатчинского района Ленинградской области.

Зимой 1978 года И.В. Прохвятилов скончался, и был похоронен в Гатчине на городском кладбище.

О командире роты особого назначения И.В. Прохвятилове и его боях было написано несколько книг, в том числе и книга П.И. Капицы «В море погасли огни».

Литература:

1. Зарембовский В.Л., Колесников. Морской спецназ. История. (1938–1968 гг.). — СПб: «Галея Принт», 2001.

2. Север А., Колпакиди А. Спецназ ГРУ. Самая полная энциклопедия. М.: Эксмо: Якуза, 2012.

Наталья Кирьянова

Они ушли и не вернулись

Они ушли и не вернулись.
Ушли нехоженой тропой.
Лишь на прощанье улыбнулись.
А дальше бой... Последний бой!

А им всем было восемнадцать,
И только начиналась жизнь.
А им бы в парке целоваться,
Дружить, надеяться, любить.

Но грянула война, и снова
В который раз из века в век,
В защиту светлого, родного
Поднялся русский человек.

Им было только восемнадцать.
Другого не было пути.

И научились не бояться
Они и под огонь идти.

И научились подниматься
Под грохот бомб и клёкот пуль,
И до последнего сражаться
За Родину, за долгий путь.

За тех, кто живы и поныне.
За всё, что дорого всем нам.
А имя этого — Россия,
Живущая назло врагам.

Они ушли и не вернулись.
Ушли нехоженой тропой.
Лишь на прощанье обернулись.
А дальше... бой. Последний бой!

У ИСТОКОВ ОРЕДЕЖА

(Продолжение. Начало в №№ 10, 11, 12)

Дмитрий Рябов

НА ЧУЖБИНЕ

Отрезанные линией фронта от родной страны оредежцы были осведомлены об истинном положении дел на фронтах: то кто-нибудь найдёт сброшенную с самолёта листовку Совинформбюро, то побывают «в гостях» партизаны, то проговорится отчаявшийся в победе немецкий солдат¹...

А оснований для грустных размышлений и мрачных выводов осенью 1943-го было у немцев более чем достаточно. Из писем солдаты узнавали о разрушительных бомбёжках союзников, гибели родных и близких, о недостатке продовольствия в Германии. Нет, не истребить им Россию, хоть и сила ещё есть, и техника, и злоба... Становилось всё более очевидным, что и на ленинградской земле вскоре развернутся кровопролитные бои.

Освобождение было уже не за горами, но как непросто дожить до него! Одним из последних злодеяний оккупантов стала предпринятая ими в это время попытка превратить наш край в зону пустыни. 8 сентября командующим охранными войсками группы армий «Север» был отдан приказ о принудительной эвакуации мирного населения.

«Врагу не следует оставлять людей, которых он может использовать», — говорилось в приказе, и уже к ноябрю из зоны действий 18-й армии было эвакуировано в Прибалтику и Германию 130 тыс. человек. В декабре 1943-го последовала вторая эвакуация жителей

Гатчины и района. Эстония, Латвия и Литва, Германия и Франция, Финляндия и Норвегия; трудовые лагеря и батрачество, работа на военных заводах, наконец, сбор черники для офицеров вермахта среди туч гнуса по болотам — вот далеко не полные география и статистика того, что в воспоминаниях очевидцев зовётся коротким словом «угон».

Принудительная эвакуация оккупантами жителей Красногвардейского района

«Об эвакуации было объявлено заранее, — вспоминала Таисия Михайловна Корочкина из Даймища, — составлены списки, предварительно забрали и увезли наш скот. Вечером

пришла сестра, которая оставалась, — попрощаться: «Сестрица, голубушка!» А назавтра, когда за нами пригнали машины, неожиданно увиделись уже в грузовике: оказалось, кто-то в последний момент переделал списки...»

«Я знаю, кто подставил нас вместо себя, — продолжает сестра, — так нас, может, угнали бы во второй приём, позже. Ну да Бог им судья. А тогда, в сорок третьем, побежала в комендатуру: так мол, и так.

«Два Двадцать» — так за высокий рост прозвали на деревне немецкого коменданта Фритцша — просмотрел список, встал из-за стола, топнул сапогом:

— Три часа на сборы!..

Местных жителей доставили на станцию Гатчина-Товарная; к вечеру раздался крик: «Скотину привезли!» И вправду: стоят наши коровы, овцы. Пока ходили искали, чем их напоить-накормить, кто-то из гатчинцев чуть не украл у нас ягнёнка — в городе ведь тоже голодали...»

Побросали узлы с пожитками в вагон и поехали — 18 семей в одном «телятнике» с колючей проволокой на окнах. На дорогу дали по 300 г хлеба и в Нарве — баланды. Ночевали там под дождём, под открытым небом. Утром построили вдоль полотна — на сортировку.

«Нашу партию отправили в лагерь в Венкуль, — рассказывает С.Н. Рябов, — там мать работала на лесоповале, я ей иногда помогал. По весне немцы переправили нас на левый берег реки — в Усть-Нарову; там работали при воинской части, с которой проехали почти всю Эстонию. В какой-то момент наши конвоиры, отобрав одну из лошадей, подались на запад, а мы добрались до Локсы (в предместье Таллина — там была военно-морская база), где и были освобождены нашими десантниками.

Там, в Эстонии, мы с приятелем поймали по лошади; на них потом и вернулись домой. По дороге среди брошенных в панике вещей нашли ещё велосипед, но его потом отобрали энкавэдэшники: не положено... Интересно, что наша корова Тамарка прошла с нами всю Эстонию, вернулась домой и потом жила ещё много лет. Однажды она, увидев на обочине клочок зелёной весенней травы, чуть не затащила меня на минное поле — хорошо, помог справиться немецкий солдат. В другой раз, остановившись на ночлег в какой-то бане, решили привести скот к себе и правильно сделали: ночью снаряд попал в сарай (наши сильно бомбили), и от него ничего не осталось...

По пути домой встретили знакомого солдата из деревенских; был, говорит, недавно на побывке в Даймище — цела деревня! А только вернулись, не успели распрячь лошадей — прибежала Пакулиха² (была она тогда председателем не то колхоза, не то сельсовета):

— Чтобы кони сегодня же были на колхозном дворе!..»

Те, кто попал в Германию, вернулись позже, в 1945-м: их освобождали американцы. Кое-кто, выйдя замуж, пожелал остаться за границей.

На обратном пути «остарбайтеров» встречали наши солдаты:

— Немецкие б...ди!..

«Сами вы, думаю, б...ди, раз позволили угнать своих матерей и сестёр!» — рассуждает Лидия Никитична Рябова, попавшая вместе с малолетним сыном в прислугу к немецкому хозяину. Ведь побывавшие в оккупации, тем более — в плену — после войны были признаны неблагонадёжными: им запрещалось проживать в крупных городах, учиться в вузах, занимать престижные должности.

Но ещё хуже пришлось тем, кто, решив избежать принудительной эвакуа-

ции, попадал в поле зрения оккупантов.

«Я стал прятаться в лесу, чтобы немцы не угнали в Германию, — вспоминал проживавший тогда в Батове Павел Аристархович Александров. — Здесь мне помог лесник Букашкин Василий Павлович. Он ведал заготовкой леса, и меня зачислили в группу заготовителей. Букашкин нас предупредил, чтобы без него в контакт ни с кем не вступали, ибо можем попасть в руки провокаторов; мы его слушались...»

В последних числах ноября по подозрению в связи с партизанами Павел был арестован. В начале января 1944-го арестовали и его младшего брата Николая, которому в ту пору не было и 15-ти.

После допросов в гатчинском гестапо братьев повезли на запад. В конце февраля, после содержания в таллинской тюрьме, их вновь посадили в товарные вагоны.

«Около восьми суток нам не давали воды и пищи, вагоны не открывались, эшелон усиленно охранялся солдатами СС — убежать было невозможно... Люди от жажды лизали железные места каркаса вагона, где выступал иней от мороза, предварительно подышав или как-то подогрев это место, — вспоминал Николай. — Для меня добавилась пытка — я обморозил ноги... Да что об этом вспоминать!»

Бежать братьям удалось только во Франции, от станции Крель, близ которой располагались подземные военные заводы, подвергавшиеся усиленным бомбардировкам союзников. После побега каждый из них нашёл приют у французов — сторонников Сопротивления.

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ХАТЫНЬ»

Весело бежит в речке вода, тянутся по обоим берегам речушки старинные

булыжные дороги. Припекает майское солнце. Вовсю распелись птицы в деревне, которой нет...

Ежегодно приходят и приезжают сюда люди, чтобы ещё раз ощутить какой ценой был завоёван мир. На одной из стел мемориала можно прочесть скорбные строки: «Здесь была жизнь. Здесь стояла деревня Большое Заречье. В октябре сорок третьего года фашистские каратели полностью уничтожили её, зверски расстреляли, замучили, заживо сожгли вместе с нею шестьдесят шесть её жителей, всех, кто оказывал помощь ведущим борьбу партизанам. Трубы печей оголённых — свидетельство горького часа»...

«Здесь была жизнь...». Элементы мемориала «Большое Заречье — Русская Хатынь». 2015 г.

Приходил к одной из восстановленных символических труб и высокий подтянутый человек с крепкими крестьянскими руками, с сединой в волосах. Он — свидетель событий, происходивших тут полвека назад.

Фёдор Николаевич Лукин, агроном совхоза «Кикерино», был старшим из детей в семье. До войны окончил семилетку, помогал отцу по хозяйству. И, конечно, бегал по улице с одноклассниками. Деревня была большой — две сотни дворов, так что приятелей хватало.

В августе 1941 года их Заречью повезло: боя здесь не было. Немецкие танки, спешившие прорваться к Киевскому шоссе, к железной дороге, ограничили несколькими выстрелами

по деревне³ и отступавшей к Малому Заречью нашей пехоте, по отходившим вместе с ней местным жителям.

Но вскоре в деревне появились фашисты — они приехали на двух грузовиках. И с того августовского дня Фёдор и его погодки, оставшиеся в семьях за старших, всю свою выносливость и ловкость, которой, бывало, хвалились друг перед другом, направляли на то, чтобы выжить и уберечь своих близких, родных.

В начале октября 1943 года староста объявил: за три дня подготовиться с небольшим количеством вещей к эвакуации. Место должно быть очищено для военных действий.

«Срывайте выполнение приказов и распоряжений немецких властей об отправке на принудительные работы, — призывали распространяемые партизанами листовки Ленинградского

«Правда о немецкой каторге». Фрагмент листовки

обкома ВКП(б). — Ни один русский человек не должен попасть в рабство в Германию!..»

И пережили бы зареченцы войну, быть может, благополучно, да только «освободили» их партизаны, вспомнил другой старожил Большого Заречья Егор Иванович Наумов, — обычный десант из трёх человек: командир, радист и подрывник — такие десанты забрасывали в немецкий тыл партизанские отряды создавать. Перебили поодиночке находящихся в деревне четверых фрицев, объявили жителей освобождёнными и увели в лес...

Уходили ночью по вспаханному полю, с поклажей, малыми детьми на руках. Летел навстречу косой холодный дождь. В лесу отсиделись под ёлками до утра, принялись рыть землянки.

Но вскоре кончились захваченные с собой продукты, а лес стоял уже пустой. Пришлось идти в деревню, где ещё оставались в некоторых домах совсем старые жители. Раза три удалось побывать дома.

Однажды⁴ рано утром в деревню явились каратели. Выследили, устроили засаду. В тот день пошла домой и Екатерина Васильевна Лукина, оставив в землянке троих сыновей и годовалую дочь. А когда под утро собрались они уходить обратно, их окружили. И на глазах у всех факелами подожгли дома...

Как и 13 лет назад, когда сильный пожар уничтожил половину деревни, люди с ужасом смотрели на костры, не зная, что, согласно приказу гитлеровцев, деревня, саботирующая эвакуацию, подлежала сожжению, а её жители — уничтожению самым суровым способом. Не ведая, что им предстоит пережить ещё один — уже третий за последнее время — пожар: после очередной облавы на скрывающихся

в лесу безоружных людей каратели приведут их в Глумицы, загонят в амбар на краю деревни, закроют двери и окна, обольют керосином и запалят, а по пытающимся выскочить и убежать откроют огонь...⁵

Мучительной смертью погибли тогда, по неполным данным, 53 человека; ещё 14 были расстреляны. А на первый раз, в суматохе, некоторым — и среди них матери Фёдора — удалось бежать. Они-то и принесли в лес страшную весть: деревня горит!

Фёдор помнил, как забрались они с ребятами на ёлки и увидели пламя. Наутро пришли в деревню — один пепел. Пособирали кое-где горелую картошку и вновь ушли в лес.

А в конце ноября в их лесной лагерь нагрянул карательный отряд с собаками. Фёдора с братьями в землянке тогда не было. Вернулся — никого: пила надвое переломана, ведро штыком проткнуто. Остатки муки керосином облиты.

Начались скитания по лесам. Как неловок был — попал в облаву, оказался в лагере под Кингисеппом. Бежал...

Воевал в 311-й стрелковой дивизии, был ранен. Демобилизовался в звании старшины, а вернулся в родные места — построил в соседних Глумицах⁶ дом, обзавёлся семьёй.

«Когда первый раз с 4-м классом пришла я на мемориальный комплекс и в центре увидела высокую фигуру партизана в развевающейся на ветру плащ-палатке, со сжатым в руке автоматом⁷, — написала в сочинении восьмиклассница Таня Фомичёва, — мне представилось, что это памятник солдату-освободителю, о котором поётся в песне “Враги сожгли родную хату”. Пришёл человек на пепелище, а дома нет — одни трубы.

Кто-то заботливой рукой после зимы подбелил русскую печь — частицу ме-

«Здесь была жизнь...». Элементы мемориала «Большое Заречье – Русская Хатынь». 2015 г.

мориала. На ней табличка с именами тех, кто жил в доме и был заживо сожжён фашистами:

“Лукин Алексей Ефимович — глава семьи.

Лукина Анна Николаевна — жена.

Лукина Матрёна Ефимовна — сестра.

Лукина Валентина — дочь, 6 лет.

Лукина Лидия — дочь, 4 года.

Лукина Галина — дочь, 2 года”.

Знаю, что это были родственники Фёдора Николаевича Лукина... Взрослые и дети приняли муки за то, что не хотели идти в рабство. Я бы тоже не покорилась, хотя страшно гореть заживо!...»

Сочинение на тему «Деревня Большое Заречье» писали в Калитинской школе-восьмилетке.

А противоположная стела мемориала называет имена погибших в здешних краях партизан. По свидетельству А.А. Ингинена, после тщетных попыток соединиться с осьминскими товарищами, партизаны возвращались на свою базу в район Глумицкого болота. Труден был их путь в марте 42-го. Случилось так, что в одном из домов деревни Твердят, куда зашли партизаны, находились гитлеровцы. В темноте удалось уйти, но хозяин дома был расстрелян вместе с 14-летним сыном. Во время ночёвки в деревне Чёрное

нагрянул карательный отряд. Фашистский офицер, по-видимому спяну, так громко начал отдавать команды, что партизаны успели выскочить из дома и скрыться в лесу. По лесной дороге добрались они до Большого Заречья, но оставаться долго там не могли. Между Старыми Раглицами и Глумицами каратели настигли партизан.

«В это время по другой дороге в те же места пришли мы, — пишет о событиях 17 апреля 1942 года А.А. Ингинен. — Мы слышали пулемётные очереди, но считали, что это, разыскивая нас, фашисты обстреливают каждый хутор, каждый сарай.

А оказалось, что недалеко от нас вели свой последний бой наши товарищи: первый секретарь Волосовского райкома партии Василий Тихонович Кашерин, председатель исполкома Волосовского районного Совета депутатов трудящихся Николай Васильевич Суворов, секретарь райкома партии Василий Алексеевич Ключин, народный судья Ольга Ильинична Конькова, председатель Губаницкого сельсовета Сергей Осипович Уланов, сотрудник райотдела НКВД Иван Николаевич Пантин, председатель райсовета Осоавиахима Кирилл Денисович Дудочкин.

Они дрались до последнего патрона и как герои погибли: шесть — в бою, а один из них — Пантин — был ранен и живым взят в плен. Фашисты пытали его, но Пантин ничего не сказал. И тогда гитлеровцы расстреляли его.

Фашисты отрубили голову Суворова и для устрашения возили её всюду, сообщая, что с партизанами покончено.

После боя жители деревни Старые Раглицы похоронили погибших партизан...»

А ныне на камнях мемориала начертаны слова:

*Их имена незабвенны.
Врезаны кровью в гранит.
Память о них сохранит
Верное сердце народа...*

Заречье не было исключением. Отступая, немцы сожгли 35 — почти все — домов деревни Батово. В соседнем Даймище в конце декабря 1943-го были арестованы 17 юношей и девушек, скрывавшихся от угона⁸; многих из них расстреляли на Сиверской. В феврале 44-го даймищенскими жителями были обнаружены ещё десять изуродованных трупов...

О последних днях оккупации рассказал петербуржец Фёдор Тимофеевич Лазарев. Летом 41-го он приехал на каникулы в Большое Заречье и, волей судьбы, провёл там всю войну. После трагедии дед увёл несколько семей в лесную глушь, подальше от страшного места. Но и там оставаться было опасно. Тёмной зимней ночью решили пробираться к родственникам в Даймище. Переправляясь через речку, дед провалился под лёд и чуть не утонул. В Даймище жили до конца войны.

В январе 1944-го Фёдор, а было ему в ту пору 16 лет, скрывался от угона в сараях на Набережной улице. В последний день оккупации вечером появились немецкие мотоциклисты. Заглянули в дачу на горе, взорвали мост через Оредеж и уехали. После их отъезда подруга Фёдора Рая со своим дядей подошли к даче, зайти побоялись. И правильно сделали: только вернулись домой — дача вспыхнула — её развалины, заросшие кустарником, и сегодня можно видеть на территории бывшего детского сада, что перед Красной Горкой.

А рано утром 30 января, в 4 часа, пришли наши танки. Сапёры навели временную переправу — льда на реке уже не было, — но один из танков вдруг наклонился и упал в воду.

Машины повернули обратно, а через восстановленный мост проскакал большой отряд кавалерии⁹. Один из командиров, вспоминают наши рассказчики, молодой лейтенант, которого пригласили на чай, сильно ругался на местную молодёжь. Зачем-де остались под немцем? Оказалось, у него погибла вся семья...

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Бывает в семье: дети привыкают к заботам матери, не замечают, а то и не ценят её трудов. Они знают, что мать всё простит, всё сделает, утешит. Но вот она уехала, и вдруг обнаруживается, что всё в семье держалось на заботах матери, её безграничной любви...

Был колхоз в Рождествене. Были трудности — работали-то «за палочки», не всегда ладилось дело, кто-то ворчал. Но нет худа без добра: когда колхоза на время не стало, люди вспомнили и оценили радость мирного труда, относительный достаток в домах, гул машин на широких колхозных полях.

Когда воины Ленинградского фронта освободили Рождествено, они нашли село безлюдным. Лишь на следующий день стали появляться из лесов да болот скрывавшиеся там от озверевших при отступлении оккупантов немногочисленные жители. К весне стали возвращаться угнанные в Эстонию. Приехали эвакуированные в тыл.

Возвратившийся одним из первых К.Ф. Власов не узнавал знакомых с детства улиц: немцы разрушили мосты, уничтожили более 80 домов, в избах жили по 2-3 семьи. Общественное стадо состояло из трёх чахлых коров и десятка раненых или больных чесоткой лошадей, оставленных проходившими воинскими частями. Карточек на хлеб не давали: считалось, что крестьяне

должны были сами обеспечивать себя хлебом; люди же большую часть времени проводили на ремонте разбитых дорог, заготовке леса. Ужаснулся:

— Сколько же это сил и времени понадобится, чтобы восстановить былую красоту!¹⁰

Оказалось, что и силы нашлись, и времени не так уж много понадобилось, чтобы жизнь вошла в колею; первые из послевоенных приказов по местным сельхозпредприятиям датированы ещё первыми числами февраля. Так, уже через месяц после освобождения села начались занятия в школе-семилетке. В мае вернулся из эвакуации неузнаваемо постаревший И.Ф. Соколов, заменил на посту председателя бывшего механика Сиверской МТС П.М. Карташёва. Из восстанавливавшейся МТС прислали два видавшие виды трактора: СТЗ и «Универсал».

Трудности были большие, а весна наступала быстро. Хлеб нужен не только изголодавшимся односельчанам, он необходим и городу, нужен солдатам на фронте — война-то ещё не закончилась.

Пахали женщины: Екатерина Изоткина, Мария Бежанская, Екатерина Карташёва, многие другие, никогда до того не ходившие за тяжёлым плугом¹¹. Двенадцать-пятнадцать подростков впрягались в плуг и так тянули борозду за бороздой. Соколов взял из стада яловую корову, рядом на собственной корове пахала жена партизана-фронтовика Мария Павловна Подрядчикова. В далёкой Башкирии она мечтала об одном: прийти на могилку сына, выплакать своё горе. Здесь она не чувствовала себя одинокой, и надо знать, что такое корова для крестьянки, чтобы оценить сполна эту жертву.

«Дали мне под команду МТФ¹², — вспоминала уже знакомая нам

Л.Л. Александрова, — а в ней всего-то две коровы. Скоро, правда, вернулось наше стадо из Вологодской области, и от государства скот получили, тут уж хватило дела». Уходя домой отдохнуть на часок, она уводила слабых телят к себе в избу, а муж приносил со свинофермы больных поросят, отпаивал молоком. Домашний филиал колхозных ферм активно обслуживали младшие Александровы, а было их семеро: только старшая, Евгения, не вернулась в село — осталась работать в Москве.

Солдаты возвратились не все. А те, что вернулись, опоздали к горячему полю, хотя торопились к нему пять долгих, страшных лет. Они опоздали: напали мыши, перегрызли сухие стебли, и тяжёлые колосья полегли на усталую землю. И бабы подбирали колосья с мышиным помётом, возили на мельницу. Ждать было некогда, а многим — некого. Было это в сентябре 45-го...

Аристарх Сергеевич Александров родился в 1895 году, в семье батовского печника Степана Гурьянова¹³ и крестьянки из Рождествено. 11-летним привёл его отец на меднопрокатный завод, и на всю жизнь возненавидел Аристарх латунные бляхи для солдатских ремней, что выпускали у Чикиных, возненавидел оттого, что оторвали они его от солнца, тихой речки, оторвали от детства.

Но судьба распорядилась так, что сполна довелось испытать Александрову нелёгкой солдатской доли. С Первой мировой пришёл полным георгиевским кавалером. В гражданскую сражался в Первом сиверском коммунистическом отряде, в Красной Гвардии. Из города Кричева, что стоит на белорусской реке Сож, привёз домой молодую жену.

Когда в Батове организовали артель,

жена Дарья вступила в колхоз, а Аристарх Сергеевич продолжал трудиться на «Красном выборжце» в Ленинграде. Но не переставала манить родная земля, и вскоре односельчане уговорили-таки его перейти в колхоз, поставили бригадиром, а затем — и председателем артели имени Рылеева.

За десятилетие рылеевцы заметно разбогатели, в семьях утвердился достаток. «В своём личном хозяйстве мы имели 0,35 гектара земли, держали корову, свиней, кур, уток. Сыновья были хорошими помощниками, так что мы не бедствовали; хотя и жили ещё не богато, но сытно», — вспоминала впоследствии Дарья Архиповна. И вдруг... В полдень в колхозной кузне, где находился председатель, взорвалось страшное слово: «Война-а-а!»

Высокий, слегка сутулый, с длинными усами и простым, немного лукавым лицом, солдат Александров сразу вошёл в жизнь полка. Молодёжь с уважением относилась к «старику», угавдав в нём богатый жизненный опыт. «Выстоим, ребята, — говорил пожилой старшина молодым бойцам. — Не может быть, чтобы русский против прусского не сдюжил», — перефразировал он старую суворовскую поговорку.

Сначала была оборона Ленинграда. Потом начались памятные дни наступления: Ям-Ижора, Мишкино, Вырица, Луга, Псков... Здесь неприятель врос в берег реки Великой подобно сосне, которая вырастает корнями в расщелины гранитной скалы. К вражескому берегу на одном из первых плотов переправился пулемётчик Александров, и был он одним из немногих, кто тогда остался в живых. Выстирал в реке обветшавшую гимнастёрку, к которой комбат перед очередным наступлением прикрепил орден Красной Звезды.

Потом был Тарту, за ним — Рига. В

густых эстонских лесах его рота попала в окружение сильного танкового отряда. Взвалив на плечи раненого командира, два дня пробивался солдат с товарищами к своим. Дошли...

И вот, наконец, долгожданная встреча. Сиверская! Старый солдат давно готов к выходу, а вот и первое знакомое лицо. Александров узнаёт старика-подводчика, который каждый день выезжает к станции — вдруг придет домой кто-нибудь из демобилизованных.

Он вошёл в Рукавишников лес 22 июля, ровно через четыре года. День в день. Только уходил из него утром, а возвращался в обед той же старой, до кочки знакомой тропой, мимо ржаного поля, на котором солнце уже высушило росу, а тёплый ветерок гонял зелёные волны. Ещё болела голова от недавней контузии, ныла простреленная лопатка. Но и если бы он был полон сил, всё равно старался бы идти помедленнее.

И вот наконец родное Батово; окружают знакомые, поздравляют с Победой. Дóма теперь у Аристарха Сергеевича нет, как нет и родного колхоза: после войны спалённую деревню присоединили к «Памяти декабристов» — соседям-даймищенцам.

— Будем строиться, старушка, — говорит он, обнимая жену.

А пока они собрались в старой бане, но не сразу и не все. С медалью «За отвагу» возвратился из Восточной Пруссии старший сын — пограничник Фёдор Александров, бывший на войне с первых её минут. Из Николаевска-на-Амуре приехал Василий, на груди его поблёскивали медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Из Варшавы прислали документы о награждении орденами Боевого Красного Знамени, двумя — Красной Звезды и медалями капитана Алексея Алексан-

дрова: он не дожил до победы. Из Чехословакии вернулись младшие: Николай, а за ним — и Павел, попавшие в руки гестапо и увезённые в концлагерь во Францию.

— Так что ж, сыны, за работу, — сказал Александров-старший. — Работы теперь не впрокорот. Вона чего понаделали, изверги...

И был Аристарх Александров снова председателем, был бригадиром; и на старости лет продолжал трудиться — на водокачке в местном птицевосхозе¹⁴. А ныне его дело продолжают потомки, внуки, есть уже и взрослые правнуки...

В кабинете председателя Даймищенского сельсовета Павла Алексеевича Мошкина стоит знамя. Это — переходящее Красное Знамя райисполкома и райкома ВКП(б), которое завоевали даймищенцы за упорный труд на весеннем севе 1946-го.

Поля ещё были покрыты снежным саваном, когда в сельсовете собрались коммунисты. Ведь впереди — весна четвёртой сталинской пятилетки, требуется посадить 78 гектаров зерновых и 45 — картофеля, посеять 25 га овощей. Немалое задание, тем более, что в прежние годы артель «Память декабристов» отставала с севом. Прошлой зимой из-за недостатка кормов и болезней колхоз потерял несколько голов скота. Не всё было ладно и с руководством хозяйством: прежний председатель правления отстранён от работы и отдан под суд¹⁵...

Слово берёт секретарь парторганизации, батовская учительница Е.В. Новожилова. Говорит о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, напоминает о том, что к 1950 году партия приказывает полностью восстановить посевные площади,

а по картофелю на довоенный уровень предстоит выйти уже на будущий год. От коммунистов, председателей даймищенского и грязенского колхозов А.А. Паянена и И.В. Рябова потребуются немедленная организация полевых бригад и звеньев.

И вот в правление «Памяти декабристов» заведующий агитпунктом привёл группу товарищей:

— Ну, Абрам Андреевич, покажи нам, как хранится семенной материал, весь ли отремонтирован сельхозинвентарь?

Долго водил председатель по хозяйству агитаторов. Те внимательно просматривали семена, проверяли исправность плугов и борон, а вечером вместе наметили меры к устранению недостатков. И лишь только поля освободились от снега и воды, закипела работа.

Бороновальщицы Клавдия Букашкина, Анастасия Маркова, Надежда Терентьева, Лидия Рябова при норме забороновать 1,75 гектара делали ежедневно по 2,25–2,5 га каждая. Возики Н.Ф. Новожилов и Д.З. Бахарев вместо 20 возов навоза развозили по 45; 110 возов удобрения вместо 60 по норме раскидывала по полю перед запашкой колхозница Зинаида Полякова. Не остался в стороне даже 65-летний шорник П.Г. Захаров: чуть было не погибший в годы оккупации мастер (немцы приняли его за еврея) отремонтировал и перетянул заново 18 летних и 6 зимних хомутов, привёл в порядок сбрую, а затем отправился в артель «Труд» помогать соседям.

Пахать наряду с мужчинами вышли в поле женщины. А вскоре здесь появились и два трактора Сиверской МТС: их привели на помощь колхозникам трактористы Е.Е. Фёдорова и Е.В. Кутузова.

То же и на посадке овощей: овощево-

Тракторист Сиверской МТС Е.Е. Фёдорова вспахала более 60 га в колхозе «Память декабристов». Фото В. Логинова. 1946 г.

ды Валентина Маркова, Ольга Семёнова, Татьяна Костина, Зинаида Трофимова вместо 0,2 га по норме засеивали по 0,28–0,3 га моркови. Четыре гектара картофеля вместо одного по плану посадила бригада Ольги Марковой. На южной стороне деревни заложили колхозный сад: посадили 300 саженцев яблонь, 5 тыс. черенков смородины. В середине июня 14 человек из «Памяти декабристов» вышли на низменные берега Оредежа, в Рылеевский парк — начали косьбу трав на силосование.

На даймищенцев равнялись остальные¹⁶. Уже в конце весны знамя было «отвоёвано» тружениками животноводческого совхоза «Красный Остров» Орлинского сельсовета. Шла первая послевоенная весна, весна возрождения...

Литература

1. Иванова И.А. За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб., 2010.
2. Иванова И.П. Восстановление г. Гатчины и Гатчинского района после освобождения от немецко-фашистских захватчиков. 1944–45 гг. // Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев. Кириши, 2000. С.112–118.
3. Ингинен А.А. «Буран» действует: (Рассказ о волосовских партизанах). [Л.,] 1976.
4. Ленинградская область: Исторический очерк. Л., 1986.
5. Михайлов В.В. Ленинград: Героическая оборона города в 1941–1944 гг. М., 1981.

6. Миролюбов А.С. 30 месяцев за линией фронта. Л., 1971.

7. Поляков Е.И. В Рождестве ясное утро: Страницы истории колхоза имени В.И.Ленина. Л., 1961.

8. Поляков Е.И. Сын коммуниста. [Повесть о юном партизане Коле Подрядчикове. Л.,] 1963.

9. Стародубцев А.Ф. Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага. М., 2010.

¹ Так, однажды сиверские ребята нашли в лесу разбитый танк, с которого сняли радиостанцию, настроили её и распространяли по посёлку содержание московских передач. Одному из них, Александру Никифорову, именем которого названа улица в Сиверском, это стоило жизни...

² Александра Николаевна Пакулина.

³ В деревне тогда сгорело несколько домов.

⁴ В книге Ингинена указана дата 5 октября; тот же день «последним для Большого Заречья» называл и Г.В.Федотов, хозяин одного из домов, что стоят одиноко на месте сожжённой деревни.

⁵ Надо признать, жестокостью фашисты своего добились: впоследствии, едва в окрестностях появлялись очередные партизаны-десантники, местные жители спешно сообщали о них в гестапо.

⁶ Финское население Глумиц было эвакуировано немцами в Финляндию; в деревне оставалось немало пустых домов, где нашли приют оставшиеся без крова жители Большого Заречья.

⁷ «Сколько я вариантов перепробовала, — вспоминала скульптор М.Т. Литовченко, один из авторов мемориала (второй автор — архитектор Ф.А. Гепнер; в качестве их соавтора выступил муж Литовченко — известный скульптор М.К. Аникушин). — На фигуре партизана остановилась уже потом. Сначала лепила рельефы, хотела воспроизвести трагические сцены гибели деревни...» В первоначальном варианте планировалось в конце газона, протянувшегося между двумя шестиметровыми стелами, посадить полевую рябину — символ памяти о погибших.

⁸ Среди них были П.В. Букашкин, В.А. Рассадин, Б.Н. Невский, В.В. Филатов, М.М. Захаров и другие. Группа была арестована 27 декабря, когда зашла в свою деревню за хлебом.

⁹ С целью совершения обходного манёвра. В оперативной сводке Совинформбюро за 31 января сообщалось: «Юго-западнее и южнее Сиверской наши войска с боями продвигались вперёд и овладели населёнными пунктами... Рождествено, Большево, Зайцево, Тозорево... Ранее окружённые немецкие гарнизоны в населённых пунктах Рождествено, Остров уничтожены нашими войсками...»

¹⁰ Немцы разрушили колхозные ферму и свинарник, 45 сараев и амбаров, пожарное депо и конный двор, 15 гумен и риг, в развалинах лежали теплица и 120 парников, дождевальная установка. На месте фруктового сада остались лишь пенёчки, за годы оккупации было вырублено до 450 га леса и т. д. Общий убыток, нанесённый артели «Завет Ильича», оценивали в 20,5 млн. рублей.

¹¹ «За короткий срок мне удалось вспахать на закреплённой за мной лошади Цыгане около 4 гектаров, — писала в мае 44-го Т.П. Моисеева. — По своей силе и желанию работать я смогла бы сделать раза в два больше, но лошадь моя слабая — истощена. Правда, за дни работы на пахоте моя лошадь заметно поправилась, стала сильнее, упитаннее. Поэтому... выработка на лошадь возрастёт обязательно...»

¹² Молочно-товарная ферма.

¹³ К моменту рождения Аристарха родители не были обвенчаны и новорожденный получил отчество по имени крёстного отца, а фамилию унаследовал от матери.

¹⁴ К 50-летию Октября боевые награды Александрова-старшего пополнились орденом «Знак Почёта».

¹⁵ В ходе показательного суда бывший председатель артели А.С. Александров был оправдан: павшие трофейные коровы оказались больны туберкулёзом.

¹⁶ Уже в октябре 1944-го председатель колхоза «Завет Ильича» В.Я. Давыдов с гордостью констатировал, что «для перевозки всей сданной нами продукции потребуется состав из 14 товарных вагонов или колонна из 70 трёхтонных автомашин».

«Я В ДЕТСТВЕ ВСТРЕТИЛАСЬ С ВОЙНОЙ...»

(наша семья в годы блокады)

По воспоминаниям моей мамы Нины Петровны Полоцкой

Наталья Литвиненко-Полоцкая

Всё дальше в историю уходят трагические годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Всё меньше остаётся свидетелей и непосредственных участников тех событий, людей, которые заслуживают уважения, почитания и вечной памяти потомков. Каждый из нас, вероятно, задумывался над подвигами героев, отдавших жизнь за Родину, о природе героического характера этих людей, и не мог не задаваться вопросами: какие силы поддерживали волю к Победе? что побуждало возвыситься над смертью? как эти люди, в сущности обыкновенные, могли жертвовать жизнью ради Отечества?

«Никто не забыт и ничто не забыто» — всё, что стоит за этой исторической фразой, как генетический код мы должны передавать из поколения в поколение, ведь уходят один за другим ветераны.

Человеком, который знал войну не по книжке, пережил все ужасы блокады, выстоял, выжил, была моя мама, Нина Петровна Полоцкая, 1931 г.р., уроженка города Гатчины. Она жила в Гатчине до и после Великой Отечественной войны. Ветеран Великой Отечественной войны, житель блокадного Ленинграда, ветеран труда. Награждена медалями «Житель блокадного Ленинграда», «Ветеран труда», медалями к юбилейным датам Победы в Великой Отечественной войне.

В апреле 2014 года мама ушла из

Нина Полоцкая. 1954 г.

жизни. В честь её светлой памяти хочу рассказать о ней и поделиться её воспоминаниями о войне.

Листая семейный фотоальбом, я вижу много лиц, и среди них — самый родной и дорогой мне человек — моя мама Нина Петровна Полоцкая. Картины жизни моей семьи возникают в памяти, и прежде всего — это память о маме, которая навек останется в моём сердце.

Природа дала маме внешность и талант. Красивая, элегантная, гордая женщина привлекала внимание, в том числе, людей искусства, творческих

людей. Одним из ценителей красоты, в особенности маминой, был мой отец Игорь Николаевич Полоцкий, художник-дизайнер, с которым, впоследствии, так уж сложилось, мама рассталась. Попытки отца вернуть маму не увенчались успехом. В дальнейшем предложения руки и сердца поступали от других достойных людей, но отвергались мамой за неимением любви к ним и её желания быть искренней в отношениях. Когда-то, любуясь её белыми, тонкими, нежными руками, точёной фигурой, я вспомнила, как, гуляя по Павловскому парку, увидела копию маминой фигуры в образе статуи Венеры, установленной на одном из мест, названном «двенадцать дорожек». Шутя, я сказала маме, что у неё есть памятник при жизни, и мы рассмеялись.

В моей памяти мама осталась навсегда молодой, улыбающейся, несмотря на жизненные испытания, с чувством юмора и жизнелюбием. В ней была какая-то абсолютная женственность. Я всегда буду помнить её человеком чистым, светлым, искренним и глубоко порядочным. Она всегда в жизни оставалась ребёнком: по-детски озорная, искренняя и непосредственная. Я помню, как гуляли с мамой зимой и, когда было много снега, играли в чечевичков — игра такая детская: ложимся на снег, чтобы отпечатались силуэты. А однажды, играя в пятнашки, мама, убежала, а чтобы её не «запятнали», прыгнула на какую-то кочку и, улыбаясь, крикнула: «Чур, я в домике», — слова, которые раньше звучали в детской игре. Это было очень трогательно.

Мама обладала природной, внутренней культурой, интеллигентностью, знала правила хорошего тона и тонкости этикета. В какой руке держать вилку с ножом, культуре одеж-

Нина Полоцкая с дочерью Наташей

ды и прочим вещам, — меня приучала с детства. Она была человеком очень скромным, тонким, ранимым и в то же время сильным, стойким, с чувством собственного достоинства. Жила тихо, никогда ни на что не жаловалась. Такое было свойство характера — ничего ни у кого не просила, не умела просить. Была гордой, никого ничем не обременяла, считала, что у всех своих забот хватает. В Гатчине на стадионе был каток, мама часто ездила туда кататься на коньках и однажды получила травму — растяжение связок голеностопного сустава. Превозмогая боль, самостоятельно добралась до дома в Лукахах, где мы уже к тому времени жили.

Война рано приучила маму к самостоятельности, закалила характер. В общении сделала её сдержанной, где-то жёсткой. Все горести и беды в жизни она держала в себе. Стеснялась

слёз, скрывала, а если прорывались, давила их. Когда маму спрашивали: «Как дела, как здоровье?», она, всегда улыбаясь, вежливо говорила: «У меня всё хорошо, всё в порядке», — хотя это зачастую было не так. Не откровенничала, никого в свою личную жизнь не пускала, держала дистанцию, но была открыта для любого к ней обращения и готова была помочь, насколько это было в её силах. Она никого не осуждала, сплетнями не интересовалась, была искренна в поступках и помыслах и ничего плохого никому не делала. В ней сочетались какая-то сила, твёрдость и в то же время трогательная нежность, мягкость и незащищённость.

Мама учила меня быть доброй, честной, отзывчивой. Помню, когда я была в детском саду или в школе (в начальных классах), всегда на мой день рождения мама, несмотря на маленькую зарплату, покупала конфеты, чтобы я угощала детей, и я шла, раскрыв кулёк, вдоль ряда сидящих детей, которые брали из кульки конфеты. Наверное, маме хотелось доставить детям радость, которой не было у неё в блокадном голодном детстве. Потом, спустя много лет мама иногда вспоминала, что воспитательница говорила ей: «Ваша Наташа всё раздаёт, а себе ничего не оставляет. Вы ей скажите, что так нельзя». Воспитательница считала, что мама воспитывает меня слишком доброй. Жили мы скромно, но любого, кто бы ни заходил к нам, мама прежде всего старалась накормить. Спрашивала: «Есть будешь?» Старалась угостить всем, что было в доме. А коробка конфет всегда была на столе. Особое, трепетное отношение у мамы было к чёрному хлебу. Чёрствый хлеб никогда не выбрасывался — делала сухарики или распаривала над паром.

Большим подспорьем в жизни было мамино умение шить. В 1950-е годы на экранах шли трофейные американские фильмы, очень любимые мамой, — «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты» и другие, которые влияли на формирование вкуса и в музыке, и в одежде. Видя, как одеты герои фильмов, мама брала в качестве примеров их модели для пошива своих платьев. Она могла изготовить всё — от юбки до пальто — и со вкусом одевала себя и меня. Иногда её называли «янки» (одно время так называли американцев).

Учась в школе, в третьем классе, я как то попросила маму на Новый год сшить мне костюм Снегурочки. Мама сказала, чтобы я исправила двойку, которая стоит в дневнике, а там посмотрим. То, что она выполнит эту просьбу, я была почему-то уверена, но, помня её слова, постаралась и принесла дневник с пятёрками за каждый день недели. И она, человек слова, человек обязательный, конечно же, сшила мне прекрасное белое платье из марли, а корону мы сделали вместе, посыпав её толчёными новогодними игрушками.

Мама никогда не позволяла себе плохо выглядеть, и в этом прослеживается её внутренняя дисциплина. Где бы она ни была — всегда очень аккуратна, вся отглажена-отутюжена. Прекрасно ухоженная голова, белый воротничок, тонкий запах духов. Вспоминаю всегда чистую, опрятную обувь на её красивых миниатюрных ногах и, особенно, красные туфельки с белой перламутровой пряжкой на тонком каблучке-гвоздике. Мне всегда хотелось покрасоваться в них, но размер моей ноги не позволял это сделать. Однажды, когда мама была на работе, я, как один из персонажей в сказке «Золушка», попыталась втиснуть свою ногу и, сделав это, к сожалению, испорти-

ла туфлю, надорвав её сбоку. Зато два маминых чёрных платья, которые она отдала мне, я носила долго и с большим удовольствием, они были моими любимыми, одно — из парчи, а другое — из полушерстяной ткани.

Мама обожала животных, а они её. Общение с ними доставляло маме огромную радость. Она радовалась, как ребёнок, когда просто гладила или кормила соседских собаку или кота, разговаривала с ними. Собака по кличке Гис просто не отходила от мамы, когда она выходила на прогулку. А когда мама присаживалась на скамейку, пёс клал ей на ноги свою мордашу и лежал. Был один толстый соседский котёнок, который тоже любил сидеть у мамы под боком и урчать.

Передачи о животных, фильмы с их участием мама никогда не пропускала. Например, фильмы «Полосатый рейс» или про собаку овчарку, которая была на службе в полиции, смотрела не раз и всегда с удовольствием.

Мама любила и берегла природу, восхищалась её красотой. Мы часто гуляли в парках Гатчины, Павловска, Пушкина. Она обращала моё внимание на разные пейзажи, краски неба, воды, цветов, на всё красивое, что окружало нас. Залетевшую в квартиру пчёлку аккуратно брала с окна тряпкой, и со словами: «Лети, моя хорошая», — выпускала на улицу.

Любовь к физической культуре была неотъемлемой частью активного отдыха. Мама уверенно каталась на лыжах и коньках, играла в бадминтон, плавала. Ежегодно мы ездили на море в Крым и подолгу и далеко плавали.

А ещё я не могу не сказать о маме, как об очень талантливом, творческом человеке. Обладательница прекрасного голоса и слуха, она пела в хоре Дворца культуры Гатчины. Природной страстью, любовью всей её жиз-

ни были музыка и танцы. Особыми её пристрастиями являлись мировая классическая и популярная музыка, музыка оркестровая, симфоническая, музыка под аккомпанемент саксофона и трубы; мелодии таких признанных мастеров своего жанра, как оркестр Гленна Миллера, Луи Армстронг, Френк Синатра, Дюк Эллингтон, Андреа Бочелли, Шарль Азнавур, и др.

Мама любила танцевать. Обожала и танцевала балльные танцы на вечерах, которые с нетерпением ждала и посещала на протяжении всей своей жизни. Красиво танцуя, радовала себя и окружающих, занимая первые места в танцевальных конкурсах, проводимых на танцплощадках. Эту любовь мама передала и мне. Она рассказывала, что, когда я была маленькая, и по радио звучала хорошая музыка, она брала меня на руки и танцевала со мной. Всю жизнь я помню её танцующей. Музыка, песни, танцы были для мамы отрадой, её воздухом, присутствовали в её сердце и во всей её жизни. Музыка — это то, что делало маму счастливой!

К сожалению, не получилось реализовать свои таланты на профессиональном уровне — учиться возможности не было, война внесла свои коррективы.

Годы Великой Отечественной войны, их события оставили в памяти мамы неизгладимый след. Одно из них — блокада Ленинграда. Мама не любила говорить об этом. Воспоминания на эту тему не проходили без вреда для здоровья. В дни, когда страна чествует ветеранов Великой Отечественной войны, жителей блокадного Ленинграда, память поневоле возвращала маму в годы этой проклятой войны, в эти страшные годы блокады. Слушая её рассказы, я представляла весь ужас, который героически пережили ленин-

градцы и, в частности, моя мама Нина Петровна Полоцкая.

Вот что она рассказывала: «...До войны мы жили в городе Гатчине. Наша семья была немаленькая: я, наша мама Мария Васильевна Проворова, 1896 года рождения, отец Пётр Петрович Жуков и четыре брата. Евгений, 1921 г.р., был старшим, Володя, 1923 г.р., Толик, 1925 г.р., и Боря, 1927 г.р. — младший из братьев, я его очень любила. Помню, родители на работе, няня занята по хозяйству (у нас ещё была няня, помощница по дому, очень хорошая, добрая женщина), а Володя с Толиком наденут противогазы и прыгают передо мной. Очень страшно. Я маленькая, лет пять или шесть, очень пугалась, боялась, была трусишкой, а Боря защищал меня, играл со мной, гулял».

Слушая маму, я представляла её маленькую — девочку, которая росла среди четырёх парней, тогда ещё глупых мальчишек, которые, не отличаясь чувствительностью натуры, потешались над ней, забавлялись, видя, как она тряслась от страха, и сердце щемило от жалости и негодования...

А мама продолжала свой рассказ: «Война началась неожиданно, хотя позже я припоминала услышанный как-то разговор мамы с отцом, который был для меня, тогда ещё ребёнка, далёк и непонятен. Они говорили, что, со слов маминого брата (который был большим чиновником, работал в Министерстве тяжёлой промышленности в Москве), узнали о возможности какой-то войны ... А накануне, 21 июня, у меня был день рождения, мне исполнилось 10 лет. Была суббота, солнечный, летний день. У нас были гости, подарки, наша мама испекла торт «Наполеон», все танцевали, пели, шутили, веселились. На другой день, в воскресенье, мы собирались в парк кататься

на лодках, но в этот день мирная жизнь закончилась. Закончилось и мое детство. Началась война! Это объявили по радио, когда мы сидели за столом. Мама заплакала, мы сидели молча и не знали, что делать. Отец сразу ушёл на фронт, и больше я о нём ничего не знаю. Потом стали говорить, что скоро немцы будут в Гатчине, люди боялись и уходили из города.

Наступила осень, в один из дней Володя, придя домой, сказал, что нам надо собираться, что мы тоже уходим. В первых числах сентября 1941 года наша семья из Гатчины шла в Ленинград вместе с фабрикой «Граммфон», на которой работал Володя (после войны завод «Гатчинсельмаш»). Шли пешком. Нас бомбили. Людей, гружёных вещами, было много, а по пути становилось всё больше и больше. Помню, что взяла свою любимую куклу, подаренную мне на день рождения, а наша мама несла швейную машинку, которая служит и мне по сей день. Когда пришли в Ленинград, нас расселили в цехах на территории завода «Прогресс» на ул. Михайлова 11 около Финляндского вокзала, там ещё «Кресты» рядом (тюрьма такая). У каждой семьи вместо стен были натянуты простыни и поставлены кровати.

Немцы бомбили город нещадно. Через некоторое время фашисты окружили Ленинград — началась блокада. Все верили в победу, только ещё не понимали, какой ценой нам всё достанется.

Старший брат Женя уже служил писарем в штабе Ленинградского военного округа. Как-то пришёл к нам и сказал, что сгорели продовольственные склады, что теперь будет очень плохо. 6 ноября 1941 года и Володю призвали в армию, он ушёл на фронт.

Зима наступила очень холодная. В городе всё замёрзло, обледенело, не

работали водопровод и канализация, не было света, только постоянные бомбёжки и обстрелы. Остановились трамваи. Далее наступил жуткий голод. Хлебушка давали мизер. Люди стали умирать от голода и холода. Отопления не было, чтобы как-то согреться, топили печку-буржуйку. Дрова, как и хлеб, были на вес золота. Люди, которые жили в своих квартирах, могли отапливаться, ломая свою мебель, сжигая книги, журналы, полы (паркет) и разные бытовые предметы. Вероятно, они и довоенные запасы продуктов имели, в общем, им было полегче, как говорится, дома и стены помогали. У нас, к сожалению, таких возможностей не было. Мы ходили, собирали палки и щепки на развалинах домов, которые были разбиты бомбами. А однажды в одном из таких домов, собирая обломки досок, мы с братом Толей наткнулись на полотняный мешочек, в котором была перловка. Мало, примерно 5–6 столовых ложек, часть рассыпана в грязь, в развале, но тогда это было богатством и большой радостью. Всё собрали, хоть и с землёй. И мама наша потом, как могла, очистила крупу и варила её. Несколько дней мы могли пить этот белёсый отвар, а крупинки делили поровну.

Периодически нас навещал Женя, иногда приносил шоколадку. Сам голодал, а подкармливал нас, как потом оказалось, ценой своей жизни. В один из дней Женя не пришёл. Прошло ещё несколько дней, и наша мама Мария Васильевна Проворова, обеспокоенная этим, пошла к нему на службу, где ей сообщили, что Женя умер от заворота кишок. Давали какие-то подарки, и он, будучи очень голодным, переел чего-то. От этого известия на нервной почве нашу маму частично парализовало, и какое-то время она не могла ходить. По документам умер наш Женя,

младший сержант Жуков Евгений Петрович (все братья носили фамилию отца — Жуковы), 20 марта 1942 года от истощения, похоронен на Пискарьевском кладбище.

Шло время. Голод! Холод! Артобстрелы! Бомбёжки! Весь этот ужас никогда не забыть. Поначалу мы бегали, прятались в подвал от бомбёжек не один раз на дню. Немцы бомбили беспощадно. Потом уже не было сил...».

Слушая мамин рассказ о войне, я вдруг вспомнила один эпизод из нашей жизни, как однажды, после прогулки по Павловскому парку, мы стояли с ней на остановке, ждали автобус, и вдруг что-то хлопнуло. Я увидела, как мама быстро присела на корточки и закрыла голову руками. О, Господи! У меня ком к горлу подступил, — увидела её такой незащитной и маленькой. Я поняла, что отголоски войны — страх из-за бомбёжек, память о звуках взрывов и выстрелов — не отпустили маму и в мирное время. Она всю жизнь вздрагивала от любого напоминания. Мне захотелось тогда прижать её к себе, успокоить, но она, лишённая из-за войны детства и не привыкшая к нежностям, не дала мне этой возможности, как-то смутилась и сделала вид, что ничего не произошло.

«...Помню, как-то брат Боря, младший из братьев, принёс нам маленький бидончик с фасолью, который дала ему какая-то буфетчица в обмен на шоколадку. Была бомбёжка, Боря бежал и споткнулся, а когда падал (как он говорил), думал только о том, чтобы не уронить драгоценный бидончик. Ударился сильно, но бидончик удержал.

В 1943 году вторым от голода и холода умер Боря. Он спал со мной на одной кровати, а утром не проснулся. Хоронить не было сил, завернули в

простыню и вынесли на лестницу.

У нас был пятилитровый железный чайник, иногда я ходила к Финляндскому вокзалу и предлагала горячий кипяток, а мне за это иногда кто-нибудь давал сахарку.

Варили и ели клейстер, опилки, кожаные ремни. Съели Борины школьные кожаные ботинки. Хлеба давали так мало, что просто так его не ели. Мы подсушивали его на буржуйке, кипятили воду в чайнике, размачивали в ней кусочек сухаря и пили эту воду.

Незадолго до полного снятия блокады я, мама и брат Толя выезжали из Ленинграда с каким-то предприятием (заводом), кажется, с «Металлическим», через Ладогу. Наша машина прошла, а ехавшая за нами — провалилась под лёд, но никто ничего не мог сделать, потому что люди были еле живы. У меня была водянка. Это уже последняя стадия дистрофии. Я — опухшая как водяной пузырь, глаза, как щёлки, туловище, руки и ноги опухшие, не сгибаются. Помню, ждали поезда, мама меня поставила, куда-то отошла, а меня кто-то задел, и я плашмя, как куль, упала на рельсы лицом. Сильно ударились, а от холода губы прилипли к рельсам. Мама подняла меня, а потом долго плакала, глядя на моё синее от удара лицо и рваные губы. А я думала, почему она расстраивается? Ведь теперь это пустяки, я же жива. Мы ехали в товарном поезде, набитом большим количеством людей. По дороге многие умирали. У кого тиф, у кого понос. Мне запомнилась красивая женщина. У неё были длинные, чёрные, вьющиеся волосы, а в них ползали большущие вши. Привезли нас в Боровичи Новгородской области, а потом — в посёлок Вельгия. Здесь было полегче, мама (иногда, когда её просили) что-то мелкое шила мест-

ным на машинке, и можно было раздобыть немного картошки. У нас была полулитровая кружка, в которую нам иногда клали творожок, такой... мелкими крупинками, обезжиренный. Но мне так хотелось есть, что по дороге домой я не могла удержаться и две-три пьестки съедала. Потом потрясу кружку, и она вроде опять целая. Брат Толя догадывался и жаловался маме, говоря, что я, наверное, ем творог, и что нам дают больше. Но мама, вероятно, всё понимала, меня жалела и не реагировала.

Толю вскоре призвали в армию, и почти сразу, 7 февраля 1944 года, он погиб — убили, гады фашистские, — пришла похоронка. Маму окончательно парализовало. Я уже возила её на санках, когда надо было. Похоронили Толю в деревне Бежани Лужского района. Перезахоронен Жуков Анатолий Петрович в 1978 году в посёлке Толмачёво Лужского района в братской могиле. Иногда я думала, почему осталась жива? Наверное, потому что накануне войны какое-то время жила и питалась у тётки (сестры отца). Она имела своё хозяйство: коровы, козы, куры, пчелиная пасека и прочее — в общем, подкрепила организм.

В 1946 году нас с мамой нашёл брат Володя, единственный из братьев, который после ранения в голову чудом выжил (на всю жизнь осталась вмятина во лбу). Володя перевёз нас в город Лугу Ленинградской области, где к тому времени он уже жил со своей супругой Лидой. Если я не путаю, то по его немногочисленным и неохотным рассказам, Володя был в дивизии народного ополчения, в ударной роте. Был награждён медалью «За отвагу». Представлен командиром к ордену «Красной Звезды», но командир погиб. Документы были потеряны. Он вспоминал, что как-то на плацу подошла

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Памяти моих родителей
Марии Васильевны и Анатолия Фёдоровича

Татьяна Тарлецкая

История

События, которые я хочу описать, происходили задолго до моего рождения. Это история жизни семей моих предков. Шли тяжёлые годы коллективизации. В деревнях, где жили родные (а жили они в Тверской губернии), по-разному воспринимали эти события. Семья моей бабушки Саши была очень зажиточной. В родной деревне их считали кулаками. Семья была большая, раньше в деревнях многие семьи были многодетными. Все работали с малолетства, у каждого были свои обязанности. Прадед Фёдор был хозяином рачительным, добро свое приумножал с каждым годом, ничего даром в его большом хозяйстве не пропадало. Трудились все с раннего утра и до позднего вечера. За леность хорошо попадало, прадед на корню пресекал все шалости. В деревне, конечно, завидовали справному хозяйству, ведь семьи обычно жили небогато. Зависело это от многих причин: если хозяин был ленивым или хворым, то и хозяйство приходило в упадок, а были семьи просто никудышные, в народе про таких говорят — безрукие, всё у них проходило сквозь пальцы. Когда в деревне началась коллективизация, в первую очередь сполна хлебнуть горюшка пришлось семье моей бабушки Саши. Скотину почти всю отдали в колхоз, разор в семье был полный: дети, кто постарше, разъехались по разным кра-

ям, один уехал даже в Финляндию, малые остались в деревне, в том числе и моя бабушка Саша. Хорошо, что хоть не отправили в края не столь отдалённые, так и росли помаленьку, и трудились — не пропали. Бабушка Саша выросла и вышла замуж за деда Василия, дед скоро уехал на заработки в Питер, а в январе 1927 года родилась моя мама.

Бабушка с мамой жили вдвоём, дед Василий приезжал редко. Мама моя росла, как и все деревенские ребятки: со ссадинами, синяками и бесконечной работой — надо было жить. Окончила только начальную школу, в то время и это было хорошо. Однажды дед Василий приехал из Питера с новой молодой женой, детей у них не могло быть, поэтому дед хотел забрать с собой в Питер свою дочь Марусю. Бабушка Саша не смогла расстаться с дочерью, к тому же она была слаба здоровьем, и дед с новой женой уехали назад. По рассказам моей матери, она не против была поехать с отцом, тогда бы её жизнь сложилась по-другому. Больше о своём дедушке Василии я ничего не знаю.

Уже шла Ве-

Дед Василий Степанов (стоит) 1925–27 годы

Нина Полоцкая. 1988 г.

в Гатчине, в Ленинграде. Вышла замуж за моего папу, родила меня. В 1962 году получила квартиру в посёлке Лукаши Гатчинского района от предприятия (Ленинградский опытный завод трест «Севзапавтоматика»), на котором работала. В Лукашах она жила до 16 апреля 2014 года.

Похоронена Нина Петровна Полоцкая на Покровском кладбище в посёлке Динамо Пушкинского района Санкт-Петербурга. Светлая, вечная тебе память!

В 2014 году мама «встала» в ряды Бессмертного полка. Я очень горжусь своей мамой. Человеком, выжившим и выстоявшим в схватке с войной. Человеком, прожившим жизнь честно и достойно!

Пока ещё живёт героическое поколение войны, мы должны собирать их простые трогательные воспоминания, которые имеют право на бессмертие, и сохранять их! Мы обязаны знать и помнить свою историю, и в своих рассказах передавать эту память, память, которая делает народ народом!

бабушка и, дав ему платочек, сказала, что он вернётся, что не убьют. В одном из боёв за 10 минут почти все полегли. Кто остался, ползали, оружие собирали. И вот действительно остался жив. Был дважды ранен. Одно ранение такое, что левая рука повисла. Другое — прямое ранение в голову. Лежал в госпитале. После ранений направили в военное ветеринарное училище. Там он, чтобы разрабатывать руку, играл в небольшом оркестре. Потом направили в деревню Волошово работать. Уже позже он окончил Сельскохозяйственный институт в городе Пушкине.

После продолжительной болезни наша мама Мария Васильевна Проворова умерла. В 1953 году я из Луги уехала и вернулась в Гатчину. Там жила у родной тётки, у подруги мамы — тёти Агаши, своего жилья уже не было. Пошла работать, сначала ученицей в ателье по пошиву верхней одежды; помощи не ждала, да и неоткуда, нужно было жить дальше. Из нашей семьи в живых остались только я и брат Володя. Пятерых моих родных людей унесла из жизни война...»

Мама замолчала, а я, целуя её руки, старалась сдерживать слёзы. Я вдруг вспомнила её слова: «Я такая трусиха», — сказанные однажды вскользя и прошедшие тогда без особого внимания. Теперь же всё ясно предстало в моём понимании: мамино детство прервалось с началом войны и больше не вернулось, а детское мироощущение осталось на всю жизнь. Мама, не успев познать жизнь, испытывая страх, как любой ребёнок, не знающий жизни, оставшись одна, не имея опоры, познавала жизнь и жила, как позволяло её детское представление. Жила как умела, проявляя при этом всю жизнь только лучшие человеческие качества.

После войны мама жила и работала

лика. Отечественная война, народ деревни как мог помогал фронту, в деревнях остались малые дети, немощные старики да бабы. Славу богу, немецкие войска проходили мимо деревни, наведывались изредка за продуктами. Вот на этих баб навалились заботы. Надо было пахать, сеять, убирать; урожай, что был — фронту. Пахали на быках, коровах — это было жуткое зрелище. Голодные женщины пахали на быках, погонялами быков были ребяташки. Лошадей забрали в армию наши войска, каких увели немцы, каких съели жители. Во время одной из таких пахот бабушка Саша стала инвалидом. Бык резко остановился, а животное это очень норовистое, ручка плуга глубоко вошла в живот бабушки, и всё, что могло вывалиться у женщины — вывалилось. Все заботы о хозяйстве легли на хрупкие плечи моей мамы. Ей надо было и за матерью ухаживать, и по дому, и в колхозе работать. Молодых девчонок послали на торфоразработки — это была каторга: гнус, сырость, многие девчонки подорвали своё здоровье.

Война заканчивалась, стали возвращаться домой мужики — раненые, контуженные — живые. Девчонки, которые уже созрели, стали выходить замуж. Моя мама тоже засобиравалась. В колхоз приехал с войны молодой инвалид без ноги, работать в хозяйстве было тяжело, и он устроился счетоводом, благо был грамотным, а счетовод в то время был большим человеком в правлении, вот моя мама за него и засобиравалась замуж. Правда, любила она совсем другого, но он был женат. Это был парень цыганистого вида с гармонью, мог и на балалайке сыграть, и сплясать — красавец, одним словом. Все девки вились около него. На войну он ушёл в апреле 1942 года, в этом же году его тяжело ранило

в правую руку, и он почти целый год лежал в эвакогоспитале. До войны он работал трактористом, и на фронт его взяли в танковые войска. Раздробленную руку врачи собрали по частям, поставили пластину, и он мог ею потихоньку работать. Этим парнем был мой будущий отец. Гуляка был ещё тот, и, чтобы не ослабить одну из девок, когда у той уже был виден живот, он был вынужден на ней жениться без любви. Любил-то он свою Марусеньку. Шло время, и Марусенька готовилась к свадьбе со счетоводом. У любимого Толика росла дочь, жизнь с женой не заладилась с самого начала, и он ушёл жить в родительский дом, дочке помогал, навещал.

Шла скромная свадебная вечеринка Марусеньки и счетовода, в какой-то момент в дом вошёл мой будущий батюшка с тулупом, завернул в него свою Марусеньку, и они скрылись на саях в метельной холодной ночи.

Жить в доме свекрови было неуютно, и родители к моему появлению на свет переехали в дом бабушки Саши. Мама рассказывала, что я родилась с маленьким весом — 2 кг 500 граммов, смугленькая, с черными волосиками. Время было голодное, работать маме приходилось много, вот и родилась я такая слабенькая. Молока у мамы было мало, но бабушка Саша держала козочку, вот на козьем молочке я стала расти не по дням, а по часам. Помнить я начала себя с двухлетнего возраста.

Воспоминания

Всплывают в памяти разрозненные эпизоды из детства. Помню маму с бабушкой, они носят воду в баню; была весна... всё тает... меня поставили на завалинку. Помню бабушкины руки, обхватившие меня, моё взгляд устремлён в небо, а там голые ветки мелька-

ют... голые ветки деревьев и кучи птиц, то ли прилетевших, то ли улетающих.

Помню эпизод с куклой: голая целлулоидная кукла зябла, и я её положила греться в печку, которая топилась. Естественно, после этой процедуры над куклой мама мне шила тряпичных куколок, и я их катала в картонной коробке.

...Потом родители завербовались в Ленинградскую область, в сиверский колхоз «Память Ильича». По рассказам матери, в деревне жить стало невозможно. Папина жена постоянно ходила под окнами, посылала свою дочку к нам, и она играла со мной. Разница между нами была лет пять, но я её не помню. Видно, жена отца сильно её любила и всячески старалась вернуть.

...И вот мы едем в поезде, меня посадили на верхнюю полку, рядом большая корзина с рыжей кошкой Каткой. Кошка была огромная, хорошо ловила мышей и крыс. Прожила красавица Катка долгую жизнь.

Сохранилось воспоминание о том, как мы едем с узлами в телеге, а я на этих узлах лежу и смотрю вниз, а там по булыжной мостовой текут ручьи, телега нещадно гроыхает по булыжникам, меня трясет, и от этого становится весело.

...Поселили нас на втором этаже колхозного дома, и потекла потихоньку жизнь. Родители работали в колхозе, отец — электриком, мама — то в поле, то в телятнике, я оставалась дома одна, мать прибежит, покормит — и опять на работу.

В августе 1952 года родился братик Алик, горлопан был жуткий, мама чуть на тот свет не ушла из-за него: четверо суток не могла родить — такой был крупный. Отец тем временем уехал в деревню на похороны бабушки Саши. Смерть её была трагичной —

Маленькая Таня с родителями:
отцом Анатолием Федоровичем и мамой
Марией Васильевной, п. Сиверский, 1951 г.

устала она мучиться от болезни и решила свести счёты с жизнью, было ей 45 лет. Братик тем временем подрастал и всё время горланил, я его однажды так раскачала в люльке, что люлька перевернулась, и он оказался под ней. Мама в это время ушла на речку за водой, пришла, а дома тишина: я спряталась за печкой, братец под люлькой молчит. Мама заохала, люльку подняла, а этот горлопан дрыхнет, но она немного меня отчитала. Садика не было в колхозе, а в другие садики и пионерские лагеря детей колхозников не брали, как прокажённые мы были, и мне приходилось Алику нянчить. Рос он мальчишкой озорным, непослушным, и все время мы с ним дрались — вот так и росли. Родители наши построили тем временем небольшой домик, куда мы и переехали. Настала пора идти мне в школу, и первый школьный день омрачился небольшим ку-

рьезом. Девочка я была любопытная, и приглянулась мне на парте сверху какая-то мензурка, я не знала, что это чернильница, макнула туда пальчик и пролила чернила на свой нарядный белый фартук, который достался моей маме с большим трудом, ведь денег в колхозе не платили, люди работали за «палочки» (трудодни так назывались). Выкручивались родители, как могли, чтобы одеть и накормить нас, а я этот белый фартук облила чернилами. Домой пришла уже затемно — боялась, что влетит, но хорошо, что соседка пришла, и лупки не случилось. Фартук перекрасили в черный цвет, и у меня еще долго не было белого передника.

Жили мы трудно, мне все время хотелось есть, до сих пор осталась привычка оставлять после еды чистую посуду. Для подспорья держали поросёнка, курочек, был огород. У нас с братом была обязанность кормить поросёнка, для этого нам приходилось обходить все канавы, чтобы набрать лебеды и крапивы. От брата была плохая помощь — всё норовил улизнуть куда-нибудь. Летом часто ходили с ним на речку колоть бычков, ловить раков, а то с моста на банку с приманкой — за пескарями. Занятие это было очень увлекательное, радость кошке, да и нам на еду хватало. Раньше в речке много водилось раков и рыбы. До сих пор помню лакомство: по ранней весне на полях собирали хвощ (мы называли его пестушки), обжаривали с яйцом — вкуснотища необыкновенная. В то время многие ребята были голодными, особенно когда набегашься, то идёшь в гости, и у кого есть корова, глядишь, и нальют молочка кружку, а если ещё и ломоть ржаного хлеба дадут, так это праздник! Недалеко от нас жила цыганская семья, у них был большой дом, хозяйство. Не имея своих детей, они воспитывали они

русского мальчика, воспитание, естественно, было цыганское. Мой брат с ним дружил, и мы частенько ходили к ним в гости. Прислужой у них была русская женщина; поворчит, но всегда накормит нас. В доме у них было много перин, сложенных одна на другую до потолка, и мы на них прыгали. Когда цыганёнок Костик женился, мы были у него на свадьбе. Цыганская свадьба — зрелище очень красочное: все пляшут, поют в огромном разнообразии красок цыганских нарядов.

До четырнадцати лет я с ранней весны и до заморозков бегала босиком, ноги вечно в цыпках, растрескавшиеся, обуви на нас было не напастись, да босиком нам было и удобнее бегать. В 14 лет мама купила мне бежевые босоножки — это был праздник, но в первый же день я сломала каблук, было

Таня с братом Аликом, п. Сиверский, 1954 год

так обидно, да и влетело от матери здорово, отец босоножки починил, но радости той уже не было.

Так вот и проходили наши детские годы, много воды утекло с тех пор, но о тех временах остались светлые воспоминания, как бы трудно ни жилось.

...Вот и окончена уже начальная школа. Во время войны в этой школе была конюшня, устроенная немцами. Двери и коридоры были широкие, потолки высокие.

...В пятый класс я уже начала ходить в другую школу, среднюю, её только построили недалеко от дома. Так началось мое отрочество. Снова пришлось привыкать к одноклассникам и учителям по разным предметам, всё было необычно, но со временем привыкла. Любила запоем читать книжки, читала их везде, даже под одеялом с фонариком, за что от родителей сильно попадало. Зрение, конечно, садилось. Оно и так-то было никудышным из-за осложнения после кори. Очки носить стеснялась — одноклассники неоднозначно относились к очкарикам — такие были нравы. Классным руководителем у нас была учительница истории. Женщина молодая и

энергичная, она привила нам любовь к предмету и к туризму. Часто водила нас в походы — куда мы только ни ходили, — учила всем премудростям походной жизни. Кому-то из класса это нравилось, кому-то — нет, а я была в восторге! Впоследствии, уже во взрослой жизни, мне все эти навыки пригодились, я часто ходила в походы с друзьями, а то просто покупала туристическую путёвку в горы, и мы с группой куда только ни лазили. Это было непередаваемое ощущение. Даже сейчас, будучи уже немолодой, я была бы не прочь потряхнуть стариной. Все навыки хорошо сохранились.

...И вот уже окончен восьмой класс. Я поехала учиться в Гатчину, в торговое училище с общежитием.

...Работать я начала в магазине посёлка Сиверский. Работа мне нравилась, покупатели — простые сельские труженики, без каких-либо изысков — меня, молодого продавца, поддерживали.

Так вот я постепенно взрослела, но это уже совсем другая история, и, возможно, когда-нибудь я опишу события уже моей жизни и жизни моей семьи.

Марианна Соломко

Неизвестные люди России,
Позабывшие люди Руси,
Схоронило вас полюшко синее,
Воскресила небесная синь.

Вас молва замолчала людская,
В отголоски ушли голоса,
Но не поздно в беспамятстве каяться,
Если горькая в горле слеза.

Поднимаются, крепнут проростки
Родовой коренной головы
Золотыми дубами-берёзками
Сквозь столетий крутые валы.

Утолщатся, где зыбко и тонко,
Вырастая до звёзд и полей...
Будут предки гордиться потомками,
Если станут потомки смелей.

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДой

*Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдёшь;
Там в нетленности небесной
Всё земное обретешь.*

В.А. Жуковский

О ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТИ В ЦЕРКОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

1000-летию присутствия русского монашества на Святой горе Афон посвящается...

Елена Федотова

Нынешним летом с 13 по 29 июля в Санкт-Петербурге, в выставочном зале Правительства Ленинградской области, проводилась выставка фоторабот иеромонаха Савватия (Севостьянова) «Пути Святой Горы. От Афона до Валаама». Выставка была приурочена к празднованию 1000-летия присутствия русского монашества на Святой Горе Афон и организована по благословению епископа Троицкого Панкратия, игумена Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального мужского монастыря.

Уместно напомнить, что 2016 год объявлен перекрестным годом российской и греческой культур, и особое внимание в 2016 году уделено совместному празднованию 1000-летия присутствия русского монашества на Святой Горе Афон. Святое место — гора Афон — причастно к становлению русской православной традиции, считается, что монашество на Русь пришло именно с Афона. Значение празднования этой даты особенно важно в наши дни, когда в России происходит возвращение к духовным ценностям и святыням.

Фотографии, представленные на выставке «Пути Святой Горы. От Афона до Валаама», являют собой историческое свидетельство мощной духовной жизни наших стран, распространения христианства и монашества, а также того, каким образом живая духовная традиция сохраняется и передается из поколения в поколение.

Фотопроект иеромонаха Савватия (Севостьянова) содержит более ста пятидесяти фотографий и является для автора и работой, и послушанием, и отдачей долга памяти поколениям монахов, подвизавшихся на Святой Горе Афон. Выставка «Пути Святой горы. От Афона до Валаама» представляет два взгляда фотолетописца — один на Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, часто называемый «Северным Афоном», второй — на жизнь Святой Горы Афон и его насельников — единственной в мире православной монашеской республики с тысячелетней историей на севере Восточной Греции.

Мне посчастливилось, по просьбе епископа Панкратия, стать куратором этой, без сомнения, уникальной выставки. Вообще, все темы, связанные с Валаамским монастырём, всегда меня интересовали очень, и, конечно, я с большим желанием приступила к этому поручению...

Выставка «Пути Святой Горы. От Афона до Валаама». Фотографии о. Савватия (Севостьянова)

...А теперь позвольте представить вашему вниманию фрагменты моего интервью с епископом Панкратием Троицким — «О традиции и современности в церковной культуре», в котором мы коснулись, в том числе, и темы возрождения Северного Афона...

Елена Федотова (далее — Е.Ф.): Владыка, Валаамская обитель почитается как Северный Афон, можно ли сказать, что Валаамский монастырь — это Русский Афон? Как идёт восстановление обители, и как вам видится её будущее? Насколько явно сегодня меняются традиционные черты, и насколько часто появляются новые эстетические моменты?

Владыка Панкратий: Теперь у нас есть благословение Святейшего Патриарха на активное восстановление скитской жизни, которое он дал на

Попечительском совете, проходившем накануне праздника преподобных Сергия и Германа <в 2014 году — примеч. Е.Ф.>. Потому что скитская жизнь, и, я добавлю, пустынножизненная жизнь — это та особенность Валаама, которая в меньшей степени присуща другим русским монастырям. Например, в Оптиной пустыни был один скит, а на Валааме было, если я не ошибаюсь, порядка тринадцати скитов, в которых жили пустынники, безмолвники... Вся территория Валаамского архипелага, а это многие острова, принадлежала монастырю. Это был действительно Северный Афон...

А в чём особенность греческого Афона? — В том, что правительство Греции юридически признаёт уставы и правила Святой горы, те установления, которые в своё время были там приняты ещё при византийских импе-

раторах. Государство не только соблюдает, но и наблюдает за соблюдением этих установлений... Там присутствует губернатор — представитель государства, который не вмешивается в дела монастыря, не является начальником над игуменами монастырей, но он представляет государство на официальном уровне. Там же присутствуют государственные службы — полиция, пожарные, пограничники, главная задача которых — сохранение Афона, охрана его внутренней жизни, режима, сохранность памятников... Соблюдение всего этого и, разумеется, жизнь монахов, такая, какой она была сотни, тысячу лет назад, которая не прерывалась никогда, — всё это вместе и даёт этот удивительный эффект Афона, создаёт его уникальность... Другого такого места на земле просто нет...

В старину в чём-то, конечно, Валаам был схож с Афоном. Все земли, все острова, где жили монахи, принадлежали монастырю. Монастырь сам устанавливал на них свои порядки, свои уставы, и те паломники, которые сюда приезжали, подчинялись им. Благодаря этому создавались условия для иноческого подвига, для духовного возрастания и достижения совершенства и святости. Сейчас, конечно, ситуация другая. Много уже передано монастырю — практически все храмы, все основные старинные постройки, которые не все пока восстановлены и не все ещё выявлены даже... Но, тем не менее, предпосылки к подлинному возрождению обители возникают... Важное значение имеет отношение к этому государства, особенно в лице Президента страны В.В. Путина и руководителей Республики Карелия. Святейший Патриарх Кирилл очень большое значение придаёт возрождению Валаама, именно как Северного Афона. Но есть и препятствия. Это, в

Епископ Панкратий Троицкий. Фото Е. Тарасенко

Главный редактор гуманитарного альманаха «Петербургская среда» Елена Федотова.
Фото Е. Тарасенко

первую очередь, нерегулируемый туризм: количество посещающих Валаам туристов ограничивается только техническими возможностями... То есть,

если сюда ежедневно могли приходить не пять кораблей, а двадцать пять, то они приходили бы... И мы юридически не могли бы этому воспрепятствовать... А неорганизованный, «дикий» туризм, конечно, разрушительно влияет на монашескую жизнь, особенно на жизнь мест уединённых, скитских, пустынных... Все эти сложные проблемы надо решать на самом высоком уровне... Есть ещё одно обстоятельство — социальная сфера, которая здесь присутствует, проживание на Валааме мирского населения. Хотя это уже, скажем, и не посёлок, как было раньше... Мы сейчас являемся частью городского поселения г. Сортавала, его районом. Наше видение таково, что есть государственные и муниципальные структуры, которые нужно сохранять. В первую очередь это — пожарная часть, лесничество, энергетические, строительные и реставрационные службы. Для нас желателен переход этих служб на вахтовый или сезонный метод работы с тем, чтобы здесь не было постоянного мирского поселения.

<...> Говоря о возрождении скитской жизни, мы, опять же, возвращаемся к теме Северного Афона, который был здесь, скажем, в девятнадцатом веке — начале двадцатого... Скитская жизнь — особенность Валаама. В скитах братья живут в уединении, больше времени уделяют молитве, духовному деланию, изучению писаний святых отцов, духовному возрастанию. Святейший высказал свои мысли, озвучив некую мечту, что хорошо бы уже нашему поколению увидеть эти острова заселёнными иноками... И мы сейчас, по его благословению, готовим программу первоочередного восстановления исторических скитов, пустынок, часовен, которые здесь, на Валааме, были... Один из первых — это Авраамиевский

скит. Он находится, хоть и на острове, но близко к Валааму, как Никольский скит — на севере, так и Авраамиевский скит — на юге, он так же точно примыкает к основному острову Валаама... У нас есть благотворители, выразившие желание участвовать в финансировании этого проекта. Если это удастся осуществить, то юг Валаама тоже украсится таким же скитом... Красивый шатровый храм будет виден издалека и встречать прибывающих на остров с южной стороны... Вот такие планы у нас есть по реставрации обители, того Северного Афона, каким Валаам был прежде... <...>

Е.Ф.: Владыка, вы возглавляете комиссию по канонизации. Давайте поговорим о новой, современной иконографии... Считаете ли вы, что она уже сформировалась, либо она всё ещё на стадии формирования? Интересно ваше отношение к тому, что сейчас вообще происходит в церковной культуре, потому как это всё так не просто...

Владыка Панкратий: Да, совершенно верно, это не просто... И эти вопросы даже обсуждались на последнем архиерейском соборе. Предлагалось сделать некие образцы икон наиболее почитаемых, наиболее известных новомучеников и исповедников российских, и других святых, которые были в последние годы и десятилетия канонизированы... Сейчас это делается, скажем так, в силу тех способностей, талантов, профессионализма иконописцев, которым эта работа поручена. Если художник-иконописец хороший, он напишет хороший образ, прекрасный, прочувствует, поймёт, что нужно, как нужно изобразить того или иного святого. А если это делается на уровне менее профессиональном, то часто мы видим просто как бы раскрашенные фотографии... И это, конечно, печально... Надо заметить, что у нас

сейчас церковная культура имеет, я бы сказал, пёстрое состояние, неоднородное... До революции была более однородная картина в этом плане. Привлекались многие замечательные художники. Давайте вспомним начало двадцатого столетия, когда лучшие художники этим занимались, лучшие архитекторы России проектировали храмы... Но даже простые сельские храмы строились лучше, чем сейчас. Сегодня картина не столь радужная, а бывают случаи очень печальные... И даже случаев этих печальных, с моей точки зрения, больше, чем примеров положительных. К этому добавляется ещё использование нетрадиционных материалов, таких как, например, нитрид титана. Я имею ввиду просто ужасные примеры безвкусицы, которые агрессивно рекламируются, пропагандируются везде, недорого стоят, и многие соблазняются их дешевизной и как бы внешней красотой... А вкуса церковного не хватает... Поэтому, конечно, нужно воспитывать в будущих пастырях хороший художественный вкус. Это было бы очень важно, потому что здесь у нас полный разнобой... Хотелось бы назвать нашу эпоху эпохой синтеза, потому что в церковном искусстве, в любой его сфере, начиная от певческой и заканчивая архитектурой, используются элементы фактически все — от самых древних до синодального периода, до русского стиля эпохи модерна. Все, конечно, ориентировано на прошлое. Нового сейчас очень мало и не очень удачно всё делается. Идут споры специалистов о том, каким вообще должен быть храм, его архитектура, его облик... Одни думают, что достаточно просто копировать, повторять старые образцы. Другие считают, что нужно вернуться к моменту того искусственного обрыва церковной

культуры, который случился в связи с революцией семнадцатого года, и постепенно начать как-то развиваться дальше... В принципе, мне эта точка зрения близка, потому что те, кто пытается «перепрыгнуть» из русского стиля, стиля модерна в современность, пока удачных примеров не показывают. Просто нет ни одного достойного примера, ни одного. Недавно Союзом архитекторов и Московской Патриархией проводилась специальная конкурсная выставка. Предлагалось представить образ современного храма, но удачных образцов было показано очень мало, хотя они были — два-три проекта... Интересных было вообще не больше десяти... А иконопись уже, так сказать, довольно твердо стоит на ногах. Но и здесь есть свои болячки. Например, особенное увлечение византийскими образцами. Византийская икона уже просто вошла в моду... И, тем не менее, иконопись сейчас у нас неплохая. Есть хорошие иконописцы, пишущие на хорошем профессиональном уровне. Я считаю, в православном мире у нас икона лучшая, лучше даже, чем в Греции... А в плане церковного пения, музыки церковной — здесь пока идёт поиск. Синтез тоже используется: древние, знаменные, византийские распевы. Происходят, так сказать, какие-то новые поиски... По моему мнению, ни один из прежних стилей, ни одно направление не может сегодня использоваться в чистом виде. Скажем, древнее знаменное пение — оно, конечно, прекрасно, его можно слушать, но представить, что на каком-то приходе только оно будет постоянно исполняться, тяжело. Мы пробовали, это тяжело даже в монастыре...

Е.Ф.: ...на петербургском подворье Валаамского монастыря подворский хор практикует знаменный распев...

Владыка Панкратий: Но всё-таки

они его адаптируют. Я считаю, что адаптированный вариант, несколько смягчённый, легче воспринимается и больше подходит для современных богослужений. Здесь и возникает этот некий синтез, по моему мнению, неплохой. Хотя, конечно, учёные-практики и специалисты, интересующиеся чистым знаменным пением, отвергают и не приемлют эти новшества. То же самое касается и византийского пения. Византийское пение, опять же, в чистом виде, как оно есть, в русском храме не приживётся. Особенно в таких высших формах, лучших своих проявлениях, которые мы можем услышать, скажем, на Афоне. Если здесь начнут так петь, как поют виртуозы-псалты, то люди несведущие подумают, что они попали куда-то не в православный храм, а, скорее, в мечеть... Но, опять же, какие-то элементы мы можем использовать. Что-то стало даже очень популярным, часто исполняемым. Есть такой гимн «Агни Парфене», который написал Святитель Нектарий, у нас его тоже часто поют на Богородичные праздники, он стал очень популярным в нашей Церкви. Мы находимся, можно сказать, в поиске соответствия своему менталитету, своему состоянию души, нашей культуре. Нас нельзя сравнивать с людьми шестнадцатого века, мы знаем гораздо больше, у нас все более развито... У нас меньше чистоты, искренней простоты, веры, у нас нет укоренённости в традиции и укладе, нет подлинного мастерства, но общей культуры и знаний интеллектуальных у нас, безусловно, больше. Думаю, со временем, всё-таки, как-то сформируется хорошая церковная культура во всех её проявлениях. Ещё Павел Флоренский писал о храмовом действе, как о синтезе искусств... Ведь церковное искусство рождается из богослужения. И именно богослу-

жение должно соответствовать тому, что в храме находится. Сейчас, конечно, очень много болезней, много неприемлемого, наносного есть в храме. Откровенно говоря, есть такие благодетели и спонсоры, которые не очень понимают то, что происходит в храме, и им нужно побольше золота, побольше всяких завитушек, красивостей... Поэтому, как бы это ни странно звучало, трудно найти хороший храм, который с одной стороны соответствовал бы традиции, с другой стороны отражал современное состояние, современное видение современного человека. Это только-только нарождается... <...>

Е.Ф.: Есть философское высказывание, что для веры нужен талант. Как вы прокомментируете это мнение?

Владыка Панкратий: Я бы, наверное, согласился с таким утверждением, потому что вера, действительно, это самое главное в духовной жизни, в жизни христианина... А вера бывает разная. И мы видим, особенно на примере святых, что одни люди чуть ли не с младенчества проявляли такой талант веры, а другие — большинство, к сожалению, — менее в этом смысле талантливы, и даже свой небольшой и скромный талант ещё и в землю зарывают... Но вспомним евангельскую притчу, талант нужно умножать, вера растёт по мере углубления человека в неё, в жизнь церковную, в жизнь самой Церкви. Появляется духовный опыт и вера возрастает. Человек начинает понимать, что это уже не просто слова, не просто какие-то первоначально непонятные действия, богослужебные, например... По мере чтения Евангелия, творений духовных отцов, духовной литературы, у него начинают открываться глаза, появляется духовное видение, вера все больше и больше возрастает. Господь этому содействует.

Если человек делает один шаг навстречу Богу, то Бог делает навстречу человеку десять шагов. Есть такое понятие — первая благодать, которая даётся человеку незаслуженно совершенно. Даром даётся большая благодать, чтобы человек почувствовал, как хорошо быть со Христом, хорошо быть в церкви. Часто этому способствуют какие-то скорби, которые Господь промыслительно посылает человеку... <...> Помните, в Евангелии человек сказал: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!»? То есть, через молитву, — а молитва даётся молящемуся, — человек начинает жить христианской жизнью, стараться соблюдать заповеди и, самое главное, быть в церкви. Через молитву человек получает благодать и постепенно приближается к Богу... И множество примеров этому. На наших глазах люди, совершенно светские и далёкие от религии и веры, превращались в людей церковных, искренних православных христиан. Я много таких случаев знаю...

Е.Ф.: Насколько важно вписывать традицию в современные культурные носители, стоит ли на этом делать упор?

Владыка Панкратий: В современных технологиях есть, конечно, как множество положительных составляющих, могущих принести большую пользу верующему человеку, так и много просто опасных. Всё, что происходит в культурной сфере, во многом напрямую связано с интернетом. Все меньше становится книжных магазинов, меньше печатается тех же газет, люди все больше и больше черпают информацию из интернет-источников. Мы, конечно, пользуемся интернетом, у монастыря есть свой сайт, мы официальным образом присутствуем в социальных сетях. Это нам помогает. Даже братья некоторые приходят

к нам, получив информацию о монастыре из интернета. Но, с другой стороны, интернет формирует у человека поверхностное, дробное сознание... Человек, беря в руки книгу, читает её от начала до конца. Очень мне трудно представить, чтобы в интернете кто-то читал книгу. Хотя есть сейчас, так называемые «читалки», книги электронные, но это, всё-таки, другая форма традиционной книги. А, вот, интернет постепенно всё сводит к «чириканию», к «твиттеру»: кратко что-то кому-то «чирикнул-чирикнул-чирикнул»... Это касается и православных ресурсов, на которых большие, серьёзные статьи могут читать какие-то серьёзные специалисты, кто этим глубоко занимается. А, допустим, большинству пользователей это, всё-таки, уже не свойственно. Сейчас в социальных сетях распространённое дело — использовать только какие-то маленькие цитатки и красивенькие фотографии... Это, естественно, снижает общий уровень. Это какая-то «лёгкая пища», «детское питание», которых недостаточно... Надо, все же, как-то нам удержаться, не скатиться к фрагментарному, мозаичному и поверхностному восприятию духовной информации. И другая ещё есть опасность, когда неокрепшая молодёжь попадает в интернет и сталкивается совсем с другой информацией, которая активно рекламируется. Например, хочешь узнать погоду, идёшь на соответствующий погодный сайт, а вместо него «выскакивает» неприличная фотография. Человек неокрепший, молодой, может этим увлечься... Учатся люди в духовных школах и все их учебные пособия — в интернете. И это, повторюсь, часто становится проблемой. Это то, что ещё недавно, лет двадцать, скажем, назад, мы совершенно не знали. Этой проблемы

не существовало. Когда я поступал в монастырь в Лавру, мне надо было отвечать на разные вопросы старших отцов, например, о том, что я читал, чем интересовался... И вот, один отец, как я сейчас понимаю, с чувством юмора, спросил меня: «А что у тебя будет в келье? Как ты видишь свою келью?» Я, естественно, подготовившись к поступлению, начитавшись трудов отцов-аскетов, отвечаю: «Ну, у меня будет икона, может быть, две-три...», — у прп. Сергия было, как известно, две иконы, — «У меня будет духовная литература, книги, которые мне благословят, будет две одежды — одна зимняя, одна летняя...». Тогда этот отец спрашивает: «А чайничек-то у тебя будет?». Я немножко подумал и согласился, что, да, без чайничка будет трудно: «Да, чайничек будет, простите, отец». «Ну, а магнитофончик, ма-а-аленький магнитофончик с духовными песнопениями, с проповедями? Ну, надо же такой магнитофончик иметь?» На что я решительно ответил: «Нет, магнитофончика у меня не будет!», но через три года у меня все же появился магнитофончик... Так вот, это был максимум, который могли себе позволить тогдашние монахи... А что сейчас? Смартфоны — пожалуйста, интернет — будьте любезны... Ты можешь быть пустынножителем, жить в пустыни, а весь мир, в том числе, со всеми своими пороками — у тебя в кармане... Говоря серьёзно, монашество сейчас гораздо труднее, гораздо труднее... И духовная брань сейчас гораздо сложнее...

Придя в монастырь, я, конечно, уже тогда старался читать больше духовной литературы. А человек, становясь священником, пастырем, тем более, епископом, уже не просто монах. И,

казалось бы, ему надо быть в курсе того, чем живёт мир... Но главное, всё-таки, думать о сохранении своей души в чистоте, целомудрии и благодати... Если пастырь будет хранить свою душу и пребывать в благодати, он, с Божьей помощью, найдёт ответы на самые сложные вопросы. Если же этого не будет и человек-пастырь, священник погрузится во все, так сказать, сферы современной жизни — и общественной, и политической, но не будет радеть о своей душе, то он в лучшем случае сможет дать совет как светский человек, более опытный в чем-то... Основываясь на евангелии и христианском учении, конечно... Но, тем не менее, это будет просто совет опытного человека. Такое тоже возможно. Такое даже в большинстве случаев и бывает. Я же считаю, что слышать или даже почувствовать именно благодать Божию — это важнее всего. Потому что Бог говорит через человека, который к Нему близок. И эта близость к Богу даётся не какими-то знаниями через чтение, пусть даже самых замечательных, светских книг, а только молитвой и исполнением заповедей. Если есть благодать с человеком, то тому, кто к нему обратится за помощью или советом, можно будет просто побыть рядом. Я встречал таких людей. Господь посылал мне встречи со святыми людьми. С ними можно было даже не разговаривать, просто рядом побыть или услышать от них какие-то совершенно простые слова. Эти слова в плане интеллектуальном, быть может, тебе ничего не дадут, но в плане духовного опыта дадут очень много и помогут в решении тех проблем, которые у тебя есть...

Андрей Павлов

Верую!

Ты поник. Ты устал. И не радует жизнь.
Всё безвкусное, скучное, серое.
Ты от жизни такой отлепись, отпружинь...
И скажи себе: «Господи, Верую!»

Сам себя ты загнал в этот смрадный подвал.
Чуешь, пахнет палёным и серою?
Ты грешил. Часто лгал. Забывал. Предавал...
Только: «Верую, Господи! Верую!»

Все стремленья своей ещё светлой Души
Заменил пресловутой карьерою.
Расплескал. Растерял. Растоптал. Задушил...
Ну, же: «Верую, Господи! Верую!»

Как-то вдруг занемог, и бессильны врачи.
Чтоб бороться с проклятой Химерою,
Гордо встань во весь рост и в лицо ей кричи:
«Ныне верую, Господи! Верую!»

Беззащитен и слаб человек пред Судьбой.
Что ходить далеко за примерами?
Исцеляет лишь Вера. Врачует Любовь.
Громче: «Верую, Господи! Верую!»

Сергей Пузатых-Елецкий

Воспоминания о Пасхе

В конце апреля, на зелёном косогоре,
Купалось солнце в розовых лучах,
И Пасху, освящённую в соборе,
Держала бабушка в натруженных руках.
С обедни, километров семь пешком,
С ореховым нехитрым посошком,
Из города по полю и холмам,
Она пришла и улыбалась нам.

И разливался колокольный звон,
Малиновый в сиреновой дали,
А в синем небе звону в унисон,
Курлыча, пролетали журавли.
И наполнялся мир простым добром,
Как утренним коровьим молоком.
А солнце всё искрилось на холме,
И жемчуг рос дарило щедро мне!

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

*Ингрия — холод фаты королевской,
Светлые косы, свободная речь,
Ингрия — голос упрямый и дерзкий,
Ингрия — острый серебряный меч.*

Аля Деконская

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ШВЕДСКОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Павел Крылов

Сначала XVII по начало XVIII века территория Невского края входила в состав Швеции под названием «провинция Ингерманланд». Наследием этого исторического периода, рамками которого принято считать заключённый 19 февраля 1617 г. Столбовский мир, которому в наступающем году исполнится 400 лет, и вступление главных сил русской армии в Ингрию в 1702 г., в сегодняшней России можно назвать существование Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии, принадлежащей по своей епископальной структуре и многим чертам церковного обихода к скандинавской традиции лютеранства. Несмотря на то, что шведские власти воспринимали Ингерманландию в качестве дальней окраины, «шведской Сибири», места ссылки, и территории, находящейся под постоянной угрозой войны, с населением, не проявляющим должной лояльности королю и государству, и религиозной ситуацией, во многом отличной от той, что сложилась в остальной части страны, в их действиях всё же прослеживаются некоторые усилия, направленные на то, чтобы общие для всего королевства правовые нормы, практики и управленческие структуры появились на приобретённых у России землях. Меры по государственному управлению касались, в том числе, вероисповедных вопросов, что неудивительно для периода т.н. «конфессионализации», охватывающего XVI–XVII вв.¹ В Швеции с её королевской реформацией, проведённой сверху, во главе церковной организации стояли архиепископ Упсальский и семь епископов, сохранившие апостольское преемство от Римско-католической Церкви. Впрочем, светские власти не отказали себе в том, чтобы наделить себя широкими полномочиями в отношении духовных дел, а король Густав I Васа в 1527 г., т.е. заведомо раньше английского современника, Генриха VIII Тюдора, был провозглашён земным главой Церкви на Вестеросском риксдаге.² Предметами ведения королевских чиновников стали и строительство новых церковных зданий с их последующим содержанием, и выплата жалования духовенству, и контроль над состоянием вероучения. Последний подразумевал энергичное содействие властей в деле внедрения истинной веры в умы и сердца подданных, а также поддержание норм христианской морали в их повседневном быту. Для надзора за порядком в церквях от имени короля 8 декабря 1539 г. была учреждена должность суперинтендента — гражданского чиновника, представителя верховной власти. В дальнейшем подобного рода функционеры появились в отдельных епархиях и областях: так в 1642 г. была создана суперинтендентатура в Нарве. Именно ей оказалась подведомственна провинция Ингерманланд. Первым су-

¹ О явлении конфессионализации в странах евангелическо-лютеранского исповедания см.: Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб, 2002. С. 76–95.

² Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг и начало Реформации в Швеции. М., 2008. О содержании реформ С. 136–141.

перинтендентом был назначен Генрих Сталь.³

Основу системы мер, которые бы обеспечивали контроль государства над церковью, объявили на очередном риксдаге в Вестеросе, состоявшемся в 1544 г. Отныне церковная собственность вместе с церковной десятиной отходила в ведение королевской казны. Королевская власть, таким образом, брала на себя ответственность и за взимание церковных доходов, и за формирование фонда средств, направляемых на повседневные нужды церквей и их служителей, включая ремонт и содержание зданий, выплату жалования, издание церковных книг. В итоге, реформированная церковь Швеции не только лишалась крепостей и независимого источника денежных доходов, утрачивая фундамент политического могущества, — но и, в идеале, освобождалась от целого ряда хозяйственных проблем, передавая их решение в руки мирских властей. Последнее, по мысли короля и его советников, должно было позволить церковным работникам в большей мере концентрироваться на духовной стороне их служения и заранее исключить все злоупотребления, что могут возникнуть при обращении с материальными средствами. Годовое жалование пастора, гарантированное короной, составляло около 100 серебряных талеров, из которых 70 выплачивались деньгами а 30 — продуктами, при средней цене одной тонны ржи — 3 талера.

Контроль над жизнью церковных общин осуществлялся в шведском королевстве не только сверху, со стороны чиновника-суперинтендента, но и

³ Александрова Е.Л., Браудзе М.М., Высоцкая В.А., Петрова Е.А. История финской Евангелическо-лютеранской Церкви Ингерманландии. СПб, 2012. С. 20, С. 29–31.

снизу, со стороны церковного народа. Для этого в каждом приходе предписывалось избрать по 6 старост сроком на 3 года. Их обязанностью было следить за церковными доходами, в частности, за своевременной уплатой десятины, а также за пасторами, капелланами и церковными учителями, о злоупотреблениях которых, буде таковые совершались, им вменялось докладывать церковному начальству. Целенаправленное вовлечение прихожан в управление приходом и предоставление им законной возможности воздействовать на облечённого духовной властью пастора, диакона, церковного учителя и прочих должностных лиц общины, с одной стороны, полностью соответствовало лютеранской экклезиологии (учению о Церкви). Одно из его основных положений — о всеобщем священстве, Церковное служение воспринимается в нём, таким образом, как должность, от соискателя которой требуется удовлетворять критериям образовательного, морального и делового ценза, а не как священный сан. С другой стороны, подобное государственное решение облегчало властям выполнение их работы по поддержанию должного уровня дисциплины в среде духовенства, а также своевременного поступления десятины в королевскую казну, ответственность за которое перекладывалось на самих же облагаемых. Результатом, ожидаемым или неожиданным для властей, стало появление своеобразного слоя почтенных поселян — такой сельской аристократии, предметом гордости которой была принадлежность их семей к числу тех, из которых регулярно избирались приходские старосты, участвовавшие в государственных делах. Сегодня одной из специфических черт Церкви Ингрии является роль коллегиальных органов (приходских

советов и советов уполномоченных) в управлении повседневной жизнью её общин и несколько иная стилистика взаимоотношений прихожан и духовных работников в обсуждении и принятии решений, особенно тех, что касаются хозяйственной жизни. Основа подобной системы была определённо заложена в шведской Ингерманландии XVII века, хотя её возрождение, начавшееся с открытием прихода в Пушкине в 1977 г., происходило, фактически, заново.

Перечисленные выше меры осуществлялись в правление Густава II Адольфа (1611–1632) и королевы Кристины (1632–1654) при генерал-губернаторе восточных провинций Бенгте Оксеншерне. Впрочем, первый успел, пожалуй, только наметить основные линии церковной политики, повелев разделить земли провинции на приходы, построить новые церкви и наладить взимание десятины. Большинство приходов были основаны в 1640-е гг., под скипетром преемницы «Шведского Льва». Правилами церковного строительства в этот период были скорость и дешевизна. По этой причине, все ингерманландские храмы, кроме Белой церкви в Молосковицах, возводились из недолговечного материала — дерева. Впрочем, почти также обстояли дела и в шведской Финляндии XVII в.

В том же столетии было организовано переселение в Ингрию финнов-лютеран из областей Эурупия и Саво. Управление ими осуществлялось посредством сети евангелическо-лютеранских приходов, которых к концу века насчитывалось 28. Импульсом к их учреждению стал указ короля Густава II Адольфа, распорядившегося на территории каждого православного погоста построить по лютеранской церкви, одновременно освободив пе-

реселенцев от воинской повинности, что в условиях кровавой Тридцатилетней войны (1618–1648) было ценным пожалованием для финских крестьян. Административно приходы делились на два пробства: Ниенское и Ивангородское, подчиняясь сначала епископу Выборга, а с 1642 года — суперинтенденту в Нарве. Черты этого деления прослеживаются вплоть до сегодняшнего дня: на территории Ленинградской области и Санкт-Петербурга продолжают существовать те же два пробства под названиями Санкт-Петербургское и Западно-Ингерманландское.

Приметой Реформации в Швеции стал перевод богослужения на шведский язык. В 1531 г. Олаф Петерсон (более известный как Олаус Петри (1493–1552)), разработал программу переводческой и издательской деятельности, предполагавшей подготовку и издание литургического руководства, книги церковных треб, сборника духовных песнопений и постиллы (сборника проповедей по темам воскресных и праздничных богослужений) на шведском языке. Его труд увенчался публикацией в 1541 году полного шведского текста Библии. В 1540-е гг. Микаэль Агрикола (1510–1557) начинает работу по реализации программы Олауса Петри для финского языка, адресатом которой было население финляндских провинций королевства, известное своей приверженностью языческим верованиям. Стараниями Агриколы появились «Азбука» (1543), молитвенник (1544), Новый завет (1548), книги церковных песнопений (1551–1552) и руководство для проведения богослужений (1549). Терпимость к языковому разнообразию в церковном обиходе проявилось и в попытках коронных властей осуществить программу Олауса Петри

— Микаэля Агриколы и на русском. В 1628 году лютеранский «Катехизис» был издан в Стокгольме на русском языке в типографии Петра фон Зелова. Через 10 лет там же была выпущена кириллическая азбука для помощи проповедникам, действующим среди русских. В 1701 году в Нарве, в промежутке между двумя осадами города войсками царя Петра I, было предпринято издание двуязычного Катехизиса на русском и шведском языках. Примечательно, что в качестве графики для русского языка была использована латиница. Одновременно действовал запрет на использование финского языка в православных церквях. Водь и ижору убеждали в том, что они являются финнами по своему происхождению, и потому должны перейти в лютеранство. Православие, таким образом, считалось в шведской Ингрии допустимым вероисповеданием для тех, кто понимает русский, т.е. для русских старожилов.⁴

Наследие этого периода до сих пор чувствуется: отсутствие в лексиконе многих местных жителей прилагательных «православный» и «лютеранский»: церкви называют соответственно «русская» и «финская».⁵

Перешедшим в лютеранство полагались существенные налоговые льготы, что в изрядно обюрокраченном шведском государстве было очень соблазнительно. Видимо, перешедших в лютеранство не было совсем уж мало. Впрочем, их обращение было довольно номинальным, о чём свидетельствуют привнесённые с собой в лютеранство некоторые элементы православной религиозности. В результате, в финском

лютеранстве Ингрии распространилось восточное крестное знамение (троеперстное справа налево), ношение нательного креста, почитание икон. Кроме того, не был искоренён и такой реликт дохристианских культов, как поклонение священным деревьям, камням-следовикам, чудодейственным источникам.⁶

Поэтому, мне представляется неверным весьма распространённое утверждение о том, что финны-лютеране Ингрии — все до единого потомки переселенцев 17 века. Среди этой этноконфессиональной группы много потомков перешедших в лютеранство потомков финно-угорских народов — води и ижоры, русских старожилов, и особенно потомков смешанных браков.

В правление короля Юхана III (1568–1592), известного своими католическими симпатиями, в богослужение были возвращены многие элементы латинской мессы, однако, в неприкосновенности остались причастие под обоими видами и шведский язык, за которые король держался весьма твёрдо. Преемник Юхана Карл IX, напротив, был ревностным лютеранином, и именно в его правление 20 марта 1593 г. евангелическо-лютеранское исповедание было в пику польскому сопернику и племяннику Сигизмунду III (1587–1632) объявлено единственным допустимым в королевстве. Однако, близость принятых в Швеции литургических форм к римско-католической мессе, сохранилась не только в правление короля Карла, но и поныне.

Для придания богослужениям единообразия в 1614 году было издано общее для всего королевства литургическое руководство, составленное на

⁴ Сольман М.А. Культурные связи Швеции и России в первой половине XVII века // Орёл и лев. Россия и Швеция в XVII веке. М., 2001. С. 48.

⁵ Гадло А.В., Верняев И.И., Егоров С.Б., Чистяков А.Ю. Этнография Северо-Запада России. СПб, 2004. С. 72.

⁶ Щипков А.В. Во что верит Россия? Религиозные процессы в постперестроечной России. СПб., 1998. С. 217.

шведском и финском языках. Финноязычный служебник в течение столетия выдержал два переиздания — в 1629 и 1669 годах. В 1694 году он был незначительно обновлен. Изданные в 17 веке богослужебные книги, получившие тогда же хождение в шведской Ингерманландии, продолжали использоваться на протяжении последующих 100–150 лет в её финноязычных приходах, оказывая влияние на их литургическую жизнь и в дальнейшем.⁷ Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии продолжает традицию языкового разнообразия, которое она не считает препятствием для конфессионального единства. В ней допускается проведение богослужений не только на русском и финском языках, но и на английском (богослужение, предназначенное для обучающихся в России иностранных студентов), а также языках финно-угорских народов РФ.

В качестве заключения следует отметить, что наследие шведской Ингерманландии, несмотря на то, что её история завершилась более 300 лет тому назад, сохраняется, пусть в сильно изменённом виде, вплоть до сегодняшнего дня, благодаря консервативному характеру такого общественного института, как церковь. Память об этом историческом периоде поддерживается, несмотря на то, что носители её весьма немногочисленны. Интерес к наследию шведского периода в истории Ленинградской области в наше время испытывают многие её жители, кроме того, он может стать одним из факторов туристической привлекательности региона в рамках развития внутреннего туризма в Российской Федерации.

⁷ Римпилайнен О. Лютеранское евхаристическое богослужение Ингрии. Оулу, 2007. С. 58–60.

Андрей Павлов

Осенние листья

Осень. Конец сентября. В алых бликах заката
Жалобно скрипнет за тучами клин журавлей.
Крик этот листья с деревьев поманит куда-то.
В край, где пирует весна, где светлей и теплей.

Листья срываются вслед улетающим птицам
Прямо с насиженных веток в свободный полёт.
Лишь на мгновенье мечте суждено воплотиться.
Дворник под утро их в стаи метлой соберёт.

Дым от осенних костров поднимается, тает.
Души погибшей листвы устремляются ввысь.
Чтобы скорее догнать улетевшие стаи.
Чтобы мечты их заветные всё же сбылись.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

*Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит, —
Любовь и радость бытия.*

И.А. Бунин

ЛЮБЛЮ РОССИЮ

Зинаида Скорнякова

В первых числах июля в Гатчине прошел Пятый всероссийский фестиваль лоскутного шитья «Лукоморье». В череде культурных событий, посвященных празднованию 220-летия города, он оставил о себе эхо, долго звучавшее в выставках лоскутниц. В музеях, библиотеках, Домах культуры города и района на протяжении месяца можно было убедиться, как талантливы наши мастерицы, как дороги им национальные традиции.

Как получилось, что Гатчинская земля обзавелась теперь уже широко известным лоскутным фестивалем? Все началось с создания в городе в 2002 году гатчинским художником и дизайнером Натальей Юрьевной Косьянковской квилт-клуба «Гатчина». «Вирус» лоскутного шитья в те годы быстро распространялся по России и добрался к тому времени до нашего края. Стоит вспомнить, что путь развития русского лоскутного шитья был довольно тернист. К середине 20 века это мастерство было почти утрачено. Тем не менее, к концу 1980-х, когда вошел в моду русский стиль в одежде, в оформлении интерьеров, в предметах декора, женщины параллельно стали осваивать разнообразные техники лоскутного шитья. Их объединение в клубы и стало новым веянием времени.

Чем их так привлёк этот вид декоративно-прикладного искусства? Скорее всего тем, что лоскутное шитье по-настоящему народное искусство в разных своих проявлениях. Хотя им также успешно занимаются професси-

Н.Ю. Косьянковская

ональные художники, дизайнеры, театральные художники и модельеры. К тому времени у лоскутниц появились современные швейные машины и новые технические приспособления для шитья, новые лоскутные методики. Российские мастера вошли в мировое сообщество квилтеров и были признаны равными среди равных.

Первый российский фестиваль «Лоскутные узоры России» был организован в г. Владимире в 1991 году. Гатчинское «Лукоморье» стало пятым по этому счёту, и сегодня входит в сообщество российских фестивалей, таких как «Лоскутная мозаика России» из Иванова, «Лоскутный фестиваль» из Суздаля, «Пёстрая поляна» из Ясной Поляны, «Курочка ряба» и «Традиция» из Санкт-Петербурга, и других.

Однако вернёмся ко времени создания квилт-клуба «Гатчина» в 2002 году. Как опытный педагог и увлечённый лоскутным творчеством художник, Н.Ю. Косьянковская с первых шагов обучения ориентирует своих лоскутниц на участие во всероссийских фестивалях и одновременно в культурной жизни Гатчины. В Центральной городской библиотеке им. А.И. Куприна начинаются ежегодные творческие выставки. На каждой из них клуб, по сложившейся традиции, кроме авторских изделий, представляет обязательную коллективную работу студийцев. Сама создательница клуба в это время постоянно экспериментирует: виртуозно работает с тканями разного состава — драпом, шёлком, синтетикой, прокладывая дорогу в тайны мастерства своим ученицам. Её авторские работы — триптих «Легенды Севера», известная серия «Гранатовый город», панно «Курган» — удивляют не только активностью поиска, но и масштабностью творческих задач.

Уже через год после создания квилт-клуба «Гатчина» мастерицы, кроме участия во Всероссийском фестивале «Лоскутная мозаика России» в Иваново и собственных выставок в обеих центральных библиотеках Гатчины и района, отправляются на Европейский фестиваль «Крейзи-квилт» во французский город Ля Бурбуль. Из Иванова гатчинские лоскутницы вернулись с дипломом за оригинальное панно «Шесть соток». Коллективная работа, отмеченная дипломом, отличается не только художественной фантазией мастериц, но и тонким пониманием русских традиций лоскутного шитья. Студийцы радуют преподавателя талантливыми и смелыми работами, с которыми можно участвовать в конкурсах. В 2003 году Н.Ю. Косьянковская создает одну из своих

Елена Шабалина. Дом Щербова

самых широко известных работ — панно «Люблю Россию», в котором собирательный образ Родины представлен в виде символической женщины-лоскутницы, труд которой и есть не что иное, как выражение любви к России.

Если судить по темам, которые Н.Ю. Косьянковская предлагала своим лоскутницам, то очевидно, что вела она их к вершинам мастерства достаточно стремительно. Арт-проектом 2004 года стала «Графика зимы». «Мне впервые захотелось шить черно-белые лоскутные работы в 2004 году, — вспоминает Наталья Юрьевна, — другие лоскутные клубы художественную идею тут же подхватили. «Подхватил» этот арт-проект и Государственный Российский Дом народного творчества в Москве, возил его по всему миру с постоянным успехом во всех странах».

В авторских работах лоскутниц уже широко используются не только хлопчатобумажные ткани, но и синтети-

Ксения Томбак.
Ингербургские ворота

ка, драп, шерсть и даже стеклярус. В последующие годы в учебных планах квилт-клуба неизменно появляются всё новые и новые арт-проекты. Фактически все выставки клуба, где бы они ни проводились, по словам Натальи Юрьевны, являлись тематическими арт-проектами. К выставкам в библиотеках города в скором времени добавились выставки в библиотеках и Домах культуры района, городах Ленинградской области, а также в Театральном музее им. Бахрушина в Москве и Российском посольстве в Праге.

В 2006 году клуб участвовал в семи выставках, одна из которых прошла в Москве в галерее Зураба Церетели, другая — во французском городе Сотевиле. С произведениями гатчинских лоскутниц постепенно познакомились их коллеги в Финляндии, Франции, Канаде, США, Японии, Китае, и на выставке лучших работ отечественных фестивалей во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства.

О том, как появился в творческой жизни клуба фестиваль «Лукоморье», Наталья Юрьевна рассказывает буднично, без какого-либо пафоса. «На очередном из Пушкинских праздников в Гатчинском районе, — поделилась она, — мы сделали выставку наших лоскутных произведений. У посетителей она вызвала живой интерес. Нам понравилась эта заинтересованность людей. Следующую выставку мы провели к 20-летию музея в Суйде. Работы мастериц экспонировались в старинном здании ганнибаловской конюшни. Вдобавок к выставке мы сделали музею подарок. Подарили старинный сундук, который нашли по соседству в Карташевской. Он и сейчас находится в экспозиции музея. Тогда-то мы и услышали от местных жителей, что хорошо бы создать у них фестиваль лоскутного

шитья, и тогда же из зала прозвучало, чтобы назвали этот фестиваль «Лукоморье». С этого всё и началось».

Первый фестиваль состоялся в июле 2008 года в Суйде на базе музея А.П. Ганнибала и суйдинского Дома культуры. У истоков его создания стояли краевед Андрей Бурлаков и директор Дома культуры Елена Кондратьева. «Благодаря этим двум людям, лоскутный фестиваль и родился, — вспоминает Н.Ю. Косьянковская, — без их помощи нам было бы очень трудно это осуществить». В организации первого фестиваля существенную поддержку квилт-клубу оказали также А.М. Качалова и Школа парикмахерского искусства Натальи Гасан. Тема фестиваля была связана с усадебной культурой России — «Русская усадьба от барокко до хайтека».

Второй фестиваль клубу лоскутниц пришлось проводить в Гатчине, так как выявились транспортные проблемы, сложности с размещением и питанием участников фестиваля. Это и вынудило Н.Ю. Косьянковскую вернуться в Гатчину. Но здесь, как оказалось, лоскутниц, увы, не ждали и встретили фразой: «гатчинцам это не надо». В этот раз квилт-клуб нашёл поддержку у гатчинских депутатов. Да и тема лоскутного фестиваля — «Нетрадиционные ткани» — явно агитировала сама за себя. Наши лоскутницы показали себя как настоящие экспериментаторы, ведь раньше произведения из нетканых материалов — драпов и мебельной ткани — на фестивали не принимались. Гатчинский квилт-клуб с первых своих шагов искал новые возможности применения нестандартных, ходовых тканей.

Этот фестиваль оказался одним из самых массовых по количеству участников, их было 108 человек. Приехали лоскутницы из Якутии, которые тогда

уже шили из драпа. Как дополнительная, была задействована вторая фестивальная площадка в Музее истории города Гатчины, потому что огромное количество работ не умещалось в городском Доме культуры.

Третий и четвёртый фестивали, в связи с закрытием Дома культуры на ремонт, проводились в Музее истории города. И выяснилось, что там также не хватает не только выставочных площадей, но и помещений для проведения мастер-классов. Эта проблема до сих пор у фестиваля остается нерешенной. «Чтобы его участники могли осваивать новые технологии, — рассказывает Наталья Юрьевна, — нам надо проводить практические мастер-классы с машинками, гладильными досками, утюгами, специальными приспособлениями для раскроя тканей. На других фестивалях всё это есть. Поэтому мы решили пока проводить лекционные мастер-классы, хотя они имеют другую направленность. На этих лекциях затрагиваются вопросы композиции, цветоведения и истории прикладного искусства. Так, из-за нехватки помещений, у нас образовался целый лекционный курс».

Но, как говорят, нет худа без добра. Все лоскутные фестивали в России имеют свою направленность. Имеет её и «Лукоморье», — это фестиваль сюжетных композиций. Для его участников необходимо художественное образование. Чтобы в простой и доступной форме рассказать о сложном в искусстве лоскутного шитья, Наталья Юрьевна в 2011 году подготовила и издала свою книгу «Композиция и цветоведение в лоскутном шитье». В этом отношении незаменимую творческую помощь лоскутницам предлагает и жюри фестиваля. «Лукоморье» — это единственный российский фестиваль, где жюри дает свой мастер-класс, где проходит искусствоведческий анализ всех работ без исключения, причём, в присутствии участников и зрителей. Все лоскутницы могут высказать компетентное мнение жюри и получить разъяснения на все свои вопросы. Члены жюри дают оценки работам участников независимо, профессионально и объективно.

Таким составом жюри, где председателем является заслуженный деятель искусств России, председатель секции критики и искусствоведения Санкт-Петербургского Союза художников А.Б. Симуни, членами — кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица Л.Н. Хоманько, доценты кафедры художественного текстиля этой же академии — З.К. Ревчук и А.М. Фа-

Наталья Косьянковская.
Люблю Россию

Наталья Косьянковская.
Ни дня без строчки...

теева, художники — мастера лоскутного шитья Н.В. Меренцева и А.А. Якуничева, может гордиться только гатчинский фестиваль. В этом смысле гатчинский фестиваль «Лукоморье» — единственный и неповторимый в своем роде.

Тематическим арт-проектом пятого, нынешнего, фестиваля лоскутного шитья стал «Двор». По словам Натальи Юрьевны, в своих панно лоскутницам было предложено рассказать о царском, боярском, монастырском, крестьянском, городском, школьном дворе, дворе своего детства. «Двор» тем и хорош, что затрагивает историческую тему: дворянскую, церковную, городскую культуру, в том числе, советской эпохи. Чтобы поднять общий художественный уровень работ российских лоскутниц, «Лукоморье» сознательно ориентирует их на такие темы. В дополнение к этому, приезжая на фестиваль в Гатчину, участники конкурса посещают все музеи Гатчины, знакомятся с усадебной культурой нашего района и с дворцовыми пригородами Северной столицы. Все предыдущие фестивали, кроме последнего, совпадали по времени с проведением в Гатчине «Ночи музыки». Лоскутницы слушали классическую музыку, сполна погружаясь у нас в мир искусства.

Между тем, несмотря на столь основательно выстроенный фундамент фестиваля, наше «Лукоморье» не имеет не только федерального, но и областного финансирования. Бюджетные деньги на его проведение частично выделяет только Гатчинский муниципальный район. Если раньше существовали городские целевые программы, где «Лукоморье» всегда выигрывало конкурс экспертного совета, то теперь их нет. Единственным спонсором фестиваля является сеть магазинов «Мир шитья», осуществляющая на фестивалях про-

дажу тканей и аксессуаров. Благодаря ей на мастер-классах, предназначенных для жителей нашего города, гатчинцы могут познакомиться с современными технологиями лоскутного шитья. Информационную поддержку фестиваля все эти годы обеспечивают общероссийский журнал лоскутниц «Чудесные мгновенья», Ассоциация мастеров лоскутного шитья России, интернет-портал MyQuilt. И это ещё одно свидетельство того, что гатчинское «Лукоморье» является равным среди равных в нашей стране.

Мы поинтересовались у его создательницы Натальи Юрьевны Косьянковой, каким образом гатчинский фестиваль собирает мастериц из самых разных уголков России? И вот, что она сказала: «В России существует 12 лоскутных фестивалей. Среди них стала заметна конкуренция. Раньше этого не чувствовалось. Лоскутницы выбирают фестиваль по месту жительства или по интересной для себя теме. Выбирают один-два фестиваля в год, к которым планируют готовиться. Наш фестиваль привлекает многих». Председатель Ассоциации мастеров лоскутного шитья России Римма Быбина, побывавшая у нас на четвертом фестивале, отметила большое количество выставок лоскутного шитья, проходивших в учреждениях культуры города и района — библиотеках, музеях, Домах культуры, клубах. Другие фестивали, сказала она, такого выставочного масштаба не имеют. И пожелала фестивалю «не терять своё лицо, беречь и развивать национальные корни».

Можно добавить, что фестиваль «Лукоморье» как мастерицам, так и жителям Гатчинской земли, дорог чувством сопричастности к культурной жизни России.

«И ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ»

Антонина Нагорная-Шварц

*Женский голос как ветер несётся,
Чёрным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется,
Все становится сразу иным...*

Анна Ахматова

Мы наслаждаемся чтением стихов, любимся картинами... И стихи и картины могут быть возвышенными и прекрасными, но музыка и только музыка — это единственное, что удаётся человеку лучше, чем это делает природа. Ведь нет ничего в жизни возвышеннее и прекраснее, чем хорошая музыка. Немецкий писатель и поэт Бертольд Ауэрбах говорил: «Музыка — единственный всемирный язык, его не надо переводить, на нём душа говорит с душой». Потрясающе верные слова — «душа говорит с душой»!

Очень, очень давно человек создал сначала примитивные музыкальные инструменты, затем все более и более сложные, извлекая из них немыслимой красоты звуки. Но и эта немыслимая красота меркнет перед волшебными звуками человеческого голоса, ибо человеческий голос — самый совершенный, самый уникальный музыкальный инструмент. Для меня это волшебство олицетворяет удивительно благородный, сильный, красивый и насыщенный голос исполнительницы романсов Светланы Захаровой. Её прирождённое и, разумеется, постоянно подпитываемое чувство высокого профессионализма, отличает певицу в среде исполнителей её поколения. Мне известно, что Светлана относится к каждому концертному выступле-

нию, как к труднейшему экзамену. И это понятно — на сцене она остается с глазу на глаз со зрителями — «душа говорит с душой», — и только средствами вокала, выразительностью слова, фразы она рисует перед зрителями ту или иную жанровую картину, выстраивает образ героя романа. Задача, безусловно, очень сложная. Ведь каждый романс — это неповторимый человеческий образ, неповторимый человеческий портрет.

Я всегда с душевным трепетом и волнением слушаю в исполнении Светланы песни и романсы Исаака Шварца. На первый взгляд романсы Исаака Шварца очень просты, но это мнение ошибочно. Они разные по характеру, почерку, настроению, стилю. Например, пронзительно-трагический романс «Не уезжай насовсем» на слова В. Высоцкого, где образ выписан яркими, сочными мазками; прозрачно-неж-

ный романс «Эта женщина в окне» на слова Б. Окуджавы; грациозно-шутливая песня «Ах, нынче женихи твердят лишь о богатстве»; волнующий до слёз романс «Любовь и разлука» все того же Б. Окуджавы; порывистый, драматичный, выходящий за рамки романсовой формы, «Диссонанс» на слова Я. Полонского; романс-воспоминание о прошедшей любви «В нашем старом саду»... Я перечислила лишь некоторые романсы Исаака Шварца, которые исполняет Светлана Захарова. В них голос певицы — то вкрадчивый, то капризно-кокетливый, то игривый, то страстный, то скорбный, то он шепчет признание в любви, то взывает о по-

мощи, то завлекает, то спокойно повествует о событиях давних... А происходит это потому, что она, погружаясь в музыку, глубоко «вживается» в образ, тонко ощущая внутреннюю суть человеческого характера. Её творчеству присуще чувство художественного такта, вкуса, музыкального чутья, сопереживания своим героям.

Все это, вкуче с её блестящими личностными данными, трудолюбием и святым отношением к Музыке сделало Светлану Захарову любимицей публики. Надеюсь, она ещё долго будет радовать любителей музыки своим исполнением, неся свет, тепло и радость, а её мастерство будет только возрастать.

Алла Горячева

И. Шварцу

С любовью и преклонением,
Как Ваша музыка летит,
И Богу душу возвращает!
А сердце то болит, то тает.
Как Ваша музыка пьянит!
И если счастье есть на свете,
И нам познать его дано,
То счастье только в звуках этих.
Да, в них оно заключено.
Стою пред Вами на коленях,
При этом, не стыдясь ничуть.
И в эти дивные мгновенья
Я счастлива, не кто-нибудь.
И грешная душа моя
От чувства неземного тает
И, бросив тело, отлетает
В такие чудные края,
Где нет ни боли, ни терзаний,
Где нет ни страха, суеты,
Земных утех, земных желаний,
Где только музыка и ты.

О, эти сказочные звуки,
Такого таинства полны,
И наши души, Ваши руки
Единой страстью сплетены.
Что в них за магия такая
И сила отданных сердец,
Что так по клавишам летая,
Мы видим Бога наконец?
Позвольте волшебством напиться.
Возвысьте музыкой сердца,
И дайте чудом насладиться,
В нём растворившись до конца.
Позвольте не сидеть пред Вами,
Лица коснуться взглядом вдруг,
Прочеств единство между нами
В мечтах о том, что я Ваш друг.
Спасибо Вам за счастье это.
Стою я, голову склоня.
Примите, пусть не от поэта,
Вот эти строчки от меня.

«ЖИВАЯ МАТЕРИЯ» В КАРТИНАХ ВАЛЕРИЯ КОСТАРИНОВА

Ни чем иным, как загадочным зигзагом судьбы можно объяснить то, что в 2006 году в пос. Войсковицы приехала на жительство семья художника Валерия Костаринова

Зинаида Скорнякова

выставка живописи и ковроткачества под названием «Костаринов и К». Те, кто побывал на ней, не только открыли для себя талантливые работы супруги и дочери, но были приятно удивлены живописью главы семьи — Валерия Костаринова. Ведь полотна художника так сильно отличаются от того, что наши любители искусства обыкновенно видят на гатчинских выставках.

Холст и ты

Какими судьбами?

Супруга — Екатерина Борисовна Милушкина — приступила к работе в Детской школе искусств, где открыла класс ковроткачества. Через год преподавателем в нём стала дочь Ольга, а ещё спустя год, живопись там начал вести Валерий Анатольевич Костаринов. Супруги приехали в Войсковицы уже будучи известными художниками, членами Союза художников России и Международного Союза художников ЮНЕСКО.

За минувшие десять лет, наполненных профессиональной работой, многочисленными выставками и победами на конкурсах, эта художественная семья вполне укоренилась на Гатчинской земле. В июне 2015 года в Центре информационных технологий на Рощинской, 19 состоялась семейная

Если на Рощинской, 19 были представлены художественные произведения Костаринова, которые можно отнести к направлению условной «фигуративной живописи», то несколько раньше гатчинцы познакомились с абстрактными работами художника. Загадка состоит в том, почему такие разные по структурам картины неизменно вызывают у зрителя чувство восхищения? В чём секрет притягательности его полотен? Вначале узнаем, что говорит об этом сам художник.

«У меня свой стиль, — делится Валерий Анатольевич. — В каждой работе мне хочется видеть движение и развитие, иначе искусство будет бездыханным. Любой крупный художник не останавливается на достигнутом, в противном случае можно угаснуть. Первоначальный импульс при создании картины: что можно сделать в цве-

те и форме? Даже самая абстрактная работа всегда связана с действительностью. Без действительности зрители её просто не воспримут. Если нет настроения, некоего импульса, работа просто не получится. Конечно, и сам мастер, и его видение наслаиваются в ней. Я это чувствую, и это высказываю на холсте. Мне нужно, чтобы работа была чем-то наполнена, чтобы в ней была «живая материя». Абстрактные работы — это для меня внутреннее настроение. Здесь важно «не свалиться» к художнику, который тебе нравится, не подчиниться тем правилам, которые уже известны. Но невозможно сделать абстрактную работу, чтобы от чего-то не оттолкнуться. Мы должны на чем-то стоять. Я пытаюсь найти своё лицо, не быть похожим на других. Это мой принцип. При этом я всегда стремлюсь к простоте».

Дорогой длиною

Долог путь человека к вершинам своей профессии, но особенно труден он в искусстве. Уже в детстве необходимо получить ему такой запас художественных впечатлений, который станет крепким фундаментом в дальнейшей творческой жизни. Навсегда запомнил Валерий Анатольевич маленький домик, сад, речку, зелёные луга и хлебные поля своего родного села Кремяное в Курской области. «Это сказка. Это то, что питает меня до сих пор», — говорит он. Важным было и то, что мама — Мария Степановна — поддерживала его желание рисовать. Рано начались и поиски, где учиться живописи. Теперь этот опыт отражается в преподавательской работе в Войсковицкой детской школе искусств, где Валерий Костаринов учит детей живописной графике.

Путь в искусство у Костаринова на-

Валерий Костаринов.
Ангел Хранитель. Холст, акрил

чался с учёбы в художественных кружках и нескольких студиях. Последней из них была изостудия в Норильске. Накопленный в них опыт проявился в том, что его творческие работы рано стали востребованными. Они выделялись живописной условностью, были не похожи на работы других художников.

В Норильске он стал членом Товарищества художников «Гермес». Там же, в Доме техники, в конце 1980-х годов прошла его первая персональная выставка, на которой были представлены сорок работ, созданных в технике гуаши и масла. Дальнейшая работа в бюро промышленной эстетики горно-металлургического комбината, где он занимался наглядной агитацией, писал плакаты и панно, а также в Художественном фонде Норильска, где выполнял заказы по художественному оформлению кафе, ресторанов, школ, производств, создавал витражи, рельефы, многометровые батики, — выковала из него и мастера на все руки, и зрелого, масштабного художника.

Валерий Костаринов.
Фото на память. Холст, акрил

Персональные выставки

На четвёртой персональной выставке в Художественной галерее Норильска Валерий Костаринов представил уже двести графических и живописных работ, заполнив ими два зала. Выставка прошла очень успешно: много работ было приобретено как самой галереей, так и частными лицами. Успех оценили в столице края Красноярске, назвав Валерия Николаевича в публикациях «ярким, самобытным художником». Абстрактную работу «Парижская коммуна» приобрела мэрия, картины покупали французы и японцы, появились заказные работы.

Тем не менее, с 1983 по 1991 год Костаринов продолжает учёбу, подобную аспирантуре, в Экспериментальной студии Союза художников СССР в Москве, куда его вызывали на семинары. «Эти занятия, — вспоминает живописец, — развили во мне пространственное мышление». Переехав в 1995 году из Норильска в город Тольятти, он работал в фирме «Нордстоне», где

осваивал такие художественные материалы, как камень, мрамор, гранит, облицовочная плитка. Интерьерные работы художника в этих материалах были представлены на Технической выставке в Москве, на ВДНХ, на ЭКС-ПО в Москве и Санкт-Петербурге. В этот же период жизни и творчества состоялись его персональные выставки в Манеже и Центральном доме художника в Москве.

С годами выставочная деятельность художника не только не утихла, но и сохранила постоянный характер, теперь уже на ежегодных выставках в Союзе художников Санкт-Петербурга, в Гатчине, Павловске.

Взгляд на себя

«Каждый художник умеет рисовать, — размышляет Валерий Анатольевич, — но главное для него — сформулировать, что он хочет сказать. Нужно обязательно поставить себе задачу. Если это произошло, тогда начинается внутренняя разработка системы цвета, настроения. Я добиваюсь гармонии цветовых отношений красок, чтобы цвета «не выпадали», а «сидели» внутри, чтобы образ, сконструированный в голове художника, читался. Не важны исторические детали, важно показать дух того места, где я был (речь идёт о поездке на пленэр в Новгород). В моей картине «Новгородский кремль» нет изображения Новгорода, но есть отношение к нему. Там начало Руси, там такая историческая древность, что чувствуешь себя жалким потомком, и это ощущение тебя долго не покидает».

...и со стороны

У каждого живописца, как известно, свои пристрастия. Валерий Костари-

нов, создавая картины, максимально использует цвет как способ выражения идеи. Поэтому выставки его картин всегда несут в себе понимание божественного происхождения живописной красоты и большой эмоциональный заряд. Особенно наглядно это видно на картинах небольших размеров. В маленьких работах живописец обычно находит манеру исполнения, «берет разбег». Потом развивает найденное в серии больших работ, а затем принимается за новые творческие поиски. Чем привлекательны его маленькие картины, так это именно свежестью «пробы пера».

«Но в них, — уточняет Валерий Анатольевич, — живописцу тесно. Поэтому мне больше нравится создавать картины средних и крупных размеров, чтобы в них чувствовалось «большое дыхание».

Что вообще движет кистью живописца? У Валерия Костаринова — интуиция художника. «У живописи, — говорит он, — условный язык, хотя она и берёт за основу реальную жизнь». Его картины выражают то состояние, которое его привлекает в живой природе, будь то пейзаж, натюрморт или портрет. Постоянно решая проблемы живописной подачи материала, мастер открывает для себя (а, в конечном счёте, и для нас) секреты прекрасного.

«Раньше любил чёрный контур, — делится он, — который собирает цвета на картине, они получают ярче. А цветовые контрасты способствуют появлению у них света». Очень важны, по его мнению, как внутреннее состояние, так и импровизация в работах. Поэтому над некоторыми картинами он трудится по несколько лет. У каждого художника, конечно, свои секреты не только цвета, грунтовки холста, но и других особенностей работы.

Интересно было узнать, почему в по-

Валерий Костаринов.
Мечтатель. Бумага, акрил

следние годы Валерий Костаринов пишет картины акриловыми красками. Сам живописец объясняет это тем, что акрил быстрее сохнет и не блестит.

В работах художника вы не найдёте литературных сюжетов. Он общается со своим зрителем только языком живописи. Зато такой, которая свидетельствует, что мы живём в прекрасном, созданном Богом мире, но очень часто этого не замечаем. Его картины помогают нам это понять, благодаря душевной энергии мастера. Человека внешне спокойного, но обладающего огромным художественным темпераментом.

Минувший 2015 год стал для Валерия Анатольевича Костаринова, да и для всей его семьи, годом признания и высокой оценки его творческой деятельности и человеческих качеств, как по месту жительства, так и в масштабах Гатчинского муниципального района. Художник стал лауреатом конкурса Гатчинского муниципального района «Человек слова и дела», а глава администрации Войсковицкого сельского поселения Е.В. Воронин вручил ему благодарственное письмо.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Если мы мыслим о Культуре,
это уже значит — мы мыслим и о
Красоте, и о Книге как о создании
прекрасном.*

Н.К. Рерих

КАК ОТМЕЧАЛСЯ ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ ГАТЧИНЫ

К 220-летию со дня основания города

Андрей Бурлаков

Указом императора Павла I 11 ноября 1796 года наша Гатчинская придворная мыза получила статус города. Это произошло через пять дней после восшествия государя на российский престол. По сложившейся традиции, в течение уже многих лет, Гатчина ежегодно отмечает свой день рождения — День города. В связи с этим хочется напомнить, как проходила подготовка к проведению первого юбилея города в 1896 году, и как проходили сами торжества. Именно тогда были сделаны первые шаги по изучению и сохранению памятников местной старины, пропаганде исторического наследия императорской резиденции. Созданная к юбилейной дате специальная комиссия провела значительную работу по увековечиванию имени основателя города. В 1896 году Большой проспект стал называться проспектом Императора Павла I. Жаль, что его имя до сих пор не возвращено главной парадной магистрали Гатчины.

Большим событием стало издание первого фундаментального труда по истории города. Дворцовая канцелярия выпустила в свет двухтомную монографию «Столетие города Гатчины» под редакцией И.С. Рождественского, сегодня являющуюся библиографической редкостью и сохранившуюся в единичных экземплярах.

Современник, городской обыватель Владимир Нифонтов, живший на Соборной улице, в почтовой карточке за 1896 год, отправленной своему другу в Санкт-Петербург, сообщал буквально

Основатель города — император Павел I

следующее: «Похоже, что наша чухонская Гатчина станет ареной проведения большого торжества. Городу на днях исполнится сто лет! Мой прадед приехал сюда из Рождествена, как раз при Павле Петровиче. Так что нашему дому уже тоже целый век! Но он еще крепок и простоит еще столько же. В Гатчине суeta, все куда-то спешат. Город не узнать, он все прихорашивается, даже извозчики стали почтительнее. Я с домашними приглашен на прием в дворцовый театр, говорят, там будет сама вдовствующая Государыня Императрица. Любезный мой друг, приезжай! Праздник в воскресенье. Зрелище будет незабываемое...»

Официальное издание того времени «Правительственный вестник» в № 2

за 5 ноября 1896 года опубликовал подробный перечень мероприятий, предусмотренных к юбилейной дате. Текст документа воспроизводится с сохранением орфографии и пунктуации оригинала:

«В виду исполняющегося, 11-го ноября, столетия со дня существования гор. Гатчины, Высочайше повелено, — сообщалось в газете, — 1) ежегодно, 11 ноября, служить в гатчинском Павловском соборе торжественную литургию и благодарственный молебен с возглагошением многолетия Царствующему Государю Императору и всему Его Дому и вечной памяти в Бозе почившим Императорам; 2) дозволить пребывание святынь: части древа Животворящего Креста Господня, чудесной руки св. Иоанна Крестителя и чудотворного образа Пресвятыя Богородицы в Гатчинском Павловском соборе до 11-го ноября, с тем, чтобы при этих святынях совершалось упомянутое торжественное Богослужение; 3) пренести депутацию от города всеподданнейшее поздравление Их Императорским Величествам и поднести Государю Императору хлеб-соль на серебряном блюде, адрес и золотой жетон, а Государыням Императрицам золотые жетоны и альбомы видов города Гатчины; 4) открыть, с содержанием на средства горожан, начальное училище для мальчиков, с присвоением ему наименования: «Начальное училище Имени Императора Павла I для мальчиков»; 5) учредить в память в Бозе почившаго Императора Александра III, на средства горожан, 16 стипендий: одну в приюте Гатчинского благотворительного общества, пять — в мужском городском училище и десять в женском рукодельном училище; 6) переименовать первую, за время существования улицу — «Большой проспект» в «Прспект Императора Павла I»; 7) установить жетон по представ-

ленному рисунку; 8) считать этот день в настоящем году неприсутственным и освободить всех служащих в административных учреждениях, а также воспитанников всех учебных заведений и войска города Гатчины от занятий; 9) отслужить во всех церквах гор. Гатчины накануне этого дня всенощное бдение, а в самый день — Божественную литургию. В Павловском соборе всенощная и литургия, с молебствием, будут совершены с особою торжественностью; на молебне возглашается вечная память в Бозе почившим Императорам Павлу I, Александру I, Николаю I, Александру II, и Александру III, а также Императрице Марии Федоровне, и многолетие Государю Императору, Государыням Императрицам, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему Дому; 10) на литургии в соборе имеют присутствовать начальники отдельных управлений, начальники войск, части от каждого полка и батареи, по распоряжению военного начальства, и несколько учеников и учениц от каждого учебного заведения гор. Гатчины, по указанию их начальников, а также депутация от домовладельцев из почетнейших жителей, по приглашению начальника города; 11) нижним чинам войск будет предложено от жителей города угощение во время обеда, а воспитанникам и воспитанницам учебных заведений будут розданы от горожан гостинцы в их заведениях, причем начальствующие в этих заведениях выясняют им значение дня и причину празднования; 12) город украшается флагами, а вечером иллюминруется».

Краткую запись о самом торжестве можно обнаружить в дневнике императора Николая II, сделанную в воскресенье 10 ноября 1896 года: «Утром поехали в Гатчину на день... После обеда был обычный завтрак наверху в комнатах Марии Федоровны. Аликс и

Виды города Гатчины
(снимок самой папки)

Павильон Орла
в Дворцовом парке. Фото 1896 г.

Здание полицейского
управления. Фото 1896 г.

Балтийский вокзал. Фото 1896 г.

я приняли в арсенале депутацию от города Гатчины, по случаю столетия существования ее как города...» Юбилей по поводу дарования городских прав стал первым крупным событием, произошедшим в Гатчине в царствование императора Николая II.

Очерк, посвященный описанию празднования столетнего юбилея Гатчины, содержится в «Очерках Гатчины» (1901 г.), написанных титулярным советником, фактически первым краеведом города Андреем Ермиловичем Ермиловым и хранящихся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. В нём, в частности, сообщается, кто присутствовал в составе «депутации от города Гатчина». Это были домовладельцы: Е.П. Варгин, П.Н. Лытиков, С.П. Веревкин, М.П. Веревкин, П.К. Войвод и другие. Здесь же находились: комендант города, генерал-майор К.К. Гернет, Тайные советники Н.М. Аничков и Н.П. Некрасов, отставной

генерал-майор И.В. Яковлев, титулярный советник С.И. Рождественский и другие. «Старейший из горожан, тайный советник Н.М. Аничков, — сообщает в «Очерках», — обратился к Её Величеству со словами, в которых выразил чувства верноподданнической преданности и благодарности Государыне Императрице и выразил благодарные чувства горожан к памяти в Бозе почивающему Александру III, оказавшему так много милостей городу Гатчине. Её Величество, выслушав приветствие депутации, благодарила и удостоила некоторых депутатов вопросами. Затем депутация была принята Их Величествами Государем Императором и Государыней Императрицею Александром Фёдоровною. Их Величествам поднесли хлеб-соль на серебряном блюде, золотые жетоны, альбомы видов и исторические сочинения».

До наших дней сохранились памятные жетоны и альбом фотографий, выпущенные к юбилейной дате. Их вручали высокопоставленным лицам и почётным гостям. Для простых горожан был издан небольшой по размеру альбомчик в твёрдом переплете, с вложенными в него фотографиями с видами Гатчины. Снимки были выполнены известным в городе фотографом Дмитрием Николаевичем Сахновским. Один из сохранившихся экземпляров памятного альбома хранится сегодня в музее истории города.

«А МЕНЯ ЗА РУБЕЖ НЕ ОТПУСТЯТ ЛУГА»

Зоя Бобкова

Эта строчка из стихотворения известного петербургского, а, вернее, русского поэта Льва Куклина (17 августа 1931 г. – 22 июня 2004 г.) привлекает своей искренностью и цельностью. Не нужно высоких, и, подчас, затёртых слов о Родине, о своей любви к ней, можно вот так просто сказать, и каждый почувствует, как любит поэт свою землю, а мы ещё и знаем, что совершенно конкретную точку России, деревню Кобралово, куда он уезжал от шумного Петербурга.

В Гатчинском районе немало мемориальных литературных мест. Это Кобринино, домик няни Пушкина, Арины Родионовны; Суйда, где жил предок А.С. Пушкина, Ганнибал; Выра, единственный пока в России музей литературного героя, Самсона Вырина; усадьба в Рождествено, которая связана с именем В. Набокова; купринская Гатчина; северянинская Пудость. А теперь к этим памятным литературным местам Гатчинского района можно добавить ещё одно, Кобралово, где жил и плодотворно трудился поэт и прозаик Лев Куклин.

Кобралово, коллективные застройки, Берёзовая роща. Там в небольшом доме Льву Валерьяновичу было легко дышать, радостно жить и работать. С 1991 года он обихаживал этот уголок гатчинской земли, сажал яблони и сливы, заботливо следил, чтобы их не повредил жучок-червячок, выращивал картошку, огурцы-помидоры в лихую годину перестроечных лет для себя и своего семейства. Но с редкостной заботой и вниманием он относился к кабачкам и бобам.

— С каждым кабачком, — рассказывает его супруга Светлана Яковлевна, — он обращался, как с ребёнком, любимым и

единственным. Сажал строго по правилам, щедро поливал в засушливую пору и зорко следил за их ростом. А потом, когда снимал кабачки с грядки, измерял длину и ширину, и эти данные заносил в тетрадь, в которой уже скопились сведения о других кабачках предыдущих лет. По его данным можно написать научную статью на тему «Как правильно выращивать кабачки в климатической зоне Северо-Запада».

Льва Валерьяновича в Кобралово занимали не только садоводческие заботы, ему здесь хорошо писалось. Земля давала опору для творчества, он ощущал её, родимую, когда писал эти строчки:

*Судьба моя! Ты дай мне воду живу,
Святую ненасытность утоли,
Чтоб мне жилось — пусть трудно, но не лживо,
А все, что правда — было от земли!
(Стихотворение «На утреннем лугу»).*

Да, правда идёт от земли, если её любишь, и тогда всегда найдёшь взаимопонимание с самим собой и окружающим миром.

У Льва Куклина осталось большое песенное наследие. На его стихи, ещё с 60-х годов, писали песни А. Петров, А. Колкер, Г. Сорочан и многие другие композиторы. Некоторые из этих песен

стали постоянными в репертуаре Эдуарда Хиля, который помог издать сборник песен на стихи Куклина, уже после его смерти. Песни пела вся страна: «Что у вас, ребята, в рюкзаках?», «Качает, качает, качает бродяга-ветер фонари над головой», «Снятся людям иногда голубые города», и многие другие, которые уже навсегда остались в сокровищнице песенной культуры страны.

Талант Льва Куклина многогранен. Также легко, как он создавал тексты для песен, он писал детские стихи, плодотворно работал в прозе. Чрезвычайно интересны его афоризмы и минимализмы, собранные в толстый том собрания сочинений «Мысли моего века», где его мысли и россыпью, и мимоходом, и навалом, и вслух, и вразброд. Приходили к нему и непрошенные мысли. И все они о нас, его современниках. Очень кстати к одному из разделов этого тома лёг эпиграф Жюль Анри Пуанкаре: «Мысль — это только молния среди бесконечно долгой ночи, но эта молния — всё».

Был Куклин и жгуче-жалящим эпиграммистом, таков жанр, там без едкости нельзя. Он умел отстаивать свои

взгляды на литературу аргументированно, не взирая даже на мировые авторитеты.

Лев Валерьянович прожил яркую и, по большому счёту, счастливую жизнь. Он никогда не кривил душой, а в его сердце всегда жила единственная на всю жизнь земная любовь, имя которой Светлана. Своей любимой супруге он посвятил немало стихотворений, в том числе, написанное незадолго до смерти:

*Всю жизнь мою,
Весь путь земной, —
Благодарю тебя!*

Несомненно, нам, жителям гатчинской земли, будет тепло от соседства с Львом Куклиным. Его творчество осветило нашу землю ярко и неповторимо. У него есть и такие строчки:

*Хорошим поэтам не тесно
На маленьком шаре земном.*

И, конечно, на гатчинской земле не будет тесно ни Пушкину, ни Куприну, ни Северянину, ни Набокову, ни Фофанову, ни Куклину. Все они и всегда будут любимы, чтимы, уважаемы, поскольку эти яркие таланты создавали отечественную культуру.

Наталья Кирьянова

На глади реки

На глади реки пишет музыку дождь,
Шепча о любви и разлуке, наверно.
В немом полусне под дождем ты идёшь
И слушаешь звуки мелодий Шопена.
Кругом ни души. Мир пустынен и тих.
В нём замерло все, покоренное звуком.

И слышит душа позабытый мотив
Любви и надежды, тоски и разлуки.
На глади реки пишет музыку дождь.

И светлой печалью тебя наполняет.
Ты эту печаль суетой не тревожь.

Что ждёт впереди? Лишь судьба твоя знает.
Все тихо и странно. Все будто во сне.
Мир полон дождем и изменчивым светом.
Прекрасная грусть поселилась во мне,
Прощаясь с любовью дождливым сонетом.
На глади реки пишет музыку дождь...

С «МЕЛОДИЕЙ» ВСЕГДА ПРАЗДНИК

Зоя Бобкова

Студия сольного пения под таким названием существует при Гатчинском Доме культуры с 1991 года. С тех пор имена: Владимир Майер, Стелла Петрачкова, Виктория Ганжа, Николай Деньчуков, Людмила Колотухина, Анжела Галушко, Игорь Петрачков и многие другие, стали не только широко известны в Гатчине и округе, но и любимы.

Организовал студию «Мелодия» тоже известный в Гатчине певец Игорь Литвинов. Он пришёл в Дом культуры с огромным желанием радовать слушателей своим пением, у него необыкновенной красоты тенор. Кто его слышал в своё время, запомнил его голос навсегда.

Репертуар у него был довольно обширный — от арий из опер и оперетт до песен современных авторов, в том числе, и гатчинских. Так, не единожды композитор Светлана Дубинина и автор этих строк выезжали с ним в Санкт-Петербург, и Игорь исполнял их песни то в Манеже, то в Доме кино, то в других местах большого города.

У Игоря Ивановича за плечами консерваторское образование, огромное желание работать, великолепный голос и его взяли в Дом культуры руководителем группы певцов.

В то время как такового творческого коллектива там ещё не было, только задумка, и Игорь стал собирать людей, для которых музыка значила многое в жизни.

Среди первых в студию пришли: Стелла Петрачкова, Виктория Ганжа,

Игорь и Стелла Петрачковы,
Виктория Ганжа, Виктор Майер

Людмила Ивановская. Стелла Яновна сразу стала концертмейстером группы, а с 1996 года и руководителем.

Выросла она в Гатчине, нашла своё призвание тоже здесь: работает в Доме культуры. Скольким талантливым людям она помогла найти себя в искусстве пения! Стелла Яновна не только аккомпанировала им, но и помогала готовиться к концертам. Некоторые из её студийцев получили впоследствии профессиональное музыкальное образование, выступают на престижных сценах, стали лауреатами не только всероссийских, но и международных конкурсов.

С пяти лет занимается в студии её сын, Игорь, с тех пор он вырос в прекрасного скрипача. Игорь окончил музыкальное училище и консерваторию. Теперь он зрелый музыкант, выступает с молодежными инструментальными коллективами и сольно в концертах на самых разных площадках в Санкт-Петербурге, а также продолжает радовать гатчинцев.

А студия сольного пения продолжа-

ет творчески развиваться. Студийцы не только выступают с концертами, но и создают литературно-музыкальные композиции. Помогала им в этом сценарист и ведущая Елена Скетневская.

Так многие гатчинцы наверняка помнят такие культурные программы коллектива, как «Наш Пушкин», «Средь шумного бала», «Милой Гатчине», «Поэтический букет», «Ямщик, не гони лошадей» и другие.

Студия «Мелодия» активно участвует в общественной жизни города и района, группу часто приглашают на открытие того или иного культурного учреждения. Так, в 1992 году они выступили на открытии Дома художника П.Е. Щербова, а годами позже на открытии усадьбы-музея «Рождественно».

В истории творческой жизни студии сольного пения «Мелодия» был также интересный опыт: создание мини-спектакля наподобие мюзикла «За двумя зайцами». Высказала его идею, написала сценарий и была в числе исполнителей певица Людмила Колотухина. Премьера мюзикла состоялась в Приоратском дворце в 1998 году.

Л. Колотухина — обладатель почётной грамоты Всероссийского фестиваля «Патриотическая песня», она выступает не только в составе группы «Мелодия», но и с профессиональными артистами из Санкт-Петербурга. Иногда эти концерты проходят в городе на Неве, а чаще — в Гатчине.

Неоднократно создавала группа «Мелодия» и детские программы.

Отдельная и кропотливая работа ведётся Стеллой Яновной по отбору в группу. Люди приходят с разной степенью подготовки, таланта, и среди этого наплыва она умело отыскивает жемчужины.

Так появились в студии певица Анжелика Галушко с прекрасным кон-

тральто, бас Рудольф Казаков и его супруга Людмила Казакова. С их приходом в студии стали образовываться дуэты. Теперь не только Казаковы поют в паре, но складываются самые разнообразные комбинации из голосов. На юбилейном вечере, посвящённом Стелле Петрачковой, в Голубой гостиной Дома культуры выступили дуэтом Виктория Ганжа (сопрано) и Владимир Майер (тенор), Анжелика Галушко (контральто) и Владимир Майер (тенор). Слушать их было сплошное наслаждение!

Есть в студии и свои ветераны сцены. Это, прежде всего, Лидия Ярокова, которой далеко за 90 лет, но она не только участвовала в коллективных концертах, но года два назад устроила свой творческий вечер в Доме-музее П.Е. Щербова. На юбилейном концерте, посвящённом Стелле Яновне, она вместе с Таисией Тарасовой и Геннадием Власовым исполнила в её честь «Вечерний звон».

Многие гатчинцы аплодировали певцам на фестивале «Романс растревожил». Он проходил каждые два года. Инициатива создания этого фестиваля принадлежит С.Я. Петрачковой.

О Виктории Ганже пишут не часто, но слушают и восхищаются её голосом всегда, где бы она ни выступала. Да и немудрено, она уже более 30 лет в составе студии «Мелодия». Родилась Виктория в Ленинградской области, в городе Пикалёво, потом её семья недолго жила в Карелии и в Приозёрском районе, а затем — Гатчина. Здесь она стала учиться в Швейном училище № 231, где всегда царила творческая атмосфера. Петь и танцевать девочка любила с ясельного возраста, родилась с актёрским талантом, в школе пела в вокально-инструментальном ансамбле. Ей по душе пришёлся коллектив гатчинского Швейного училища, где

можно было учиться не только профессии, но принимать участие в курсах, показах мод, петь в вокальном ансамбле под руководством А. Засидевича.

После окончания учёбы она недолго поработала в швейном ателье в Б. Колпанах, потом из-за ребёнка пришлось перейти на Авиаремонтный завод № 218 заведующей клубом.

Но учиться она продолжала: окончила Областной колледж культуры и искусства, Университет культуры и искусства в Санкт-Петербурге. Учась на 3-ем курсе Университета, с 2001 года Виктория стала работать в Областном колледже культуры и искусства сначала преподавателем, потом заведующей кафедрой социально-культурной деятельности и народно-художественного творчества.

Концертная биография у неё богатейшая. Пела она в профессиональном хоре духовной музыки «Россика» в Санкт-Петербурге, в Областном колледже, который является как бы официальным лицом творческой жизни Ленинградской области, она участвует в хоре выпускников и студентов «Alma-Mater». Часто выступает и как солистка.

Они объездили с выступлениями уже пол-Европы, выступали не только по столицам, но и по другим населённым пунктам. Хор «Alma-Mater» постоянно принимает участие в Пушкинских праздниках на гатчинской земле. Выступают они и в Санкт-Петербурге на таких авторитетных площадках, как Александровская Лавра, залы филармонии и консерватории, Дом кино, католические храмы.

В 2014 году на «Гатчинской Романиаде им. И. Шварца» Виктории получила диплом второй степени в номинации «Молодые исполнители», а в 2015 году на выступлении в Санкт-Пе-

тербургском культурно-досуговом комплексе «Красносельский» за исполнение романса получила гран-при и в том же году на VII-ом открытом фестивале «Певческая ансамбля» ей тоже вручили гран-при.

Отдельная песня — это часть моего очерка о всеми любимом, необыкновенно талантливым певце Владимире Майере. Он родился и вырос далеко от наших мест — в Челябинской области, там окончил строительный техникум. Потом служил в армии в Карелии.

Его певческие данные уже тогда были оценены, и он часто выступал в концертах. После армии Владимир поселился в Петрозаводске, работал на комбинате строительных конструкций, а по вечерам ходил на репетиции в Дом культуры железнодорожников. Вместе с творческим коллективом этого культурного учреждения гастролировал по многим городам и посёлкам Карелии, участвовал в многочисленных всесоюзных конкурсах.

В 1973 году Владимир поступил в Петрозаводский университет на строительное отделение. В университете был хор, которым руководил Георгий Терацуанц. Владимира пригласили туда, где он вскоре стал солистом.

От хора и от Дома культуры железнодорожников он часто участвовал в конкурсах как Карельских, так и Всесоюзных, в которых неоднократно завоевывал I места.

От студии сольного пения Дома культуры железнодорожников его, как победителя конкурса, отправили в Югославию на десять дней. Там они представили обширную творческую программу, с которой объездили многие города страны.

Владимир Александрович с удовольствием вспоминает то время: «Я учился в университете, работал в пожарной части при Министерстве вну-

тренних дел и часто выступал на различных культурных площадках. Как всё успевал? Сам удивляюсь».

После окончания учёбы, по распределению, он попал в Гатчину на строительство Ленинградского института ядерной физики. Тогда там был готов только нулевой цикл. Есть и немалая толика труда В.А. Майера в том, что сейчас в Гатчине существует такой красавец и Научный центр, как ПИЯФ.

Через три года Владимира Александровича перевели на работу в профтехтехническое училище № 233 (директор Р.Н. Авербух). Там он восемь лет преподавал по профилю «строительные профессии».

Ещё учась в университете, Владимир получил медаль «Лауреат Всесоюзного смотра художественной самодеятельности», такую же медаль ему вручили на 40-летие Победы.

Участвуя в Таллинне в 2003 году на Международном конкурсе романа им. Изабеллы Юрьевой, он получил памятную медаль дипкорпуса и Диплом «За приверженность жанру романа». В том же году Владимир Александрович вместе с композитором Светланой Дубининой на конкурсе «Мы – петербуржцы» исполнил песню «Вечерний Петербург (сл. З. Бобковой, муз. С. Дубининой).

В конкурсе, который состоялся в г. Кинешма в ноябре 2005 года, ему присвоили звание «Рыцарь романа».

В 2013 году на 2-ой «Гатчинской Романсиаде», которая состоялась в музыкальной школе им. Ипполитова-Иванова, он неожиданно для себя получил Гран-при. Потом его пригласили в Москву, и вместе с Михаилом Дмитриевичем Огородновым они участвовали в «Романсиаде без границ», где пройдя три тура, он стал участником гала-концерта, на котором объявили, что ему опять присудили

Гран-при. В этом конкурсе участвовало около семидесяти человек, как профессионалов, так и любителей.

В декабре каждого года, уже шесть лет, Владимир Майер ездит в Германию, в город – побратим Эттлинген, выступает на благотворительном концерте, который устраивают немцы специально для детей-инвалидов Гатчины.

Несколько лет назад в студии сольного пения появился новый ведущий, это капитан I ранга Виктор Васильевич Иванов, который не только объявляет новый номер, но и читает свои стихи. Слушателям это понравилось, тем более что своими шутками, интересными комментариями он создаёт атмосферу непринуждённости и камерности.

Таким был один из концертов в Белогорском Доме культуры, организованный директором ДК Л. Я. Макаровой. Те, кто присутствовал на нём, получили истинное наслаждение и минуты отдохновения.

И в заключение мне хочется поместить одну только мою статью, напечатанную в газете «Приневский край» от 21 января 2014 года, о выступлении студии «Мелодия» в Гатчинском дворце.

И ТРЕПЕТ МУЗЫКИ В ДВОРЦОВОМ ИНТЕРЬЕРЕ

За окном, наконец-то, долгожданный мороз посеребрил деревья, старинную ограду, землю парка, да и всю Гатчину принарядил пушистым, блестящим на солнце, снегом, а в Александровской приёмной Гатчинского Дворца тепло и уютно.

Неторопливо собираются слушатели, занимают свои места, стулья в этот раз расставлены необычно, большим полукругом. Из высоких дворцовых окон льётся мягкий уличный свет,

ведь всего три часа дня. В предвкушении концерта гатчинских знаменитостей люди тихо беседуют.

До революции во Дворце нередко устраивались музыкальные вечера известных исполнителей, эта традиция жива и поныне. И в этот день, 19 января, в Крещение, в Александровской приёмной выступили мастера пения, лауреаты многочисленных конкурсов, включая и международные, любимцы гатчинской публики. Всех их объединяет то, что они занимаются в студии народного коллектива сольного пения Гатчинского Дома культуры, которым уже более двадцати лет руководит С.Я. Петрачкова. Она же ведёт группу «Мелодия», в неё входят все певцы этого концерта, и весь вечер Стелла Яновна аккомпанировала на рояле своим питомцам, которых она же тщательно и готовила к выступлениям.

Открыла концерт певица Людмила Казакова. Она исполнила «Ave Maria». Эта католическая молитва к Пресвятой Деве Марии на музыку Франца Шуберта неизменно звучит в исполнении лучших певцов мира. И гатчинская певица исполнила молитву тоже на высоком профессиональном уровне. Волшебные звуки этой мелодии возвещают миру о той исповедальной чистоте духа, которая исходит от девы Марии: «Радуйся, Мария, благодати полная!».

А дальше последовал просто фейерверк исполнительских талантов. Анжелика Галушко в ярко алом бальном платье, цвет, который всегда выгодно оттеняет тёмные волосы любой брюнетки, великолепно исполнила певческие шлягеры: «Здесь хорошо», арию Кармен, «Вернись», Виктория Ганжа, в нежно зелёном, тоже бальном, наряде была изящна и превосходно спела свою часть программы.

Мужчины тоже соответствовали высокому статусу лауреатов: Владимир Майер исполнил известные музыкальные произведения: «Метелица», «Скажите, девушки, подружке вашей», «Баллада Герцога», а Николай Деньчиков – «Гайда, тройка» и свой, да и публики, любимый романс «Две розы».

Супружеская пара, Людмила и Рудольф Казаковы, пели не только сольно, но и дуэтом. Густой бас и великолепная исполнительская манера Р. Казакова неизменно вызывали громкие аплодисменты публики. В его исполнении прозвучали: «Улица пьяная», «Вдоль по Питерской», «Любви все возрасты покорны».

Людмила и Рудольф Казаковы,
Стелла Петрачкова (концертмейстер)

Дуэты составляли не только супружеские пары. Так, «Дуэт Сильвы и Эдвины» из оперетты И. Кальмана «Сильва» спели Анжелика Галушко и Владимир Майер, «Дуэт Бони и Стаси» из той же оперетты — Виктория Ганжа и Николай Деньчиков.

Концерт был насыщенный, всего не опишешь. Все исполнители были великолепны, и каждый получил свою порцию восторгов и признания.

Праздник состоялся, как всегда бывает, когда выступает студия «Мелодия».

АДРЕС НА СТАРОЙ ОТКРЫТКЕ

(книжно-фактографическое эссе)

К 220-летию со дня рождения Гатчины

Алёна Тришина

Двадцать лет назад, т.е. в год 200-летия со дня рождения Гатчины, краеведческих изданий ещё было немного. Но именно в тот юбилейный год новые книги подобной тематики уже стали появляться, а презентации с участием авторов были событиями, которые в библиотеках проходили в переполненных залах, где задавали вопросы и высказывали пожелания, конечно же, всеведующие читатели-гатчинцы.

Ныне известные гатчинские краеведы и авторы книг: А.В. Бурлаков, Т.Ф. Родионова, В.И. Николаев, В.В. Фёдорова, А.Н. Спащанский, Т.Ф. Паршкова, В.П. Захаров, В.А. Кислов, Я.Б. Януш, С.Л. Сковпнев, В.Г. Велединский, В.А. Мачульский. Авторами достоверно качественных книг по истории Гатчины были В.К. Макаров, А.Н. Петров, А.С. Ёлкина, Ю.М. Пирютко, И.Г. Любецкий, А.А. Митенёв.

Презентации новых изданий — авторские и коллективные — неизменно вызывают интерес у читающей публики. Краеведческий отдел в фонде, постоянно пополняемый, имеется в каждой библиотеке. Тематические краеведческие сборники подготовлены и изданы коллективами учреждений: ГМЗ «Гатчина», ЦГБ им. А.И. Куприна, Музей истории города Гатчины, Детская библиотека г. Гатчины.

Литературно-краеведческий альманах «Оредеж» (Вып. №№1–12) является самым солидным по объёму, периодически издаваемым сборником, где есть множество интереснейших публика-

ций наших современных краеведов, в том числе и по истории Гатчины. С 2008 года (выпуск №5) всю работу по организации редакционно-издательской деятельности альманаха «Оредеж» осуществляет коллектив Центральной районной библиотеки им. А.С. Пушкина (г. Гатчина). Презентации альманаха при активном участии авторов становятся праздником, которого ожидают с нетерпением и в котором с искренним удовольствием участвуют библиотекари и педагоги, художники и фотографы, артисты. Представители разных поколений!

Следует подчеркнуть, что большинство краеведческих сборников имеет финансовую поддержку муниципалитета или совета депутатов, а также спонсоров. На презентациях новых изданий представители власти выражают слова признательности авторам, составителям и издателям за их кропотливый труд. Каждую книгу-новинку гатчинского краеведения представляют журналисты местных СМИ: в газетных публикациях, в репортажах кабельного телевидения «Ореол» или областного телевидения.

Перекличка времён

Среди других в моей коллекции есть несколько открыток с адресами старой Гатчины, со штемпелем тех, далеких от нас времен. Эти открытки — не семейные реликвии, хотя некоторые из них хранились в бабушкином альбоме, а другие около 20 лет назад я купила в знаменитом питерском магазине «Букинист», что находился на Литейном

проспекте. Купила за символическую, в общем-то, цену. Купила потому, что удивилась факту сохранности этих маленьких бумажных листков, переживших революции, войны, блокаду. Я почти ничего не знаю об авторах этих посланий, и — уж тем более — о дальних адресатах, которые, возможно, тоже жили или бывали в Гатчине. Не знаю, кроме того, что содержится в тексте. Но я рассматриваю рисунки и штемпели, предполагая. Я изучаю стиль и орфографию письма, почерк. Какие торжественно-благозвучные, не употребляемые нами ныне имена и отчества! Какое причудливо-вежливое обращение! Я задумываюсь о взаимоотношениях тех людей, о ситуациях тех времён. Чьи-то чужие судьбы, сохранившиеся в истории Гатчины, интересны мне.

Впервые обобщить этот, содержащийся на открытках, краеведческий материал я пыталась ещё в 1999 году, некоторая часть моих размышлений была опубликована (см.: Тришина А. О чём не расскажет открытка? // Приневский край – 2006 – 17 октября). Однако, тема, которая так зацепила меня, подразумевала дополнения и уточнения.

Книга, открытка, размышление — вот что составляет «замес» этой статьи, написанной в преддверии 220-летия Гатчины. Фактически границы времени, которое я теперь пытаюсь понять, это чуть более 100 лет: и мало, и много. Подумайте, насколько жизнь гатчинца изменилась, и как далеко, всё же, шагнул научно-технический прогресс...

Перекличка времён: два, юбилейных ныне года — 1906-й и 1911-й... Эта открытка была послана из Гатчины в Полоцк летом 1906 года, то есть 110 лет назад! Предназначалось открытое

письмо Людвигу Дионисьевичу Максимовичу, а текст следующий: «Горячо поздравляю Вас, милый дядя Люшенька, с днём Ангела! В виде подарка шлю несколько страстных поцелуев. Земляков поздравляю с дорогим именинником и желаю им счастливого пути до дому. Не дурно было бы и Вам присоединиться к ним, а то Вы забудете как из себя выглядит Гатчино. Любящая Вас Анна».

Открытка как открытка — цветная, с видом реки, уходящей вдаль. Годы прошли, а как приятно осознавать, что кто-то когда-то кого-то приглашал в наш город, испытывая гордость за него! Приглашали побывать, не забывать, вернуться!

«Приезжай в Гатчину», — такова последняя фраза текста открытки, посланной «Ея Высокоблагородию Александре Михайловне Кузнецовой» в Санкт-Петербург 18 марта 1911 года. На этой не цветной фотооткрытке размещена репродукция картины Калмыкова «Начало весны». Весна... В 1927 году в Париже Александр Иванович Куприн, размышляя о покинутой Родине, написал повесть «Купол Святого Исаакия Далматского». Публикация этого произведения состоялась в СССР долгое время спустя («Неман» — 1988 — №10 — с.58–104). Заглянем на страницы книги (М, 1992), теперь нам известной: «Весною вся Гатчина нежно зеленеет первыми блестящими листочками сквозных берёз и пахнет терпким весёлым смолистым духом. Осенью же она одета в пышные царственные уборы лимонных, янтарных, золотых и багряных красок, а увядающая листва белоствольных берёз благоухает, как крепкое старое драгоценное вино».

Штемпели на открытках, случайно оказавшихся в моём альбоме, фиксируют две важные купринские даты:

1906 год — первый приезд Александра Куприна в Гатчину (правда, не летом, а в декабре), с февраля 1911 года семья Куприных поселяется в Гатчине на постоянное жительство, для чего в кредит был приобретен дом № 19 на Елизаветинской улице. На улице с именем второй жены писателя.

В рассказе А. Куприна «Шестое чувство» (1934 г.) читаем: «...никогда ещё и нигде за всё время моих блужданий по России, я не видал такого буйного, обильного, жадного, великолепно цветения сирени, как в Гатчине. В ней утопали все маленькие разноцветные дома и домишки Большой Гатчины и Малой, Большой Загвоздки, Малой, Зверинца и Приората и, в особенности, дворцового парка и его окрестностей».

И будет ещё одно незабываемое впечатление, отраженное в очерке «Сирень» (?–1911 г.): «Сладко пахнут берёзы на Багговутовской улице. Наступают белые ночи. И вдруг Гатчина, занесённая снегом, обуреваемая всю зиму западными ветрами, обращается в самый прелестный уголок около Петербурга».

Шумными весёлыми праздничными были купринские собрания в его собственном, так называемом «зелёном домике». Дочь А. Куприна Ксения в книге «Куприн — мой отец» пишет: «Домочадцев было одиннадцать человек. Появлялись жданные и неожиданные гости. Некоторые жили по неделям». Не случайна ведь поговорка Александра Ивановича: «...нам каждый гость ниспослан Богом!».

Любил А.И. Куприн Гатчину, работал здесь плодотворно, и — в семейном быту по-домашнему — прожил как Всероссийский гатчинский житель до начала ноября 1919 года. Правда, в рассказе «Потерянное сердце» (1931 г.) писал: «Гатчина, городишко

тихий, необщительный. Там семьи редко знакомятся друг с другом. Нет в нём никаких собраний, увеселений и развлечений, кроме гаденького кинематографа».

Тихая необщительная Гатчина купринского времени? Но ведь это не так! Славилась гостеприимством гатчинские «музыкальные» квартиры композиторов М. Балакирева, Г. Ломакина, О. Ляпунова, М. Ипполитова-Иванова. «Музей моей весны» — так называл Гатчину поэт Игорь Северянин. Многолюдными хлебосольными вечеринками отличались художники Павел Щербов и Александр Бегров, неизменно радушно и приветливо встречали гостей писатели Николай Каразин, Владимир Тихонов, Алексей Будищев.

А поэт Константин Фофанов всегда рад был любому гостю, кто оказывался у него дома! Фофанов жил в Гатчине в 1890–1903 гг. и в 1906–1909 гг., причём сменил около 20 адресов, поскольку владельцам съёмных квартир доставляла беспокойство многодетная и малоимущая семья бессребреника-поэта. Всего у Фофановых родились 11 детей, правда, двое умерли во младенчестве. По воспоминаниям В. Брюсова, который побывал у Фофановых в Гатчине, в квартире на ул. Александровской, там был «детей содом и очень миловидная жена, хоть и не очень молодая».

Гатчинские впечатления из книги воспоминаний «Китайские тени» поэта Георгия Иванова: «Фофанов боится одиночества. Но, собственно, бояться ему нечего. В одиночестве ему редко приходится оставаться. Шесть человек детей, жена, он сам, не считая кота, собаки, бесчисленных канареек, — все ютятся в двух маленьких комнатах. Кроме этого, так сказать, коренного населения, в квартире Фофа-

нова ещё постоянно толкуются гости.

Гости самые разные. Околоточный из соседнего участка, хозяин пивной на углу напротив, какой-то сухонький старичок, бывший вице-губернатор, отдалённый от этого своего потерянного величия несколькими годами арестантских рот, толстая булочница, поклонница поэзии, снабжающая Фофанова хлебом и не требующая по счетам, какие-то студенты, какие-то просто оборванцы... Приходят и друзья писатели, поэты «старой школы».

В Гатчину к Фофанову приезжали И. Репин, А. Блок, а 20 ноября 1907 года Игорь Лотарёв пришел познакомиться с человеком, которого восторженно называл Королём поэтов! Согласно преданию, псевдоним Игорь-Северянин молодому поэту Лотарёву предложил именно Константин Фофанов. То есть, Северянин — как прозвище от слов «север» и «северный». В написании через дефис это, фактически, двойное имя. Правда, символическое имя стало фамилией прославившегося своими триолетами и поэзоконцертами оригинального поэта. Гатчинские адреса К. Фофанова и И. Северянина исследователи приводят теперь в сборниках воспоминаний, посвящённых жизни и творчеству Игоря Северянина.

В начале XX века прирост населения Петербурга ежегодно составлял 50–55 тысяч человек, значительно возросло и население пригородов. В книге Д.А. Засосова и В.И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидца» (Л., 1991, с.198–199) читаем: «...Гатчина, чистенький городок с двумя парками. Летом он утопал в сирени. Этот городок избрали для проживания отставные военные. Это придавало известный характер быту города. Кроме того, там стояли гвар-

дейский Кирасирский полк (синие кирасиры) и артиллерийская бригада. Летом приезжали дачники, это оживляло тихий городок. Дачники гуляли по паркам, окружающим лесам, катались на лодках по прудам. Когда там открылась первая в России военная авиационная школа (1910 год), Гатчина оживилась, кирасиры отошли на задний план, первыми сделались авиаторы. Целый день ревели авиационные моторы, русские люди завоевывали воздух, но это давалось не даром, и на местном кладбище появлялись кресты из деревянных пропеллеров. По другую сторону железной дороги вырос посёлок, где ютились мелкие служащие и рабочие. Они ежедневно ездили на работу в Петербург, так как в Гатчине предприятий не было».

В 1911 году в Гатчину на службу приезжает князь Владимир Трубецкой. Воспоминания свои, написанные в 1936 году, он назвал «Записки кирасира» (М, 1991). Первое впечатление будущего офицера Лейб-гвардии Ея Величества Кирасирского полка: «Гатчина мне сразу понравилась. Удивительно опрятный, с аккуратными, прекрасно вымощенными улочками, чистенькими домами, с образцово содержащимся огромным парком, в котором сверкали живописные озёра — город выглядел празднично и жизнерадостно, ничем не напоминая российскую провинцию...».

В книге С. Глезерова «Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века» (М, 2006) имеется очерк «Первая гатчинская перепись» (с.15–24, с фотографиями зданий и улиц), из которого можно узнать некоторые любопытные сведения. Дело в том, что в августе 1893 года в Гатчине прошла первая «перепись жителей и жилищ», организованная и проведенная представителями Дворцового Управления с участием добровольцев-горожан в

течение 3-х дней. По результатам этого исследования был издан сборник «Статистические сведения о населении города Гатчины в 1893 году» (СПб, 1894).

Так вот, перепись зафиксировала в Гатчине 758 «дворовых мест». Из них чуть больше 90% составили дома частных лиц. Как мы знаем, на Большом проспекте — это дома каменные, двухэтажные, по типовым проектам выстроенные, преимущественно, по заказу купечества. На улицах Люцевской и Госпитальной, Александровской и Николаевской, например, дома деревянные, с палисадниками. Тенистые улицы — Багговутовская, Берёзовская, ничем не примечательные — Ольгинская, Георгиевская... Ошибаюсь, примечательные: тем, что названы эти улицы были в честь Ольги и Георгия — взрослых детей императора Александра III.

В той самой Гатчине перепись зафиксировала 14503 жителя обоего пола. Первое место по числу жителей занимал Большой проспект (1819 человек), за ним следовали Багговутовская улица (1670), Люцевская (1642), дома Дворцового ведомства (961) и Александровская слобода (901).

Причём среди жителей Гатчины мужчин насчитывалось больше, чем женщин! Конкретные цифры таковы: 7922 мужчины и 6581 женщина. Этот незначительный перевес можно объяснить дислокацией в городе достаточно крупных военных подразделений — 23-й Артиллерийской бригады, лейб-гвардии Кирасирского полка и сводно-гвардейского батальона.

Как пишет С. Глезеров, «При этом получалось так, что мужское и женское население Гатчины «кучковалось» по половому признаку: на военных улицах преобладало, естественно, мужское население. А на семнадцати

из двадцати девяти гатчинских улиц доминировало женское население, причём пальму первенства держала Елизаветинская улица, где женщин проживало в два раза больше, чем мужчин»; «Интересную картину представил анализ, касавшийся семейного положения гатчинцев. Оказалось, что почти половину населения Гатчины составляли холостые и незамужние, около четверти — женатые и замужние, небольшая часть — вдовы и весьма мало разведённых».

В этой статье известного петербургского краеведа и библиографа приведены также и другие фактографические сведения. Например, о религиозной веротерпимости, потому что в Гатчине проживали и православные, и лютеране, католики, иудеи, магометане, старообрядцы, «а также один представитель армяно-григорианского вероисповедания». Подавляющее большинство гатчинцев являлись русскими подданными, иностранцев оказалось мало, чуть меньше полпроцента, точнее — 66 человек.

Ещё несколько фактов из этой статьи С. Глезерова. Который, кстати, неоднократно бывал в Гатчине, как автор выступал в «Купринке» и в Музее истории Гатчины, его — как журналиста — можно встретить на мероприятиях в ГМЗ «Гатчина».

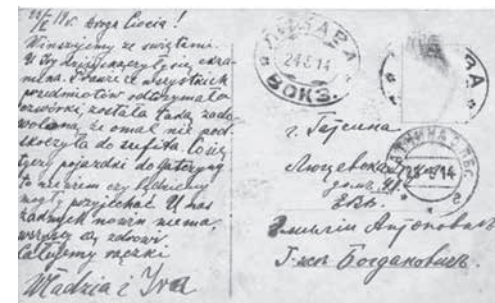
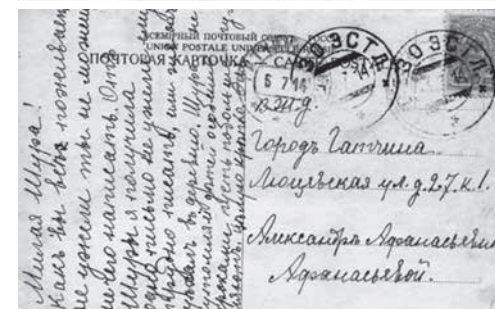
Так вот, возвращаясь к основной теме: «В сословном отношении, как отмечали статистики, «Гатчина, как и вся вообще Россия, есть город крестьянско-мещанский: почти четверть его населения крестьяне, а более одной трети мещане». Крестьян по переписи значилось 3205 человек, мещан — 2223, нижних чинов — 1960, а членов семейств нижних чинов — 1175. Затем следовали дворяне (1036), купцы (358), потомственные и личные почётные граждане (637) и «придворнослужи-

тели» (749). <...> «Более одной пятой населения занималось промыслами и торговлей и жило на эти средства, ещё одна пятая часть служила по военной части, более одной четверти существовало на средства родителей и родственников».

Гатчина как город крестьянско-мещанский... Странно мне это, поскольку даже в прозе Куприна нет проживающих в Гатчине крестьян, т.е. земледельцев-землепашцев. Герои произведений А. Куприна — это гатчинский извозчик, гатчинский священник, пристав или околоточный, авиаторы, военные, железнодорожники, женщины, дети, учащиеся. Птицы и домашние животные! Друзья-писатели, художники и музыканты, спортсмены, атлеты, врачи — представители самых разнообразных профессий были интересны Куприну. И они — очень разные — отвечали на этот к себе интерес искренностью проявления чувств.

Адрес на старой открытке написан так: «Е.В.Б. Петру Ивановичу Г-ну Харлачеву По Варшавской ж. дороге Станция Гатчино Мариинская ул. д. № 10, кв. № 3». А на других открытках так: «В.Ж.Д., город Гатчина, Люцевская ул. д. 27, к. 1. Александре Афанасьевне Афанасьевой»; «г. Гатчина Люцевская ул. дом 41 ЕВБ Эмилии Антоновне Г-же Богданович».

Семью Харлачевых с Новым — 1913-м годом — поздравляли петербуржцы Андреевы; открытое письмо госпоже Богданович в мае 1914 года было написано на языке иностранном; «Шура, не утомляй детей особенно уроками, пусть побольше гуляют. Целую крепко Оля» — последние строки июньского послания из Эстляндии (1914 г.), предназначенного А.А. Афанасьевой. Кто были они — эти жители

Гатчины? Что ещё можно узнать о них? Сколько времени прошло, а открытые письма, посланные на адреса в старой Гатчине, сохранились, пройдя сквозь огни, воды и медные трубы. Удивительно!

Трудно разобрать текст ещё одного открытого письма в семью Харлачевых — от 13 апреля 1916 года. На открытке — рисунок, где изображен мальчик в шинели, сапогах, фуражке. Положив барабан на землю, он использует его поверхность вместо письменного стола. Этот подросток пишет письмо карандашом. Открытка принадлежит к серии, выпущенной издательством Никольской Общины Р.О. Красного

Креста с рисунками Г. Лаврова. Особенность подобных открыток — это изображение детей в военной форме и поговорка на каждом рисунке. Поскольку на ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА был спрос, деньги от продажи открыток шли на благотворительные цели, т.е. в фонд Красного Креста.

Письмо Коли послано из Петрограда тётке своей Анне Кузьминичне Харлачевой в Гатчину. Надпись на штемпеле с гербом гласит: «Из действующей армии», текст поговорки на этой открытке — «Отличился я в бою. Всем привет сердечный шлю». Лесная опушка, ствол дерева, недалеко — изгородь. Затишье, минуты перед боем... 1916-й год, Первая мировая война!!! Используя сильную лупу, с трудом можно прочитать адрес: Гатчино, Мариинская улица, дом № 10, кв. № 3.

На открытке со штемпелем «Гатчина 12.5.17» текст, просто-напросто, выгорел или сведён: даже адреса не прочтешь! Только след отклеенной почтовой марки, часть отпечатка другого штемпеля, на оборотной стороне послания — пейзаж с надписью: «Урал. Вид р. Демы». Май 1917-го... Жаркие деньки! Кто кому о чём сообщал в этом открытом письме времени правления Александра Керенского?

На открытке, отправленной из Гатчины в Петроград 26 декабря 1917 года Антону Францовичу Садовскому, имеется текст: «Дорогие Кум и Кума, сердечно поздравляем с Праздником, с Праздником св. Рождеством Христовым. Пожелаем весело встретить и провести. И также поздравляем вашу Наследницу Ядю с праздником Рождеством Христовым. Целуем крепко. Сухаревские». Изображение на этой цветной фотооткрытке такое: около колыбели — нарядно одетые молодые родители. Мать нежно глядит на спящее дитя. Идиллия... А ведь вре-

мя-то какое: самый канун 1918-го года! Опять новая власть, новые порядки, и будет новый календарь, в котором религиозные праздники не предусмотрены! Наверное, очень родители были рады, что у них в годы войны родилась именно дочь, а не сын, ей-то, уж наверняка, служить в армии не придётся. Замужество, дети, свой дом — это обыденные пожелания на жизнь женщины в мирное время.

А вот и ещё одна весточка военного времени, — уже весны 1944 года, времени Великой Отечественной войны. Адрес, написанный чётким и аккуратным красивым почерком: «Здесь Ленинград Колокольная дом 3, кв. 1 Цыганковой Анне Николаевне». Текст: «Здравствуй дорогая Аничка! Я сегодня ждал твоего звонка, но так и не дождался. Настроение паршивое почему? Ты наверное знаешь. Звони или зайди если будешь в наших краях. До свидания. С приветом. 9/III-44 г. Анатолий». Три отличительных особенности этого послания: цифра «43», написанная тем же почерком над текстом (то есть, порядковый номер письма этому адресату?), штамп «Просмотрено» и рисунок открытки: вид Белого зала Гатчинского дворца-музея. Возможно, именно такая открытка под руку пишущему попала случайно. А, может быть, нет? Может, гатчинский сюжет — это напоминание, например, о знакомстве, свидании, встрече?

Хранятся в душе каждого из нас памятные дни и часы общения. Ещё столет назад именно открытка с рисунком — это способ многое сказать, не договаривая. Открытка — это документ эпохи, песчинка времени. Мы что-то знаем, изучая письма, дневники, фотографии, вещи людей знаменитых. Но жили когда-то в Гатчине Аничка и Коля, Пётр Иванович и Анна Кузьминична Харлачевы — жили, любили,

трудились. Судьбы их связаны оказались с Гатчиной — с одним из провинциальных российских городов.

Правда, Гатчина — это был пригород вблизи столицы! В своих «Заметках о русском» Дмитрий Сергеевич Лихачёв размышляет так: «Пригород — это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород — при городе, но он и при природе». Вот чем особенно привлекательна была Гатчина, например, для дачников конца XIX — начала XX века: и город, и — при природе, и транспортные магистрали доступны (по железной дороге или в авто). Гатчинские дачники, приезжавшие на отдых по-семейному — это писатели Г. Успенский, З. Гиппиус и Д. Мережковский, В. Розанов. В 1915–1916 годах в Гатчине на даче, которую снимали родители, жил Алёша Арбузов — будущий писатель и драматург. Впоследствии об этом времени он писал, что «...житьё-бытьё в гатчинском доме — одно из счастливейших воспоминаний моего детства: я полюбил прекрасный гатчинский парк, дворец, парковые озёра...». Кстати, взрослые дети известного советского драматурга А.Н. Арбузова однажды приезжали в Гатчину на кинофестиваль «Литература и кино», именно они подарили библиотеке им. А.И. Куприна книгу, где имеются эпизоды воспоминаний о Гатчине.

Как и последняя, многие интересные цитаты о пребывании в Гатчине и в Гатчинском районе фрагментарно опубликованы в книге, подготовленной сотрудниками ЦГБ им. А.И. Куприна — это «Литературная Гатчина: краеведческий справочник» /Автор-составитель Н.В. Юронен (Гатчина, 2015).

Ныне новые достоверные факты о жизни в Старой Гатчине узнаём мы

именно благодаря скрупулёзному, кропотливому поиску музейных сотрудников, библиотекарей и краеведов. Поиску, результаты которого появляются в печатных источниках.

Итак, жили когда-то в Гатчине госпожа Эмилия Богданович и Александр Афанасьевна Афанасьева, и семья Сухаревских: они не писали воспоминаний, — они свидетелями были, очевидцами времени своего. Память о людях этих — письма на старых почтовых открытках. Почтовая карточка, открытое письмо... документ, неоспоримый и очень-очень личный. Документ-загадка, предполагающий исследование и уточнение.

Например, лишь отдельные фразы и слова можно понять по выгоревшему тексту открытки, отправленной из Гатчины в Старую Руссу 31 июля 1909 года. Мелкий почерк, написано и вдоль, и поперёк, и вверх ногами! А репродукция — со значением, цветная: картина Маковского «Варка варенья». Из письма: «Эта картина изображает Зину и её супруга, в будущем старосветских помещиков. Я же имею желание в письмах (неразборчиво) варенье варится. (неразборчиво) У нас 2-го (неразборчиво). Играл в клубе Кнобеля, потом будет концерт Петипа с (неразборчиво) будут танцевать: (неразборчиво) Чардаш. Танцы до 3-х часов ночи. Собираемся идти. Сейчас хотели идти на музыку, но пока видно идти не придется (неразборчиво)».

И так далее — про Сашу, Ирену, Виолетту, и о летних развлечениях в Гатчине. Как бы всё это прочесть-расшифровать?

Предположения, уточнения, версии О семье Богдановичей. Как оказалось, один из текстов на имеющейся у меня открытке написан на польском языке. Благодарю за перевод этого

текста гатчинца Анатолия Петровича Нехая. Итак, «г. Гатчина Люцевская ул. дом 41, ЕВБ Эмилии Антоновне Г-же Богданович»: 23/V-14г. «Дорогая тётя! Поздравляем с праздниками. У Иры сегодня закончились экзамены. Почти по всем предметам получила четвёрки, она была так довольна, что чуть не подпрыгнула до потолка. Что касается поездки в Гатчину, то не знаю сможем ли мы приехать. У нас никаких новостей нет, все здоровы. Целуем ручки. Влада и Ира».

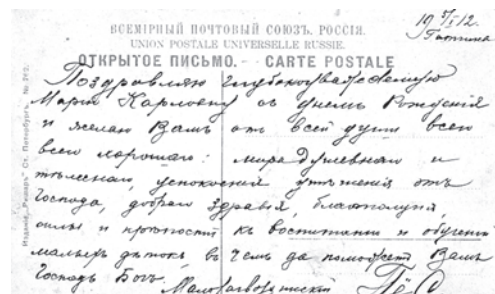
Не случайным мне кажется изображение с этой фотооткрытки: трое детей (два мальчика и девочка) стоят, глядя на нас. Они в летней одежде, босиком, и у каждого — корзина с цветами. Воспоминание-напоминание о прелести совместного семейного летнего отдыха?! Думаю, что это так. Возможно, что и чужие дети с открыточной фотографии похожи на тех племянников Владю и Иру, кто открытку эту своей тётушке в Гатчину посылал.

В книге В.А. Кислова «Люцевская (Чкалова) улица. Часть 2-я» (Гатчина, 2012, с.15, 16, 19, 20) имеется материал о том, что «Дом №41/4 (угол Ксенинской, 4) Дом Богдановича. Двухэтажный, низ каменный, верх деревянный, дом

возведён в 1906 году по проекту Петра Гурьяновича Ставрова на месте ранее существовавшего дома. Участок и дом принадлежали вдове генерал-лейтенанта Елизавете Александровне Богданович. На первом этаже дома всегда размещались магазины. <...> В старой Гатчине дом обычно числился под номером 41–43. <...> В доме также жили Богданович Антон Адольфович, лесопромышленник; Богданович Елизавета Николаевна; Богданович Прасковья Николаевна, дочь генерал-лейтенанта. <...> Дом № 43. Дом Богдановича. Двухэтажный каменный дом построен в 1912 году по проекту архитектор П.Г. Ставрова на участке дома №41. <...> Оба этих дома принадлежали Богдановичам. <...> Во время последней войны дом №43 потерял башенку на правом углу».

Итак, тётушка Эмилия Антоновна — это дочь лесопромышленника А.А. Богдановича. Дом, в котором они жили, сохранился, и в нём тоже находится магазин.

Мария Карловна и МалоЗагвоздинский ПёС. Адрес на имеющейся у меня открытке: «Гатчино СПб, Екатеринвердерский № 8 к. 9 Марье Карловне Абламе», всё написано зелёным ка-

рандашом — и текст тоже. Дату этого открытого письма определить невозможно, поскольку отпечатка штемпеля нет, автор послания указал лишь число — 29 апреля. Текст: «Из действую-

щей армии. Дорогая сестрица. Прости что я молчал. Не стану часто писать, у нас сейчас работы много. Кавалерийский привет всем. Константин». Чёрно-белый рисунок на обороте открытки: при ярком свете настольной лампы монах-отшельник с закрытыми глазами сидит, призадумавшись, над открытой книгой. Вторая половина изображения это сказочный лес, где на полянке стоит, обнявшись, целующаяся парочка. Шесть эмоциональных (с восклицательными знаками!) поэтических строк, написанных не по-русски, сопровождают это видение. Интересно, что же это за стихотворение?

Поскольку я давно уже собираю открытки с изображением книги, то теперь у меня ещё три варианта того же самого изображения. Причем один из них — цветной, и потому хорошо видно уголок комнаты монаха, где и шкаф с книгами, и большой глобус в подставке, и, вроде бы, даже чучело маленькой изящной птички на полке стоит. Монах-естествоиспытатель... Если первая открытка не имела никаких казенных надписей, кроме фразы почтовая крточка, то внизу на цветной открытке есть подпись на двух языках. Оказывается, изображение — это репродукция картины К. Швенингера «Сон жизни». Эту, более качественную открытку, изданную в Санкт-Петербурге, я недавно приобрела в гатчинском магазине «Антиквариат», послание на ней было написано 22 июня 1911 года — в Ригу.

Ещё две открытки с той же картиной, внешне оформлены каждая по-своему, но без стихов. Обе открытки чистые, не цветные, издавал их Всемирный почтовый союз, причем на одной указан адрес: Склад издания: Одесса, Екатерининская 54. Открытки, не очень качественные, и кабинет отшельника просматривается лишь на цветном изображении. Совершенно случайно

оказались у меня 4 открытки с одной репродукцией, которую, оказывается, так активно тиражировали. Видимо, потому что в этом рисунке видели особый смысл и подтекст.

Возвращаясь к истории послания кавалериста Константина сестре Марии Карловне Абламе в Гатчину. Из действующей армии... Значит, это время Первой мировой войны! Между прочим, тёплыми и дружескими могли быть взаимоотношения не только родных брата и сестры, но и двоюродных. Причем кузены могли и влюбиться друг в друга, что, естественно, не имело одобрения старших родственников. Константин и Мария Карловна — кто были они?

Недавно мне показали открытку с цветным изображением Приоратского дворца и разрешили отсканировать понравившийся мне текст послания: «5/1-1912. Гатчина. Поздравляю глубокоуважаемую Марию Карловну с днём рождения и желаю от всей души всего-всего хорошего: мира душевного и телесного, успокоения утешения от Господа, доброго здоровья, благополучия, силы и кротости к воспитанию и обучению малых деток, в чём да поможет Вам Господь Бог. МалоЗагвоздинский ПёС».

Ах, какую оригинальную кличку употребляет автор письма! Которое было упрятано в конверт, потому что на открытке нет адреса. Добрые пожелания — от доброго друга, пожелания учительнице... от кого? Гатчина, Мария Карловна, 1912-й год... Гатчина, Мария Карловна Абламе — в годы Первой мировой... Не одна ли это женщина?!

Мои предположения: если будут найдены сведения, что М.К. Абламе была преподавателем в каком-либо из учебных заведений (возможно, гатчинских), то эти две открытки до-

полняют друг друга. То есть, мы знаем, по какому адресу преподаватель Мария Карловна Абламе проживала. Однако, поскольку в Гатчине XIX–начала XX века проживало немало семей иностранного происхождения (а отчество Карловна говорит именно о том, что женщина, вероятнее всего, по рождению была немка, англичанка или француженка), то, возможно, преподаватель Мария Карловна и М.К. Абламе — это две разные женщины.

Например, известно, что в Гатчине жила поэтесса, беллетрист и переводчик Анна Карловна Боане (1869–1939), некоторое время она преподавала в Гатчинской женской Мариинской гимназии. Быть может, у неё была сестра Мария Карловна? Сестра и коллега. Естественно, что в официальной биографии А.К. Боане («Русские писатели 1800–1917: биографический словарь». М, 1989, т.1, с.286) о её родственниках ничего не сказано. Зато указаны две фамилии Анны Карловны в замужествах: Кладо и Яворская.

Так что Боане — это девичья фамилия поэтессы. Возможно, и Мария Карловна Абламе также была из семьи Боане?! Боане, Абламе — это французские фамилии. Ну, а кто же такой МалоЗагвоздинский ПёС (то есть, по-видимому, Пётр С., проживающий в Малой Загвоздке Гатчины), отгадать будет непросто. Впрочем, наши истинные краеведы — это люди дотошные и пытливые: догадаются и нам расскажут, надеюсь. Возможно, и о судьбе кавалериста Константина что-нибудь ещё прояснится.

Жители Гатчины... Их никогда не было много, и потому друг друга хорошо знали. Дружили и общались семь-

ями; для отдыха и прогулок, конечно же, выбирали парк. Ещё несколько фактов, не помню откуда выписанных, кажется, из Википедии. Для сравнения: население Гатчины — 1269 чел. (1800 г.); 19 405 чел. (1912 г.); 15 740 чел. (1920 г.); 38 500 чел. (1939 г.); около 3 000 чел. (1944 г., январь); около 12 000 чел. (1945 г., декабрь); 77 900 чел. (1979 г.); 91 800 чел. (2010 г.). Население Гатчинского района, площадь которого около 3 тыс. кв.км, теперь уже более 220 тыс. чел.

Согласно Указу императора Павла I от 11 ноября 1796 года Гатчинская мыза получила наименование города, герб которого строгий, лаконичный и запоминающийся (с гербом России, наложенным на белоснежный мальтийский крест), утверждён был в декабре 1800 года. Постановлением № 151 главы муниципального образования «Город Гатчина» С.С. Богданова от 18 марта 1998 года было утверждено «Положение о гербе города Гатчины». Герб внесен в Государственный геральдический реестр Российской Федерации под порядковым номером 270. Три имени города: Гатчина (с 1796 г.); Троцк (с 1922 г.); Красногвардейск (с 1929 г.); Гатчина (с 23.01.1944 г.).

С днём рождения, ЛЮБИМЫЙ город!

С праздником вас, уважаемые гатчинцы!

Примечание. В некоторых случаях орфография в текстах надписей на открытках сохранена авторская, написание и прочтение дается в современном звучании согласно нынешней грамматике. Все, упомянутые в тексте издания, имеются в фонде ЦГБ им. А.И. Куприна

К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО

*Люблю, и радуюсь, и стражду,
И день свой каждый пью до дна,
И снова ощущаю жажду,
И в том повинна жизнь одна...*

Расул Гамзатов

РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

Валентина Филиппова

«Растите духовно и помогайте расти другим, в этом вся жизнь».
Л.Н. Толстой

Деревня Выра, что вдоль Киевской трассы близ Гатчины, похожа на множество других русских деревень. Но исторически она связана со многими замечательными личностями. В девятнадцатом столетии одним из них был золотопромышленник Иван Васильевич Рукавишников, а в предреволюционные годы двадцатого столетия — русский писатель В.В. Набоков. Ему и перешла усадьба в селе Рождествено.

С 1917 года, после отъезда Набокова в эмиграцию, усадьба в Рождествено поменяла множество хозяев и в 1988 году стала историко-литературным мемориальным музеем В.В. Набокова, а в 1994 году его директором стал Александр Александрович Сёмочкин, известный гатчинский архитектор, реставратор, коренной житель Выры. Удивительная энергетика этой «малой Швейцарии» с младенчества влияла на него и впоследствии помогла выбрать творческую профессию.

Есть люди, от общения с которыми ощущаешь собственную несостоятельность. Такое впечатление на меня произвело и знакомство с Александром Александровичем. Мне захотелось быть лучше в собственных глазах, и это чувство заставило меня ближе познакомиться с семьёй архитектора и подружиться с ней в дальнейшем.

Помнится, что при первом моём по-

сещении дома Сёмочкиных бросилась в глаза простота и лаконичность интерьера. Всё говорило о скромности быта хозяина: чувствовалась приверженность к простым конструктивным формам, элементам народных мотивов, заметных в пропильных карнизах с орнаментальной резьбой над окнами. Занавеси, любовно украшенные кружевом, дополняли композицию, создавая особый домашний уют. В

середине просторной гостиной доминантой стоял большой деревянный стол, явно работы хозяина. Всё просто, крепко, надёжно, как и сам хозяин, вошедший с приветствиями.

Худощавый, с небольшой окладистой бородкой, статный мужчина в сапогах и простой рубашке, вежливо поздоровался за руку. Намного утомлённые карие глаза, казалось, вопрошали: «Кто вы? Что из себя представляете?». Но чуть заметная, скрытая усами улыбка, была доверительной, располагающей, — «не бойтесь, не кусаюсь!» Так произошло моё знакомство с Александром Сёмочкиным в его доме в Выре.

Впоследствии нам часто приходилось общаться семьями, в быту, и наладить деловые связи по многим вопросам строительства: храм в Суйде, индивидуальные архитектурные постройки, интерьеры. Приехать в Выру, в семью Сёмочкиных, было всегда маленьким праздником. Супруга как гостеприимная хозяйка накрывала незатейливый стол в просторной кухне, которая в те годы являлась трапезной и местом общения. Спорили, мечтали, размышляли о будущем и настоящем. Сколько интересного можно было услышать о людях, их судьбах и творчестве. Хозяин был всегда во главе. Меня поражала его информированность в вопросах русской истории, культуры, литературы и православия. И когда он успевал столько читать, работать, воспитывать детей?

Старший сын, Дмитрий, похож на отца: немногословный, скромный, деликатный. Егор — озорник — с отцовской хитринкой в глазах, любил, уходя, прихватить с собой бутерброд. Маленькая большеглазая Екатерина, явная любимица отца, всегда улыбалась и, забрав кота, исчезала незаметно.

И вот тут начиналось самое интересное: Александр мог говорить о своей Выре, рылеевском Батове, набоковском Рождествено так подробно и увлекательно, что, казалось, кроме всего этого в данный момент ничего не существует.

Часто здесь присутствовали близкие друзья семьи из среды писателей, художников, поэтов. Тогда посиделки затягивались допоздна. Мой маленький багаж знаний истории края потихоньку пополнялся. Вновь и вновь возникало желание побывать на кухне это большой дружной семьи.

Будучи одним из инициаторов преобразования здания Вырской почтовой станции в музей в конце 1960-х годов, занимаясь архитектурой мемориалов, Александр Александрович, вместе с бригадой строителей, возводит на территории музейного комплекса надворные постройки: кузницу, сарай, конюшни, амбар. Это служит основой для создания не просто почтовой станции, но именно той, в которой происходило действие повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель».

Окончив ЛИСИ, архитектор прекрасно владел теорией, а жизнь на селе научила его работать руками. Казалось, этим рукам послушны дерево, металл и камень. Тяготая к храмовой архитектуре, как каждый верующий человек, он с болью воспринимал гибнущую красоту. Получив предложение построить деревянную церковь в Псково-Печорском монастыре для монахов, Александр достойно выполнил этот заказ. Проект храма Воскресения Христова в Суйде был выполнен Сёмочкиным безвозмездно. В 1992 году его возмужавшие сыновья Дмитрий и Егор с небольшой бригадой строителей приступили к его возведению под авторским надзором отца.

Параллельно в усадебном доме, в

Рождествено шли реставрационные работы. В 2000 году было закончено строительство храма Воскресения в Суйде, а в 2002 году в усадьбе Рождествено полностью восстановлен усадебный дом после серьезного пожара в 1995 году. Реставрационных работ прибавилось, но директор музея, тяжело переживавший беду, достойно вышел из создавшейся сложнейшей ситуации.

И ныне возвышается красавец-дом над рекой Оредеж среди зелени близлежащих полей и лесов, радуя проез-

жающих и туристов строгой красотой светлых фасадов. Хочется поблагодарить за равнодушие и любовь к отчизне всех причастных, донесших до потомков эту красоту, одним из создателей и хранителем которой является ныне почётный гражданин Гатчинского района Александр Александрович Сёмочкин. Его исследовательская и просветительская деятельность помогает узнавать историю родного края, судеб людей, побед и поражений, любить своё Отечество.

Анна Козлова

Храм

Над пропастью, у края, на крови,
Воздвигни Храм величю любви.
Не знай пощады чувствам и сомненьям,
Воздвигни Храм в своих виденьях.

Узнай, что должно знать. В ночной тиши
Воздвигни Храм величю души.
Задумайся о вечности и вечном,
Воздвигни Храм на небе бесконечном.

Ищи всегда. И коль найдёшь признание,
Воздвигни Храм величю состраданья.
И свет зажги в кромешной темноте.
Воздвигни Храм на матушке земле.

И вот тогда, воздвигнув три светила,
Почувствуй, как в тебе родится сила.
Закрой глаза и сделай шаг вперёд...
Кто не тяжёл сомненьем, тот не упадёт.

О первом издателе и редакторе литературно-краеведческого альманаха «Оредеж»

«СЫН» ВЕРЫ

Наталья Антонова

Наш краеведческий альманах «Оредеж» за первое десятилетие своей творческой жизни заслужил искреннее признание, уважение и любовь земляков. Каждым летом, ко Дню образования Гатчинского района, мы ждем выхода в свет нового номера. А что там, за новой обложкой? Что нового откопали краеведы и исследователи? Чье новое имя, какого талантливого земляка, откроет нам очередной выпуск? Мы ждем новой встречи в любимой Пушкинской библиотеке, чтобы с трепетом открыть «новорожденное дитя». Над созданием его сейчас трудится большой творческий коллектив профессионалов, сплоченная команда людей, преданных своему делу, нашей Гатчинской земле.

А тогда, пятнадцать лет назад, наш альманах «Оредеж» родила Вера. Вера Алексеевна Вальковская, директор Петербургского издательства «Лига Плюс».

Прими, читатель, похвальное слово первому издателю любимого журнала! И не дай своим строгим пристальным взглядом скатиться нам до келейных торжественных слов, так неизбежно свойственных каждому юбилею. Помогите, друзья, создать штрихи к портрету очень живой, энергичной, целеустремленной и стремительной, немного авантюрной и рискованной, очень жизнелюбивой женщины, явление которой на нашей Гатчинской земле открыло новую эпоху в жизни мно-

В.А. Вальковская

гих творческих людей. (Простите за пафосность, но это действительно так).

Сейчас Вера Алексеевна Вальковская, волею судьбы, живет в Финляндии, рядом с сыном, но каждое лето приезжает в родные места. «Верочка приехала!» - извещаем мы друзей и с радостью спешим на встречу с женщиной, которая явила на свет замечательные литературно-краеведческие издания, среди них и наш «Оредеж».

Первая наша встреча произошла более двадцати лет назад, 10 февраля 1995 года, в Сиверской поселковой библиотеке, когда Сиверское братство

поэтов собралось почтить память Пушкина и отметить день рождения своего литературного объединения. Горели свечи, на рояле стоял портрет Пушкина, мы с вдохновением читали стихи... И вдруг, неожиданно, из последних рядов попросила слова совершенно незнакомая женщина. Она появилась в нашем литературном салоне, как некое чужеродное тело: в простом платке и валенках, с авоськой в руках. Стремительная, эмоциональная незнакомка поставила на рояль буханку хлеба, бутылку водки и сказала: «Вы очень хорошие люди, вы мне очень понравились, и я хочу вам помочь. Вера Алексеевна Вальковская, — представилась она, — издательница из Петербурга». И показала солидные книги из «Мраморной» серии, книги о Гатчине Павловского времени, о Николаевском Петербурге.

Что чувствовали мы в тот момент?

Мы уже успели испытать радость творчества от первой своей тоненькой книжки стихов, выпущенной в Гатчинской типографии. Второй сборничек стихов вышел в самиздате, на ксероксе Сиверского детского дома, услуги которого любезно предложила его директор Валентина Васильевна Прищепная.

И вдруг появилась возможность издать настоящую книгу стихов в Санкт-Петербурге, в настоящем издательстве, большим тиражом! Фантастика!

И кто Вы, прекрасная незнакомка? Не розыгрыш ли это? Не очередная ли финансовая пирамида в лихие девяностые годы? И как, какими путями попала к нам, в Сиверское Братство, издательница из Петербурга? (Об этом чуть позже, уважаемые читатели)

Но очень скоро мы убедились: Вера — настоящая! Она увлекала нас настоящим делом, будоражила и вселяла

надежду! Она вкладывала свои деньги, искала спонсоров, привлекала профессионалов... Вскоре, через год всего, вышла наша книга стихов «Над гладью Оредежских вод» в издательстве «Лига Плюс». Многие из нас испытали тогда настоящее счастье! Мы влюбились в эту женщину и уже не представляли своих встреч без нее! И хотя она работала в Петербурге, а жила в Сиверской, на улице Лесной, мы не переставали удивляться: как много она успевала сделать! А в праздники, особенно майские, наша Вера приглашала нас к себе в гости: на светлой веранде был накрыт хлебосольный стол, и приветливая хозяйка одинаково радушно встречала и солидного академика, и молодого музыканта. И всей нашей шумной компании Сиверского братства с гостями из Гатчины было очень хорошо вместе, со стихами и песнями, с мечтами о новых книгах...

А неугомонная Вера спешила в Суйду, к Андрею Бурлакову, чтобы успеть сделать подарок к 200-летию города, издать книгу «Старая Гатчина», (книга и по сей день пользуется спросом читателей). Кстати, именно Андрей Бурлаков привел к нам в «Братство» чудо — Веру, рассказав ей, что есть такие в Сиверской неугомонные поэты-чудаки. А уж его, Андрея Бурлакова, вездесущая Вера Алексеевна нашла сама и приехала из Петербурга в Суйду, в усадьбу Ганнибала к молодому краеведу с желанием помочь. Вскоре с помощью Веры Алексеевны вышла книга Андрея Бурлакова «Гатчинская тропинка к Пушкину». Книга получила высокую оценку в литературном и читательском мире.

Но шедевром издательского дела Веры Алексеевны Вальковской стала книга уважаемого Александра Сёмочкина «Тень русской ветки». Подарочное издание, с очень оригинальной

В. Вальковская и А.А.Семочкин

композицией: на странице справа — фото из семейного альбома Владимира Набокова с отрывками из его произведений, а слева — современные фотографии с рождественскими пейзажами и литературным комментарием Сёмочкина. И так похож, нам казалось, слог и стиль Сёмочкина на манеру письма его знаменитого земляка! Книга быстро стала бестселлером, и ее создатели вынуждены были, по просьбам трудящихся, подготовить второе издание! А вскоре вышла эта книга на английском языке. И вот сейчас, в результате недавней беседы с Александром Сёмочкиным, выясняю, что в Москве вышло уже четвертое издание! Такого явления в современном книгоиздании еще не знали ни наши авторы, ни читатели! Это большое событие в культурной жизни Гатчины и всей Гатчинской земли.

Вспоминает начальник районного отдела культуры Людмила Ивановна Румянцева:

— Незабываемой осталась первая встреча с Верой Алексеевной Вальковской в Сиверской поселковой библиотеке! Простая, на первый взгляд, женщина с буханкой хлеба в авоське оказалась очень образованным, глубоким человеком, с высокими жизненными целями, интересными проектами, которыми она так стремительно заряжала и нас всех.

— Людмила Ивановна, расскажите, пожалуйста, чья идея — издавать литературно-краеведческий альманах? — поинтересовались мы.

— В администрации Гатчинского района уже давно зрела мысль о создании такого проекта. Заместители главы администрации района — Валерий Николаевич Кимков, ныне покойный, и Нина Матвеевна Мишина — живо откликнулись на предложение издать альманах и внесли большой вклад в его создание.

Л.И.Румянцева и Н.М. Мишина
на Пушкинском празднике

— А кто автор названия — «Оредеж»?

— Мы долго обсуждали этот вопрос на совещании в кабинете главы администрации Гатчинского района Александра Петровича Худилайна. Было много предложений, и все-таки остановились на первом предложении: главная река на Гатчинской земле — Оредеж. На ее берегах в Сиверской и Рождествено, Батово и Вырице живут известные неутомимые краеведы: Александр Сёмочкин, Дмитрий Рябов, Андрей Бурлаков и многие другие, кто накопил богатый исследовательский

материал, но сам издать его просто не смог из-за финансовых проблем.

Река Оредеж объединяет наших авторов не только территориально, но, прежде всего, любовью. Сколько стихов, музыки, сколько картин создано с любовью о красоте нашей Гатчинской земли! И все это — Оредеж.

— Как возникло решение обратиться к издательнице Вальковской?

— Наши желания встретились: у нас был собран интересный материал, а у Веры Алексеевны инициатива, опыт, живой интерес к нашему краю, четкое, конкретное видение проекта и уверенность в успехе задуманного. Мы сразу поверили ей. Она быстро обратила нас в свою веру: не только нужно, но и возможно издать литературно-краеведческие материалы, накопленные за много лет. Вера Алексеевна увлекла, заразила нас этой идеей. Началась активная бурная деятельность. Сбором материалов, организацией встреч с авторами, корректорской работой занялась Сиверская поселковая библиотека под руководством Светланы Ивановны Спиридоновой. Идею журнала, его композицию, отбор материала, дизайн обсуждали все вместе.

И когда этот новорожденный альманах «Оредеж» только появился на свет, все отметили: он получился очень достойным. Это была первая ласточка, первое краеведческое издание в Ленинградской области! С трепетом отнеслись к нему в областном комитете по культуре. А Нина Матвеевна Мишина убежденно сказала, что мы и дальше будем делиться с коллегами своими творческими достижениями,

рассказывать нашим читателям о заповедной земле Гатчинской.

Спасибо Вам, дорогая Людмила Ивановна, за интересные, ценные воспоминания, за Вашу инициативу и доброе начало славного дела.

А как сложилась дальнейшая судьба нашей издательницы?

Об этом нам рассказала Ольга Александровна Бабенко, методист Сиверского кино-культурного центра «Юбилейный». Вера Алексеевна, выйдя на пенсию, отойдя от издательских дел, не перестала служить своему делу. Татьяна Валентиновна Ефимова, будучи директором кино-культурного центра «Юбилейный», пригласила Вальковскую В.А. возглавить краеведческую работу. Инициативная Вера Алексеевна разработала новый интересный проект «Русская Швейцария» и успешно проводила сама пешеходные экскурсии по дачной столице. Неугомонная Вера по 5-6 часов с вдохновением рассказывала землякам и нашим гостям о Сиверской и ее окрестностях, расположенных по берегам Оредежа.

А спустя пять лет, как мы писали выше, наша издательница уехала к сыну, в Финляндию.

Но ее литературный «сын», альманах «Оредеж», навсегда поселился на Гатчинской земле, собирая и объединяя все лучшее, славное, доброе, что хранит наша память, чем гордимся мы сейчас, и что будут с интересом, уважением и благодарностью читать наши потомки.

Наталья Антонова, с благодарностью к издателям, прошлым и настоящим.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.А. ВАЛЬКОВСКОЙ: ИЗДАТЕЛЬНИЦЕ И СИВЕРСКОЙ ДАЧНИЦЕ

Андрей Бурлаков

С Верой Алексеевной Вальковской судьба свела меня более двадцати лет назад. Листая «Музейный дневник», который я вёл в созданном мною в 1992 году на базе школы-интерната музее истории Сиверской, я обнаружил «памятную» запись. Она датируется 18-м августа 1995 года: «С музеем ознакомилась Вера Алексеевна Вальковская с внуком — издатель из Петербурга, автор книг известной «Мраморной серии». Оказывается, она искала встречи со мной, узнав, что я занимаюсь историей Сиверской и специально пришла в музей, услышав о нём от местных жителей. Так в моей жизни появилась Вера, удивительная, эпатажная женщина, кажущаяся даже чересчур простой, немного «развязной» и прямолинейной в общении. Вместе с тем она оставалась очень душевным человеком. Своими особенными качествами характера располагающая к себе с первого знакомства, она притягивала всех, кто встречался на её пути. Вера могла «выкинуть» любую шутку в адрес собеседника, могла артистически выступить на публике, могла сделать такое, что другим было непозволительно. Ей прощалось всё! Будучи человеком неугомонной энергии, она оставила заметный и добрый след в истории нашего края.

Незадолго до встречи в музее, весной 1995 года, Вера купила дачу на Лесной улице: старый дом ещё дореволюционной постройки. От первых хозяев на даче уцелел огромный старинный буфет. Позднее, общаясь со

В.А. Вальковская на презентации книг
А.В. Бурлакова и А.А. Семочкина. 1999 год

старожилами Лесной улицы, я узнал, что первым хозяином дома был некий Банас. Он купил в Сиверской участок примерно в 1910 году. Сын Банаса погиб на фронте во время Первой мировой войны. Дочь владельца Галина в 1947 году продала дачу полковнику в отставке Петру Ивановичу Иванову, который тоже был участником Первой мировой войны. После смерти жены, будучи уже совершенно больным, он продал дом на Лесной улице летчику гражданской авиации, у последнего его перекупили «русские» немцы, которые уехали на жительство в Германию. Вот у них и приобрела дачу Вера Алексеевна, довольно обихожанный

дом со всеми удобствами, с большим участком, в окружении вековых елей.

Оказалось, что Сиверская для Веры место уже знакомое. До войны её мама отдыхала здесь в доме отдыха. Сохранилась групповая фотография отдыхающих, сделанная в 1936 году на фоне знаменитого Лунного камня. Сама В.А. Вальковская родилась в 1940 году. В детстве она с родителями отдыхала на даче в поселке Высоко-Ключевой, рядом со станцией Суйда. По настоянию бабушки, Веру крестили в Суйдинской церкви Воскресения Христова. Шел 1952 год.

В советское время В.А. Вальковская была профессиональным полиграфистом, многие годы работала мастером в ленинградских типографиях, после перестройки затеяла издание книг о Петербурге и его окрестностях, переиздание трудов авторов дореволюционного времени. Так родилась её «Мраморная серия», потом были и другие интересные проекты. В девятые годы она основала издательство «Дорваль», которое впоследствии было преобразовано в ООО «Лига Плюс». Вера была очень смелой женщиной, не раз рисковала и вкладывала в издательское дело собственные деньги. А книги её имели огромный успех. Не будучи знакомым с ней, я уже собрал, купив в питерских магазинах, изданные Вальковской книги.

При первой встрече в музее я рассказал Вере о сиверских музах и предложил ей познакомиться с поэтами Сиверского Братства, которые только основали свой творческий союз. Эта историческая встреча произошла в феврале 1996 года, на очередном мероприятии в библиотеке имени А.Н. Майкова... Но это уже отдельная история.

В том же году Гатчина отмечала свой 200-летний юбилей. Я обратился за

помощью к Вере в издании книги о нашем городе и спешно приступил к сбору материалов. Денег у меня не было, и она согласилась пойти на это рискованное дело. Было решено составить сборник, состоящий из работ гатчинских краеведов и историков. Времени было очень мало. Мне везло на авторов — откликнулись главный хранитель Гатчинского дворца-музея Аделаида Сергеевна Елкина; сын знаменитого «опального» певца Н.К. Печковского — Илья Николаевич Печковский; архитектор, в то время директор музея-усадьбы «Рождествено» Александр Александрович Сёмочкин и многие другие. Вера меня торопила, я ездил к ней в издательство, проверял текст макета книги, довозил фотографии. Книга «Старая Гатчина» вышла за один день до начала праздничных торжеств. Вера наняла такси и привезла часть тиража в Гатчину, моя квартира была буквально завалена пачками с книгами. И с раннего утра мы с мамой и несколькими знакомыми гатчинцами возили на тачке и таскали пачки на площадь перед дворцом, где и проходил юбилейный праздник. Книгу раскупали так, что я не успевал подносить экземпляры. Эта была эпоха, когда подобных книг о Гатчине еще не издавалось, а люди, особенно старшего поколения, очень интересовались историей родного города.

Поздно вечером я поехал на электричке к Вере в Сиверскую обрадовать её, а главное, отдать огромную по тем временам сумму денег, вырученную от продажи книг. Несмотря на огромный тираж — 3000 экземпляров — за один день удалось реализовать более тысячи книг! Я помчался отдавать деньги, даже не подумав, что это было тогда очень рискованно. Но всё обошлось благополучно. Вера только ахнула! На последней электричке из Сиверской

я, довольный и счастливый, вернулся обратно домой. С момента выхода этой книги прошло много времени, но и сегодня гатчинцы часто хвастаются, что у них дома есть «Старая Гатчина».

Издательский путь Веры на гатчинской земле стремительно начался. Она подружилась с Сёмочкиным и в 1999 году издала за свой счёт самую стильную по тем временам книгу о Набоковских местах. По сути дела, это был альбом. После этого все мы оценили масштаб творчества этого издателя. О Вере заговорили, её книги пользовались особым спросом.

Настоящим открытием стала изданная Верой в 1998 году, нашумевшая книга Юрия Минаевича Пирютко «Другой Петербург». Смелость выпустить историко-документальный путеводитель по «Голубому Петербургу» была по достоинству оценена многими маститыми петербуржцами. Книга дважды переиздавалась и все равно стала библиографической редкостью. Имя известного автора, также оказалось связано с нашими местами. Ю.М. Пирютко провел в Сиверской детские годы, окончил здесь школу, поступил в Гатчинский педагогический институт, переехал из дачной столицы в Гатчину, где поступил в университет. Позднее Пирютко стал крупнейшим музейным работником, главным специалистом по истории петербургского некрополя, знаменитым писателем и талантливым экскурсоводом. Впоследствии он был очень благодарен Вере за издание его необычной книги. Когда Юрий Минаевич приезжал погулять по любимым местам Сиверской, он всегда вспоминал свою издательницу. Ю.М. Пирютко не стало в 2014 году.

В 1999 году В.А. Вальковская издала мою «знаковую» книгу «Пушкинская

В.А. Вальковская с друзьями на презентации.
1999 год

тропинка в Гатчину». Год был юбилейный, пушкинский, и Вера выдвинула эту книгу для участия в Московской книжной ярмарке, не сказав мне об этом ничего. Каково же было удивление, когда на презентации этой книги в городской библиотеке имени А.И. Куприна, она передала мне — памятный диплом организационного комитета XII Московской международной книжной ярмарки в номинации «Лучшие издания к 200-летию А.С. Пушкина».

Эта книга имела большой успех и сегодня могла бы быть переизданной, но у меня, к сожалению, на это нет средств и нет рядом Веры, которая бы, наверное, что-нибудь придумала.

Я часто бывал у В.А. Вальковской на даче в Сиверской во все времена года, даже ночевал пару раз после знаменитых посиделок поэтов Сиверского братства. Мне нравился этот довольно далеко расположенный от станции дачный уголок, граничащий с настоящим лесом. Хозяйка всегда была очень гостеприимной. Приветливым был её муж, на веранде часто накрывался стол, дачу охранял старый пес. Кто только ни приходил в гости в этот дом: поэты, музыканты, художники, краеведы...

Борис Гажёв

Прибытково

Я в Прибытково приеду,
чтобы воздухом дышать.
Надышусь сполна к обеду,
закушу и лягу спать.

Я во сне пройду по лесу,
наберу ведро грибов,
дам наружу выход стрессу,
нарублю для печки дров.

Десять грядок раскопаю
в огороде я во сне,

На Канарах побываю —
ах, как сладко спится мне!

Если честно вам признаться,
не любитель я поспать.
Стоит мне сюда добраться,
сплю — такая благодать.

От Прибыткова — прибыль
для здоровья и души.
Коль здоров и сил избыток,
не ленись — стихи пиши.

Елена Кройтор

Осенние стихи

Бывает так: в тиши осенней
Слетают листьями стихи.
Они не звонки, не надменны,
Как утро осени тихи.

И так мне хочется порою
Остаться дома и писать.

Иль одинокою тропой
Идти, любить. Любя, прощать.

И вдруг, любовь случайно встретив,
Поверить ей и с ней идти.
Быть может, даже не заметив,
Когда сошлись мы на пути.

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

*Поэзия — моя держава,
Я вечный подданный её.*

М.А. Светлов

Отрывки из поэмы
«Лица из альбома»,

посвящённой трагическим судьбам поэтов Серебряного века

Открытка арткафе «Бродячая собака».
Маслянистая рябь фонарей
Расплескалась в канале едва,
Как уже у заветных дверей
Собирается снова толпа.
У «Бродячей собаки» опять
Дребезжание слышно карет.
Собирается певчая рать,
Мотыльками слетаясь на свет.
Блеск браслетов, вуали, меха.
Между столиков дымка висит.
В невесомых шелках рука
Отбивает чеканный ритм.
Люстры свет, распадаясь в блик,
Отраженьем горит в глазах.
И божественно лёгкий Григ
Устремляется в небеса.
Время здесь обращается вспять
Мановеньем волшебным руки.
Здесь одна признаётся власть:
Правят миром любовь и стихи.

Фотография пятая,
Александр Блок
В полуночном окне,
В серебре на стекле,
В лёгкой дымке парит отражение.
Так приходят во сне,
В тишине, в январе
Этой долгой зимы откровения.

Пустыри. Пустыри.
Не горят фонари.
Заметают метели надежды.
И вокруг на сто вёрст не увидишь ни зги.
Лишь Двенадцать шагают, как прежде.
Шаг печатают в ряд.
И нигде не стоят.

Не торопятся. Но и не медлят.
И в ночи этой прочно, надёжно
царят.
И неспешно обходят владенья.
Обманула тебя лихоманка-зима!
Не Христа эти очи из мрака.
В снежной замяти прячется сам
Сатана,
Огоньком пробежав по кокардам.
В белом войске зимы не скудеют
ряды.
Не предвидится ей окончания.
И метель замедляет поспешно
следы.
И Двенадцать уходят в молчании.
Открытка: Ранняя весна.
И в сапогах железных
Мимо грохочет Век,
Души сбивая белые
В серый апрельский снег.
Да уж, по всем приметам,
Ранней весне — не срок...
Что же к своим поэтам,
Век, ты был так жесток?!

Фотография шестая:
Владимир Маяковский.
Шарахнулась лошадь прочь от
афиши.
Эй, окаянная, тпру!
Что там написано буквами
аршинными?!

Владимир Маяковский. Мистерия —
Буфф.

Из браунинга чёрного дула
Последняя рифма вылетела.
И всего за одну минуту

Примирила тебя с действительностью.
Больше не будешь,
Большой, неуклюжий,
На весенних лужах ломать ледок.
Раскатали такую огромную душу
Скалкою ничего не значащих слов.
Сломанную душу не бросишь
В улицу.
Не выхаркнешь в крике.
Не выплеснешь в стих.
Снова гремят вдалеке революции.
Только тебе нет уж дела до них.
Прозой жизни, разъятый на атомы,
К смерти шагнувший, как к двери
просто,
Звёздным слепящим сияешь
каскадом в Вечности неба,
Мой Маяковский!
Фотография седьмая
Анна Ахматова
В сумраке зыбком неверном
Призраки передо мной.
Будто украдены Временем
В памяти чьей-то чужой...
Веет прохладой вечер.

Тёмные тени растут...
По царскосельским аллеям
Дафнис и Хлоя идут.

Здесь в густой изумрудной тени
Ни единая ветка не дрогнет.
Беспощадное Время спит
В царскосельских аллеях укромных.
Но немолкнущих лир великих
Здесь ещё голоса звучат.
И скользит по притихшим липам
Твой навек очарованный взгляд.
Ты на этой земле оставалась
Даже в самые чёрные дни.
И рвались, но не обрывались
В лихолетие струны твои.
Этот Век был к тебе милосердней,
Чем к собратьям твоим остальным.
Душу он сохранил твою светлую.
Только сердца не пощадил.
Свет вечерний, неласковый стелется.
Входит осень в сердца и умы.
И летят царскосельские лебеди
От своей опустевшей земли...

Галина Осипова

О лете прошлом грусть

Ещё зелёная листва
Беспечно ветру отдаётся.
Но блекнет неба синева,
И желтый след в листву крадётся.

Совсем чуть-чуть — и закружит
Осенних красок перецветье,
А на душе уже дрожит
Огонь тоски о прошлом лете.

Трилогия «Чувства»:

Счастье

У счастья в мире два есть проявления:
Уметь творить по мере своих сил,
И оценить величие творенья,
Коим другого Бог вознаградил!

Любовь

Любовь — это смесь боли с надеждой,
Любовь — это ангел в белой одежде,
Любовь — это то, чем плачет душа.
И я преклоняюсь пред ней, чуть дыша.

Горе

На меня так грустно смотрит горе.
Полные горячих слёз его глаза.
И оно несчастное такое —
Очень горькая ведь у него судьба.

Никто его не хочет в жизни встретить.
Никто не хочет дать ему приют,
А если чью-то жизнь оно отметит,
Его лишь укорят и проклянут.

Куда податься горю на планете,
Куда уйти, где отыскать покой?
Его никто не любит в целом свете,
За что оно так проклято судьбой?

Не за мои ль грехи или за ваши
Скитается по свету существо?
Утрите ему слёзы, ведь по жизни нашей
Его слезами плачет божество.

Прикосновение

Нежное моё прикосновение
Как весны забытой дуновение...
Спящих чувств внезапное прозренье,
Для открытий новых удивленье.
Это тайны чудо постиженья,
Душ парящих встречное движенье.
Неизбежной вспышкой — миг смятенья
И волной — горячее волненье.
Перед новой явью — преклоненье:
Смысл непостижимости творенья.
Чувств немых порыв, столпотворенье,
В хаосе — росток стихотворенья.
Понимание — как откровенье.
Безоружность перед притяженьем.
Шаг к неотвратимости сближенья
В новой полноте соединения...
Обратилось в целое явление
Нежное моё прикосновение.

Колыбельная

«Баю-баюшки-баю», —
своей детушке спою.
Двери жизни отворю,
обо всем поговорю.
Расскажу про белый свет,
что в нём правда, а что нет.
Как прекрасен мир вокруг —
всё творенье Божьих рук.
Как чудесна и свята
в мире Божья красота.
А ещё ему спою
я про ангелов в раю,
что у райских у ворот
водят белый хоровод,
сад чудесный стерегут
и хвалу Творцу поют.
Спи, младенец, засыпай,
пусть тебе приснится рай,
И от света мрак земной
пусть растает за спиной.

Светало...
Хрупкой тишины
боясь спугнуть, проснулись птицы,
Лишь пробы первые слышны
как-будто робких репетиций.
Но вот разорван горизонт
Вторженьем солнечного диска,
И захлебнулся перезвон
смешенья щебета и свиста.
Великолепие зари
в созвучье птичьего оркестра
на радость общую творил
никем невидимый Маэстро.

У окна

Гляжу на мир в открытое окно, Где жизнь пространство меряет шагами, И у соседского гламурного авто Мальчишка в лужице пристроился ногами.	Девушка, попугайно наряжаясь, Срывая справедливый гнев старушек, На солнышко лицом повернется, Посев справляет мартовских веснушек.
Картина та же всё: дорога, тополя, Весёлый кот гарцует на заборе, И, гомону пичужьему внемля, Проснулся день в приветливом задоре.	Проходит женщина, в пучину погружаясь Мечтаний ли своих, воспоминаний, Где, за руку любимого держась, Познала привкус встреч и расставаний.
Кому-то срочно нужен магазин, Другой, забыв вчерашние заботы, Свой направляет лихо лимузин Навстречу приключениям субботы.	Размеренным проходит чередом Здесь жизнь, беря в себя своё начало. И времени ментальный метроном Своё на всех оттачивает жало.
Рачительный хозяин не спеша Приглаживает аккуратно доску. Ворона, изловчась, исподтишка Ворует алюминиевую ложку.	Я у окна — мой мир во мне живёт... А телевизор монотонно так вещает, Что где-то на излучине широт Опять солдат за землю умирает.

*Ирина Кройтор**В парке осень*

В парке осень. Падают листья.
Ветер сносит их к нашим ногам.
И мы оба прощаемся с прошлым,
Принимая, что послано нам.

В парке осень. Прозрачно и тихо.
Только листья шуршат в тишине.
Свежий ветер, ветер осенний
Нам играет на тонкой струне.

И мелодия плачет и льётся,
Словно дождик осенний. А нам
Все бродить по мокрым дорогам,
Прикасясь к любимым рукам.

Владимиру Высоцкому

...Не будем о грустном:
Так грустного много,
Что не передумать
О нём никогда.
Всё больше и больше
Людская тревога:
Слезам разбавлена
В море вода.

Не будем о грустном,
Но где же веселье,
Где радостно льётся
Шальное вино?

Пусть будет и наше
С тобой Воскресенье,
Хотя бы в театре,
Хотя бы в кино...

Не будем о грустном,
А вдруг ещё можно
Исправить кому-то
Безрадостный путь?
Но только придётся
Идти осторожно:
Ведь мы с колеи
Не должны
повернуть...

Чернобыль

Полынь-трава запылала,
Костёр до неба разожгла.
Горячий воздух, опаляя,
Сжигал живое всё дотла.
А люди в панике метались,
Но был огонь сильнее их.
Земля качнулась, закрываясь,
Весь МИР от ужаса притих...
Когда огонь остановили,
То зазвенела тишина...
И облака бесшумно плыли...
Очнулись, а вокруг — весна...
Сады в цвету, шумят деревья,
Лишь зной испуганно дрожит...

Только повсюду — запустенье;
Для Смерти не поставлен щит...
Дома остались нараспашку,
Зияют окна пустотой,
Лишь радиация бесстрашно
Нож острый держит за спиной.
Неслышно он проходит в тело
Всепоглощающим огнём,
Невидимая Смерть хотела
Вселиться смело в каждый дом...

Спасённые Судьбой, живите!
Смотрите — вот весна опять...
Вы только МИРУ расскажите,
Как горько было выживать...

В том, что счастлива я...

Лепестками в саду закружил снегопад,
Кружевами покрыв изумрудные травы.
В том, что счастлива я снова май виноват,
Соловиная трель и венок из купавы.

В колыбели зари растворился закат,
Годы нашей любви мне кукушка пророчит.
В том, что счастлива я, снова май виноват,
Разве можно забыть волшебство белой ночи?!

Эти долгие дни к нам вернутся назад,
И наполнят сады ароматом весною.
В том, что счастлива я, снова май виноват,
И восторг от того, что ты рядом со мною.

Лепестками в саду закружил снегопад,
Забелев полотном кружевным под ногами.
В том, что счастлива я, снова май виноват,
Неразрывная связь и любовь между нами.

Взробица Родине

Словно ясная заря
Светит Родина.
И дорог её не зря
Много пройдено.
Сердце только на Руси
Счастьем полнится,
И мольбу о ней неси
К небу, звонница.
Одолела всех врагов
Русь-страдалница,
И зачинщики торгов
Рано хвалятся.
Возвращаются долги,
Уж, как водится.
Сохрани и сбереги,
Богородица,
Упаси нас от войны
И от бедствия,
Пусть растёт внутри страны
Благоденствие.
Память очень коротка
Человечества.
Справедливым сквозь века
Будь, Отечество.

Русская женщина

Она не заплачет прилюдно от боли,
Семья не увидит заломленных рук,
И лишь на душе затвердеют мозоли
Следами тревоги и принятых мук.

Ей надо быть сильной, и доброй, и нежной.
А если придется, то, как в старину,
Собою закрыть от беды неизбежной
Без капли раздумий детей и страну.

Подвластно ей всё — от иголки до лома.
Правдивы слова про огонь и коня.
А роль её в доме настолько весома,
Что не было б мира и счастья ни дня.

Особую статью и пронзительность взгляда
Среди миллионов нельзя не узнать.
Она и богиня, и эльф, и наяда...
Великая женщина — русская мать.

Вечер горбится и горбится,
Весь морщинистый и ветхий.
На черешне старой — горлица
Крыльями качает ветки, —
Ожерельная, волшебная, —
Как лучина в тихой горнице,
Сон сулит и утешение —
Колыбелит всю околицу,
Приласкает нежным воркотом,
Каждому напомним мать,
И забудется всё горькое,
И в душе начнёт светать.

Мне по отцовской линии
Исстари передалось
Буйство садов калиновое,
Зори над речкою Рось.

По материнской линии
Передалась мне грусть,
Колокола былинные
И золотая Русь.

Русские художники

Я слышу птиц в картинах Шишкина,
Ручьи в шедеврах Васнецова,
Искусство дарят нам всевышнее —
Их души — перлы образцовые.

Я слышу гам грачей Саврасова
И смех охотников Перова...
Нам мастера сказали красками —
То, перед чем бессильно слово.

Белый ангел

Летний лес — словно в детстве чердак.
Тихо.
Душно.
И небо в оконце.
Только лето иным не чета:
Много окон и в каждом по солнцу.

Ты смеялась и шла впереди,
А когда я догнал тебя позже,
Удивленно сказала:
— Гляди,
Мы все дальше, а света все больше.

Загустел ослепительный свет,
Словно чей-то эскиз на бумаге.
Когда больно глазам, мыслей нет.
Только вера, что свет — это ангел.

Ангел белый
не шел, а порхал,
Над тобой невзначай зависая.
Ты смеялась, что яркий провал —
Как портал,
как преддверие рая.

Ангел белый
на легких крылах,
Он оставил, до этого скромный,
На твоих непочатых губах
Поцелуй цвета спекшейся крови.

Ангел белый,
исторгнувший свет,
Иль напротив, исторгнутый светом,
Объяснения здравого нет
Ничему тем горячечным летом.

Ангел белый,
прекрасный собой,
По-мальчишески резкий и нервный.
Вот еще поцелуй,
и любовь
Вырождается в древнюю ревность.

А потом, словно зная ответ,
Ты спросила устало:
— Где ангел? —
Только свечи осин.
Только свет,
Исходящий на сумрак в овраге.

Позже слышен стал гимн комара
И лосиный призыв электрички.
Стало ясно без слов, что пора
Думать.
Взвешивать.
Жить по привычке.

Ты запомнила хрупкость щеки,
Колкость губ и коралловость мочки.
Ну, а я промолчал про зрачки...
Неподвижные.
Острые.
Волчьи.

Сотворение женщины

Из тьмы лесов, из влажности и тлена,
Из образов безмысленных, из снов
Дремотного доречевого плена,
Мелькнув,
пропасть и воплотиться вновь,

Из треска молний, холодящих душу,
Бесформенным влеченьям вопреки,
Из ритма волн, загадочно послушных
Серебряным движениям реки,

Из ожидания чуда откровенья.
Из истин
медных,

стертых в кругляши,
Из грусти,
нежности,
благоговенья,
Из муки одиночества души,

Из глины формирующего нрава,
Что взглядом душу насмерть опалит, —
Она.
Одна такая.
Дева.
Хава.
И плачет молча в тростниках Лилит.

О, женщина, рисующая круг..
А это — солнце, и кольцо, и время.
Надёжный круг — сплетенье нежных рук,
Когда ты позабыт и брошен всеми.
Она утопит, подойдя к воде,
Подобные камням тяжёлым мысли,
Пусть растворятся в мутной темноте..
И сердце не пробьёт последний выстрел..
Плывёт по кругу женская ладонь,
Когда озноб и жар по телу бродят,
И гаснет обжигающий огонь,
И сладок сон, и боль в висках проходит.
Мужчин оберегает и детей,
Умеет быть любовницей и другом..
Ты знаешь, как идёт улыбка ей?
И жизнь сама всегда идёт по кругу...

Предугадать мужчину невозможно,
Его на святки можно нагадать,
И, вглядываясь в зеркало тревожно,
Черты лица родного отыскать..
Всегда легко придумывать мужчину,
Наполнив чувством, мыслью, красотой,
Укутаться волшебной паутиной
И видеть рядом, будучи одной..
Но вдруг приходит миг перерождения,
Как важно этот миг не пропустить!
И шепчет ночью звёздное плетение:
«Мужчину надо просто полюбить!»
И путанные мысли станут ясными,
И взглянет из-за зеркала судьба,
И сменится на нежность и согласие
С самой собою вечная борьба!

Ирма Пеннонен

И плелся к осени мой день,
Петляя тропами.
Печаль и сумрачная тень —
Пустые хлопоты...
По сонной кротости воды,
Ее зеркальности,
По отражению мечты,
Желаний, в тайности...
По небу, в цепи облаков,
По воле случая
Летел, порывами ветров,
Мне сердце мучая.
И черной тучей на косе
Кружили вороны...
И в осень день, а Вам на все
четыре стороны...

Осень

Мелировала Осень куст смородины,
Полоской золотою по листве.
И легкой паутины, нити-проседи,
Узорами стелила на траве...
И цветники расцвечивала астрами,
Чтоб лета не печальным был уход...
А георгины шапочками красными,
Встречали Осень, стоя, у ворот.

Нектар Любви

Торжественно, из кубка бытия
Нектар Любви, большущими глотками
Пью, прикасаясь жаркими губами
К сияющему блеску хрусталя.

Волшебное явление — Любовь,
Не передать и не сказать словами!
Нектар Любви прочувствуете сами,
Как манит он и вновь волнует кровь!

И озорное чувство, и восторг!
Душа объята радостной волною,
Необъяснимой и такой живою...
Нектар Любви - чарующий глоток!

И пьет Любовь - из кубка бытия,
Плененная мечтой Душа моя...

Наследие мастера
(памяти Исаака Шварца)

Грустя под мерный ход часов,
В тоске молчит рояль.
Не слышно клавиш голосов.
Безмолвная печаль....
В отставке ноты, карандаш
В безвременной тиши.
Словами скорбь не передашь
Покинувшей души.
Сейчас услышать бы опять
Волнующий мотив,
Прочувствовав аккордов стать,
Их силу ощутив.
Союз мелодий, что любил
С далёких детских лет,
Внутри побудкой протрубил
Воспоминаний след.
Бессмертна музыка в сердцах,
Открытых для добра.
Так звонко, словно в бубенцах,
Звучит её игра.
Романсы нежности волной
Нас наполняют вновь.
В душе цветущею весной
Блаженствует любовь.

Симфоний величавый глас
Уносит на простор,
Как воспаряющий Пегас
Стремит во весь опор.
В любимых фильмах навсегда
Мелодий жив актив.
Не постареет никогда
Прекрасный лейтмотив.
Чудесной музыки полёт,
Забвения не боясь,
Дождём магическим прольёт,
Дав поколениям связь.
Пусть, вдохновение вобрав,
Наследуя талант,
На фортепиано заиграв,
Воспрянет музыкант.
Размоют наледь из забот
Потоки вешних вод.
И закружится милых нот
Манящий хоровод.
Наследие мастера, как свет,
Наполнивший сердца.
Любви и мудрости завет
В дороге без конца....

Русский Север

Над равниной снежной воеет вьюга.
Стрелки мерно чертят циферблат.
Кепка, майка — то одежда юга.
Здесь же север — шапка, шарф, бушлат.
Под полярной ночью спит природа.
Подо льдом шевелится вода.
В недрах мерзлоты лежит порода,
Скрытая на долгие года.
Здесь, в суровой стуже безраздельной
В людях разгораются сердца.
Закалённой братией артельной
Ломят не без крепкого словца.

Пробивая панцирь ледостава,
Ледоколы водят здесь суда.
Высока сплочённость плавсостава,
Не страшит полярников беда.
Буровые вышки на платформах
Нефть дают в державный капитал.
Вносит вклад в программы о реформах,
Кто на вахту трудовую встал.
Мореходство, промыслы, ремёсла,
Минералы, зодчество, меха.
Русский Север пусть не «сушит вёсла»,
Славный путь продолжит на века.

* * *

Я свечи жгу и ворожу,
Я ваше счастье сторожу,
Окуриваю резедой,
Кроплю святою я водой,
Шуршу я пеплом в дымоходе,
Где домовой, как сторож, бродит,
Я ветром в форточках пою,
В сенях засовами гремлю,
А днём я — зоркая орлица,
В ночи, как люта я волчица,
Под утро — светлая заря.
Мой глаз — прозрачней янтара.

Я днём — надменная царица,
В ночи — ведунья, чаровница,
Под вечер я, как кот, всех выше,
Дозором выхожу на крышу.
Глаза мои полны огня.
Я — страж! Все — в трепет от меня.
Я в лёд все беды превращаю,
Я все печали укрошаю,
Я белой вьюгой вьюсь, стужу,
Я все невзгоды увожу.
Уж так мне, видно, на роду.
Изыди, нечисть! Я иду.

Валентин Хрящёв

* * *

Белый лист бумаги и
Чёрные чернила —
Черно-белой магии
Колдовская сила.

И уже не ты пером,
А оно тобою
Водит, вяжет, как паром,
Вымысел с судьбою.

Лунные одежды

О, солнце, спрячь меня в лучах твоих!
Чтоб раны тела скрыть от праздных взглядов.
И ничего другого мне не надо.
Ты солнце, я луна — мир для двоих.

Ты можешь греть, расписывая мир
Цветами, птицами с лазурным опереньем.
Я холоден, живу одним мгновеньем
В захлесте вечно скрещенных папир.

Но только я всегда у ног твоих
Ловлю покорно взгляд и вдохновенье.
Любимая, вся жизнь — одно мгновенье!
А буря в сердце — лишь короткий стих.

Маргаритка

Маргаритка моя! До чего ты свежа и румяна!
Ароматом твоим утешает Всевышний меня!
В хрупких листьях резных не найти ни пятна, ни изъяна!
В танце лунного света прекрасна, волшебна в сиянии дня!
Где найти мне слова для стихов, чтоб не бросили тени
На твою красоту, целомудренность, ветер в твоих лепестках?
Лучше я молчаливо склоню пред тобою колени
С нежным трепетом в сердце и дрожью в молящих руках!

* * *

Как верим мы во всё происходящее.
А рядом — взгляд,
 навстречу тоже, взгляд.
Как будто бы всё это настоящее,
и даже мысли будущим болят.
А нет цветка.
Есть волнами омытое
свечение проявления небес.
Есть имя,
 жизни тайною покрытое.
И есть души
 над этой тайной
 вес.
Сияем мы, вселенные,
 по-разному,
созвучные светилу одному.
Волнуй меня,
 вращенье не напрасное,
в ответ на отсвет,
 взгляду твоему!

* * *

Над всем, что мы сейчас зовём земным,
вот-вот созреет каплями рябина.
Зачем так много пауз до зимы,
над шорохом, над шёпотом тропинок?

Пройти бы незаметною, одной,
не тронув лист, не спугивая галок.
И знать, что осень просто полотно
бесстишья, в ожиданье снежных прялок.

Стряхнуть, как коврик, паузы листвы,
и просушить ворчаный долгих слякоть.
И только с первым снегом для земли,
в метель, обнявшись, радостно заплакать.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

*Белый лист бумаги и
Чёрные чернила —
Черно-белой магии
Колдовская сила...*

В.В. Хрящёв

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Александр Сёмочкин

Как славно и как простенько начинались романы в романтическом 18 столетии! «Прекрасным майским утром 17... года шевалье де Брюи отправился...», да вот уже и мы сами с этим шевалье отправились, — куда? — то ведомо автору, но уже ясно, что впереди будут романтические приключения, прекрасные герцогини и коварные маркизы (возможны варианты), будут шпаги и кинжалы, но в конце всё обязательно образуется к всеобщему удовлетворению.

Но это было давно, с тех пор герой довольно измельчал, оказались отменены шпаги вместе с герцогинями, да и прекрасные майские утра встречаются всё реже. Может, это потому, что состарился сам? Ведь были же, помнится, лет пятьдесят назад эти самые утра, да и маркизы встречались, и прекрасные, и коварные, и приключений хватало, и даже кинжалы порой присутствовали, в несколько, правда, упрощённом варианте. Неужто всё так бесповоротно? Да оно бы, по сути, и ладно, теперь не жажду я приключений, тем более с кинжалами, и на прекрасных герцогинь предпочитаю смотреть со стороны, но уж прекрасных утр никто у меня не отнимет.

Итак, прекрасным... сентябрьским утром я, отнюдь не шевалье и даже, признаюсь, вовсе не комильфо, но обычный деревенский обыватель, вышел из своего дома с намерением пройтись по живописнейшему и особому в эту пору привлекательному лесу, примыкающему к моей деревне с юж-

ной стороны. Строго говоря, лесу этому более соответствует название лесопарк, поскольку в некоторых своих частях это гораздо более парк, чем лес, но зато в иных своих проявлениях он более дикая тайга, чем обычный лес. В самом деле, вся нижняя его часть, плавно спускающаяся к реке, за столетия оказалась настолько преобразована человеком, что все эти полянки, перелески, ручейки и холмики со скабиозами и лютиками больше похожи на ландшафтный, для услаждения взора человеческого содеянный, участок английского парка, чем на естественный пейзаж.

Тем не менее, именно последнее верно, всё образовалось само собой, разве что с помощью деревенских бурёнок, чьё ржание и поедание сосновых веток, четырёх лет кряду гонимых сюда попасть и постепенно съевших некогда росший тут лес. То есть они, конечно, не поедали взрослые деревья, нет, они съедали молодую поросль — и хвойную, и лиственную — почему лес не возобновлялся, старые деревья падали и тихо гнивали, освобождая место для луговой травки. А там, на взгорках, где вовсе не было почвы, но лишь жёлтый песочек, и где могли расти только песколюбивые сосны, отныне не росло ничего, кроме помянутых скабиоз, кошачьих лапок и полевой гвоздички, которые коровы не трогали. Так постепенно образовался прекрасный ансамбль, достойный вдохновения великих парковых архитекторов всё того же романтического 18 столетия.

Верхняя же часть нашего лесопарка являет собой чистый сосновый борок с пятнами гоноболи и черники, а на песчаных проплешинах — с куртинками исландского мха. Я говорю — борок, потому как звонким и обаявающим словом бор этот сосновый лес назвать всё-таки нельзя — не те размеры, нет величества и мощи; всё камерное, недостаёт басового регистра, сказал бы музыкант. Но что удалось тут вполне, так это лесная дорожка, идущая ровно на запад, и упирающаяся своим концом в берег реки. Она несравненно хороша в этой, боровой своей части, — всегда сухая, поросшая мхами и низкой травкой, пересечённая корнями деревьев и усыпанная сосновыми шишками, напоённая ароматом хвои и — в жаркий день — смолы, к которым в эту пору примешивается ощутимый грибной запах. Дорожка эта возникла отнюдь не как прогулочная, в своё время была она жизненно важной дорогой, поскольку соединяла мою деревню с мельницей на реке.

Мне не раз, ещё отроком, довелось ездить здесь на тугих мешках с зерном, везомым на помол, на мельницу, и движение это осуществлялось, конечно, не на автомашине, а на телеге с впряжённой в неё лошадкой, взятой по такому случаю напрокат в колхозной конюшне. Зерно принадлежало моему дядьке, Леониду Мефодьевичу, и это была его зарплата натурой за год работы на тракторе, в местной МТС. Напомню читателю, что под этой аббревиатурой значились машинотракторные станции, где была собрана вся техника, обслуживающая полтора десятка окрестных мелких колхозов, и в которой был также политотдел, следивший за ходом полевых и прочих работ, а также за умонастроениями в означенных колхозах.

О, это были незабываемые поездки.

Происходили они позже, в конце октября, а то и в ноябре, в начале, чтобы трудящийся народ мог встретить очередную годовщину Красного Октября караваем свежего хлеба. Воздух в те поры уже густ в предчувствии первого, настоящего, снега, солнышко еле пробивается на миг сквозь плотные серые облака, уже не согревая и как бы извиняясь за свою холодность, прелый лист и хвоя тянут в пролесье диковатым ароматом, он накатывает волнами, то перебивая запах лошади, мешковины и зерна, то уступая торжествующему, свежому и уверенному в себе запаху подмёрзшей земли, травы, хрустящего тонкого льда в сухих лужицах. Мы едем довольно долго, лошадка лениво трюхает разбитыми ногами, да и то после понукания от дядьки, но скоро снова переходит на привычный полусонный ритм ноги-за-ногу — куда ей спешить? — да и Мефодьевич понимает, что сей одр на большее не способен, и понукает больше для порядка.

Потом, уже к вечеру, мы будем так же возвращаться домой, мешки всё те же, да не совсем те — они густо выбелены снаружи, и запах свежемолотой муки забивает все прочие запахи, от него щекочет в носу, и каждый чих отдаётся восторгом во всём теле — славно чихается в лесу на холодном здоровом воздухе! Лошадка тоже фыркает, она заметно прибавила ход, понимая, что движется к дому, её и нашему дому, потому что конюшня всего в двухстах метрах, и дядька отведёт туда её и пустую телегу, мешки с мукой останутся дома, в угловом чулане, наскоро переоборудованном под семейные закрома.

Хлеб из новины открывает новый год в деревне, это ещё и время расчёта по трудодням, так что мужик может побаловать себя казённой беленькой,

а не сивушным «зеленым вином» собственного изготовления. Бабы поедут в райцентр покупать обнови, дети хрустят леденцами, девки красные в новых платочках, кротовых полушубках и блестящих ботиках от «Красного Треугольника» друг перед другом вертятся, и обсуждают, и завидуют — жизнь деревенская бьёт ключом в преддверии зимы. Да тут и праздник престольный накатывает — осенние Кузьма и Демьян, гуляй, народ православный!

Для меня утро следующего дня начинается с сумасшедшего, сводящего скулы до кислоты, запаха только что испечённого хлеба. Я вдыхаю, пью, наслаждаюсь этим лучшим в мире ароматом, уже зная, что будет дальше — бабушка, вся распаренная от печи, протянет мне дымящийся кусок ржаного пирога с морковкой. Он горяч, обжигает рот, но остановиться невозможно, я заглатываю его, обжигая гортань, и всё высматриваю — не будет ли продолжения? Нет, не будет. Нужно вставать, тащиться три километра в опостылевшую школу, имея в самодельном ранце за спиной одно утешение — краюшку свежего хлеба, кусок пирога и яблоко с той антоновки, что единственная уцелела после страшной зимы 1939 года, когда морозы стояли за сорок пять градусов. Тогда все деревенские сады погибли, погибла, казалось, и наша антоновка, но через год она очнулась, ожила и начала плодоносить, сначала осторожно, помалу, как бы не веря себе, но потом всё обильнее. После войны на неё положили налог, соседи советовали срубить, но у наших ни у кого рука не поднялась.

А ещё сюда, на эту дорожку в бору, наши бабушки Тани (их было три в нижнем нашем конце деревни) посылали нас собирать сосновые шишки,

незаменимое топливо для самоваров. Летом редкий вечер в деревне обходился без самовара, в этом случае допускался к общему столу и я, мелкий, и какое же это было удовольствие — сидеть за взрослым столом, слушать взрослые речи и сопереживать шуточные словесные баталии, разыгрываемые дядьями. Особенно хороши бывали субботние вечера, когда съезжались все городские родственники, на столе появлялась «маленькая», а то и две, и тогда начинались песни. И как же славно они пели!

Многое, многое изменилось в жизни. Вроде стала она, эта жизнь, и комфортнее, и сытнее, а уж про всевозможные технические новшества, облегчающие эту жизнь, и говорить не приходится, но сказать с полной уверенностью, что живём мы счастливее, чем жили они, эти мои давно умершие дядя, тётки, всё-таки я не решусь. Что-то в нас оскудело, мы уже не радуемся, как они, простым житейским радостям, не так дружны, как они... да что там — вот, и вечерних самоваров уже нет, нет и застольных песен, нет и той искрящей радости общения, что была у них.

Впрочем, что же я принялся брюзжать по-стариковски? И не то ли самое будут говорить мои дети, а потом и внуки, когда состарятся? Круг жизни неотменим, и это прекрасно, когда видишь образцы в прошлом, а не в настоящем, или, паче того, в «светлом будущем». Это, во всяком случае, не позволяет утонуть в равнодушии и самодовольстве.

В лесу, куда я направляюсь, между упомянутым мною вначале почти парковым пространством у реки и верхним сосновым борком, всю среднюю часть этого плавного от реки подъёма, занимает полоса совсем другой растительности. Тут нет сосен, — ни ниж-

них, приречных, которые какие-то все толстенькие, мохнатые и не в свою меру зелёные, нет и верхних, бронзовотелых, с серо-зелёной шапкой хвои наверху. Тут всё мох, да дородные ёлки, да непроходимые заросли черёмухи, крушины, ивняка и ольхи, да ещё огромные выворотни корней рухнувших ёлок, стволы давно упавших деревьев и гнилые пни старых вырубков.

Деревья так много значили в моей долгой жизни, как много значат и теперь, но уже по-другому. Когда-то были они «Свечи Господа Бога», были Деревом Жизни, древним скандинавским Игдрассилом, были и Древом познания Добра и Зла. Потом, став плотником, я оценивал дерево по его пригодности в строительном деле, и мог на глаз определить объём ствола в «деловой» его части. Но и это прошло, как проходит всё в жизни. Сейчас я отошусь к деревьям, прежде всего как к живым существам, как к животным, рыбам и птицам, только что не как к людям, потому что человек не может быть материалом или средством, он — человек, и его личное стояние перед Богом есть его назначение и его оправдание.

Но как они бывают схожи, люди и деревья! Вот сосна, любимое дерево Ивана Шишкина, Микалоюса Чюрлёниса, да и моё тоже, высокая и смелая сосна, могущая расти там, где никто расти не решается — на скалах, в зыбучих песках и на бескрайних болотах. Это лучшее дерево для стройки, хотя сегодня красная боровая сосна такая же редкость, как потомственный дворянин с его вековыми устоями чести и долга. Это дерево всегда умирает стоя, и если случается буре одолеть его, оно сломается пополам, но никогда не вывернется с корнем, демонстрируя свою капитуляцию перед стихией. Чем

плотнее сосна, тем дольше она стоит в срубе, но тем холоднее она будет для обитателей дома. Это валькирия, рыжеволосая воительница Севера, она никогда не предаст, но она и любить никогда не будет до самозабвения, всегда храня себя в своём гордом стоянии поодаль.

Не то — ель. Это несколько ипохондрическое существо любит тень и терпит себе подобных, но нетерпимо к инородцам, «толерантностью» там не пахнет. Поселившись в лесу, ёлка постепенно, но неотвратимо захватит весь лес, убьёт всё в нём, кроме себя, живое, и только пламя лесного пожара уничтожит её, чтобы лес снова прошёл все стадии своего развития, — до очередного пожара. Этот цикл занимает у нас 250, а то 300 лет, и все наши леса, по сути, находятся в определённой части этого цикла. Конечно, пока не вмешается человек. Мне ёлка напоминает иных наших, вечно чем-то недовольных, дам, которые всегда найдут, о чём поскрипеть. Но они при этом бывают хорошими хозяйками, и неприятзательному мужику с такими тепло... как в еловом срубе, — он легче соснового и лучше держит тепло очага. Ёлки умирают разом, рухнув на землю и вывернув корни, редко кому удаётся дожить до глубокой старости и умереть стоя. Ель — женщина по преимуществу, она не зла, хотя колюча, она житейски строга, север приучил её к этой строгости, и она хорошо усвоила уроки жизни. Но и она бывает порой сентиментальна, особенно в молодости... и это хороший повод пригласить молодую ёлочку домой, на Новый год.

Кроме этих двух, часто встречается в наших лесах осина, и у той свой, и вовсе непростой характер. Кажется, и ветрена она, и капризна, и говорлива не в меру, и серёжек на ней не счесть,

и зарумянилась вся, на зиму глядя, и здоровьем обижена, гниловата бывает уже к пятидесяти годам, а это возраст для порядочного дерева юношеский. Да только самое ценное, что было у русского человека, доверял он осине — резные тарелки под хлеб, парные полки в своих банях и лемех на луковицах своих храмов. Как ни суди, что-то есть подкупающее в этой девушке, может — искренность. А что до таких инсинуаций, что это, дескать, Иудино дерево, потому листья у неё постоянно трепещут, так это клевета и ложь. Я лично думаю, что это от излишней её впечатлительности, и только.

Да вот, берёза. Любят на Руси эту белоствольную красавицу, любят без меры, ни одному дереву не посвящено столько добрых слов, хотя — за что? Ну да, проста и надёжна, всегда и во всём. Вот, собственно, и все её достоинства. Иные могут и в недостатки сие зачислить — нет, мол, в ней тайны, нет изменчивости, какую мы ценим в женщине; проста и надёжна... этак, глядишь, и надоест, и к ветренице какой-нибудь убежишь. А то вот ещё берёза плакучая, вечная вдовушка, — тоска, одно слово. Но надёжна, это верно. И когда кокетливые шалуны набьют оскомину, когда ветер в мае, склонный к изменам и переменам, надоест, — милости просим в нашу рощу, где стояла, да и теперь стоит русская берёза, простая и надёжная.

Ещё — черёмуха. В лесу она редко растёт деревом, всё больше кустарник. И уж где он разросся, лучше то место обходить стороной, там без топора не продрасться. Ветки её, клонясь долу, цепляются за землю и дают корни, а корни выбрасывают наверх новые побеги, — джунгли, одно слово. Острословы говорят, что женщина один раз в жизни бывает прекрасна, в подвенечном платье, так и черёмуха

хороша раз в году, когда цветёт. Запах её цветочных гроздей — тяжеловатый, терпкий, упругий — сводит с ума ранней весной, подвигая на авантюры и глупости. Женоненавистники, правда, добавляют, что второй раз женщина бывает прекрасна на смертном одре, но это уж вовсе к черёмухе не относится, она и как поделочный материал, и как дрова — никакая.

Всё это лесное население, как легко заметить, женщины. Что делать, мужского населения в наших лесах немного, — дуб, ясень, бук, ильм, вяз и граб у нас не растут, разве что в парках, специально там выращенные. Пожалуй, единственный представитель — можжевельник, и уж он стоит того, чтобы о нём поговорить. Это хвойное колючее растение тоже чаще растёт кустом, чем деревом, оно капризно-требовательно не столько к почвам, сколько к воздуху, хотя, казалось бы, чего ему опасаться, — говорят, один гектар его зарослей способен очистить от любой заразы воздух пятидесятилетнего города. Но одно дело — бактерии и микробы, а другое — окись углерода или, скажем, двуокись азота, тут наш мужественный борец с болезнью сникает и тушует. В этом моём лесу росло немало можжевельниковых кустов, встречались и деревья, и можно предположить, что извели их бабки и детки, — первые рубили можжевельник, чтобы пропарить с ним кадушки для засолки капусты, вторые — для изготовления луков, арбалетов и катапульт. Но это, конечно, не так. Виной всему — дорога, движение на которой увеличивается из года в год, и можжевельнику явно не по нутру такое соседство.

Я ещё помню его сизо-лиловые ягоды, в иные годы их случалось много, нам, конечно же, довелось их есть (чего тогда, в послевоенные годы, мы не ели!), но вкус у этих ягод оказался

никудышный, слабую их сладость на чисто перебивал мощный смоляной аромат. Знали бы мы тогда, что из этих ягод ещё древние кельты умели делать легендарный джин, наверное, по-другому отнеслись бы к ним. Но тогда мы этого не знали, а когда узнали, можжевельник уже ушёл подальше от дорог, в глухие леса, благо их у нас немало.

Ещё, конечно, вездесущая ольха, олёха, девушка простая, собою не видная и немного даже неряшливая. Но это — ольха серая, у её родной сестры ольхи чёрной совсем иная стать, она поблагороднее, из неё даже мебель делали в своё время. Но уж чего не отнять от ольхи, так это того, что она — почти идеальное топливо, и недаром её величали царскими дровами. Горит она ровно, спокойно, не стреляя и почти не дымя, почему и не оставляет в трубе сажи. Это очень важное обстоятельство для русской деревни, потому что сажу в трубе — как мина замедленного действия, она может однажды загореться, и тогда огромный столб пламени вылетает из дымохода, сыплет искрами. Старухи в деревне крестились, такое увидев, и говорили, что это ведьма полетела на шабаш. Да это бы ещё не беда, беда в искрах — попадая на сухую деревянную кровлю, они могли начать пожар, а когда дом начинает гореть с крыши, потушить его практически невозможно.

Особенно много сажи давали берёзовые дрова, даже не сама берёза, но её кожа, береста. С другой стороны — именно берёза даёт самые жаркие дрова, да с хорошим углём, который будет пригоден и в кузнечном деле, и в самоваре как топливо, и в русской печи, для выпечки хлеба. Хороший хозяин разрешал эту проблему однояко — в сарае-дровянике у него были отдельно сложены сухие осиновые дровишки, которыми нужно протапливать печь

хоть раз в месяц. Осина даёт долгое холодное пламя, и оно съедает всю накопившуюся сажу, дымоход снова чист. Впрочем, проблемы этой не возникает вовсе, если печи топить ольхой, та сажу вообще не даёт, зато даёт тонкую светлую золу, сущий подарок огородникам на наших подзолах.

Так что — каждое дерево имеет свой талант.

В чешском Пошумабье я был свидетелем того, как пожилой чех ходил по лесу, постукивая по елям странным деревянным молотком и всё к чему-то прислушиваясь. Оказалось — мастер музыкальных инструментов, ищет «поющее» дерево. Таковое сразу брали под охрану, как, скажем, у нас карельскую берёзу, чтобы потом изготавливать из его плоти контрабасы, гитары, виолончели и скрипки. Дивны дела Твои, Господи!

Я, однако, не за тем пришёл в свой лес, предмет моих поисков куда как более прозаичен, но и он не лишён красоты и изящества. Жёлтые грузди, и, попутно, рыжики — суть объекты моего сегодняшнего вождения, и они заслуживают отдельных о себе слов. Эти пластинчатые грибы были в нашей семье всегда на особом счету, своим отношением к ним я, конечно, обязан семейной традиции. В самом деле, всё разнообразие грибов можно свести в две, отнюдь не равные между собой, группы. Первые — это грибы-кормильцы, к ним относятся белые грибы, и тоже боровики, и грузди, ко второй группе — все остальные, за редким исключением, но о нём позже.

Белый гриб, что постарше, идёт на сушку, он незаменим зимой, особенно в Великий пост, незаменим и в грибном супе, и в виде подливы к картофельным котлетам, и просто как соус, делающий вкуснейшим любую кашу или макароны. Молоденькие же белые

грибы очень бывают хороши в маринованном виде. Моя мать была мастерица мариновать грибочки, и какой восторг вызывало появление на столе, где-нибудь под Новый год, баночки этого гастрономического шедевра! Содержимое этих баночек, сверху залитых парафином и закрытых льняной тряпицей, никогда не вызывало разочарования у едоков, грибочки у матери всегда удавались на славу. Учился этому искусству и я, а чему научился — без ложной скромности могу сказать, что гости едят и похваливают.

В нашей семье никогда не сушили на зиму подберёзовики, моховики, маслята или подосиновики, те шли только на жарку. Но при обилии грибов это и не требовалось, одна, а то две наволочки с сухими белыми грибами бывали набиты под завязку. Даже если год случался не грибной, бабушка — стратег и эконом семьи — предпочитала иметь в запасе пусть меньше, но лучшее. Её отбор был строжайшим, помню, до половины моей корзины бабушка Таня бестрепетной рукой отправляла в помойное ведро. Правда, я нёс домой эти зеленушки, колпаки, сушарки и даже мухоморы, руководствуясь прежде всего эстетическими соображениями — насколько же красивы они бывают в лесу!

Грузди шли в засол. Честно говоря, к засолу на зиму бабушка допускала и другие грибы — валуи, серянки, волнушки, но они ни в каком случае не солились вместе с груздями, дабы благородство последних не было посрамлено. Груздь засаливался отдельно, в специальной кадушке, которую предварительно пропаривали с ветками можжевельника, обдавали кипятком и просушивали, только собственный грибной сок мог закрывать плотно уложенные грибы с чесноком, листьями хрена, смородины и дуба. Ещё

можно положить укроп, корень сельдерея и один — два лавровых листа. Ну и соль, конечно. Лучше — крупную, желтоватую. Грибы, кстати, перед засолкой следует вымочить в колодезной воде, которую нужно менять три раза на день, а укладывать на дно кадушки, на листья хрена, пластинами вверх. Сверху — чистая тряпица, деревянная крышка и пара камней, предварительно ошпаренных.

Есть солёные грибы начинали в декабре, ещё в Рождественский пост. Впрочем, и в мясоед груздь не мог быть лишним на столе, в самом деле, что может быть вкуснее картошки, толчёной со свиными шкварками, а к ней — солёные грибки, заправленные подсолнечным маслом и с тонко нарезанными кружочками лука! Тем более что солёный груздь по калорийности уступает только пшеничному хлебу, и то немного. Теперь, для нынешних модниц, стремящихся похудеть, это, пожалуй, минус, но в голодные военные и послевоенные годы считали иначе, и были правы.

Но где же упомянутый ранее рыжик? И как этот скромный рыжий грибок попал в элитарное грибное общество? Но — не так уж скромненький рыжик! Как вам понравятся такие, скажем, о нём сведения: содержание белка в нём в три раза выше, чем в пшеничном хлебе, по калорийности он в два раза превышает говядину, по углеводам — только груздь может с ним тягаться. С такими ли данными не ходить в грибных аристократах!

Рыжик хорош во всех видах, кроме, пожалуй, сушёного, да и то — как сказать. Я знавал ценителей, которые именно сушили рыжики, потом толкли их, превращая в порошок, и потом этот порошок использовали везде, как универсальную вкусовую добавку. Говорили, что даже бездарный столо-

вый супчик после этого становится ароматным и вкусным!

Солить рыжик, однако, я бы не советовал. Многие его солят, да что проку, получается продукт, может, и полезный, да какой-то безликий, недостойный славного грибка. У нас в семье его готовили особенно, и я охотно поделюсь рецептом, благо он прост. Собранные грибы дома нужно тщательно очистить (но ни в коем случае не мыть, особенно в горячей воде!), после чего положить в эмалированную кастрюльку, залить холодной водой и поставить на огонь. Воду круто посолить, можно бросить несколько горошин душистого перца. Но вообще — минимум пряностей, а лучше и вовсе без них. Варить в кипящей воде три минуты, после чего воду слить, немного оливкового масла, — и на стол. Весь свой аромат, всю нежность свою, всю изысканность вкуса гриб сохранит и отдаст их вам — наслаждайтесь. Хранить, однако, такой продукт нельзя, даже в холодильнике, съест его нужно в день приготовления. Я так и намерен сделать, если, конечно, сегодня наберу рыжиков достаточно.

Разговорился, старый. И тем нарушил первую заповедь грибника — никогда не говорить о грибах, идя в лес. В знак покаяния расскажу основное правило, которое, вроде бы, знает каждый настоящий грибник, но которое он никогда не скажет. Оно таково: лес тебе ничего не должен, и каждый гриб, тобою якобы найденный — это подарок леса тебе, и именно тебе, твой гриб будет твоим, потому что не ты ищешь его, а он ждёт и ищет тебя. Но это уже, так сказать, высшая лесная математика, и каждый постигает её в одиночку.

Что ж я всё о грибах, до них ещё дойти нужно. А я стою перед поляной, столь совершенной красоты, что не сказать о ней я не могу. Правым от

меня краем она сползает к реке, а левым упирается в стену молодых сосен и ёлочек, постепенно, не торопясь, шаг за шагом эту поляну захватывающих. Они не спешат, они знают, что настало их время. Уже не играют на этой поляне в футбол, да и в волейбол играют всё реже, но собираются летом компании с громкой музыкой, обильной едой и множеством бутылок с вином. Кто-то из них уберёт за собой мусор, а кто-то нет, кто-то даже бравирует брошенной коробкой из-под сигарет — не царское, мол, это дело, мусор убирать.

В моём детстве и отрочестве мусора не было, да откуда было ему взяться, если пустая бутылка стояла двенадцать копеек, на них можно было купить пачку коротеньких, только для мундштука, сигарет «Южные», и оставалось ещё на стакан газировки с сиропом и на один разговор в телефоне-автомате. Мусором были тогда только консервные банки, после войны они как-то быстро стали частью деревенского пейзажа, придя сначала с немецкими солдатами, потом с американской ленд-лизовой тушёнкой, а потом и вовсе появляясь ниоткуда. Но и они, в строгом смысле слова, мусором не являлись, поскольку всю использовались нами, то для хранения червей на рыбалке, то для шитиков, добытых в прибрежной тине. А жирных белых короедов, на которых плотва и окунь прямо-таки набрасываются, куда прикажете положить? — в банку, набитую опилками, там они будут жить, не помирая, долго.

В нашем детстве рыбалка отнюдь не была досужим занятием, это был промысел, поскольку весь долгий летний день проходил на реке, и нужно же было как-то питаться. Хорошо, если кто, пошустрее, стащит дома краюху хлеба, ещё лучше, если пяток сырых картофелин. Если к тому ещё спичеч-

ный коробок с солью, то, что нам дом, мы и так сыты. Какую-никакую рыбу всё равно поймает, она тут же и съедается, надетая на прутик и поджаренная на костре, съедалась вся, с чешуёй и кишками. Да и какие кишки у пескаря, бычка или гольяна? — так, видимость одна. Рыбку покрупнее всё же потрошили, рыбу ещё крупнее несли домой, чтобы не слыть совершенными бездельниками и балбесами. Несли налимов, крупных щурят, но чаще — хариусов (или «хайрузов» в местном наречии), которые благосклонно принимались нашими бабушками («Хоть какой-то с вас прок, шалопаи!») и поступали в семейный котёл.

Хариуса в реке было множество, на каменистых участках реки, на быстром течении, за каждым камнем стояли эти неутомимые охотники за мошкаррой. Но это были рыбки на тридцать-пятьдесят граммов, мелочь, не стоящая серьёзного внимания. Вычислить хариуса покрупнее нетрудно, — поймал кузнечика, да подбросил его на бойкую струю, и вот он плывёт, дрыгая длинными ножками, — всплеск! — нет, плывёт дальше, это мелочь, азарт охотничий есть, а пасть у хайрузка ещё маловата, кузнечика не заглотать. Но вот — тугой водоворот, и кузнечик исчез. Вот сюда, спрятавшись за куст или дерево, нужно подпустить свою наживку, тоже кузнечика, но на крючке. Крючок маленький, чтобы не топил кузнечика, и добыт этот крючок немалыми трудами, целую зиму копил копеечки, чтобы купить это чудо у толстого Федьки, а откуда тот берёт — только ему ведомо, да не скажет, хоть пытай его. Никакого груза при такой снасти не нужно, не нужно и поплавка, строго говоря, но без него лесу не забросить. Поплавок — кусочек высушенного тростника, куги, завязанный на концах ниткой.

Самое сложное тут — леса, в ней ключ к успеху. Конечно, это может быть простая суровая нитка, слегка натёртая воском или парафином, чтобы не тонула, но на конце её должен быть поводок, сплетённый из конского волоса. И не всякий лошадиный хвост для этого пригоден, нужен хвост белесый, от сивого мерина (так советовали старшие), но в нём надобно отыскать седые, бесцветные, почти прозрачные волоски, вот из них и сплетается «косичкой» поводок, и сразу вплетается в него крючок.

Вот такую снасть, снабдив её кузнечиком, и нужно подпустить к замеченному месту охоты хариуса. Иной раз и три, и пять раз подпустишь, — осторожничает, не берёт, что-то его настораживает. А то сразу схватит, и пойдёт сумасшедшая, азартная суeta с вываживанием рыбы, с уговариванием её: ну, давай, миленький, давай, иди сюда, но тут — хлоп, и пустая леска выскакивает из воды. Сорвался! Главное теперь — проверить, цел ли крючок, не сломан ли, или не оторван ли вовсе. Нет, цело сокровище моё. Недолго погорюешь, — что ж, не последний хариус в реке, да и кузнечик не последний в траве. Обидно, досадно, да ладно.

Ещё, конечно, требуется удилище. Никаких бамбуковых хлыстов, а тем более карбоновых телескопических не было, и лучшим удилищем считался ореховый прут, тонкий и гибкий. Он редко бывает совершенно прямым, но дело исправляла рыбацкая смекалка, — свежесрезанный хлыст подвешивался на чердаке к стропилине, а внизу к нему привязывался солидный груз. Через пару недель хлыст становился идеальным удилищем, ровным и сухим.

Сегодня эти разговоры о премудростях самодельных снастей кажутся смешными — пошёл в магазин, да

купил, что тебе нужно, и что тебе по карману, поскольку выбор большой, но и цены бывают немалые. Нельзя, однако, сказать, что в такой же степени увеличилось количество и качество пойманной рыбы. Это вечный спор охотника и жертвы, на все ухищрения ловца рыба ответит своими ухищрениями, — жить-то хочется!

Не раз я бывал свидетелем, а то и прямым участником, такого рода события: прекрасным майским утром (классика!), где-нибудь в дивных выборгских шхерах, где крупная плотва, вся в брачном наряде, должна, вроде бы, жадно бросаться на крючок, — ленивая тишина, красавец-поплавок неподвижен, японская суперлеска и кованые, ручной работы крючки с наживой висят в воде без востребования. Но тут подъедет какой-нибудь дедок из местных, достанет кривоватую палку, привязанную к старенькому велосипеду, — не сразу и поймёшь, что это у него удилище, разматывает леску на ржавой, допотопной катушке, насадил, поплевал, закинул, да вот уже и тащит хорошую плотвицу граммов на триста. И пошло! Мужичок плюгавый, как-то не по-рыбацки суетлив и болтлив, снасти дрянь, леска старая и связана во многих местах, но у него клюёт и клюёт.

Уж злобишься на него, злобишься, потом не выдержишь, подойдёшь — на что, мол, ловишь? Да вот, говорит, червяк. Дай мне парочку твоих, а то у меня, мол, они какие-то снулые. Да бери, говорит, не жалко. Нет, и с его червяками у меня не клюёт, разве что ёрш дёрнет, да маленькая густёрка. А мужичок уже наловился, снасть смотал, пакет с рыбой определил в кошелку, смеётся: кэзэ три, мол, есть, нам со старухой хватит! — и укатил. Бежишь к его месту, быстро закинул, — поклёвка! Тащишь её, миленькую, и уже воз-

мечтал — вот сейчас и я половлю! Да как бы не так, эта первая рыба оказывается и последней, клёв прекратился, словно обрубил. Поняла рыба — не тот рыбак, что был, и интерес потеряла, и разбрелась. Остаётся возопить в отчаянии: «Ну почему?!», но нет на вопль ответа. А вот, потому. Что.

Только вечером, после ущицы да нескольких добрых глотков из заветной фляжки, да горячего чайку, когда залезешь в палатке в спальный мешок и припомнишь прошедший день, всё постепенно становится на свои места. Тебе, брат, рыбка баловство, прихоть и острые ощущения, а для этого дедка, возможно, пропитание — и сам поест, и старуху свою накормит, а то завялит рыбку впрок или у соседа обменяет на нечто полезное и приятное. Всё просто — ему нужнее. Это и залив понимает, вернее, ангел-хранитель этого залива, это, может, и сама рыба понимает, потому что так справедливо. Пора научиться и самому это понимать и не роптать на неудачи.

Не премину сегодня заглянуть на пляж. В июльские жары тут собираются, почитай, вся деревня, да и не только наша, другого такого удобного места на реке поискать. Тут и лягушатник для детей, тут и глубинка на стрежне, тут и обрывчик для ныряния. Дно — чистый песок, вода прозрачна, трава зелена, ближние сосны и ёлки источают аромат, — что ещё человеку надобно? Да многое ему надобно — музыка, дымящиеся мангалы, костерок на обжитом месте, шумная компания... но это не сегодня. Сегодня пляж пуст, не сезон, вода холодна, и солнышко совсем не жаркое. Вот и славно. Посижу, повспоминаю. Как бегал сюда мальчонкой, в ватаге таких же голенастых, сопливых, счастливых, упоённых солнцем, своей юностью и здоровьем,

и всё это, казалось, навсегда, ведь мы — вечные дети этой вечной реки, вечных её берегов и вечного солнышка.

И как славно было разом, с налёту, плашмя броситься в воду, думая лишь, как удержать убегающие к пяткам трусы, и как успеть погрузиться глубже в воду, пока на тебя не обрушился кто-то из бежавших сзади. А вот и тот берег, где взвизгивают от наших брызг нежащиеся на солнышке девицы, и быстро вверх, на зелёный холмик, там испуганно вскидывается целующаяся парочка, и опять в воду, и там уже спокойно, по дну, широко загребая руками и выпучив глаза, плывёшь под водой метров пятнадцать и выныриваешь, напугав плещущуюся там тётку.

А ещё был рыжий Лёнька в нашей ватжке, который умел, оттолкнувшись от доски, концом вкопанной в берег, взлететь над водой, прогнувшись и раскинув руки, потом вдруг переломиться и головой вниз почти бесшумно войти в воду. Это был коронный номер, после всех наших дурачеств он неизменно вызывал аплодисменты с той стороны, но наша компания уже несётся дальше, туда, где в полукилометре отсюда пребывают в ленивой неге обитатели соседнего профсоюзного «Дома отдыха трудящихся».

И как же давно всё это было...

Теперь, расчувствовавшись, мне никак невозможно пропустить любимый береговой обрывчик невдалеке, и я иду туда, почти торопясь, волнуясь, сам не понимая ни торопливости, ни волнения своего. Ведь там — ничего особенного: сухой взгорок над рекой, поросший кошачьими лапками, полевой гвоздичкой и тимьяном, несколько молодых, очень мохнатых сосёнок, двухметровый обрыв над водой, крутящейся внизу, в тёмном водовороте. Почему так тянет меня сюда? Откуда

это ощущение — почти счастья? Что такого совершилось здесь, — нет, не со мной, и не в прежней моей жизни, но, наверное, в жизни кого-то из моих предков, а моя генетическая память сохранила отзвук чувств, но не позаботилась сохранить само событие, здесь бывшее? Может, мой прадед объяснился здесь в любви моей прабабке? А может, моя прапрабабка, ещё совсем молодая, присела тут отдохнуть, и вдруг почувствовала, как впервые толкнулся в ней её первенец, и она задохнулась от ощущения полноты уже состоявшегося материнства? А может, тринадцатилетняя девчонка, которой суждено было потом стать моей матерью, сидела тут, на этом обрыве, сидела, болтала ногами и распевала какие-нибудь глупости, пока козы мирно щипали травку там, в низинке, и ей было так хорошо тут, что она сохранила эту радость в себе, а потом передала её мне?

Как знать, как знать. Может, я и сам придумал всё это, и сделал своим смутным воспоминанием, но я уже не могу выкинуть его из себя, презреть и предать его. Это всё равно будет оскорблением чьей-то памяти. И я втайне надеюсь, да почти и уверен, что один из моих внуков, а может, внучек, станет потом приходить на этот обрывчик, и здесь задавать себе всё те же вопросы: почему так тянет сюда? Откуда это ощущение — почти счастья? Ведь ничего, вроде бы, особенного...

А вот с этой яблонькой, одиноко стоящей на поляне, на самом неподходящем, казалось бы, для яблони месте, у меня особые отношения. Это классический, можно сказать, дичок, выросший сам по себе из кем-то брошенного огрызка. Но ведь каждый год тысячи, наверное, таких огрызков летят на землю, чтобы тихо сгнить и к будущей весне не оставить по себе никакой

памяти. А тут яблонька, невысокая, округлая какая-то и стройная, что, вообще говоря, яблоням отнюдь не свойственно. Она каждый год цветёт, совсем не бурно, но тоже как-то аккуратно. Яблочки, на ней рождающиеся, честно сказать, доброго слова не стоят — тверды, кислы и отдают терпкой горечью, так присущей всем дичкам. Впрочем, когда мы вообще были без яблонь и без яблок (сады вымерзли после очередной сумасшедше свирепой зимы), то я посылал сюда своих детей собирать эти дички, мы их резали на дольки, сушили, и, странное дело, — в сушёном виде они были вполне съедобны.

Почему именно к этой дикой яблоньке особое отношение? Ну, это странная история. Было так на самом деле, или это опять фантазии, в которые со временем уверуешь сам, но я утвердился в мысли, что это моя яблонька, что это я её когда-то посадил. Дескать, шёл на рыбалку, грыз добытое где-то яблоко, а солидный огрызок с бурыми семенами не просто выкинул, но сунул под старую коровью лепёшку. Отсюда и произошла моя красавица. Было то или не было — яблонька должна была как-то сама это подтвердить, или опровергнуть. И она подтвердила.

В тот год у меня был юбилей, приезжало много гостей, и с самыми дорогими из них совершались прогулки «по малому кольцу», очень уж хороши в эту пору лес, и река, и поляны, уже нет дачников, и всё тихо, светло и торжественно. Шли мы по вот этой тропке, любимой с детства, я глянул на яблоньку и ахнул — вся она была увешана яблочками так, что и листьев не было видно. Да и яблочки были необычные, не тускло-зелёные, как всегда, а желтоватые, с краснинкой даже кое-где. Словно не дичок был перед нами, а некая волшебная яблоня из

русской сказки. Мы стояли и любовались моей красавицей, а она, чувствовалось, прямо млела от удовольствия. Невозможно было не взять её яблочек с собой, и хотя они были лишь чуть мягче и не такие кисло-горькие, как обычно, но это, согласимся, было уже не так важно.

Яблони вообще существа особые. За много тысяч лет жизни вместе с человеком чему только не научишься. Отзывчивость её удивительна, добрым словом и хорошим уходом даже дичок можно превратить с годами в неплохой плодонос, и, наоборот, без внимания и ухода и добрая яблоня хиреет и вырождается. Когда-то, ещё в молодости, я прочитал рассказ одного грузина, где тот рассказал, как он с приятелем напугал яблоню, которая не желала давать плоды. У меня тоже был подобный этому опыт: одна из моих яблонь, вымахавшая едва ли не выше всех остальных, отказывалась плодоносить, и я решил провести с ней разъяснительную работу. Нет, я не бегал, как тот грузин, вокруг неё с топором, и меня не уговаривали — может, дескать, она одумается и перестанет тунеядствовать, подождём ещё годик...

Нет, я отпилил на непутёвой нижние ветки, чтобы показать серьёзность своих намерений, и сказал ей: что ж, мол, не желаешь быть нормальной плодоносящей яблоней, так будешь теперь столбом, — должен же быть с тебя хоть какой-то прок! И повесил на неё гамак. Всё лето мои внуки качались и кувыркались на этом гамаке, не думаю, чтобы яблоне это понравилось. Во всяком случае, она усвоила урок и с тех пор исправно плодоносит. То-то же! — сказал я ей и больше гамаком не докучал. Все яблони в нашем саду чьи-то: одна младшего сына, другая дочкина, третья посвящена стар-

шей внучке, и, странно, но плоды на них как-то соответствуют названным «крёстным» — те крупные и упругие, эти нежные, но с горчинкой, а те румяны и жизнерадостны. А моя яблоня, — та, ленивая, увы, далеко не лучшая в нашем саду.

От дикой яблоньки в десяти шагах, в неглубоком песчаном распадке течёт ручей, скорее ручеек, тихо позванивая на камушках. Остановлюсь попить. Ручеек лесной, вода прозрачная, холодна в меру и отдаёт чем-то знакомым, пожалуй, деревянной кадушкой, что после войны стояла на кухне у бабушки, и содержала в себе питьевую колодезную воду. В своём новом доме я держал воду уже в эмалированных ведрах, кадушки исчезали, да и жена косо смотрела на мои ретроградные поползновения. Как мог, долго не заводил в доме водопровода, таскал ведро на коромысле, когда все уже соседи обзавелись скважинами с насосами. Почему? Ну, достаточно было раз увидеть, как работает этот насос, трясясь, как бы от злобы, — какая уж тут вода? Конечно, руки-ноги помыть или посуду — куда ни шло, но пить такую воду нельзя, думал я, она вся напитана этой бешеной электрической тряской, и живой водой больше никак не является. Но как удобно для женщин — повернул кран, и потекло, вот и я сдался, старый, в конце концов, теперь и у меня, как у всех. Как-то мы так устроили жизнь, чтоб лишний раз не нагнуться, — сначала продукт испортим, потом его употребим. Цивилизация, однако.

Конечно, жить стало проще и удобнее. Нет надобности всё время думать о куске хлеба, никто не голодает. Нет рабского труда «за палочку», нет дефицита, можно купить всё, имелись бы деньги. Нет вопиющей нищеты, разве что нищета добровольная, но это уж

— вольному воля... Нет страха, можно говорить всё и обо всём, не опасаясь, что собеседник или бдительный сосед позвонят «куда следует». Мы в своё время мечтали о таком времени, сидя на своих кухнях. Но народ нынче не радостен, а порой и зол. В чём дело? Украли идею? Нет спора — велика была идея, — сделать человечество счастливым. Но при этом предполагалось пятую, никак, часть этого человечества физически уничтожить, а половину оставшихся перевоспитать в концлагерях, чтобы получился «человек новой формации». Но мы как-то об этом забыли, и пепел Клааса больше не стучит в наше сердце. Конечно, тогда можно было устроиться удобно и не пыльно, и многие мои сверстники так устраивались. Пожалуй, прежде от этого я и сбежал после института в родную деревню. Тут, действительно, всё было тогда проще и много честнее.

Не удержусь, зайду на мельницу, вернее, на то место, где она стояла. Теперь это узенький пешеходный мостик, сделанный из одного широкого стального двутавра, положенного плашмя. Присмотревшись, можно ещё увидеть лежащие на дне реки брёвна с пазами, куда вставлялся шпунт — мощные доски, держащие воду. Сама мельница была чуть дальше, на взгорке, к ней по жёлобу подходила вода, падающая на огромное скрипливое колесо. Я без труда восстанавливаю в памяти всё: слегка дрожащую от напора воды плотину с осклизлым водосливом и жердевым настилом моста, и саму мельницу, чёрную, местами густо припудренную мукой, и грохот жерновов и решёт, и стоящих поодаль лошадок с телегами и мешками, и крик петухов в деревне, и самого себя, одиннадцатилетнего, примостившегося с удочкой над самым мельничным

омутом, — ловлю плотвицу или ельца на хлебный мякиш. Клюёт исправно, но толку с того не густо, тут рыбёшка мелкая. Зато её много.

Теперь, стоя на мостике, над несущейся внизу водой, на самой «корме времени», как некогда сказал мой знаменитый земляк, я наблюдаю совсем уж мелочь, толкующуюся у камушков, рыбки юрки и подвижны, как всякие дети. Нет, уже много лет я не хожу сюда рыбачить, я вообще не хожу рыбачить на речку в пределах километра или полутора от своего дома. Мне представляется, что, поймав тут рыбу, я нарушу какое-то табу, некий негласный договор между мной и — нет, не самой этой рыбой, она не может то понимать, — но неким ангелом-хранителем реки, тем, кого латиняне зовут *Genius loci*. Тот не велит охотиться рядом с домом, потому что, в его понятии, мы все составляем некое сообщество, им опекаемое, и мы не должны наносить друг другу вред осознанный, преднамеренный. Это прощается лишь детям, пьяницам и голодным существам, но я не могу себя отнести ни к одной из этих категорий. Хотя, я думаю, моя жена имеет иное на счёт этой второй позиции мнение. Может, действительно, ей виднее?

Мне теперь доставляет удовольствие наблюдение за жизнью обитателей реки, но не их поимка. Найти дерево на берегу, наклонное, пластающееся над водой, опереться на него всем телом и наблюдать, какая интересная жизнь идёт там, внизу. Что только не увидишь: вот чинно прогуливающиеся молодые окуньки, а вот крохотный, почти прозрачный щурёнок, отрабатывающий хищный «бросок с места», там пескарики, рыльцами своими деловито «сканирующие» песок, а вот личинка стрекозы, ещё в громоздком своём скафандре ползущая по стеблю

стрелолиста наверх, чтобы там сбросить свой кокон и, обсохнув, полететь. Или вдруг появляется из донного песка вьюн, напугав мирно пасущихся мальков, и, проплыв полметра, снова быстро в песок зарывающийся. Порой показываются речные обитатели посерьёзнее, — ондатра проплывёт пароходиком, кошащая голова выдры покажется из воды и снова исчезнет, а на том берегу будет долго и как-то бестолково бегать ласка, что-то ища, что-то пряча и перепрыгивая.

Как представишь себе, что весь их мир — вот эти сто, триста метров реки, что это их вселенная, где они родились и где умрут, и как подумаешь, что и сам такое же дитя реки, только масштаб у тебя побольше... нет, я не могу ловить рыбу рядом с домом. Правда, этот запрет странным образом не распространяется на другие водоёмы, но там, думаю, свои жители, и у них непременно есть свои табу и свои тотемы.

Нет, это никак не причуда сытого обывателя, но старая, добрая традиция — деревенский мужик не забивал собственной скотины, разве что по крайней нужде, для этого приглашался сосед, или некий разбитной мужичок, имеющийся в каждой деревне, который за кусок печёнки сделает всё чисто и быстро, вполне профессионально. В самом деле, глядеть в глаза умирающему от твоей руки животному, которого ты этой же рукой кормил — это как-то неправильно и нехорошо. Можно, конечно, сказать, что это рыб не касается, они существа дикие, но, строго говоря, какие они дикие, когда я каждое утро плаваю вместе с ними, и они освобождают мне место в реке, очевидно, признавая моё право на место в воде, где они живут. А то завели внуки моду прикармливать их кусочками булки, и они теперь не

то что разбегаются от человека, появившегося на мостках, но все именно к мосткам и устремляются. Приходится просить их разойтись, прежде чем нырнѣшь.

Внуки, конечно, не из чистого альтруизма кормят рыб белым хлебом, они на шарики этого хлеба их и ловят. И так как запретить этого я не волен, то хотя бы ставлю условие — домой приносить рыбок не меньше, чем ладонь взрослого человека, остальных отпускать, пусть растут. И никаких «для кота», нечего этому лежебоке рыбу скармливать, пусть мышей ловит.

Конечно, должны быть исключения. Когда младший внук, Матвейка, принѣс с сияющими глазами свою первую плотвичку, никто её не измерял, её торжественно зажарили, и разделили на всех, по крохотному кусочку. Внук сиял, — он теперь добытчик и кормилец семьи.

Солнце уже довольно поднялось над лесом, и мне, пожалуй, следует заняться тем, зачем пришѣл в лес. Но день так хорош, что хочется продлить это время чистого созерцания, не нарушать его... есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора... и этой порой хочется насладиться вполне. Ещё не грянули первые заморозки, и палый

лист ещё не лежит ковром, шурша и гремя под ногами. Уже несут с болот первую клюкву, но я пока собираю бруснику. Она дивно хороша теперь — спелая, тѣмная, набравшая сладости, так что не удержаться, чтобы вместо туюска не направить горсть-другую себе в рот. Змеи вылезают погрѣться на сухие взгорки, нужно быть осторожным, впрочем, они теперь не агрессивны. Их змеиные свадьбы начнутся позже, в районе Крестовоздвиженья, и вот тогда лучше им на глаза не попадаться. В деревне даже бытовал запрет в эту пору ходить в лес. Говорят, одно только зрелище этих сплетающихся в клубок тварей способно вызвать шок. Но до Крестовоздвиженья тоже ещё далеко.

Вот, я вышел, наконец, на свои заветные груздевые места, и, не торопясь, пройду весь срединный лес, памятуя лишь, что в три часа пополудни нужно постараться быть дома. Сегодня у меня день рождения, и нехорошо заставлять ждать даже самых ранних, самых нетерпеливых гостей. В запасе, у меня, однако, поболее трёх часов, так что можно не спешить и вполне насладиться всем — любимый лес, любимый сентябрь, ещё вполне тёплое, хотя уже не такое яркое солнце, да вот и первые груздочки, целый выводок...

Выра, сентябрь 2015 г.

БАБУШКИНА РАДОСТЬ

рассказ-миниатюра

Галина Осипова

Порой так просто ощутить себя счастливой. Достаточно понять, как доверяет тебе свои сокровенные чувства твой маленький внук. Вот случай, который подарил мне счастливые минуты. Это было перед самым Новым годом. Впрочем, для начала, надо дать маленькое пояснение. Дело в том, что после смерти дедушки Валеры Димочка стал называть меня Галиночкой. Как-то это произошло само собой. Димочка у нас светленький, ясноглазый, улыбчивый, и Валера называл его СВЕТЛЯЧКОМ. Я сказала Димочке, что теперь я буду называть его так. «А тебя как дедушка называл?» — спросил малыш. Я ответила: «Галинкой». «Теперь я буду тебя так называть и буду твоим Валерушкой, буду за тобой ухаживать и дарить цветы, подавать руку», — важно ответил внук. Можно представить, какие теплые слезы хлынули из моих глаз. Маленькое, родное существо, гениально одарѣнное милосердием и сочувствием, своим чутким сердцем помогало мне справиться с горем. Так и повелось с тех пор: он — Светлячок, а я — Галиночка (он сам слегка изменил имя, сделав ласкательную форму ещё более теплой). Ну вот,

теперь переходим к сути. В прошлую пятницу я пошла за внуком в детский сад. Он не знал, что за ним придет бабушка. Я вошла в раздевалку его группы, попросила воспитательницу позвать Диму. Раздался радостный топот человечка, рвущегося на свободу. Когда он увидел меня, этот топот превратился в прыжки до потолка и крики «ГАААЛИИИИНОЧЧЧКА!!!!!!» Он запрыгнул на лавочку, обхватил меня за шею, стал целовать. Мы не виделись больше двух недель и, конечно, соскучились. Вдруг мой внучек утих и доверительно зашептал мне в самое ухо: «Я хочу познакомить тебя с одной девочкой!» Убежал в группу, и я услышала, что он кричит: «Даша, Даша, иди скорей, я тебя познакомлю с Галиночкой». Выходит дивное создание, робко улыбается и делает мне лёгкий поклон. Я говорю, что мне очень приятно познакомиться, протягиваю к ней руки и спрашиваю: «А ты знаешь, кто я?». Она секунду колеблется и потом тихонько, полувопросительно отвечает: «Галиночка...». Вот такая теплая история, друзья мои. Ради таких минут стоит жить дальше!

ЛАЗЕРНЫЙ УРОВЕНЬ, ИЛИ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В МАЛЕНЬКОМ ПОСЕЛКЕ ГОРОДСКОГО ТИПА (пасхальная сказка)

Артур Аршакуни

Все события и персонажи вымышлены.

Автор не несет ответственности за возможные случайные совпадения.

Светлой памяти Эльдара Рязанова

1

Слышь, Витёк, — сказала Ангелина от своей грядки с георгинами, — новость слышал?

— Пап, — крикнул с крыльца Васёк, — дай тысячу на флешку!

Витёк, грузный медлительный мужик лет сорока пяти, кончил приколачивать пропиленовую ленту к обтянутой пленкой теплице.

— Не ругайся, — сказал он сыну. — Хотелка не выросла.

Спустился с лестницы.

Потом жене:

— Ну?

— Писатель помер.

Витёк зачем-то оглянулся на соседский дом за забором, подумал и пошёл, переступая кирзачами через вскопанные грядки. Подошёл к рукомойнику, подвешенному на боку крыльца, кланул металлическим соском. Ангелина спохватилась, метнулась к колодцу, вернулась с полным ведром.

— Иди ты, — Витёк подставил руки под ведро. — Я ж на Пасху с ним разговаривал.

— А вот, — закивала Ангелина, — третьего дня полез на ясень перед домом — скворечник приколачивать. Я еще посмеялась: кошки же, говорю, какая полоумная птица в этот скворечник сунется? А он мне...

— Да, дела, — Витёк утерся полотенцем, накинул поверх тельника куртку от пятнистого комбеа, сел на скамью, закурил.

Съездил, называется.

Намедни был Витёк в Выборге на свадьбе племянницы. Ангелина осталась по хозяйству, да особенно в Выборг этот не рвалась, потому как не сложилось у неё с Натахой, невесткой, Витькова брата женой, с самого начала. Отсутствовал всего-то три дня. Ну, пять с дорогой туда-обратно. А тут — бах! Один женился. Трах! Другой помер. А еще говорят, застой в жизни.

Писателем они называли соседа, Андрея Леопольдовича, в начале нулевых переселившегося сюда с женой Татьяной Аркадьевной из города. И прозвище это появилось сразу, в первый же день знакомства, и вот как. Витёк тогда с интересом наблюдал со своей любимой скамьи, как за забором на своем участке сосед, бывший рыжий, а теперь седой, как сухие осиновыя стружки, моложавый, лет неопределимых, но подвижный, как щегол, спиливает яблоньку, не выдержавшую чрезмерной дозы гербицидов. С гербицидами же произошла следующая ария. От дальних, через участок, цыган зашелся у соседа борщевик. Заметьте: ни к кому не пролез, кроме Андрея Леопольдо-

вича! И начал отвоёвывать себе метр за метром. И ничто его не брало — ни соль, на марганцовка, ни соляная кислота, как пишут на дачных форумах. Тогда Андрей Леопольдович купил какой-то супер- (если верить этикетке) гербицид и обработал весь угол своего участка. Результат: яблонька погибла, декоративный мох сгнил на корню, а борщевик облизнулся и попросил добавки. Но это ладно. Короче, пилил сосед натужно, часто останавливался и стоял, глотая воздух и разминая сведённые пальцы. Наконец, ножовку ожидаемо заклинило. Витёк не выдержал, пришёл на помощь. Ножовка, ясен пень, оказалась неразведённой и тупой. Он сходил за своим топором, в три сочных, с хаканьем, удара срубил яблоню и, придерживая её за ствол, аккуратно уложил на землю.

— Красиво, — сказал сосед. — Знание — это не только сила. Это еще и красота.

Он стоял, нелепо держа под мышкой ножовку, как гитару, и улыбался.

— А наблюдать красоту — это ещё и удовольствие, — добавил он, а потом запоздало продолжил: — Ножовка...

— Это не ножовка, — засмеялся Витёк.

И, сам удивляясь себе, пошёл объяснять городскому неумехе, как надлежит править ножовку. И начал с того, что умение разводить и править ножовку идет от нашей довоенной бедности, а правильный профессионал пилит ею, пока та пилит, а потом просто меняет на новую — экономия и сил, и времени. Потом сходил к себе в гараж, где была оборудована мастерская (у соседа, кроме молотка и клещей, ничего не было, не говоря о трёхгранном напильнике), всё показал на практике и вернулся на свою лавку. Сосед оказался учеником способным, а главное — усердным. Потому что провозился

полдня и вышел из дому, решительно сжимая в руке ножовку, как Шварцнеггер — ручной пулемёт. Он начал спиливать с лежащей яблони сучья и ветви и сразу же радостно закричал:

— Фантастика! Танька! Тра-та-танька!

Из дома вышла встревоженная жена. — Ты посмотри, какое чудо! Я бы в плотники пошёл, пусть меня научат!

— Чудо, — улыбнулась жена. — Ветер холодный, смотри, не простынь.

Он еще что-то ей сказал; она вернулась в дом, а он пошел к забору.

— Виктор Николаевич, оказывается, пилить так интересно!

Витёк тоже подошел к забору, посмотрел на ножовку. Разведена она была, конечно, на троечку, но теперь все-таки пилила, а не вынимала душу.

Тут подошла жена Андрея Леопольдовича, передала ему сверток в полиэтиленовом пакете и отдельно пассатижи с напильником и правилом, а тот протянул все Витьку.

— Каждое благое дело должно быть вознаграждено, — сказал он. — И спасибо за инструмент.

В пакете лежала книжка со смешным названием «Журавлиный танец». Автор — Андрей Леопольдович Пелле, то есть, сосед, мучающийся под яблоней с тупой ножовкой.

Вот тогда-то он и стал для Витька Писателем. Не Андреем, не Андреем Леопольдовичем, не Леопольдычем, не соседом, а Писателем, то есть существом несерьезным, неопасным, непонятным и абсолютно бесполезным.

Хотя, Писателем — это из-за книжки. А вообще он был в городе учителем истории, ушёл из-за плохого сердца на пенсию, потом переехал в поселок. Пенсии на жизнь не хватало. Делать что-то руками он решительно не умел. Но тут выяснилось, что в местной школе дефицит учителей; так что Андрей

Леопольдович вернулся к привычному своему занятию — вот как раз Васёк, Витькин лоботряс, у него учился последний год, пятый класс, — но недолго.

Потому как Писатель вот помер. И в стороне оставаться было нельзя, ибо смерть есть штука как раз понятная и весьма серьёзная и относиться к ней надо соответствующе. То есть, для начала нанести визит к соседям и выразить соболезнование. Витёк поковырялся ещё какое-то время с теплицей, а потом пошёл в дом, благо погода стала портиться, и начал накрапывать дождь. От скуки полистал подаренную книгу. Ангелина совершала разведывательные походы от окна («Сын приехал!») к калитке («Гроб привезли!») и обратно («Натаха с бабой Варей зашли, да что-то быстро вышли»).

«Мне хочется быть маленьким ребёнком», — читал Витёк наугад открытую страницу.

— Тебе хочется быть маленьким ребёнком? — спросил он Ангелину.

— Только не совсем маленьким, а чего?

— Ничего.

— Вить, только сильно не пей, ладно?

— «Милым быть и нарядным», — дальше Витёк читал вслух, — «Плакать, если мне больно, смеяться, когда мама рядом». Ладно тебе.

— Не ладно. Люди культурные... А тебя, как выпьешь, в Донбасс тянет. Так годится? — Ангелина набросила на голову, стоя у большого трельяжного зеркала, тёмный, под стать моменту, платок. Очень уж соблазнительно платок облек её голову, плечи и прочие приятные округлости.

— Годидзе, — Витёк незаметно, с книжкой в руках, подобрался ближе.

Потом сделал попытку вдумчивого изучения округлостей и получил по рукам.

— Рогов, мы к покойнику, ты вообще с головой дружишь, нет?

— Ты плачешь, если тебе больно? — не обиделся Витёк.

— Иногда. А ты смеешься, когда мама рядом? — парировала Ангелина.

— Когда твоя мама рядом, я просто ржу, — Витёк захлопнул книжку, отложил её в сторону и поднялся. — Давай, пошли.

У калитки писателя толклись ребяташки из соседних домов и любопытствующие кумушки. На месте их удерживал только статус писателя — чужака, который за этот короткий срок так и не стал в поселке своим.

За соседской калиткой их встретил старый пёс, по случаю события посаженный на цепь, с идиотской кличкой Эзоп. Витёк припоминал, что Писатель как-то объяснял что-то по поводу клички, что-то там насчёт артиста Калыгина, но из башки вылетело начисто. Помнил только, что по приезде псов, тогда ещё молодых и безбашенных, было два, и второго, по кличке Чарли, Витёк случайно задавил. Сдавал задом в переулок, а балбес Чарли нашёл щель под воротами и метнулся прямо под колеса. От этого у Витька к постоянному чувству непонимания всего, что делает Писатель, добавилось ещё и чувство вины.

Так что вот так.

А вот крышка гроба, наклонно приклонённая к поленнице дров, бросилась в глаза, потому как это было нарушением порядка и приличий. Известно: крышка гроба должна быть у самого входа, поставленная правильно и основательно, то есть вертикально, видная издали всем, своей основательностью смиряя каждого увидевшего её с неумолимостью и неизбежностью случившегося.

Непорядок продолжался входной дверью, ведущей с крыльца в сени, с

дырой понизу размером с кулак. Для кошки, что ли, вяло отметил Витёк. Звонка не было, пришлось стучать. Открыл сын, Игорь, анфас похожий на круглолицую мать, но профилем в горбоносого отца, прикрывший модной небритостью поспешно очерченный подбородок. Он поднял брови, молча кивнул и провёл в дом, мимо кухни, где за большим тяжелым столом (кухня была большая, хоть в пинг-понг играй) неподвижно сидели вдова Татьяна Аркадьевна с рыжеволосой золовкой, а по совместительству школьной подругой, по имени Ванда Леопольдовна (Витёк был знаком с ней, хотя и шапочно), и дальше, через коридор коленом в жилую часть, где тихо и неприметно ходила с тряпкой престарелая мать Татьяны Аркадьевны, Александра Павловна, смахивая несуществующую пыль. Дом был большой, начатый цыганами с размахом в период большого денежного бума, а потом проданный за долги, когда большой бум закончился для всех, а не только для цыган, со всеми своими недоделками и несуразностями. Сосед начал в доме переделку, да вот до конца так и не довёл. Такая, видать, была энергетика у этого дома.

Дошли до комнаты с гробом, и тут Витёк бы присвистнул, если б не покойник. Потому что комната была здоровой, квадратов под восемьдесят, на шесть окон (шестое, правда, занавешено, наверное, выходило в кладовку, сообразил Витёк), с потолками под три пятьдесят, видать, и построенная цыганами под свои культурно-развлекательные мероприятия. А главное — здесь было немыслимое количество растений в горшках, самых разных размеров и видов, совершенно Витьку не знакомых. И все они, кроме мелочёвки на окнах, были собраны вокруг стола с гробом, — высокие, под потолок, с глянцевыми, резными, перистыми или

пёстрыми листьями. От них светлая эта — даже в дождь — комната становилась похожа на осинник, где непременно должны быть черноголовики с крепкими и тугими до звона шляпками. Только вместо черноголовиков тут на столе с раздвинутой столешницей стоял гроб. И он вполне вписывался в это буйство зелени, как вписывается в чащу леса уставшее тянуться к небу дерево.

Постояли. Ангелина взяла под руку Витька. Он хотел шикнуть на неё, но сдержался, понял, что жена волнуется. А чего волноваться? Покойник как покойник. В добротном костюме, модной рубашке с красивым переливающимся чёрно-серым галстуком. Витёк ещё обратил внимание на лицо — оно было ослепительно белое, словно мраморное, и вдобавок как будто подсвеченное изнутри. Витёк пригляделся — вроде грима не было.

А ещё он обратил внимание на перевязанную левую кисть покойника. Но удивиться не успел, — сзади тихо кашлянула Александра Павловна. И Витёк, как по команде, развернул авианосец жены к выходу.

Их усадили в кухню. Витёк ждал обычной женской суматохи по накрыванию стола с ножами, вилками и тарелками, что всегда несло привкус какой-то театральщины: гости-то сюда явно не поесть пришли, и хозяевам в такую минуту всяко не до еды. Так зачем комедию ломать?

Однако сейчас всё было не так, как ожидал Витёк. На стол поставили тарелку с сыром, раздражили воткнутом в сыр ножом, рядом появилось несколько мелких плошек с ягодами.

— Мороженая, с прошлого лета, — пояснила Александра Павловна. — Малина, малина тибетская, смородина, коринка... Ах, Андрей Леопольдович так любил все необычное и ори-

гинальное.

— Ой, а это что? — подхватила тему Ванда Леопольдовна, рыжая, как борода пожарного, в модных иностранных очках.

— Малина тибетская, — пояснила Александра Павловна, — попробуй, Вандочка. Сам собирал...

Она промокнула нос платочком из рукава кофты. Вдова Татьяна Аркадьевна вышла в соседнюю комнату. Ванда Леопольдовна бросилась за ней — помогать. Они вернулись с бокалами — здоровыми, как купели для крещения младенцев. Витьку они почему-то напомнили по форме бездонные лифчики его Ангелины, но он отогнал непристойную мысль.

Последней на столе появилась бутылка домашнего вина.

— Малиновое, — сказала Татьяна Аркадьевна и открыла дверцу бара. — Есть еще сливовое, калиновое, облепиховое...

— Мам, да сядь ты, хватит, — сказал сын Игорь.

— Бар гурмана, — сказала Ванда Леопольдовна.

— И просто виноградное, — закончила Татьяна Аркадьевна. Голос её дрогнул. — Извините, — она вышла в ванную, откуда донёсся звук льющейся воды.

Вино по бокалам разлил Игорь.

— Мне чуть-чуть, — сказала Александра Павловна. — Возраст, извините, не тот.

Вернулась Татьяна Аркадьевна.

— Вы пейте, — сказала она, — а я не буду. Мне хмелеть нельзя.

— Танюш, — сказала Ванда Леопольдовна, — капельку можно: нервы поставить на место.

— Да сделаем мы всё нормально, ма, не волнуйся, — сказал Игорь.

Витьку не к месту вспомнилось, как совсем недавно, только снег сошёл и

травка полезла, глядел он через забор, как Андрей Леопольдович выгуливает старого Эзопа. Он его спустил на руках с крыльца, а потом они пошли степенно по двору, шаг в шаг, словно караул у Мавзолея, останавливаясь у каждой травинки. Потом Эзоп поднял лапу, но не рассчитал, и лапа по мере тягучего долгого процесса поднималась все выше, пока не перевалила за спину. Тут Эзоп грохнулся оземь. Это было смешно до колик, и Витёк просто угорал с них, как от бесплатного цирка, особенно когда Эзоп поднялся с очень сконфуженным видом, а Андрей Леопольдович поднял его на руки и внёс в дом.

Витёк отогнал воспоминание о цирке с конями. Прислушался к разговору женщин.

Говорили тихо, вполголоса, как будто боялись, что их подслушают. Говорили в основном Ангелина с Александрой Павловной. Все произошло внезапно — работал в саду, всё было нормально, а потом резко поплохело. «Сердце», — сказала Ангелина. «Хорошая смерть», — сказала Александра Павловна. «У него с детства было слабое сердце», — досадливо сказала Ванда Леопольдовна. «Хорошая смерть», — повторила Александра Павловна строго, как будто укоряя кого-то. Татьяна Аркадьевна же продолжала сидеть с прямой спиной, глядя куда-то в пространство.

— А чего... это... рука перевязана? — спросил Витёк, чтобы что-то сказать.

— Рыжик... Андрей Леопольдович руку поранил болгаркой, — пояснила Татьяна Аркадьевна. — В поликлинике ему рану обработали, а я каждый день повязки меняла. Два дня осталось перевязывать...

— Тань, а сейчас-то зачем повязка? — спросила Ванда Леопольдовна.

— Ну, как без повязки? — не поняла Татьяна Аркадьевна.

— Танечка, — как ребёнку объясни-

ла Ванда Леопольдовна, — ему-то сейчас зачем повязка?

— Так ведь рана у него, — опять не поняла Татьяна Аркадьевна. — Как же не перевязать?

Ванда Леопольдовна сдалась. Игорь стал наливать всем по бокалам вино из осенних домашних творений покойного — по очереди: сначала малиновое, легкое и кислое, потом калиновое, тягучее и с тонкой горчинкой, затем черносмородиновое, терпкое и сладкое. Витёк пил вино в первый (и последний) раз в мореходке, когда ходили в Атлантику, так что просто заглатывал, каждый раз напоминая себе, что надо глотками. Кремация завтра, автобус уже заказали. А после выдачи урны (это через две примерно недели) захоронение её, здесь же, на поселковом кладбище. «Где?» одновременно спросили Витёк с Ангелиной. Вопрос места упокоения стал в посёлке важен с тех пор как администрация выделила участок под «новое» кладбище на отшибе, за давно заброшенными торфоразработками. С тех пор быть похороненным на Старом кладбище, между деревней и автозаправкой, в сосновом бору, считалось престижным и повышающим статус родственников. Ну, лохи чилийские, естественно, понял Витёк, а вслух сказал:

— На Новом? Там же болотина, ходить невозможно, не то что лежать.

— Может, с Николаем поговоришь? — спросила у него Ангелина.

Николай, давний кореш Витька по совместному бизнесу, теперь был правой рукой директора конторы по ритуальным услугам населению «Последняя обитель» и фактическим начальником, поскольку директор постоянно отсутствовал по своим депутатским делам.

— Урне все равно, — неожиданно сказала Татьяна Аркадьевна.

— Нам с тобой туда ходить, — возра-

зила Александра Павловна.

— Посмотрим, — сказал Витёк Ангелине, но для остальных. — Колян сейчас в большие начальники взлетел, нам не чета. Ну... — он машинально потянулся к пустому бокалу. Ангелина толкнула его локтем в бок, и тут Татьяна Аркадьевна сказала:

— «Шамбалу» налейте.

— Да нет, спасибо, мы уже пойдём, — заотнекивалась Ангелина, но Игорь уже поставил на стол пузатую бутылку тёмного стекла.

— Попробуйте, попробуйте, Андрей Леопольдович очень гордился этим купажом, — сказала Александра Павловна. — Перепробовал разные сочетания. Игорь разлил вино по бокалам. Странно запахло ананасом.

— А почему «Шамбала»? — спросила Ангелина.

— Вы знаете, деточка, все случилось, когда Андрей Леопольдович, уже отчаявшись, совершенно случайно добавил в купаж сок тибетской малины. Она на вкус никакая, но внесла в напиток неповторимую гармонию, вы попробуйте, попробуйте.

— Что такое «Шамбала»? — спросил Витёк, взявшись за ножку бокала.

— Это долго объяснять, — сказала Ванда Леопольдовна. — Ну, это такая древняя полумифическая страна, предположительно в Тибете. Есть версия, что Христос там бывал.

— Андрей Леопольдович очень интересовался ею, — добавила Александра Павловна, — искал в старых книгах, в интернете... Сделал много записей. У него была своя версия Шамбалы.

— Ну, — Витёк одним глотком выпил.

Вино было фруктовым, это точно, но неопределённо фруктовым. Ровная прохладная струя, без кислоты или приторности, пахнущая ананасом. Витьку она напомнила равномерный

гул хорошо отлаженного движка. Тут Ангелина ещё раз толкнула его в бок, и он поднялся, только сейчас почувствовав, что вино-то — вода водой, а забористое. Только не так, как водка, — кувалдой по мозгам, а тихо, украдкой. Словно где-то внутри зажглась свеча.

— Извините, — Александра Павлова поднялась, — пойду прилягу.

Татьяна Аркадьевна ушла с ней. Игорь остался собирать со стола, провозжать вышла Ванда Леопольдовна.

— Виктор Николаевич, — уже у крыльца сказала она, — будет здорово, голубчик, если вы поможете им. Они же — маленькие дети, вся семья была такая, вместе с Андреем Леопольдовичем.

И она неожиданно заплакала, некрасиво сморщив нос и губы.

Витёк обещал.

Вечером, уже в постели, Витёк прикидывал завтрашние действия. Значит, на Старое кладбище. Нет, сначала в «Обитель». Колян с утра там, если сегодня похорон не было. Сколько же, гад, запросит? Червонцем не обойдётся. Хрен бы с ним, червонцем. Витёк вообще считал, что мужик должен зарабатывать, сколько может, а тратить, сколько хочет. Главное, чтобы хотелка по росту была. И тут Витёк сообразил.

Уровень.

Ну конечно!

Лазерный уровень.

Лет пять-шесть назад Витёк подрабатывал на участке у Аиста, то есть, главы администрации Аристова. И вот привез Аист в пароксизме гостеприимства домой японцев из города с переговоров по бизнесу в области. Витёк как раз занимался разметкой бассейна. Посмотрели товарищи японцы, как он ловит углы мотком бечевки, а уровень — пластиковой кишкой, наполненной водой, и подарили ему японский ла-

зерный уровень, — вещь, совершенно неоценимую для тех, кто понимает. Не сравнить с китайскими игрушками. Точность — пять нулей, стреляла в трех плоскостях и еще со звуковой индикацией, так что даже слепой в тумане сможет работать. Стоила она — Витёк специально узнавал — полторы тысячи не наших рублей, а за это время дешевле не стала. Очень она помогла Витьку, когда они с Коляном на пару шабашили у дачников. Колян тогда обзавидовался Витьку и все предлагал махнуть на свою потрёпанную «девятку», но Витёк устоял. Вот теперь Коляну крыть будет нечем.

Витёк потянулся и повернулся на бок, проваливаясь в сон, напоследок пробормотав:

— «Шамбала»?

2

Андрей Леопольдович стал идиотом в глазах Витька с тех пор, как Витёк увидел его по приезду выгуливающим Эзопа. Потому что трудно придумать что-нибудь более бессмысленное, чем выгуливание собаки. Ну, разве что кормление мух мёдом с ложечки. А собака — она собака и есть, зачем её выгуливать? Ты её кормишь, она гавкает на прохожих, — вот и весь хрен до копейки. У Витька тоже была собака, Мальва, маленькое, вертлявое, как червяк на крючке, существо с глазами навывкате и суетливыми дергаными движениями. Ангелина, насмотревшись в телевизор на светскую жизнь, из набора, включающего «Феррари», пентхаус, норковое манто и собаку на руках, благоразумно выбрала собаку. И Мальва, сучка этакая, привязалась не к ней, а к Витьку, чем причинила ей немало страданий. Мальва крутилась Витька под ногами, пряча хвост между задних лап, ложилась на спину, скулила. Витёк в ответ поднимал её в

воздух, пару раз подбрасывал на руках, а на третий просто швырял на землю с высоты своего роста. Ангелина и заступиться за собаку не могла, потому что извращенке Мальве это явно нравилось: она подползала к Витьку на брюхе и просила ещё. Может быть, таким образом Витёк выражал своё отношение к пентхаусам, норковым манто и... Нет, «Феррари» Витёк уважал. Машина зае..тая.

Чудачества Андрея Леопольдовича начинались от калитки, где гостей встречал раскидистый сумах, похожий на пальму в запое. Под ним угол участка занимала тибетская малина, ниже колена, но колючая, как сволочь. За сумахом в три шпалеры хватался за проволоки виноград, который каждую зиму исправно вымерзал, и Андрей Леопольдович выхаживал чудом выжившие отросточки, окапывал, ставил какие-то ветрозащитные щиты из пленки и ходил в лес за лапником для укрытия винограда на зиму. Витёк помнил, с каким восторгом Андрей Леопольдович угощал его «первым урожаем» — горстью недозрелых гроздей, кислящих, просто вырви глаз. Андрей Леопольдович считал, что если растение выживет в первый год-два, то потом уже вполне может расти в нашем климате. А что такое наш климат? Как его описать без матерного слова?

Через руки Андрея Леопольдовича прошли каштан съедобный — прямо аж из Франции, украинский явор, армянский чинар и какой-то совсем экзотический манчжурский орех, — с одинаковым, впрочем, для всех итогом. Но Андрей Леопольдович не унывал и на недоумение Витька только смеялся:

— Цели должны быть заоблачные, Витенька! Если они подножные, то это не цели, а календарный план работ слесаря-сантехника.

Татьяна Аркадьевна, впрочем, от-

стояла половину участка для грядок с травками, парничок для огурцов и теплицу для помидоров, в которой Андрей Леопольдович тут же отвоевал одну грядку под арбузы, которые выращивал вертикально, и совершенно безумный сорт сладкого фруктового томата, а тот, паразит, из рассады вымахивал выше человеческого роста, но упорно не хотел давать плоды.

Была у соседей разумная попытка посадить картошку — в итоге тоже печальная. Потому что на эту несчастную сотку картошки напал колорадский жук. Витёк с этого просто угорал: во всем поселке люди испокон сажали картоху — прадедами заведённым обычаем, и всё было в порядке, слова «колорадский жук» не знали вовсе, а тут — вот он, у соседа. Он помнил Андрея Леопольдовича и Татьяну Аркадьевну в капюшонах под третьи сутки льющим дождем, собирающих в банки с керосином оранжево-чёрных жучков. Даже Эзоп, тогда ещё не такой старый, ходил за ними по краю картофельного поля, не решаясь ступить в раскисшую от дождей землю, и гавкал особенно тоскливо, с подвывом.

У самого Витька участок был справный, без городских глупостей: в ряд по большой стороне — гараж под манипулятор, мастерская, дровяной сарай и банька; легковушка «Гранд-Витара» (Витёк ласково называл её «Витяра») стояла у крыльца, а «Камаз» за участком, у пожарного водоема; параллельно им — теплицы, грядки с георгинами и летняя кухня у самого дома; соток пять было отведено под картошку, а в глубине росли яблони да сливы. Ничего лишнего и всё есть, так ведь?

«Камаз» и импортный манипулятор появились у Витька, когда они с Колькой делили «Союз», ремонтную контору, которую они на пару создали в те времена, когда непонятно было всё

кругом — уже не советское, но ещё не капиталистическое. Контора была на базе опытно-механического завода. Завод и в прежние времена не жировал, а сейчас и вовсе тихо загибался, так что его можно было, как сомлевшего голавля, брать голыми руками. Витёк тогда только вышел по УДО и рвался стать приличным человеком, так что Колян пришёлся очень даже к месту. Колян с Витьком не нагтели, а обошлись одним цехом, в котором стояли токарные, фрезерные и прочие станки. А когда по стране пошли отстрелы банкиров и шибко зарвавшихся предпринимателей, Витёк с Коляном благо-разумно закончили с «Союзом» и вышли из бизнеса, поделив собственность пополам. Колян взял себе корпус цеха, который со временем втюхал другим предпринимателям, а станки распродал мелким частникам, пошедшим по их стопам. Дальше Колян занялся погребальным бизнесом, поднялся в результате до Николая Донатовича, влез в «Ауди», и завел дружбу с городским начальством.

Витёк же поступил скромно, взял себе транспорт и отныне полагаясь только на себя, и не прогадал. Пора жирования подошла к концу. Работы в посёлке не было никакой, не считая ткацкой фабрики, где платили копейки и была неуправляемая текучка. Оставались шабашки у дачников, но рынок стройки захватили три-четыре бригады, которые конкуренцию не признавали. Кто на колёсах, подались в бомбилы. Витёк решил, что гробить тачку за поездку в сто рублей себе дороже. Он стал одиноким волком. Богатенькие городские буратинки продолжали строиться, и недостатка в клиентах у него не было. Одному доски, другому гипрок, третьему кирпич, четвёртому — всё вместе да еще и с осиновой вагонкой под баню. Витёк брал по-бо-

жески — десять процентов от стоимости товара. Сам магазин строительных товаров с ним конкурировать не мог с его «Валдаем» и двадцатью процентами. Две-три ходки в день — и можно было пару дней дома возиться по хозяйству. Осенью, когда строительство дач замирало, выручали дрова: стоило подогнать к клубу «Камаз», наполненный дровами, как к нему подходил народ, а по цене выходило лучше, чем три дня развозки стройматериалов.

Но больше всего его выручал японский манипулятор, маленький, маневренный, снабжённый отвальным ножом спереди и ковшом сзади. Где пруд выкопать в углу, где передвинуть неиспользованный песок, а на его месте проложить траншею под канализацию: на обжитом годами участке, где занят каждый клочок земли и важно не повредить грядки или деревья, — мировая вещь. К Витьку шли, и он назначал цену не колеблясь, уверенно и спокойно. В сезон две-три такие шабашки позволяли купить всей семье обновку на следующий год.

Ну и строительные навыки выручали. Иногда выпадал заказ помельче, вроде гаража или дровяного сарая, иногда покрупнее — садовый щитовой домик, а бывало и солидная работа вроде кирпичного коттеджа «под ключ». Заработок там был серьёзный, хоть до следующего лета сиди дома и слушай Малахова под водочку.

Так что Витёк крепко стоял на ногах и свою репутацию серьёзного мужика поддерживал.

И надо же было такому случиться, что соседом его оказался косорукий городской интеллигент. В очках и шляпе. И Татьяна Аркадьевна евонная ему под стать, с её прямой спиной и взглядом вприщур, как смотрит какой-нибудь ботаник со скрипачкой на срущую корову. И сколько уже тут

живут, а всё равно городские. А кстати, сколько? Десять? Двенадцать? Погоди-погоди. Васёк пятый заканчивает, стало быть, ему двенадцать. А Андрей Леопольдович как раз и отвозил Ангелину на своей раздолбанной «шестёрке» в районный роддом как раз к началу схваток. Витёк халтурил в соседнем селе и запоздал, помчался в райцентр, а там уже всё — поздравляют с сыном. Выходит, все двенадцать с гаком. Тогда-то, после Васька, и стал присматриваться Витёк к соседу за забором. Где подскажет, а где и поможет. Первое время по переезду соседи тянулись в струнку. Работы нигде нет никакой. Если ты не сварщик или токарь, или по строительной части, то в посёлке одно занятие — считать дни до погоста. Соседи стали распродавать кое-что, видать, серьёзное, раз к ним оценщик из города приезжал: в первый раз люстру антикварную, потом — швейную машинку «Зингер», чуть ли не дореволюционную. Несколько книг из библиотеки Андрей Леопольдович сам отвозил в город букинистам. Так они тянули. Иногда соседу перепали кое-какие гонорары за рассказы и стихи, но разве на них проживешь? И вообще покажите мне писателя из приличных людей! Витёк одного знал по школе — Пушкина, да и тот плохо кончил. Ангелина втихаря от Витька (хотя он всё знал) относил соседям денежку, как бы в долг, — иначе те взять отказывались наотрез, или банку огурчиков-помидорчиков. Андрей Леопольдович пробовал работать таксистом, но быстро завязал, после того, как поздно вечером ему попала компания обкуранных малолеток, скопом набросившаяся на него, когда он подъехал к месту. Слава богу, место оказалось рядом с вокзалом, людное, так что малолетки разбежались, напоследок ударом ноги вырвав с мясом левое зеркало. Нако-

нец, Андрей Леопольдович пошёл учителем в местную школу, но это было потом. Директриса посетовала, что он не физик, потому что физик им нужен ещё больше, но, в конце концов, согласилась его принять. Так что призрак нищеты в лохмотьях и с ввалившимися щеками временно отступил от порога.

Тогда, в худые годы, Александра Павловна жила не с ними, а в городе, с внуком Игорем. Внук работал в каком-то институте то ли по социологии, то ли по гляциологии (Витёк в это особо не вникал) и постоянно пропадал в командировках. Когда у него, по догадкам Александры Павловны, появилась девушка и забрезжила надежда на правнука, она перебралась к дочери с зятем, оставив внуку квартиру в полное владение. Так что без неё, то есть, без её пенсии, Андрею Леопольдовичу с Татьяной было бы совсем несладко.

Тут Васёк незаметно вырос, пошёл в школу и у него пошли уже взрослые, серьезные предметы, — всякие там физика и биология с историей. Ну, то есть, безрукий неумеха-Писатель за забором (для Витька) превратился (для Васька) в любимого и даже обожаемого Андрея Леопольдовича. И Витёк с изумлением наблюдал, как Васёк повадился ходить в библиотеку, стал таскать домой какие-то толстенные справочники, что-то из них выписывать, рисовать непонятные графики, как будто занят расчётом ядерного реактора. При этом не из-под палки, а с горящими глазами. Куда подевался вчерашний лоботряс, оторви да брось, который пропадал дотемна на улице с компанией, а домой приходил только поесть и завалиться спать? Компьютер теперь ему стал нужен не для стрелялок, а для блуждания по «Википедии». На осторожные — не спугнуть бы! — расспросы отца Васёк сказал, что сейчас они проходят Древ-

ний мир, Рим там, понимаешь, Греция, и у них спор, кто круче — Александр Македонский или Ганнибал, а Андрей Леопольдович разделит класс на две команды — и они должны привести доказательства, а Васёк хочет всех убить примером битвы при Гавгамелах (Витёк как-то уважительно посмотрел на сына; сорок лет прожил, а слова такого не слышал).

— А Гавгамелы — это кто? — только и спросил он. — Ганнибал или Александр?

— Ясен пень, Александр, папа, — с невыразимым превосходством ответил сын.

Так что кривая сыновьей судьбы пошла в непредсказуемую для Витька сторону. И приложил к этому руку Андрей Леопольдович.

И вот он умер.

3

Зная привычки Коляна, Витёк поехал на старое кладбище не с ранья, а часам к одиннадцати. Ну, и правильно, Коляна там не было. Поехал тогда Витёк в погребальную контору «Последняя обитель». Знакомые погребальные девки, не отрываясь от маникюра, сообщили, что Николай Донатович с утра был, а потом — вот минут пять как — поехал в церковь. На вопрос Витька, нафига попу гармонь, в смысле Николай Донатович — попу, ему объяснили, что сегодня отпевание начальника охраны старшего Сорокина.

Это меняло дело.

Братья Сорокины были одними из лучших людей посёлка. Под стать трудам праведным было у них и жилище — точная копия Виндзорского дворца. Старший летал в город на вертолёт с личной охраной. В вертолёт его начальник охраны и представился. Врачи считали, что от инсульта, следствия повышенной нервной нагрузки. Вра-

чей никто всерьёз не принимал. Общее мнение было: конкуренты достали. Хотели старшего, но не вышло. Охранник и прикрыл.

Когда-то несколько лет назад, Витёк встречался по делу со старшим Сорокиным, помнится, при входе как раз начальник охраны дал команду пропустить его, не обыскивая до трусов. Человек, поверил на честное слово.

Вот его-то и должны были отпевать сегодня.

Однако, когда Витёк подъехал к церкви, там было тихо, как всегда. Он вошёл в тёплый полумрак, пахнувший почему-то мастикой. Нет, не мастикой, запоздало сообразил он, а прогорклым свиным жиром. На воске экономят, б...дины дети.

Коляна и здесь не было. Как всегда, торговали свечками и крестиками; как всегда, несколько старушек бесшумно возникали из тёмных углов и так же бесшумно исчезали.

А потом не по-церковному громко ухнула входная дверь, и в проеме возникли крепко сбитые парни в одинаковых чёрных костюмах и белых рубашках. Они заученно разделились на два потока, охватывая всё пространство.

— Прошу очистить помещение, — вежливо и негромко говорили они каждой старушке, но при отличной акустике вся церковь наполнилась командными звуками.

— А что случилось? — набралась духу одна из бабулек и получила ответ:

— Плановое мероприятие.

— Церковь не корпоратив, — раздалось сбоку, и Витёк с удивлением узнал в говорившей Александру Павловну в зелёной дутой мальчишеской курточке поверх длинного, до пят, платья.

— Прошу очистить помещение, — заученно повторил качок и двинулся на Александру Павловну. Та, не обращая на него внимания, повернулась к

озирающему все вокруг с мукой Христу, постояла молча, потом положила вместо свечки свежее выпеченную домашнюю сдобную ватрушку и пошла к выходу, прямо держа спину.

Одна из старушек выметнулась из стаи, подхватила ватрушку и кинула её вслед Александре Павловне.

— Денег нет, а туда же! — зло прошипела она. — Христа бы постыдилась.

Ватрушка ударилась о подол платья Александры Павловны и покатила по полу, а потом попала под остроносу лакированную туфлю другого качка.

Александра Павловна вышла, и тут же тяжёлая дверь распахнулась во всю ширь, и в помещение стали затаскивать громадный, словно атомная субмарина, сияющий лаком и позолотой гроб. Витёк понял, что пора уходить, тем более что качки всё чаще переглядывались и смотрели на него всё более недобро. Когда он вышел из церкви (а гроб занесли долго, как рояль в квартиру), то ошалел от обилия машин, заполнивших весь перекресток и прилегающие свободные площадки. И среди них он заметил чёрную «Ауди» и выбирающегося из неё Коляна. Витёк помахал рукой Коляну и прибавил шаг.

— Привет, Николай Донатович.

Странно, — вяло подумал мимоходом Витёк, — вместе, как говорится, на б...дки ходили, а вышел человек в начальники, а вот так и тянет называть его на «вы» и по имени-отчеству. Откуда в нас эта рабская привычка?

— А ты чо здесь?

— Дело есть.

— Дело? — сощурил глаза Колян и скомандовал: — Тогда давай в машину. Тока быстро, ща начнётся.

В машине Витёк изложил просьбу. Колян помолчал, пожевал губами, всматриваясь в лицо Витька, как дантист — в рот пациенту, а потом спросил:

— И чо?

«И что я с этого буду иметь?» — понял Витёк.

— Уровень, — сказал он. — Лазерный уровень. Помнишь?

— А то! Вещь, — покивал Колян, пожевал губами, потом добавил: — Но чо я с им делать буду? Его ж не распилишь на куски, а мне делиться надо.

А потом лицо дантиста окаменело, как в решающий момент санации зуба.

— В общем, так. Я у тебя уровень этот возьму как подарок от мужика, с которым корешились по молодости. А ты помимо уровня добавляешь ещё чирик, и все будет чики-чики.

Витёк посмотрел в окно машины. И решился.

— А ты со старушек тоже по чирику берёшь? — наконец спросил он.

— За место на болоте? — хохотнул Колян. — Нет, я чуткий и гуманный. Старушкам такса — две косых.

— Принято, — сказал Витёк.

Он вынул из кармана брюк пачку и отсчитал сумму разными купюрами.

Колян принял деньги и небрежно сунул их в отделение под подлокотником, не пересчитывая.

— Тогда так. Уровень отдашь Гоблину, он на Старом всегда ошивается, найдёшь. И передай ему от меня, чтобы показал тебе участок Валета. Все, пора, давай.

Они вышли из машины одновременно. Невдалеке открылась дверца «Порша» и из неё высунулась длинная нога в узкой отутюженной штанине и остроносой лакированной туфле.

Это приехал Аист, то есть, глава местной администрации Аристов.

Витёк несколько лет назад подшабашил у Аиста со своим манипулятором, выкапывая пруд на его участке, так что они были знакомы. Да и лазерный уровень с тех пор у Витька в хозяйстве появился. Как говорится, был да сплыл.

Аист протянул каждому руку и каждого спросил:

— Как дела?

Это была его фишка — быть ближе к народу.

Из церкви раздался хор. Отпевание началось.

Аист заторопился в церковь.

— Видал, какие люди? — подмигнул Колян. — А ты говоришь...

— Простой начальник охраны?

Колян презрительно сплюнул в сторону.

— Простой у тебя в голове, Витёк. У таких людей простого ничего не бывает... Ну, давай.

Он сунул влажную холодную ладонь в руку Витьку.

Витёк вернулся к своей «Гранд-Витяре», выбрался из скопления машин и поехал по шоссе в сторону кладбища. Однако, проезжая перекресток с Песчаной, заметил Александру Павловну, притормозил, сдал назад и свернул на Песчаную. Поравнявшись с ней, опустил стекло.

— Добрый день, — сказал он, — садитесь, подвезу.

— Ох, Витенька, спасибо, но я сама дойду, — Александра Павловна качнула головой. — Есть такой закон: в церковь и из церкви надо своими ногами, пока живой.

Витёк вспомнил скопище машин перед церковью.

— Александра Павловна, — неожиданно для самого себя вдруг сказал он, — а... ватрушка...

— Ах, Виктор, какая разница: ватрушка или кольцо с бриллиантом? — засмеялась Александра Павловна. — Да хоть сахару кусочек. Важен принцип, идея! Я бы сахар взяла, да в доме кускового давно нет, один песок.

— А вы в церковь давно ходите? А ведь Андрей Леопольдович...

— Бог нужен живым, — тоном стро-

гой учительницы сказала Александра Павловна. — Так что я не ради Андрея Леопольдовича и не ради себя, — я свое давно отжила, — ради дочки и внука... Поезжай, Витенька, я уже отдохнула, спасибо тебе.

Витёк попрощался и поехал по Песчаной, мимо сберкассы, мимо магазина, где раньше висела надпись «Живое пиво», а теперь — «Свежее мясо», поэтому Витёк с Ангелиной между собой называли его «Живое мясо» (кстати, мясо было неплохое), затем вывернул на шоссе и поехал на кладбище. Припарковался у двух маленьких вагончиков возле входа, в одном из которых обычно ошивалась кладбищенская братва, а во втором раскладывало бумаги начальство по приезду.

Искать Гоблина не пришлось, — на звуки подъехавшей машины из начальственного вагончика вышел мужичок в ватнике, трениках и желто-зелёных новеньких кроссовках, до того ярких, что они, должно быть, в темноте светились, с бритым шишковатым черепом и пухлыми, как оладьи, ушами бывшего боксера.

— Чо надо, ёптабля? — Гоблин обдал Витьку облаком перегара, но не свежего, напоминающего о вчерашнем кутеже, а какого-то непрошибаемо-вечного, въевшегося в тело и одежду, неистребимого, как запах сдохшей под полом мыши.

Витёк объяснил, что ему надо, отдал лазерный уровень.

— Валет, говоришь, ёптабля? — Гоблин усмехнулся. — Как будто Донатыч не знает, бляхах, что на место Валета, ёптабля, очередь.

Витёк благоразумно промолчал. Он понял, что ступил на чужую территорию, где свои правила игры.

И игра должна быть доиграна до конца.

Он нащупал в кармане брюк бумаж-

ку, надеясь, что она не очень маленькая и не слишком большая, и вытащил.

Тысяча.

— Начальнички, ёптабля! — продолжал Гоблин. — А говно, бляхах, при этом разгребать, ёпта, мне.

Он закашлялся.

При этом бумажка исчезла, Витёк даже не понял, как.

— Ладно, — сказал, откашлявшись, Гоблин. — Из уважения тока, сам понимаешь, бляхах. А у тебя кто — родственник или, ёптабля, по жениной линии?

— Сосед, — сказал Витёк, и тут же понял, что так не надо было говорить.

— Понятно, — протянул Гоблин. — Ну что, бляхах, пойдём, ёптабля, смотреть?

Участок был далеко от главной аллеи, в редком сосновом бору, с песочком под ногами и не боящимися людей птицами над головой. Участок был что надо: в головах — куст готовой к цветению калины, хорошо освещаемый солнцем с утра и до обеда.

Сам бы тут лежал.

— Слушай, — сказал Витёк, — а как так вышло, что вот был участок Валета, а стал не его? И вроде как не нужен даже?

— Дык, ептабля, жена его, бляхах, с города, — рассмеялся Гоблин. — Вот она его, бляхах, и забрала — поближе, ёптабля, прикопать!

Он снова закашлялся.

Витёк посмеялся с ним из вежливости и отчалил.

Приехав домой, он первым делом дождался появления в соседском саду Александры Павловны, выносящей в компостную яму пищевые отходы. Она, после его первых же слов, замотала головой и заспешила в дом — позвать внука, потому как дело слишком серьезное и не с её головой дело это решать. Витёк дождался медлительного

сына Андрея Леопольдовича, Игоря, и еще раз повторил про участок на Старом кладбище, просто физически почувствовал, что этим городским мало сказать, предложил проехать, снова выгнал машину, проехал с Игорем до Старого кладбища, показал участок, проход к нему через главную аллею. Был ещё один путь — через кучу мусора подалее от входа и канаву за ней, и вот он, участок, но Витёк не стал его афишировать. С Гоблином знакомить не стал — из тех же соображений, оберегая чуткую психику городского подвиды человека.

Дома, уже перед сном в постели, Витёк прокручивал события сегодняшнего дня, — всё ли бьётся, все ли ладно. Что-то свербило в нём, что — не все.

Но додумывать это не получалось. Так, со свербящей этой неопределённостью, он провалился в сон.

4

Недели три после этого Витёк был занят даже не по уши, а по самую маковку. Один из многих приезжающих на лето городских, отгрохавший на четырнадцати сотках домину в пол-частка, договорился с ним на строительство забора. Забор следовало сделать в лучших новорусских традициях — с кирпичными столбами, красными листами профнастила между ними и бетонным ленточным фундаментом, облицованным кирпичом, понизу. Там же олигаршонок порывался пустить кованую цепь в лошадиную ногу толщиной, но Витёк отговорил его от этого, просто свозив на другой край посёлка и показав издали дворец братьев Сорокиных с пушечками у входа, гвардейцами в мохнатых шапках и золотой маковкой личной церкви неподалеку. Олигаршонок увял и только попросил сделать забор повыше и

поосновательней. Витёк обещал и получил полную свободу действий: пока держалась майская холодрыга, хозяин приезжал только на выходные, да и то лишь для того, чтобы вручить Витьку очередную пачку из бумажника, особо не считая. Но Витёк все равно вёл учёт расходам скрупулёзно, прекрасно понимая, с какой братией имеет дело.

Помогали Витьку два узбека, из тех полста, кто приехали на заработки в посёлок. Обычно они заготавливали дрова на продажу. Сейчас они занимались черновой работой: рыли траншею, сколачивали опалубку, месили раствор, а Витёк только покрикивал да руками водил. Во время работы не раз вспоминался ему лазерный уровень — вот где ему место! — но он отгонял эти мысли. Но за этими мыслями цепочкой приходили следующие воспоминания: церковь, катящаяся ватрушка, лакированный ботинок с узким носком и высоким каблучком, вереница дорогих тачек вокруг церкви... Он рычал от бессилия, не в силах выразить своё отношение ко всему этому. Что-то, вбитое в печёнки с детства, дало трещину. Ощущение этого было, — не хватало слов, и он только гонял узбеков, как старшина-сверхсрочник — солдат-новобранцев по плацу.

Дни ощутимо прибавили, хотя было по-прежнему холодно и сыро. Ждали, когда сойдет лёд с Ладоги, а пока — вот такая хренотень. Витёк для ускорения работ брал с собой еду сухим пайком, прихватывал даже книжечку Андрея Леопольдовича, сам себе удивляясь, так что возвращался домой поздно, когда Васёк уже спал. От Ангелины в постели он и узнавал все новости: как гроб увозили в город на кремирование, как две недели спустя прошло захоронение урны. Захоронение урны — звучит-то как, а получилась одна стыдоба. Ну, были Татьяна Аркадьевна с Алек-

сандрой Павловной и Игорем — само собой. Была Ванда. Должна была приехать из Москвы Вероника, внебрачная дочь, да не сложилось, приедет попозже. (Погоди-погоди, бормотал ошарашенно Витёк. Внебрачная дочь? Андрей Леопольдович, каким Витёк его знал, стал почему-то ближе и понятнее). Пришли две-три соседских старушки. Десяток школьников из класса Андрея Леопольдовича явились сами. В том числе и Васёк. Школа прислала физрука, который гонял по окрестным могилам курящих балбесов. Всех привезли на кладбище в стареньком ПАЗике. По случаю накрапывающего дождя никаких речей не было. Покругу читали стихи из сборника Андрея Леопольдовича, каждый по своему выбору. Потом просто опустили урну в яму, дождались, пока яму забросают, и уехали.

А потом, удобно пристроившись у подмышки Витька, Ангелина сонным шёпотом сказала, что слышала от продавщицы Розки из «Живого мяса», её Арнольдик с нашим Васёком учится, а она из родсовета, что у Андрея Леопольдовича с завучем перед майскими состоялся разговор. Завуч сообщила, что будущей осенью в школе будет новый историк, молодой. И что Андрей Леопольдович с его устаревшими методиками школе не нужен. Погоди, Гелька, сонно бормотал Витёк. Какие методики, о чем ты? Ну, все эти Гав... гав... Язык сломаешь. В общем, Андрей Леопольдович вернулся с разговора домой с белым лицом и через пару дней помер. У Розки язык, как подол у цыганки, но может, и знает что. Все равно жалко старичка, да, Витёк?

Потом Ангелина уснула, а Витёк долго лежал, боясь пошевелиться, и смотрел в потолок.

Наконец работа по забору для богатенького буратинки кончилась. Буратинка рассчитался щедро и даже отвалил Витьку остатки стройматериалов. Витёк в позу вставать и гордо отказываться не стал, быстренько сообразив, куда может все это пристроить. И вот, выбрав день, когда с клотика не капало и в корму не задувало, он погрузил все свое хозяйство в «Камаз» и поехал рано утром на Старое кладбище. Народу, как он и рассчитывал, не было вовсе.

Работал он размеренно, но споро. В первый день вбил колышки по рулетке и натянул бечевку, обозначив границы будущей ограды. Затем один из безголосых кладбищенских землекопов за бутылку помог ему вкрутить в землю по краям участка попарно четыре винтовых трубы. Потом Витёк обрезал их болгаркой заподлицо с землёй и соединил вместе перемычками. А поперек могилы на полштыка ниже уровня земли проложил два швеллера и приварил их к перемычкам. Вернулся домой. Поужинал и лёг спать, отмахнувшись от расспросов Ангелины. На следующий день погрузил в «Камаз» своё творение, на которое угробил в гараже два вечера и полпачки электродов, привёз на кладбище, долго волок его до участка, устанавливал его вертикально в головах могильного холмика с кучей всевозможных ухищрений и, наконец, приварил к швеллерам. Забросал швеллера землей, подровнял холмик граблями. Потом собрал хозяйство, погрузил в машину и вернулся посмотреть, все ли ладно.

Это был крест, сваренный из обрезков труб и выкрашенный серебрянкой. В рост человека, с таким же размахом перекадины, он заполнил все пространство могильного участка, убрал куст калины за ним и перечеркнул стволы сосен в отдалении.

Витёк удовлетворенно вздохнул, подобрал с земли огарки электродов и поехал домой.

Теперь оставалось только ждать.

Кроме того, он понимал, что эта интеллигентская порода скорее обестежит себе руки, чем попросит стороннего человека о чем-нибудь. Поэтому, завидев за забором в саду Александру Павловну, он прямо предложил подвезти её с Татьяной на кладбище, когда это понадобится, чтобы не тратиться на такси. И вот в конце недели Александра Павловна позвонила по мобильному: дескать, если его не затруднит, то не будет ли он так любезен... Витёк поломал все эти интеллигентские конструкции одним вопросом «когда?» Получив ответ «завтра», он закончил разговор и пошёл ужинать, посмеиваясь своему остроумию: если у нормального человека, что бы он ни делал, получается автомат Калашникова, то у интеллигента — роман «Что делать?» и «Кто виноват?» Ну, с головой не дружат люди, что тут поделаешь.

День был погожий. Воробьи кричали и возились как дети, радуясь долгожданному теплу. Подвез он Татьяну с Александрой Павловной к главному входу, прошел вместе с ними центральной аллеей, а потом подотстал шагов на двадцать, чтобы не мешать. Когда же вышел к участку Андрея Леопольдовича, обе они, и Татьяна Аркадьевна, и Александра Павловна стояли как вкопанные, спиной к нему и лицом к кресту.

Потом Татьяна Аркадьевна повернулась к нему. Лицо её было в красных пятнах.

— Зачем? Зачем это? — спросила она его горячным шепотом. — Неужели ты не понимаешь, как это пошло?

Она пошла к выходу, пряча от него лицо и выставив вперед острое плечо. Александра Павловна следом. Витёк

остался стоять как пришибленный. Лицо его горело. Давненько ему так не доставалось.

Атеисты, блин.

Потом он опомнился и побежал за ними к выходу, но там уже никого не было. Наверное, остановили проезжающую легковушку. Стыдоба. Хоть домой не возвращайся.

Он поехал всё-таки домой, медленно, четко расписывая себе все действия. А их было немного; тем приятнее было рассматривать каждое, дробить на более мелкие и подгонять под общий план. И первым пунктом в этом плане стояла болгарка, а последним — тайм-аут.

Тормознув у дома, он отмахнулся от Ангелины, чтобы не встревала, заскочил в гараж, вытащил штыковую лопату, оранжевый удлинитель в катушке и болгарку, забросил в багажник и вернулся на кладбище. В вагончике никого не было, но Витёк не стал ждать, а на правах своего подсоединил удлинитель, размотал катушку до участка, подсоединил болгарку и врубился в основание креста.

Когда он уже заканчивал, сзади заперхали.

— Ты чего это, ёптабля?

Витёк с остервенением оторвал крест от трубы основания и протянул Гоблину.

— Ничего. Держи, твое.

И побежал отсоединять болгарку.

Гоблин принял крест, осмотрел по-хозяйски.

Классная вещь.

Он уже прикидывал, кому и по какой цене можно загнать этот крест. Троица скоро, с руками оторвут.

Витёк вернулся со смотанным удлинителем, взялся за лопату, осмотрел могилу. Холмик совсем небольшой, через месяц осядет. Хотя бы подровнять. Что делать-то, зараза?!

Гоблин сзади гадливо захихикал:

— Гляжу, блянах, тебя на старую курятину, ёптабля, потянуло. Мясо, ёптабля, жилистое, а бульончик, ёптаблянах наваристый!

Витёк выпрямился, медленно повернулся. Враз, как на морозе, онемели пальцы на левой руке, порезанные на зоне, когда Витёк остановил поперешего на него буром обкуреного бычару с ножом. Гоблин, увидев его лицо, шагнул назад.

— Ну, ты, гнида подколенная, — сказал Витёк.

Он перехватил лопату поудобнее — чтобы не бить, а чтобы убивать.

Гоблин прикрылся крестом, но в следующую секунду не выдержал и побежал, шлёпая жёлто-зелёными кроссовками по лужам и цепляя рогами креста за ветки сосен.

Витёк постоял немного, пока не погасло белое пламя в голове, потом подобрал инструменты и пошёл к машине.

Из запланированного оставался тайм-аут.

6

Выйдя, с удивлением обнаружил, что день иссяк. Белые ночи — так что была та самая пора, когда день все тянется, и успеваешь проверить массу дел, словно внутри крутится какой-то моторчик. И лишь когда в окнах загораются запоздавшие огни, спохватываешься: а ведь день-то прошёл...

Закинув покупки в багажник, Витёк проехал по Центральной, бывшей Ленина, свернул на Белогвардейскую, которая так звалась в народе, а официально оставалась Жертв Революции, и по набережной доехал до родных колдобин. Сбавил ход и сразу услышал собачий лай. И точно: в соседнем переулке метался клубок лап, морд и хвостов.

Постой-ка...

Черт! Жопа с ручкой!

Эзоп.

Витёк притормозил, сдал назад и вышел.

Да, это был Эзоп. Он стоял, прижавшись хвостом к забору, и только скалил зубы влево и вправо, взятый в кольцо местными собаками, — смелыми в стае, упоёнными возможностью расправиться с чужаком.

Витёк отогнал собак. Эзоп продолжал скалиться. Со спины у него был выдран приличный кусок; спина была в крови. Витёк подошел ближе.

— Эзоп! Эзоп, это я, не узнаешь?

Эзоп перестал скалиться, но с места не сдвинулся. Витёк погладил его и почувствовал, что он весь дрожит. И смотрит по-прежнему куда-то вдаль. Витёк пригладился и заметил мутные плёнки в собачьих глазах. Старый, слепой пёс в трёх улицах от дома. Куда его понесло?

Витёк слышал истории про собак, отыскивающих хозяев за сотни километров. И вообще, животные чуют свою смерть и стараются уйти. А тут, видать, всё сошлось. Но отсюда ему деться некуда, собаки живым не выпустят. Обратно домой?

— Пошли домой, Эзоп?

Эзоп, не переставая дрожать, сел. Слепые глаза его по-прежнему были устремлены куда-то вдаль.

И тут Витёк принял решение. Конечно, долгожданный тайм-аут откладывался. А может, именно из-за этого. Или сейчас, рядом со старой слепой собакой зазвучала внутри него тайная струна, до этого никогда не звучавшая.

— Пойдём, Эзоп, пойдём.

Он взялся за ошейник и произнес магические слова:

— К хозяину. Хозяин. Где хозяин?

Эзоп шевельнул ушами, дал поднять себя и довести до машины. Витёк посадил его на сиденье рядом с собой, сел за руль и тихо, чтобы не качало на

колдобинах, поехал обратно к Старому кладбищу. Уже здорово стемнело, но фонарей с наступлением белых ночей не зажигали. В этой белёсой хмари Витёк выгрузил Эзопу у дырки в заборе возле кучи мусора и повёл за ошейник. Эзоп упёрся и Витёк понял, почему. Напряжение отпустило пса, и он сделал лужу под собой, не задирая лапы, не по-кобелиному, а по-стариковски, и по нему было видно, как ему стыдно и как он успокаивается.

— Собака, — сказал неопределенно Витёк, чтобы что-то сказать.

В нем продолжала дрожать басовая струна.

Он подхватил Эзопу на руки и понёс к участку Андрея Леопольдовича. Эзоп был легкий, как будто сделанный из реечек, обклеенных паклей. Дойдя до могильного холмика, поставил пса в ногах и отошёл в сторону.

Эзоп стоял, продолжая смотреть прямо перед собой незрячими глазами.

— Ну-ка, стой! — Витёк кинулся к машине. Точно-точно, он ведь в последнее время возил её с собой на стройку.

Он вернулся с книгой стихов Андрея Леопольдовича, той самой, что была подарена Витьку. Андрей Леопольдович держал её дома, брал в руки, — хоть что-то должно остаться!

— Вот, — Витёк положил книгу на холмик перед старым псом, — Эзоп, хозяин, — и повторил с нажимом: — Хозяин!

Эзоп положил морду на книжку. Постоял.

И вдруг вздохнул как-то протяжно, совсем по-человечески.

Витёк повернулся и быстро побежал к машине.

Все. Тайм-аут.

Тайм-аут начался с того, что с утра Витёк заехал в «Дикси» — затовариваться он любил качественным продуктом, а не какой-нибудь гидролизной гадостью. Закуски особо не требовалось — заготовки у Ангелины были изумительные, и с прошлого сезона ещё оставались и грибочки, и огурчики хрустящие, и помидорки в собственном соку. Взял четыре «Царской», по мелочи сервелату и нарезанной семги. И тут — японская деревня! — у кассы столкнулся тележками с Татьяной Аркадьевной и Вандой Леопольдовной. Татьяна Аркадьевна, довольна сухо и почему-то покраснев, сказала, что готовить руки не поднимаются и вот, Ванда Леопольдовна подвезла взять что-нибудь пожевать всухомятку.

— Да мне не трудно, — сказала Ванда Леопольдовна, — тем более я езжу редко, даже правила забывать стала. Взяла отпуск за свой счёт и приехала.

Витёк кивал и поддакивал.

— Эзоп ушел из дома, — сказала Татьяна Аркадьевна. — Ищем второй день.

Витёк снова кивнул.

— Ничего, — встала Ванда Леопольдовна, — есть захочет, прибежит.

— Он же старенький, ослепший, — вздохнула Татьяна Аркадьевна.

Витёк помолчал, потом решил.

— Татьяна, э-э, Аркадьевна, — вспомнил он, — собаки и вообще звери перед смертью уходят из дома.

— Где-то читала, что за умершими хозяевами до кладбища добираются, — вздохнула Ванда Леопольдовна.

Витёк похолодел.

Татьяна Аркадьевна промолчала.

— Вы лучше, — заторопился Витёк, — вспоминайте его молодым и красивым, чем таким, как теперь.

— Что ты хочешь этим сказать? —

Ванда Леопольдовна сняла очки.

Витёк пожал плечами. Татьяна Аркадьевна ткнула плечом в плечо Ванды Леопольдовны.

— Ты не представляешь, какое это счастье — дать ему что-нибудь вкусненькое с руки. Не брюхо набить, а именно вкусненькое: сыру кусочек, сервелатику... И смотреть, как он степенно подходит и деликатно, одними губами, чтобы не цапнуть случайно, одними губами берет кусочек с ладони.

— А губы теплые и бархатные... — подхватила Ванда Леопольдовна.

— Плохо ему, — вдруг вырвалось у Татьяны. — Он же голодный! И погода какая...

Она всхлипнула и полезла за платочком.

— Прости, Виктор, думала, все слезы выпала, но нет, — остались еще.

Витёк снова промолчал, тем более подошла их очередь в кассу. Ванда расплатилась карточкой, Витёк — наличными.

Они пошли к «Фольксвагену-Поло» Ванды Леопольдовны. Снова начал накрапывать дождь.

— Убрал я крест, — сказал вдруг Виктор.

— Спасибо, — просто ответила Татьяна Аркадьевна и села на пассажирское место.

— Разве можно, — добавила она, придержав дверцу, — свободную человеческую душу, которой принадлежит весь космос, вся Вселенная, пристегнуть к какой-то нации? Стране? Религии? А на меня не сердись, Виктор, не сдержалась.

Дверца хлопнула. Ванда Леопольдовна завела машину, включила щётки и медленно отъехала.

Виктор забрался в свою машину, подумал ещё немного и, взвизгнув по крышками, рванул.

Но поехал не домой.

А снова на Старое кладбище.

Подъехал опять к дыре в заборе за кучей мусора, вышел, прислушался. И быстро пошел к могильному участку, уклоняясь от сосновых веток, норовящих обдать холодным душем.

Он подошел к Эзопу, надрывая упаковку сервелата, наклонился.

— Эзоп!

Эзоп лежал в той же позе, вытянув лапы и положив морду на книгу. Он давно закоченел, а шерсть его набухла от воды, делая его не таким тощим, как при жизни.

Витёк постоял, подумал. Еле слышно шелестел дождь по хвое сосен. Потом по вершинам прошел ветер, — как будто кто-то на гигантских ходулях переступил Витька и пошел дальше.

Это вывело Витьку из задумчивости. Дальше он действовал уже без колебаний.

Сбегал к машине за саперной лопатой, вернулся, оглянулся, вздохнул, поднял голову.

— Разберись сперва со своими бандюками, потом мы собаку обсудим, понял? — сказал он.

Место он выбрал правильно. Вспомнил, как когда-то выходили на прогулку Андрей Леопольдович с Эзопом — пёс чуть впереди и справа от хозяина, так что правый угол участка, если смотреть от куста калины, у предполагаемой ограды, — самое то.

Не схваченная корнями сорняков земля поддавалась лопате охотно. Через полчаса все было кончено. Он уложил Эзопу в яме в той же позе, положил под морду книжку, а рядом — надорванную упаковку сервелата. Утоптал землю, а лишнее перекинул к Андрею Леопольдовичу, чтобы холмика над Эзопом не было.

Хорошо. Людей никого и, главное, Гоблина этого.

Уже заводя машину, он улыбнулся,

представив недоумение археологов какого-нибудь двадцать пятого века, обнаруживших здесь урну с человеческим прахом, скелет собаки и истлевшую книгу — перед мордой собаки.

Все.

Блин, с таким соседом и пить разучишься по-человечески.

Вперёд, вперёд, тайм-аут ждёт.

8

В этот раз он решил устроить тайм-аут в гараже — плевать на дождь, в гараже есть тепловая пушка, а душа в привычной до хождения ночью без света домашней обстановке истосковалась по новым меркам стен и потолка над головой. Кстати, пока он ехал, дождь поутих, а ветер начал разгонять облака, так что все пучком.

Расставил по верстаку тарелочки с огурчиками и помидорками в собственном соку, — гордостью Ангелины, крупно нарезанный хлеб тоже домашней выпечки, отваренный в мундире картофель и домашнюю же буженину, оставшуюся от прошлогодних мясных заготовок.

Отдельно в сторонке поставил бутылки с «Царской».

Водрузил на верстак стакан — гранёный, чудом сохранившийся с тех ещё, советских времён, сейчас таких давно не отливают, намеренный, проверенный и намоленный: на палец ниже верхнего края, чтоб увереннее брать, не опасаясь пролить, и на троих как в аптеке разливается пол-литровая.

Первая зажгла в желудке лампочку. Вторая сняла давно давящее на загривок напряжение, как будто с шеи сняли мешок с цементом. От третьей снизу вверх по животу и груди пошло тепло.

Андрей Леопольдович.

Жил человек, жил, являя собой живой пример того, каким не должен быть мужик и хозяин, вызывая, когда

иронию и насмешки, а когда — досаду и раздражение. А вот помер — и оказалось, что жизнь и внутренний мир Витька разлетелись вдребезги.

Хотя, вот — Васёк. Не нарадоваться на паренька, пусть там сейчас и ругает его Ангелина (выйти бы и разобраться, да неохота). Перестал шлаться по вечерам, от компьютера за уши не оттащишь. И ведь не фильмы со стрелялками, не контакты с одноклассниками, — Витёк сам видел: сидит в Википедии и в каких-то учёных исторических сайтах. Книг дома появилось — Витёк за всю жизнь столько не прочитал. Витёк как-то открыл одну — историю Мидии. Оказалось, не кулинарная, а историческая. Витёк боялся дышать в сторону Васька, чтобы не сглазить, чтобы хотя бы сыну удалось вырваться из порочного круга, по которому идут все поколения жителей посёлка: для парней — восьмилетка, армия, работа у станка и бутылка в свободное время, или в братки, а для девок — танцы в клубе, замужество, дети, стирка, готовка, мужние пьянки и раннее увядание в стае неразличимых внешне кумушек.

Витёк налил ещё, твердой рукой, не пролив и не звякнув о край стакана.

Выбьется в люди. Должен. Глаза засветились в последнее время.

Значит, вложил что-то в паренька Андрей Леопольдович.

Что там Ангелина все не успокоится?

Как-то случился у них с Андреем Леопольдовичем прошлой зимой разговор — как раз о правде и истине. Они вдвоём убрали снег с общего переулочка, ведущего на главную улицу. Витька эта тема давно занимала. Ну, что значит занимала? Он, конечно, не убивался из-за неё и голову по ночам не ломал. Но ответа для себя не находил. Вот, к примеру, в последнее время говорят о прежней России, царской, то есть. Красиво, черт возьми! «Корнет

Оболенский, надеть ордена!», лебеди в пруду барской усадьбы и всё такое. Это — одна правда. И рядом не умолкают про советскую правду: энтузиазм, флаг над Рейхстагом, Гагарин в космосе... Тоже ведь красиво, тоже ведь правда!

Тоже, согласился Андрей Леопольдович.

А почему «тоже»? Это ведь получается две правды, но так ведь не должно быть.

Их больше, улыбнулся Андрей Леопольдович. Их столько, сколько людей. «Правда всегда одна!», — напомнил Витёк слова из популярной песни.

Да, подхватил Андрей Леопольдович, «это сказал фараон», то есть лицо, совсем не разбирающееся в теме. Хотя, с другой стороны, то, что он сказал, — тоже правда, его личная, фараонова.

А какая правда тогда — правдивее?

Истина.

Как же до неё добраться?

Сначала реши для себя: нужна она тебе или нет. Потому что поиск правды, как сказали бы физики, — энергозатратный процесс. За неё и пострадать придётся, и пожертвовать — здоровьем своим или достатком... А может, и всей жизнью. Готов ты к этому? Смысл, суть каждой религии — в этом: идти к истине. До конца. Но не слепо и заученно, а сознательно, с искрой в сердце. Тогда и откроется истина или, выражаясь тёмным поповским языком, обратившиеся умрут для оставшихся и воскреснут для новой жизни. Следовать нравственным законам — и не важно, двумя перстами ты крестишься, сидишь головой к востоку или что ты делал в субботний день. Это все придумали потом, раскололи простое и чистое учение на тысячи осколков, добавили массу своей ненужной шелухи, и учение умерло, став множеством омертвелых догм. А догмы — это ведь поповская правда, рассмеялся Андрей

Леопольдович.

Витёк рассмеялся в ответ. Попам тоже кушать надо.

А нам с тобой надо заканчивать перекур.

Такой был разговор, и вспоминался легко.

Он налил ещё, потом взял с самодельной фанерной полки над головой, где хранились инструкции ко всевозможным инструментам, «Журавлиный танец» Андрея Леопольдовича, — второй, тот, что Васёк выпросил у Татьяны Аркадьевны для себя, и открыл на том же, много раз читанном месте:

От шпалерных болот изможденного ленного града ...

Гниlostная ухмылка Гоблина.

Бегающие глаза Коляна.

Не нравилось ему это.

Сама по себе ухмылка и сами по себе бегающие глаза — хрен бы с ними, а вот вместе это Витьку активно не нравилось. А это было плохо и само по себе, и потому, что нарушало цельность и ладность тайм-аута Витька.

До этого он подходил к Ваську по поводу шпалер и ленного града. Молодец, сукин сын, в две секунды слезал в Википедию и выдал ему развернутый ответ. Сейчас надо удержать в голове этот развернутый ответ с самой строчкой. А тут Гоблин.

Витёк матюгнулся и налил еще раз.

Ангелина несколько раз подходила на цыпочках к двери гаража, прислушивалась. Звякало стекло, елозил табурет по дощатому полу, пару раз Витёк выразился. Это была не беда, — матерится, значит, все в порядке, потому что выпускает пар. А вот когда он стал говорить разные непонятные слова, — это сильно встревожило Ангелину. Шпалерные болота они еще с Васьком обсуждали, а вот дальше:

— Валун, — и снова: — валун, — а

потом, без раскочки: — Сраму не имут, говоришь? Врешь, сволочь! Осрамить память — не срам? — и еще: — Научись, салага, простой морской вязать! — а дальше совсем непонятное: то ли «кто», то ли «Като», Ангелине показалось, что речь о какой-то женщине, так что захолонуло внутри, и она вернулась в дом, чтобы не зареветь в голос у двери гаража.

Витёк налил было ещё, но рука с бутылкой замерла над краем стакана.

Он вспомнил — давно, лет десять назад — поход на озеро Вялое за грибами. Озеро находилось в самом центре болота, и к нему надо было идти километров пять по лесу, а потом — ещё десять по болоту. Значит, по болоту, по едва различимой в толстенном слое мха тропе. По тропе, значит... Вспомнил эту мшаную равнину с аккуратно уложенными, словно причёсанными гигантской щёткой для волос, один к одному, стебельками мха, вспомнил то ощущение опасности, возникающее от мерно дышащей под ногами бездны, вспомнил тягучие волны зелёного ковра, неохотно расходящиеся после каждого шага, и одновременно в голове вспыхнул ленный град, легко и просто перелившийся в Ленинград, и он встал от верстака, направляясь в дом, сдерживая в себе ликование победы, сдерживая, потому что следом шла другая строка

В не-пойми-что-теперь: Алтайбург? Славабад? Китежстан?

и это было не страшно, а радостно, ведь он всенепременно расколлет Алтайбург, расшифрует Славабад и расколдует Китежстан, и только одно горько — сознавать, что жизнь в основном прошла, а целый мир в ней, мир невесомых небесных стихов, остался для него непознанным, а он даже не дверь в него приоткрыл, а всего лишь заглянул в замочную скважину.

Он вошёл в дом, как обычно, в меру шумно, но, проходя мимо комнаты Васька, погрозил кому-то кулаком и дурашливо приложил палец к губам. Вошёл в спальню. Ангелина, увидев его улыбающееся лицо, помертвела и стиснула ворот халата у горла:

— Витёк... Витюнечка... Донбасс?!

— ..ебас, сцуко, — ласково ответил Витёк и упал лицом в подушки.

9

Витёк проснулся от яркого солнца, заливающего жарким янтарём комнату, дом и весь окружающий мир. Троица, сообразил он, завтра же Троица, день, по которому он с детства привык отмечать начало настоящего лета. У него с Андреем Леопольдовичем был разговор на эту тему, опять вспомнилось само собой. О том, что все три самых значительных праздника в христианстве означают движение от зла к благу. Особенно для холодной северной России: Рождество как символ победы одного гордого Духа над ужасом и скрежетом зубовным зимнего мрака и мороза; Пасха как единение Духа и Души, в то время как Плоть все ещё стоит босыми ногами в талой апрельской воде и корчится от холода; и Троица как единение Духа, Души и Плоти в райских теплых блаженных кущах.

Грамотный стал, усмехнулся Витёк. Тебе бы проповеди читать бабкам в церкви.

Он сел на кровати. Сколько же я проспал? А сколько же тогда выпил?

В комнату тут же вплыла Ангелина, словно дожидалась за дверью, со стаканом крепкого чая с лимоном. Знала давно, что после тайм-аута Витёк никогда не похмеляется.

— Ну, ты даёшь, Коровина, — растроганно сказал Витёк.

— То-то же, Рогов, цени, — пари-

ровала Ангелина. — Найди другую такую дурочку.

У них была такая игра, ещё с первых лет совместной жизни, — при хорошем настроении называть друг друга по фамилии. И в этой игре шутка Витька «бодливая Коровина все-таки Рогову дала» была самой невинной.

— Ну, как оно там, — неопределённо спросил Витёк.

— Да я Васька пораньше уложила, а ты сидел у себя в гараже тихо, я справлялась...

— Да уж понятно.

— Ничего тебе не понятно, Рогов!

— Сколько же я проспал?

— Вечером вчера как пришел, так до утра.

— А выпил сколько?

— Одна пустая, вторая початая, а две нетронуты.

Это полторы получается, — подумал Витёк. Ерунда получается, а не тайм-аут.

— Песни пел? Матерился?

— Не, матерился в меру. Песни не пел. А вот говорил что-то громко и непонятно. С выражением... Как пропагандист в телевизоре.

— И чо?

— Сраму не имут, спросил кого-то. И сам ответил непонятно. Пару раз сказал: валун, валун. (Витёк похолодел при этом.) Потом морские узлы учил кого-то вязать. И сволочь какую-то помянул.

И тут Витёк вспомнил всё до последней секунды. Вспомнил и шпалерные болота, и катящуюся по церковному полу ватрушку, и мучнистое лицо Коляна, и глумливую ухмылку Гоблина.

И вздох Эзопа, учуявшего-таки в книге запах хозяина.

— Тих-тих, Коровина, тих-тих, — бормотал он, шаря вокруг в поисках рубахи. Потом вскочил и стал лихорадочно одеваться. Схватил мобильник,

нашел нужный телефон, после чего скорчил жене зверскую рожу. Она, обиженно фыркнув, удалилась.

Появилась, когда Витёк заканчивал разговор, несколько раз повторив «час ноль-ноль».

— К этой сучке не пуцу! Ни в час, ни когда!

— К какой сучке, Гелька?

— К Като.

— Не понял, — на самом деле Витёк понял, но прикинулся шлангом, чтобы не рассмеяться и совсем не обидеть жену.

— Куда ты собрался? Её ведь Като зовут? Знаю я — Катька по паспорту. Б...дь фасонистая... Кастрирую, Рогов! Что за свидание в час?

Он принял загадочный вид.

— Это секрет. Военная тайна.

— Витёк... Ну что ты все время насмеяешься надо мной?

— Придет время — узнаешь.

— Скажи, это не Донбасс и не краля на стороне?

— Говна пирога.

— А ты не обманываешь?

Тут Витёк снова скорчил зверскую рожу и протянул своим самым противным тоном:

— Коровина!

— От Рогова слышу, — отвечала Ангелина, на время утешенная.

Закончив разговор, Витёк пошёл в комнату сына и нашел его, естественно за компьютером.

Он присел рядом.

— Ну, сын, рассказывай.

— У нас уже каникулы.

— Здорово. Без троек, как и обещал?

— Без.

— Ну, тогда с меня скутер, как и обещал. Да, на флешку свою возьми у матери.

— Пап, за флешку спасибо. Но... не надо мне скутера.

— Чего? Ты не хочешь скутера? Им-

портного, с литыми дисками?

— Если честно, хочу, — Васёк потупился, но продолжил. — Но еще больше я хочу Моммзена.

— Кого-кого?

— Моммзена. Это такой знаменитый историк. Он написал «Историю Рима».

— Мил человек, зачем тебе история Рима? Это ж когда было?

— Понимаешь, пап, — Васёк аж порозовел от волнения, — Рим для нас является образцом, потому что он... ну... последовательно прошел все стадии — от... ну... архаического общества к царству, затем к республике, затем... затем забыл, а закончил империей. И по отдельным кускам его историю можно сравнивать со всеми последующими государствами.

— О как! — изумился Витёк. — И чо — и нас тоже?

— Пап, ну что ты как маленький! Конечно, можно!

В дверь заглянула встревоженная Ангелина. Витёк поднялся, взъерошил сыну волосы на голове.

— Будет тебе Моммзен.

— И еще Тойнби, пап, ага? — крикнул Васёк отцу вслед.

И тут Витёк как будто споткнулся обо что-то невидимое.

Он вернулся обратно, сел.

— Это от Андрея Леопольдовича? Моммзены эти и Тойнби?

Васёк поник головой и тихо ответил:

— Да.

— Жалко, что он помер, верно?

Снова долгое молчание и:

— Да.

— Ты можешь сделать одно дело для Андрея Леопольдовича, очень доброе и хорошее дело, — сказал Витёк.

Поймал внимательный взгляд сына и продолжил:

— Один ты не справишься. Есть у тебя надёжные друзья, такие, что в огонь и в воду?

— Серега Волобуев... Петька Назаров... Пап, — Васёк замылся. — А девчонок можно?

Витёк аж вспотел. А сын с жаром продолжил:

— Алена Горбунова подойдет, — она круче любого мальчишки!

— Ну, — Витёк откашлялся для солидности. — Тогда подойдет.

Васёк стал гасить компьютер.

— Короче, сын, — Витёк оглянулся на дверь и придвинулся поближе, — завтра с утреча вы должны сделать вот что...

10

Выехал Витёк на «Камазе» в полночь, хотя езды до места встречи было минут двадцать-двадцать пять. Оделся он в пёстрый комбинезон и кирзачи, а в ворота его куртки положил треугольник тельняшки. Это был его обычный ежегодный наряд, зимой под куртку добавлялся свитер, а летом комбинезон скидывался, вот и весь хрен до копейки.

Перед отправкой он погрузил в машину и накрепко принайтывал к переднему борту пять мешков с кирпичной крошкой и лопату с граблями, а также связку надежных крепких тросов с крюками. В кабину рядом с собой положил бензиновый триммер, — чтобы не вышел из строя, прыгая по кузову.

Доехал до места, заглушил машину, вышел, перепрыгнул через придорожный кювет, прошёл метров пятнадцать, чтобы убедиться, что место — то самое, и вернулся к машине, сел на свое место, закурил и задумался.

Они учились с Серёгой вместе в мореходке пацанами — лет уже... да, скоро тридцать назад. Дружкой их отношения и назвать было нельзя. Это была не бросающаяся в глаза др-р-ружба «навынос», когда к обычным её проявлениям, будь то пьянки или бл...

ки, обязательно добавляется элемент куража, игры на публику и вообще показухи. Они были — каждый в себе, и ценили друг в друге именно это — тихую, но непоколебимую самость, нежелание следовать чьим-то советам, угворам или подставам.

Хотя тогда речи о дружбе не было, а была учёба, которая, как ни тянулась, но все же кончилась. Потом судьба разнесла их в разные стороны. И служили они в разных местах: Серёга — по морской части пошёл, Балтийский флот, а Витёк — в ПВО под Волгоградом. А дружба проявилась потом, хотя и поделились они за все эти годы — раз-два и обчёлся. Сначала Витёк после службы попал в развесёлую поселковую компанию, которая почти в полном составе загремела на скамью после грабежа с нанесением тяжких. Витёк, хоть и был там, как самый юный, «на шухере», вполне мог огрести червонец, как того требовал прокурор. Как узнал об этом Серёга (он был городской), непонятно, но бросил всё и примчался, — сразу после дембеля, с кучей справок и характеристик из мореходки, нанял видного адвоката, который бился как лев и скостил срок Витьку до трёх лет, из которых Витёк отсидел год и вышел по УДО.

А потом, когда напала на Витьку по свободе чёрная хандра и поплыл он было просто по течению, забрал Серёга Витьку на всё лето куда-то в деревню со сказочным названием Дебри. Где Витёк лежал на берегу речки Каменки, со дна которой били ледяные ключи, ходил с Серёгой по грибы или с бредешком, выбрасывая на берег щурят размером с ручной автомобильный насос, — сейчас таких не осталось, а в автохозяйстве Серёги — будьте добры.

Тогда-то и стал Витёк тем Витьком, каким его знает весь посёлок все эти годы. Вернулся домой, начал биз-

нес с Коляном, женился на Ангелине, пошли детишки. А Серёга начинал с дальнотойщиков, потом автосервисом занялся, сунулся было в торговлю поддержанными автомобилями, но не учел конкуренции. На него прилично наехали братки, и вот тут помог Витёк, вернул, так сказать, должок. Поехал к братьям Сорокиным, в Виндзорский дворец, и говорил как раз со старшим, тогда же его и пропустил без досмотра начальник охраны, которого наемники отпевали, выложил, что в загашнике было — пять тысяч не наших рублей (а в девяностые это была очень немаленькая сумма). Как итог: братки оставили Серёгу в покое, но он завязал с автобизнесом и пошёл в «Спецавтодор» и доработал там до завгара. Завгаром он был...

Темноту прорезали фары одинокого автомобиля. Витёк вгляделся: не иначе, завгар собственной персоной. И точно: к повороту, где стоял «Камаз» Витька, подъехал очень нехилый автокран с жёлтой телескопической стрелой и надписью «КАТО», а из кабины выбрался Серёга с неизменной своей виноватой улыбкой и вихрами русых волос. Он подошёл к «Камазу», забрался на пассажирское сиденье.

Они пожали друг другу руки, словно расстались вчера, а не хрен знает сколько лет назад.

— Ты сам себе путевку выписывал? — спросил Витёк.

— Ага, — усмехнулся Серёга. — До утра управимся, вообще ни один комар не пискнет. А ты?

— В этот гостыница я — дырэктор, — Витёк постарался говорить с кавказским акцентом.

Обоим в свое время нравился фильм «Мимино».

Посмеялись.

— Ладно, говори — что и куда. «Като» — серьёзный аппарат, шуток не

признает, — сказал Серега.

Вместо ответа Витёк включил дальние фары. Они осветили метрах в пятнадцати от дороги, за кюветом с водой и полоской чахлах ёлочек, чёрный в свете фар, а при солнце красноватый гранитный валун.

Серёга, склонив набок голову, рассматривал валун, как художник — натурщицу.

Валун напоминал раскисший от долгого хранения молочный пакет давней советской эпохи. Одна из граней была на удивление прямая, — видать, в незапамятные времена валун этот откололся от материнской глыбы, а потом оказался здесь. С виду небольшой — по грудь Серёге и по пояс Витьку, да по паре шагов на каждую грань — он, тем не менее, производил внушительное впечатление скрытой в нём мощи.

— Да, — сказал наконец Серёга, — хорош. И куда его?

— На кладбище, — просто сказал Витёк.

Серёга присвистнул, потом, добавил после паузы:

— Человек-то хороший?

— Очень, — сказал Витёк и, не удержавшись, добавил: — Если до утра справимся, ни один комар не пискнет.

Они снова посмеялись.

А потом Серёга открыл рывком дверцу «Камаза»:

— Чего сидишь, салага? Давай стропа!

И кубарем скатился из кабины.

Витёк поспешил за ним.

Они подцепляли валун три раза, и все три раза стропы соскакивали с обкатанных временем граней. Потом Витьку удалось зацепить крюком нижнюю оплывшую кромку. Когда трос натянулся, крюк сорвал кусок «юбочки», но удержался жалом на свежем остром сколе. И тогда Витёк дал команду не «вира», а показал рукой вбок, в про-

тивоположную от крюка сторону. Это было правильно: трос натянулся как струна, а потом медленно-медленно валун дрогнул и стал подниматься на одно из ребер, высвобождаясь из многолетнего плена песка, глины и воды.

Дальше уже все пошло проще. Витёк завел под основание валуна дополнительные стропы, Серёга смайновал валун обратно, Витёк закинул стропы на главный крюк, махнул рукой и отбежал в сторону. Мягко заурчала лебедка, и валун с утробным чавканьем оторвался от земли. Серега крикнул что-то из своей стеклянной будки, показывая рукой, но Витёк его понял без слов, забрался за руль «Камаза» и отогнал его по шоссе на длину стрелы. Серёга понёс валун по кругу, плавно поднимая одновременно с этим его всё выше, до уровня борта «Камаза», перенёс через борт и нежно, как младенца в кроватку, уложил в кузов. Витёк отсоединил стропы, и Серёга поднял стрелу, одновременно укорачивая её в исходное положение.

Витёк показал ему большой палец и снова забрался в кабину.

На операцию ушёл час, но все это не имело никакого значения, потому что главное ждало их впереди.

Витёк дважды моргнул фарами и тронулся первым, показывая дорогу. Через пятнадцать минут прибыли на место. Витёк подъехал туда, где была дыра в заборе и куча мусора, потому что отсюда до участка с могилой Андрея Леопольдовича по прямой было не больше двадцати метров.

Он поставил «Камаз» вплотную к забору и вышел, чтобы показать, где встать Серёге. Обежал оба автомобиля, прострелил взглядом через автомобили вглубь кладбища. Увидел в полумраке белое пятно зацветающего куста калины, снова завёл двигатель и передвинул грузовик левее. Посмотрел

ещё раз.

— Понял? — сказал он Сереге и пояснил: — Ты поднимаешь валун и несёшь его через мою кабину прямо, никуда не крутишь и не вертишь. Я буду стоять там, у могилы, с мобильником.

— У могилы с мобилой, — меланхолично заметил Серёга.

— Да. И по моей команде майнуешь. Вопросы?

— Когда начнём?

Витёк оценил шутку, забираясь в кузов «Камаза», чтобы застропить валун. Серёга уже вытягивал стрелу к борту.

Закончив работу, Витёк спрыгнул на землю, показал Серёге мобильник и, перепрыгивая через мусор, побежал к забору.

Теперь надо было действовать как можно быстрее и аккуратнее.

Добежав до могилы Андрея Леопольдовича, он огляделся. Вроде тихо.

Он достал мобильник и набрал Серёгу.

— Давай, — сказал он.

— Угу, — ответил Серега.

Потом томительно долго ничего не происходило, кроме сводящего с ума воя лебёдки.

А потом начали трещать и падать на землю ветви сосен.

У Витька все внутри захолонуло. А потом из тёмного шуршания выплыл валун, плавно покачиваясь на стропках. Витёк прикинул на глаз.

— Малость левее, — сказал он в мобильник.

Стрела качнулась левее, и в этот момент один из стропов сдвинулся с округлой грани. Валун просел, стрела остановила проседание и отыграла назад. Валун заплясал, а Витёк только смотрел и покрывался потом.

Серега молодец, дождался конца пляски и снова двинул валун дальше.

— Ещё пара метров, — сказал Витёк в мобильник. — Так. Опустите пониже.

Теперь вперед на полметра. Так. Ещё столько же. Так. Майнуй. Майнуй давай!

Валун лёг в изголовье могилы, надавил своей массой, но опоры, сваренные Витьком, не подвели, выдержали. Витёк освободил стропы.

— Сматывай свою удочку, — сказал Витёк в мобильник.

Снова завывала лебедка, могучий крюк пополз наверх, и стрела начала втягиваться в гущу ветвей.

Витёк вышел через дыру. Серёга убрал стрелу на место и спустился с верхотуры кабинки на землю.

— Ну, как-то так, — сказал он со своей виноватой улыбкой.

— «Как-то так», — передразнил его Витёк. — «Бесаме мучо», а не «как-то так»!

— Мы молотки... — начал Серёга.

— И пассатижи, — закончил Витёк и крепко стиснул протянутую клешню.

— Три тридцать, — сказал Серёга, глянув на свой мобильник. — Час до города, и там еще минут сорок... Нормально уложились.

— Спасибо, — только и сказал Витёк.

— Дома порядок?

— Лучше всех.

— Разъезжаемся?

— Мне ещё кое-что осталось, — сказал Витёк.

— Ну...

Они обнялись, потом Серёга забрался в кабину своего монстра, завел двигатель, тронулся, сделал поворот, захватив обе гравийные полосы по бокам асфальтового шоссе, просигналил на прощанье и с рёвом набрал скорость.

Сейчас только, когда стало совсем светло, до Витька дошло, что подъёмный кран у Серёги морковного цвета, а не грязно-жёлтого, как померещилось вначале.

Он вернулся к валуну, прошёл все участки на пути его полета, подбирая

обломанные сучья и ветки и перетаскивая их в кучу мусора. Потом выгрузил мешки, лопату, грабли и триммер, поехал домой, оставил «Камаз», открыл ворота, распахнул ворота гаража и вывел свой любимый японский манипулятор. Отмахнулся от выскочившей на шум Ангелины и бегающей за ней с лаем Мальвы, и поехал обратно к кладбищу.

Здесь было по-прежнему тихо. Витёк по ту сторону мусорной кучи вгрызся ковшом в грунт, выкопал траншею в метр шириной и метра четыре длиной, объехал кучу мусора и двинулся на неё с опущенным ножом экскаватора, сгребая её в траншею.

Покончив с мусором, он засыпал его вынутым из траншеи грунтом и поехал по нему взад-вперёд, утрамбовывая.

Он как раз хотел закончить, когда заметил подъехавшую «Ауди» Коляна. Заглушил двигатель и выбрался из манипулятора.

— Николай Донатович, а я... — начал он улыбаясь, но Колян не дал ему договорить.

— Ты что это делаешь? — играя желваками, спросил он.

— Я? — удивился Витёк и показал рукой. — Скажи спасибо, — я мусор тебе убрал, порядок навел... Теперь ты можешь тут цветочки посадить, например, нарциссы...

— Не трепи мохнатую, — сказал Колян и показал рукой за кладбищенский забор. — Ты что, падла, творишь?

Витёк шагнул навстречу.

— Слушай меня внимательно, брателло, — сказал он. — Я в твой бизнес не встречаю. Бабульки-бабки... Бабульки-бабки, — повторил он и улыбнулся. — Хорошие бабки, верно? Но этот участок не твой. Я тебе заплатил и денежкой, и лазерным уровнем своим любимым. Камень ты не убережешь, если только динамитом.

— Сука... — хрипло сказал Колян.

— Скоро к тебе я привезу вдову, — не обращая на его слова внимания, продолжил Витёк, — и ты оформишь ей бумагу, как полагается, со всеми печатями и подписями. А если она куда переедет, то оставит эту бумагу мне. Я эту могилу взял под личную охрану, вдове обещал. А слово я держать умею, ты, Колян, меня знаешь.

— Сука, — повторил Колян, повернулся и пошёл, почти побежал к своей машине.

— Ну ты и сука! — крикнул он ещё раз, хлопнул дверцей и, визжа покрышками, сорвался с места.

11

Витёк вернулся домой, загнал манипулятор в гараж, нетерпеливо махнул рукой выскочившей из дома Ангелине и сел в «Витару».

— Не забудь Ваську разбудить! — крикнул он ей и выехал — в третий раз к кладбищу. «Ничего, — думал он со злой отрешенностью, — ничего, что наездился, — теперь лет на тридцать дорогу сюда забуду».

Неспешно прошёл, уклоняясь от соновых веток, к могиле. Работы было много. Надо сначала выровнять землю, убрать коряги, камушки и откровенные сорняки, потом наметить контуры, внешний контур засыпать гранитной крошкой и разровнять граблями.

Он уже заканчивал, когда из леса потянулись первые ходоки — Серёга Волобуев и Петька Назаров с травяной дерниной, а за ними — Васёк и Алёна Горбунова — с цветочной. Траву Витёк начал выкладывать пласт к пласту, начиная с дальнего, в головах, угла, а цветы — оттуда же, от головы, вокруг валуна. После третьей ходки ребята поняли, что к чему, глаза у них загорелись, работа зашпорилась, так что Витёк с трудом успевал принимать

пласты и распределять их по схеме. Он хотел крикнуть им «Хватит!», но ребята и сами поняли. А Алёна, умница, ещё и незабудок отдельно принесла полный пакет «Пятерочки», выкопанных из земли с корнями. Так что они с Васьком подсадили цветов там, где их не густо, и получилось совсем хорошо. Потом Витёк принес из машины триммер и начал выравнивать получившийся газон, и ребята, вырывая триммер друг у друга, довершили начатое. Наконец, Серёга с Петькой нашли за оградой брошенные пластиковые бутылки из-под пива и «Пепси», набрали воды в канаве и полили траву и цветы.

А потом, собравшись гурьбой вокруг Витьки, посмотрели на свою работу.

По четырём сторонам участка — широкая дорожка из красной гранитной крошки. Внутри — зелёный аккуратный газон. А посередине его — такой же красный гранитный валун и вокруг него, обтекая от головы к ногам, — голубая полоска незабудок. Пара незабудок каким-то образом оказалась в правом углу участка, где сходились дорожки, но ребята поглядели на Витьку и поняли — так надо.

На валун по-свойски, как к себе домой, слетел взъерошенный воробей, поскакал по макушке, в два вжика поточил клюв, выставил смородину глаза на людей и взлетел на цветущую ветку калины.

— Красиво... — сказала Алёна, и ребята тоже солидным кашлем согласились с ней.

— А давайте, — продолжила Алёна, — возьмём шефство над могилой Андрея Леопольдовича и будем сюда постоянно приходить, чтобы за ней ухаживать!

Витёк молчал. Он просто молчал.

12

На следующий день Витёк впервые

увидел дочь Андрея Леопольдовича, Веронику, в соседском дворе, не понял, что она делает, присмотрелся. Она ходила по углам, среди невыполотой крапивы и мать-мачехи, как будто что-то там искала. Потом подошла к открытым створкам гаража и стала высматривать что-то в углах над головой. Тут-то Витёк заметил фотоаппарат у неё в руках, да не простой, а здоровенный, вроде его лазерного уровня. Витёк не выдержал.

— Недоделки высматриваете? — спросил он из-за забора.

Вероника оглянулась.

— Нет, — сказала она, — ищу натуру.

Витёк ничего не понял, но продолжил.

— Есть успехи?

— Кое-что есть, — ответила Вероника и подошла к Витьку.

Она показала на крохотном экранчике японского фотоаппарата только что сделанный снимок: на темном фоне гаражного пространства крохотная паутинка, аккуратная, словно модульная антенна космического аппарата.

— Надо же, — сказал Витёк.

Это было вправду красиво.

— Я фотограф, занимаюсь микросъемкой, — сказала Вероника и показала на экранчике ещё снимки: тоже паутинка, но здоровая, словно гамак, среди лопухов и топинамбура, на фоне покосившегося забора; пчела, по пояс, все лапки вверх, влезшая в чашечку цветка; крохотная гусеница, свисающая на конце собственной паутинки, причем, судя по смазанным деревьям и кустам вокруг и чёткости самой гусеницы, снятая в процессе спуска. Но больше всего Витьку понравился снимок, на котором была крохотная травинка, только что вылезшая по спирали из пазухи материнского стебля, едва зелёная в своём младенчестве, но упруго вознесшая к небу заострённый кон-

чик. А на самом конце её разместились капля росы, и в этой капельке горело утреннее солнце, так, что глазам было больно смотреть. И было во всём этом что-то кукольное, и что-то детское, и что-то чертовски правдивое, нет, не правдивое, — вспомнился разговор с Андреем Леопольдовичем, — чертовски истинное, и говорить ничего не хотелось, до чего истинно.

Вот Витёк и промолчал.

— Я его и не знала совсем, — неожиданно сказала Вероника. — Мама ведь только недавно про него сказала. Я разыскала его по интернету, мы списались, встретились, у нас было столько планов, и вот...

— Почему же мама не сказала? — спросил Витёк.

— Она и ему не сказала, что беременна, гордая была... — сказала Вероника. — Она была научным сотрудником НИИ, и её отправили на Алтай собирать замеры воды из убитого заводскими стоками озера. А он там тоже был в командировке, только по какой-то педагогической части. Там они и познакомились, в местной гостинице. А от этого ничего не осталось, кроме меня, — Вероника, вздёрнув подбородок, посмотрела в глаза Витьку, — и стихов, которые он там же написал и посвятил маме.

Внутри Витьки запела басовая струна.

А Вероника тихо продекламировала:

От шпалерных болот изможденного
ленного града...

Витёк с тоской подумал, что поэзия таки бездонна, и ему, дураку, никогда не понять её до конца.

Вероника закончила читать стихи и замолчала.

— В Москве живёшь? — спросил Витёк, неожиданно для себя самого переходя на «ты».

— В ней, — повела плечом Вероника.

сундучок, хозяин уехал «проведовать» Гнилой ручей. Он с того момента, как видел его Никита в последний раз, ничуть не изменился. Всё так же хрустально перезванивались струи шести источников. Всё так же берега заросли густым ивняком. Разве что подмоина на излучине стала шире и глубже, отчего павшинцы стали бояться Гнилого ручья ещё больше.

Никита, заложив руки за спину, степенно ходил по берегам, внимательно изучая окрестности. Бабы и мужики издали наблюдали за барином, крестились и шептали молитву, когда тот исчезал в кустарнике или спускался к руслу. Приблизиться или набиться в провожатые никто не отваживался.

Ночевал Никита у своего погodka, знакомого с детства Степана Ильина, с которым поддерживал отношения, хотя крестьянин не был ни владельцем фермы, ни какого-то производства.

— Что ты всё-таки задумал? — допытывался он вечером у приехавшего приятеля.

— А тебе-то какой интерес? Ты всё равно никакого дела заводить не захотел.

— Теперь, может, и заведу.

— Не выйдет. Панцура у тебя не та, не деловая. Копайся уж на своём наделе. — И видя, что хозяин не обиделся, хитро прищурился, — мельницу хочю поставить на этом ручье.

— Господи, помилуй! — испуганно перекрестился Степан. — Да на эту мельницу не то что крестьяне, а и сама, прости меня, господи, нечистая сила зерно молотъ везти побоится.

Гость раскатисто захохотал, заложил большие пальцы рук за плетёный пояс и прошёлся по избе.

— Нет, Степан, подобные масштабы уже не для меня. Мне пошире размах требуется. Вот на Урал или в Сибирь я бы поехал. Вот где дела большие вер-

шить можно. А Гнилой ручей... это я так... детство решил вспомнить. Вдруг больше не доведётся походить по земле, откуда корень антуфьевский пошёл.

...Утром Никита снова ушёл к ручью. Правда, прежде прошёлся по берегу Упы, оглядел там затоны, заросли. Здесь он ничего не искал — глаза отводил любопытным. И только когда местные жители потеряли интерес к его хождениям, он вернулся к излучине Гнилого ручья с сильно подмытым берегом. Место было самое подходящее.

...С окованным железом сундучком, выложенным изнутри деревом и заполненным золотыми монетами, Никита приехал в Павшино только на третий раз. Приехал поздним вечером, когда ни одно окно в селе уже не светило. Оставив кучера с лошадьми на дороге, Никита пешком добрался до ручья, при слабом свете луны безошибочно нашёл облюбованное место, спрятал там своё сокровище и, перекрестившись, не оглядываясь, вернулся к ожидавшим его лошадям.

— Не гони! — приказал он кучеру. — Потихоньку ехай. Спешить некуда.

Только с первыми лучами солнца копыта лошадей простучали по околице Тулы.

— Слава тебе, Господи! — прошептал хозяин и перекрестился на ту сторону, откуда только что приехал.

Никита и не предполагал, что деньги, спрятанные в Гнилом ручье, понадобятся ему уже через десяток лет, когда он станет перед царём и попросит: «Великий государь, отпусти нас в Сибирь, на Верхотурские железные заводы, пушки да воинские припасы лить».

Царская грамота, полученная им через некоторое время, гласила, что жа-

ловал царь Демидова Верхотурскими железными заводами на реке Нейве со всеми строениями, с заготовленной рудой, углём, дровами, мастеровыми и работными людьми; и позволено царём Никите ставить на Нейве новые заводы.

И сразу вспомнился кованный сундучок, спрятанный в излучине Гнилого ручья. Очень нужно сейчас его содержать хозяину — новый завод решил он строить. Но самому уезжать никак нельзя: напраказят здесь без него. Злых да завистных людей вон вокруг сколько. Вернётся или к головешкам обгорелым или к голым стенам.

Встретился Никита за богато уставленным яствами столом с воеводой верхотурским. После нескольких рюмок, когда гостя заметно повело, попросил:

— Подыщи мне человека надёжного. Чтобы как на самого себя положиться можно было.

— Для догляду?

— Для особого поручения. Съездить надо. Далеко. За Волгу и Оку. И ещё дальше.

— Найдём! — воевода вытянул ноги под столом. — Поехать — это тебе не руду копать.

— Мне не любой нужен, — сердито свёл брови к переносице Демидов. — Нужен хороший человек. Надёжный. И чтобы язык за зубами держать умел!

— Найдём! — снова пообещал воевода. — Поехать — это тебе не кувалдой махать.

— Завтра нужен такой человек, — Никита сжал кулаки и скрипнул зубами. — Завтра троих ко мне! Одного из них я выберу сам!

Евсей Миронов так удачно дрова ещё никогда не продавал. Первый же подошедший купчишка, не торгуясь,

бросил трояк на полу Евсеева зипуна и приказал: «На соседнюю улицу. К зелёным воротам. Там встретят». Два здоровенных молодца словно игрушечную подхватили повозку и вытряхнули из неё одним махом все до единого полена. «Желаем здравствовать, дядя! До следующего приезда». Ну как не обмыть такую удачную поездку? Евсей заломил картуз на самый затылок и с ослепительной улыбкой ввалился в кабак, словно в его кармане не трояк лежал, а, по крайней мере, тысячи полторы.

— Штоф! — поднял он вверх указательный палец.

— Милости просим, — подлетел к нему кабатчик. — А на закусточку что пожелаете?

— На твой вкус, — барски махнул рукой Евсей, оглядывая соседние столы: знакомых не было.

Водка сначала обожгла пустой желудок, а потом тёплой волной разлилась по всем внутренностям. «Будто Бог босыми ножками прошёлся», — блаженно зажмурился Евсей, а когда открыл глаза, увидел рядом симпатичного бородача лет тридцати-тридцати пяти, в белоснежной рубашке, в тёмно-синем сюртуке.

— Позвольте-с за ваш столик? — нагнул слегка голову подошедший.

Евсей кивнул и указал рукой на свободный стул. Незнакомец вытащил из кармана белоснежный платок, помаhal им по сиденью стула, чинно уселся и ребром ладони сдвинул невидимую пыль со стола. Когда перед ним появились закуски и графин с водкой, он кивком поблагодарил кабатчика, одну за другой выпил две стопки и только потом принялся за еду. Очень скоро он пропустил ещё две стопки подряд, понюхал хлебную корочку и, не закусывая, стал заблестевшими глазками рассматривать Евсея.

— А ты, мужик, почему молчишь?
— Так и вы, мил человек, не очень разговорчивы, — склонил голову набок Евсей.

— Давай с тобой выпьем? — предложил незнакомец. — Понравился ты мне. Игнатий меня зовут.

— Извольте-с, — Евсей наполнил рюмки из своего графина. — А меня Евсеем кличут.

Потом они выпили из графина Игнатия, потом снова из Евсеева.

— Ты знаешь, куда я еду? — заплетаясь языком вдруг спросил Игнатий, оглядываясь по сторонам.

— Не имею чести знать, — старался казаться не очень пьяным Евсей.

— Нагнись поближе, — Игнатий потянул за рукав Евсея. — Еду я клад взять. Понял? — он приложил палец к губам. — Т-с-с. Он в Гнилом ручье спрятан.

Евсею показалось, что сердце у него остановилось. Гнилой ручей. Как же? Он его знает. Но павшинский ли это? А может, и в другом где месте есть тоже Гнилой?

— Никиты нашего Демидова там корень был, — уточнил совсем захмелевший Игнатий.

— Мне енти места неизвестны, — казался равнодушным к сообщению Евсей, а сам подвинулся поближе к Игнатию.

— Там есть такая излучина, — пьяно бормотал Игнатий, — а возле неё... глубокая промоина... в берегу... А-а, да что тебе объяснять, всё равно не знаешь.

Сердце Евсея готово было выпрыгнуть из груди. Клад! Мыслимое ли дело? Целое состояние само идёт ему в руки. Надо только опередить этого пьяненького тёмно-синего сюртука.

— Ну, давай ещё по одной, — предложил протрезвевший от неожиданного волнения Евсей, — и я поехал до дома.

— А нам не по пути?

— Нет, — не моргнув глазом, соврал Евсей. — Мне на Венёв. А где, в какой стороне корень Демидовых, мне неизвестно.

Евсей гнал лошадь так, будто кто-то старался его опередить. Дома трясушимися руками распряг лошадь, стреножил её и отпустил пастись. Сам же, надвинув картуз до самых бровей, пошёл по берегу Упы. Тропкой от Панковичей до Павшина версты две будет. Евсею же они показались бесконечностью. И вот он — Гнилой ручей. Берега густо заросли трубчником, крапивой, ивняком, а где-то в глубине зарослей, даже ниже корней растительного покрова, звенела на перекатах вода. Опускающиеся сумерки и худая слава о ручье заставили Евсея остановиться. Он даже подумал отложить поиски клада до восхода солнца, но, вспомнив чиновника в белоснежной рубашке и тёмно-синем сюртуке, осторожно раздвинул заросли, осмотрелся и прыгнул вниз. Родниковая вода обожгла босые ноги, но Евсей не обратил на это внимания. Поддёрнув штаны, он осторожно пошёл по ручью искать излучину. Она появилась неожиданно за поворотом. Из темноты провала веяло сыростью. Мурашки пробежали по спине Евсея, когда он протянул руку в темноту. Рука повисла, ни к чему не прикоснувшись. «Там, наверно, и клада-то никакого нет», — оправдывался он перед собой за трусость. Постояв несколько минут и внимательно прислушиваясь, наконец, решительно втиснулся в промоину, зачем-то закрыл глаза и обреченно сунул руку в темноту. Кулак наткнулся на переплетение корней. Евсей потихоньку шарил за этой естественной ширмой и вдруг резко отдёрнул руку, наткнувшись на острый железный угол. Он лихорадочно раскопал паль-

цами насыпавшуюся рыхлую землю, нащупал на крышке металлическое колечко и вытянул сундучок из тёмной ниши. Лихорадочно завернув тяжёлую находку в принесённый мешок, прошёл по ручью до самого его впадения в Упу. Там вылез на берег и торопливо зашагал в сторону Панковичей.

Прибывший на следующий день к Гнилому ручью Игнатий вместе с нанятыми двумя местными мужиками излазили весь берег, но ничего не нашли. Походил посланец Демидова по деревне, порасспрашивал жителей, не видел ли кто-нибудь кого-нибудь у ручья. Но бабы и мужики испуганно крестились и отрицательно качали головами. Так ничего не узнав, удручённый Игнатий уехал к хозяину в Сибирь.

Когда Евсей вдоволь налюбовался золотым потоком, льющимся из ладоней, когда в груди слегка улеглась буря восторга от свалившегося на него богатства, он задумался: «А что же с такой махиной денег делать? На них можно было купить, пожалуй, три деревни вместе с жителями и всей имеющейся живностью. Однако сделать крупную покупку боязно — откуда у него, подумают, или хуже того, спросят люди, такое богатство? На торговле дровами большого капитала не сколотишь». Евсей вспомнил заработанный трояк и засмеялся. И всё-таки, что делать с деньгами? Он постоянно искал ответ на этот вопрос, но ничего подходящего в голову не приходило. «Господи, — молился он, — помоги мне. А то ведь так и умом тронуться можно. Спаси и помилуй». Божий лик равнодушно взирал из деревянного оклада на Евсея, которому казалось,

что в глазах Николая Угодника укоризна. Крестился испуганно Евсей и поспешно уходил во двор.

До самой осени мучился Евсей. А когда убрали всё с полей и огородов, пошёл он по окрестным деревням и умолял всех сделать пожертвования на строительство храма. Что мог пожертвовать нищий крестьянин? Гроши. Немногочисленные богатые могли что-то пожертвовать, но они не спешили расставаться с деньгами. Однако Евсею важно было собрать хоть самую малость. Он её и собрал. К этой малости он добавил золотых монет, уладил все необходимые формальности с властями, нанял бригаду плотников, купил лес, и закипела в Павшине на высоком берегу Упы работа. Всю зиму трудились плотники, и весной на Пасху малиново разлился по окрестностям колокольный звон.

— Спасибо, Евсей! — кланялись ему прихожане.

— Не мне. Никите спасибо говорите. Он самый большой вклад сделал. Его благодарите.

Кто такой Никита, где он живёт и чем занимается, никого не интересовало. Но с чьей-то лёгкой руки храм окрестили именем Никиты.

А денег у Евсея осталось ещё очень много. И опять в голове завертелось: «Что делать?».

Однажды, будучи в Туле, он узнал, что из Сибири вернулся Никита Демидов. Завернул в мешок Евсей сундучок с оставшимся от строительства храма богатством и предстал перед грозным хозяином. Упал на колени, ударил в пол лбом и взмолился:

— Хоть казнить вели, хоть какое другое наказание придумывай за моё злодеяние. Я обокрал тебя. Я взял клад из Гнилого ручья.

Молниями сверкнули глаза Демидова, звериный рык вырвался из груди, руки сжались в кулаки. Слышал Евсей о крутом нраве заводчика, заранее готовился к признанию, но затрясся от гнева Никиты и, не вставая с колен, положил голову на пол. Недолго бушевал Демидов. Понравилось ему признание Евсея. Сменил он гнев на милость.

— Куда ж ты столько денег дел?

— Храм в Павшине деревянный построил, — почувствовав, что буря миновала, бодро заговорил Евсей. — Вот его рисунок. А народ обозвал его храмом Никиты. Остальные деньги — вот, — Евсей достал из мешка сундучок и протянул Никите.

— Встань с колен! — приказал он, открыл сундучок, поиграл монетами. — Стоило тебе башку за воровство оттяпать. Но за то, что признался в грехе и понапрасну деньги не растратил, не буду тебе вреда делать. А ты откуда родом?

— Из Панковичей. Евсей Миронов.

— Земляк, значит. Землёй занимаешься или каким другим делом?

— Дровами приторговываю, — успокоился окончательно Евсей.

— Не делом ты занялся. Воз дров богатства тебе не даст. Мой тебе совет

— займись хлебом. Пошли своих людей или сам поезжай в Орловскую или Курскую губернию — там всегда зерна много собирают, перемели его в муку и пеки хлеб. Вот это настоящее дело. Хлеб людям всегда нужен будет. Значи, и твоё дело не умрёт.

— Нет, батюшка, мне такого не осилить. Не с чего. Зерно-то задарма не дадут?

— Верно. Не дадут.

Никита встал, откинул крышку сундучка, зацепил добрую пригоршню монет: — Подставляй картуз. — Высыпал туда всю пригоршню, потом добавил ещё одну, поменьше. — Иди, заводи своё дело. Доживу — свидимся. Хлебом мироновским угостишь.

* * *

Были в своё время в Туле и близлежащих населённых пунктах мироновские булочные. Таково их появление или каким-то другим образом — доподлинно нам неизвестно. Но народ триста лет помнит эту историю, передавая её своим детям и внукам. А построенный в 1731 году каменный храм на месте деревянного во имя Воздвижения Креста Господня в народе всё равно зовут храмом Никиты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Тарас Викторович родился в Ленинграде. В 2001 году окончил Санкт-Петербургскую государственную медицинскую академию имени И.И. Мечникова. Врач-хирург, кандидат медицинских наук. С 2003 года работает в Гатчине. С детства увлёкся поэзией. Автор стихотворений, текстов песен. Публиковался в периодических изданиях Гатчинского района и Ленинградской области.

Антонова Наталья Михайловна родилась в городе Сосногорске в 1952 году. Окончила филологический факультет Новгородского государственного педагогического института. С 1975 года живет в п. Сиверский. Организатор и первый руководитель ЛИТО «Поэтов Сиверского братства», издатель и литературный редактор коллективных поэтических сборников. Краевед. С 2002 года работает заведующей библиотекой в Гатчинской средней школе № 8 «Центр образования», руководитель литературной редакции школьного журнала «Восьмое чудо света».

Аршакуни Артур Маратович, писатель, поэт, автор книг. Живет в поселке Вырица.

Безуглов Николай Олегович родился в 1990 году в Ленинграде. Окончил колледж строительной индустрии и городского хозяйства, затем — Петербургский университет путей сообщения. Работает архитектором в экспериментально-проектном центре в СПб. Учится на заочном отделении в Московской духовной семинарии. Увлекается фотографией.

Бобкова Зоя Степановна, поэт, прозаик, журналист, член СП России (СПб отд.) и член Союза журналистов СПб и Ленобласти, главный редактор газеты «Приневский край». Автор более двадцати книг стихов и прозы. Лауреат Литературной премии имени поэта Н. Тихонова, лауреат премии им. Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист». Награждена двумя Специальными дипломами Берлинского конкурса «Лучшая книга года - 2014 года» и Берлинского Литературного института им. А.П. Чехова за роман «Полёт сквозь бездну».

Бурлаков Андрей Вячеславович, известный краевед и пушкиновед Гатчинской земли, член Союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области, автор создания нескольких музейных экспозиций, главный редактор журнала «Лукоморье», автор книг и многочисленных публикаций в региональных изданиях, член литературного

объединения «Поэтов Сиверское Братство». Лауреат премий Советского и Российского Фондов Культуры. Награжден многочисленными почетными грамотами, дипломами и благодарственными письмами.

Гажёв Борис Наумович, житель блокадного Ленинграда, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, автор и соавтор книг и статей по медицине. Стихи, проза и песни печатались во многих литературных сборниках и в периодической печати, автор книги «Отдушина».

Горячева Алла Михайловна родилась в Ленинграде, окончила библиотечный факультет Института культуры им. Н.К. Крупской. Работала в библиотеках Ленинграда, жила на севере. Пишет стихи с детства, живёт в деревне Тиховицы Гатчинского района.

Деконская Аля окончила СПбГУКИ, член СПб ВООПИиК, художник, краевед, член сообщества «Ингрия-Арт».

Дмитриенко Анастасия Александровна родилась в 1981 году в пгт Новомичуринск Рязанской области. Окончила Вятский государственный гуманитарный университет, научная школа д.и.н., профессора В.И. Бакулина. Кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУ «Музей города Гатчины». Имеет более 15 научных публикаций, в том числе в академических журналах: «Отечественная история», «Полис», «Преподавание истории в школе».

Докучаев Евгений Глебович родился в 1961 году и живет в посёлке Елизаветино. Выпустил несколько сборников стихов.

Жильцова Нина Георгиевна родилась в 1968 году в городе Саратове. Писать начала примерно с одиннадцати лет. Переехала в Ленинград. Окончила профтехучилище. Специального литературного образования не имеет. Стихи публиковались в альманахах и газетах.

Засидкевич Анатолий Фёдорович, член Союза художников РФ и общества акварелистов СПб. Родился в 1947 году в г. Миллерово Ростовской области. Окончил музыкально-педагогический институт в г. Тазанроге и вечернее отделение Ленинградской академии художеств. Участник многочисленных выставок в России и за рубежом. Автор герба Гатчинского райо-

на. Педагог Детской художественной школы г. Гатчины.

Кирьянова Наталья Киприяновна родилась в 1961 году в д. Старосиверская в семье учителей. Окончила Сиверскую среднюю школу, затем педагогический институт имени Герцена. С 1982 года работает в родной школе, ныне Сиверской общеобразовательной основной школе, учителем математики. Не замужем. Воспитывает трех опекаемых детей.

Киселёва Елена Львовна, народный пушкинист, преподаватель русского языка и литературы в МБОУ «Кобраловская основная общеобразовательная школа». Живет в поселке Кобралово.

Киселёва Лариса Петровна, поэт, фотохудожник, методист по экспозиционно-выставочной работе в Мемориальном доме-музее композитора Исаака Шварца. Живет в поселке Сиверский.

Кислов Владислав Аркадьевич, врач, краевед, автор книг, живет в городе Гатчина.

Козлова Анна Владимировна, автор-исполнитель, поэт, участник творческого объединения «Долина», соавтор сборников стихов серии «Горизонты вечности», литературных журналов, член арт-кафе г. Гатчины. Родилась в 1990 году. Имеет два высших образования по специальностям экономика и государственное и муниципальное управление. Работала в сфере экономики и PR. Танцор «С» класса по социально-спортивным танцам Хастл. Победитель конкурса «Жемчужина Гатчинского района 2007», лауреат II степени конкурса «Гатчинская песенная весна 2007», победитель Всероссийского конкурса литературного творчества «Земля. Природа. Родина. Будущее» 2008 года.

Коротов Евгений Васильевич, доктор технических наук, член союза журналистов России, писатель, автор фильмов, книг и монографий, золотой лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси – 2008», дважды золотой лауреат Международного конкурса «Без вести навшим возвращаем имена», золотой лауреат конкурса «Я люблю Россию-2010», кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством 2-й степени» и медали «Шолохова М.А.».

Костаринов Валерий Владимирович, член Союза художников России. Родился в Украине

в 1948 году. С 1984 по 1991 годы учился в Центральной экспериментальной студии при Союзе художников СССР в Москве. Дипломант многих, в том числе международных, выставок. Работает преподавателем живописи в МОУ ДОД «Детская школа искусств» поселка Войсковицы Гатчинского района.

Корниенко Евгения Владимировна, поэт, действительный член Российского межрегионального Союза писателей, член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина. Живёт в посёлке Сиверский.

Кройтор Елена Ивановна родилась в 1972 году в городе Кишинёве. Окончила Шуйский государственный педагогический институт по специальности религиовед. Преподаёт в ГИЭФПТ на технологическом факультете обществознание и философию. Елена Ивановна печаталась в газетах «Тосненский вестник», «Приневский край», «Гатчинская правда», в сборниках: «Поэт года 2012», «Двери», ивановских поэтов. Занимается росписью по дереву. Участвовала в выставках в посёлках Высокоключевой, Суйда. Живет в поселке Суйда.

Кройтор Ирина Ивановна родилась в 1972 году в городе Кишинёве. Училась в Областном художественном училище на живописца-преподавателя. Окончила Шуйский государственный педагогический институт по специальности религиовед. Преподаёт живопись и рисунок в ГИЭФПТ города Гатчины, руководит изостудией «Линия» в ЦТЮ города Гатчины. Живописные работы выставлялись в выставках: Елизаветино, Суйда, Высокоключевой; в городе Гатчина, в городе Эттлинген (Германия). Живет в посёлке Суйда.

Крылов Павел Валентинович, пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворцовского прихода. Живёт в Санкт-Петербурге.

Курилкин Владимир Иванович родился в 1938 году, член Союза журналистов с 1973 по 2005 год. Учился в институте. С 1977 года по 2005 год работал редактором районной газеты, затем — директором районного краеведческого музея. Одновременно вёл уроки краеведения в Центре детского творчества. Пенсионер, ветеран труда.

Литвиненко (Полоцкая) Наталья Игоревна родилась в г. Гатчина. Окончив Государственный институт физической культуры и

спорта им. П.Ф. Лесгафта, получила диплом преподавателя. Окончив Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, получила диплом режиссёра театрализованных представлений и праздников. Работает педагогом и занимается организацией и проведением культурных мероприятий. Живёт в поселке Лукаши.

Ломова Надежда Ивановна педагог, член ЛИТО «Поэтов Сиверского братства». Имеет публикации в периодической печати. Живет в городе Гатчина.

Лукин Валерий Евгеньевич, начальник отдела научно-экспозиционной работы Центрального военно-морского музея, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. Профессор Академии военных наук (Москва), Действительный член Русского географического общества, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Моисеев Станислав Борисович родился в Ленинграде в 1946 году. С раннего детства увлекался рисованием. После службы в армии в 1972 г. успешно сдал экзамены в Ленинградское художественное училище им. Серова. Член товарищества художников Гатчины. Многие работы находятся в частных коллекциях в городах России, а также за рубежом.

Нагорная-Шварц Антонина Владимировна, заведующая «Домом-музеем композитора Исаака Шварца».

Найдёнов Игорь Владимирович, частный предприниматель, фотограф. Живет в поселке Вырица.

Николаев Владимир Иванович, почетный гражданин города Гатчины, член Союза журналистов СПб и Ленинградской области, почетный член Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, член секции истории авиации и космонавтики СПбО ИИЕТ РАН. Живет в городе Гатчина.

Осипова Галина Александровна, по образованию инженер-экономист, пишет стихи. Живёт в городе Гатчина.

Павлов Андрей Викторович родился в 1973 году в поселке Дружная Горка. Отслужил в Армии. Окончил Академию управления и экономики в Санкт-Петербурге. Стихи пишет с 1993 года.

Пеннонен Ирма Вернеровна, 1965 года рождения. Родной город — Санкт-Петербург. Образование высшее педагогическое. Работает и живет в посёлке Сиверский. Пишет песни и стихи.

Петрова Дарья Александровна родилась в 1974 году в г. Гатчина. Выросла в Латвийской ССР. Большую часть своей трудовой деятельности посвятила службе в органах МВД и системе правосудия, имеет высшее юридическое образование. Дипломант литературных конкурсов. Издан авторский сборник стихов «Посмотри на жизнь иначе». Соавтор сборников стихов «Три настроения в пути», «Сердцебиение». Руководитель нескольких творческих проектов. Состоит в Межрегиональном союзе писателей России. Действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина. Имеет литературные награды. Публиковалась в альманахах «Царско-сельская Лира», «Параллели Судеб», «Оредеж».

Пожидаева Анна Михайловна, художник-график. Родилась в 1993 году в г. Гатчина. Окончив Гатчинскую художественную школу, поступила в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена на специализацию «Графика», «Рисунок». Продолжает учебу в магистратуре. Работает преподавателем изобразительного искусства в Центре развития детей и взрослых «Птица Феникс». Участница многочисленных выставок, неоднократный лауреат художественных конкурсов.

Полевщикова Марина Александровна родилась в 1993 году, студентка 5 курса магистратуры факультета изобразительных искусств РГПУ им. А.И. Герцена. Живет в поселке Дружная Горка.

Пузатых Сергей Юрьевич, творческий псевдоним — **Сергей Елецкий**, поэт, член Союза писателей Петербурга и Ленобласти, Бунинского общества Петербурга, художник; член Гатчинского товарищества художников. Награждён почётной грамотой лауреата международного поэтического конкурса «Золотая строфа», издал два сборника стихов: «О Русь, ты лирики родник», «О Русь, живи во мне всегда». Работает в Петербургском институте ядерной физики. Живёт в городе Гатчина.

Радюкевич Иван Николаевич, член Гатчинского товарищества художников. Живет в поселке Сиверский.

Рябов Дмитрий Сергеевич, специалист по информационным технологиям, руководитель проектов автоматизации одной из компьютерных фирм, краевед, внештатный сотрудник музея-усадьбы «Рождествено», публицист. Живет в С-Пб.

Савицкий Илья Вениаминович, профессиональный фотохудожник. Родился и проживает в поселке Сиверский. Окончил институт и аспирантуру по специальности инженер-механик по кино-, видеоаппаратуре. Был аккредитован официальным фотографом Гатчинского кинофестиваля «Литература и кино». Савицким выполнены фотографии военных памятников для книги серии «Солдаты Победы» «Фронтовики. Гатчина и Гатчинский район».

Свиридов Владимир Алексеевич окончил художественно-графический факультет С-Пб ГПУ. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Публиковался в сборниках: «Горизонты вечности», «Обними идущего меня», «Пути мотыльков»; литературно-краеведческом альманахе «Оредеж», журналах: «Царскосельская лира», «Северный вестник». Как художник был участником выставок. В творческом объединении «Долина» со дня основания. Родился в 1951 году. Живёт в посёлке Вырица.

Сёмочкин Александр Александрович, по образованию архитектор, кавалер Ордена почёта, лауреат Горьковской премии по литературе Российского фонда культуры, почётный гражданин Гатчинского муниципального района. Живёт в деревне Выра.

Сёмочкина Екатерина Александровна родилась в 1974 году в Ленинграде. Окончила С-Пб архитектурно-строительный колледж (архитектор-технолог), в 2004 году — СПбГУ (журналистика, литературное редактирование). С 2009 года работает в Рождественском филиале ГБУК ЛО «Музейное агентство» — Музее-усадьбе «Рождествено». Живёт в деревне Выра.

Скорнякова Зинаида Васильевна, лауреат премии имени Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист», член Союза журналистов России и Гатчинского Товарищества Художников. Живёт в посёлке Мыза-Ивановка.

Соломко Марианна Валериевна родилась в 1984 году в Ленинграде, поэт и музыкант. Обладатель гран-при третьего Международного

поэтического конкурса им. К.Р. (Санкт-Петербург, 2013), лауреат премии «Молодой Петербург» (2014), дипломант всероссийской премии им. А.К. Толстого (2014). Автор поэтических книг: «Гуси летели на Север...» (2013) и «Что бы ни случилось...» (2014). Стихотворения публиковались в литературных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Сербии, Германии. Переводит с сербского и переведена на сербский. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Сойту Людмила Михайловна, член ЛИТО «Поэтов Сиверского братства». Живёт в поселке Сиверский.

Сульженко Дарья Александровна родилась в 1977 году в посёлке Вырица. Окончила Ленинградский библиотечный техникум, работает в Вырицкой детской библиотеке. Пишет стихи и прозу. Член творческого объединения «Долина».

Тарлецкая Татьяна Анатольевна родилась в 1949 году в Тверской (бывшей Калининской) области. В 1951 году переехала в посёлок Сиверский. Окончила торговое училище. Работала продавцом. Пенсионерка. Живёт в поселке Войковицы.

Тришина Алёна Александровна родилась в г. Галле (ГДР), с 1960 года проживает в Гатчине. После окончания ЛГИК им. Н.К. Крупской с 1979 года работает в должности главного библиотекаря отдела обслуживания Центральной городской библиотеки им. А.И. Куприна. Пишет статьи, прозу, стихи, является участником 45-ти сборников. Автор книг: «Павел I. Гатчинский сюжет», «Сердце Павла I — здесь, — в Гатчине!». Имеет более 260 газетных (с 1978 г.) и журнальных публикаций. В 1991–2011 гг. была помощником руководителя гатчинского Литературного объединения «Меридиан». Победитель Областного конкурса профессионального мастерства «Звезда культуры» в номинации «Лучший библиотекарь года». Лауреат премии им. Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист». Победитель городского конкурса журналистов в номинации «Хранители души». В 2006–2014 гг. была членом совета по культуре при главе Администрации МО «Город Гатчина».

Фёдорова Валентина Владимировна, старший научный сотрудник ГМЗ «Гатчина», краевед. Родилась в 1947 году в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет. С 1969 года по настоящее время

работает в Государственном музее-заповеднике «Гатчина». За это время возглавляла экскурсионный, научно-фондовый отделы, является ветераном труда. Была активным участником восстановления Гатчинского дворца, парковых навилюнов и охраны архитектурных и исторических сооружений Гатчины. Автор многочисленных публикаций по истории Гатчины и Гатчинского дворцово-паркового ансамбля, среди них книги: «Гатчинский парк. Страницы истории», «Гатчина. Россия и весь мир».

Федотова Елена Александровна родилась в г. Рига (Латвия). По образованию — экономист, по стилю жизни — гуманитарий. Главный редактор гуманитарного альманаха «Петербургская среда», куратор выставочных проектов.

Филиппова Валентина Ивановна, художник, руководитель строительства храма «Воскресения Христова» в Суйде (1994–2000 гг.) по проекту А.А. Сёмочкина, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Живёт в поселке Высокоключевой.

Хрящёв Валентин Валентинович, член Российского межрегионального союза писателей. Автор двух сборников стихов: «ДО-ЛИ-НА», «Когда душа вновь захотела жить». Публиковался в литературно-краеведческом альманахе «Оредеж», сборниках: «Пути мотыльков», «Царскосельская лира», «Северный вестник». Активный участник творческого объединения «Долина» при Вырицкой поселковой библиотеке им. И.А. Ефремова. Родился в 1947 году.

Хухка Ирина Андреевна, старший научный сотрудник, хранитель фонда редкой книги Государственного музея-заповедника «Гатчина» (с 2002 г.). Окончила библиотечный факуль-

тет Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Автор публикаций по истории книжного собрания Гатчинского дворца.

Шеметова Марина Евдокимовна, научный сотрудник СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина». Родилась в г. Якутске, окончила исторический факультет КБГУ. С 2003 года — сотрудник Государственного музея-заповедника «Гатчина», с 2012 года является хранителем фонда мебели.

Шинкар Игорь Степанович, известный Петербургский художник, член Творческого союза художников IFA (UNESCO). Родился в 1963 году в Ивано-Франковской области Украины. В 1982 году окончил с отличием Калушский химико-технологический техникум, в 1989 году окончил КГИК по специальности режиссура. С 1989 года сотрудничает со многими газетами и журналами как карикатурист. Состоялись 10 персональных выставок.

Работы находятся в музеях и частных собраниях (более чем в тридцати странах мира).

Участник многочисленных издательских проектов как бильд-редактор авторских альбомов художников.

Участник международных выставок и конкурсов графики и карикатуры: Saint-Just-le-Martel (Франция), Internazional Cartonfestival Knokke-Hest (Бельгия), EUROHUMOR Di Cuneo, Sourire, Di Borgo San Dalmazzo (Италия), Studio D Arte ANDROMEDA Di Trento (Италия), Cartoonfestival Tokio (Япония), Tehran Cartoon Bitnnial (Иран), Габрово (Болгария), International forum of Vizual Humor KARIKATURUM (Сургут, Россия) и др.

С 2007 по 2010 г. художник «Аргументы и Факты — Петербург»

С 2006 года живет в Мариенбурге — микрорайоне города Гатчина.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Любушкина Елена Викторовна, глава администрации Гатчинского муниципального района,	
Ильин Андрей Иванович, глава Гатчинского муниципального района	3
Корниенко Евгения. Над сонной гладью оредежских вод... ..	4
НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА	5
Бурлаков Андрей. Некоторые сведения о судьбе реликвий А.П. Ганнибала.....	6
Киселёва Елена. Анна Пушкина, внучка поэта	12
Коротов Евгений. Неизвестные Поволжские потомки Абрама Петровича Ганнибала.....	18
Алексеев Тарас. О чём нам шепчет шум берёз.....	20
КРАЕВЕДЕНИЕ	21
Рябов Дмитрий. Из истории средневековой Гатчины	22
Фёдорова Валентина. Французская Гатчина.....	30
Пузатых-Елецкий Сергей. Однажды в Гатчинском дворце	35
Хухка Ирина. Детская книга в подарок	36
Горячева Алла. Всем в жизни ведаёт Любовь... ..	43
Дмитриенко Анастасия. Как Тукумская женская гимназия превратилась в Гатчинскую частную (1915)	44
Алексеев Тарас. Не обещай.....	58
Кислов Владислав. История одного дома.....	59
Кислов Владислав. Турецкая палатка (площадка)	64
Хрящёв Валентин. Я посмотрел сегодня умный фильм... ..	66
Бурлаков Андрей. Деревня Мины и её забытая история	67
Хрящёв Валентин. Не жить в скворешне воробью... ..	71
Петрова Дарья. Совсем не южный Новый Свет	72
ИМЕНА В ИСТОРИИ	73
Шеметова Марина. «Лишь своей руке он обязан Славой»	74
Сёмочкина Екатерина. «...и случай, Бог изобретатель»: история одной открытки.....	82
И ВЕРЕН НЕБУ, ВЕТРУ ВЕРЕН	89
Николаев Владимир. Сализские были. Гнездо «людей воздуха».....	90
ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ	103
Бурлаков Андрей. Освобождение Сиверской от немецко-фашистских захватчиков.	
Вспомним, как это было... ..	104
Лукин Валерий. «Командир роты особого назначения...»	109
Кириянова Наталья. Они ушли и не вернулись	113
Рябов Дмитрий. У истоков Оредежа	114
Из семейного архива	
Литвиненко-Полоцкая Наталья. «Я в детстве встретила с войной...»	125
Из семейного архива	
Тарлецкая Татьяна. История одной семьи.....	133
Соломко Марианна. Неизвестные люди России... ..	138
С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ	139
Федотова Елена. О традиции и современности в церковной культуре	140
Павлов Андрей. Верую!.....	148
Пузатых-Елецкий Сергей. Воспоминания о Пасхе	148

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ	149
<i>Крылов Павел.</i> Евангелическо-лютеранская церковь в шведской Ингерманландии	150
<i>Павлов Андрей.</i> Осенние листья	154
ЛЮДИ ИСКУССТВА	155
<i>Скорнякова Зинаида.</i> Люблю Россию	156
<i>Нагорная-Шварц Антонина.</i> «И душа с душой говорит»	161
<i>Горячева Алла.</i> И. Шварцу	162
<i>Скорнякова Зинаида.</i> «Живая материя» в картинах Валерия Костаринова	163
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	167
<i>Бурлаков Андрей.</i> Как отмечался первый юбилей Гатчины	168
<i>Бобкова Зоя.</i> «А меня за рубеж не отпустят луга»	171
<i>Кириянова Наталья.</i> На глади реки	172
<i>Бобкова Зоя.</i> С «Мелодией» всегда праздник	173
<i>Тришина Алёна.</i> Адрес на старой открытке.....	178
К ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОГО	189
<i>Филиппова Валентина.</i> Разумное, доброе, вечное	190
<i>Козлова Анна.</i> Храм	192
<i>Антонова Наталья.</i> «Сын» Веры.....	193
<i>Бурлаков Андрей.</i> Из воспоминаний о В.А. Вальковской: издательнице и сиверской дачнице ...	197
<i>Гажёв Борис.</i> Прибыtkовo	200
<i>Кройтор Елена.</i> Осенние стихи.....	200
ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ	201
<i>Жильцова Нина.</i> Отрывки из поэмы «Лица из альбома»... ..	202
<i>Осипова Галина.</i> О лете прошлом грусть.....	203
<i>Козлова Анна.</i> Трилогия «Чувства»: Счастье, Любовь, Горе	204
<i>Ломова Надежда.</i> Прикосновенье	205
Колыбельная	205
Светало... ..	205
<i>Свиридов Владимир.</i> У окна	206
<i>Кройтор Ирина.</i> В парке осень	206
<i>Сойту Людмила.</i> Владимиру Высоцкому.....	207
Чернобыль.....	207
<i>Киселева Лариса.</i> В том, что счастлива я... ..	208
Здравица Родине.....	208
Русская женщина.....	208
<i>Соломко Марианна.</i> Вечер горбится и горбится... ..	209
Мне по отцовской линии	209
Русские художники.....	209
<i>Аршакуни Артур.</i> Белый ангел.....	210
Сотворение женщины.....	211
<i>Пеннонен Ирма.</i> О, женщина, рисующая круг.. ..	211
Предугадать мужчину невозможно... ..	211
<i>Корниенко Евгения.</i> И плелся к осени мой день... ..	212
Осень	212
Нектар Любви	212
<i>Алексеев Тарас.</i> Наследие мастера.....	213
Русский Север	213

<i>Горячева Алла.</i> Я свечи жгу и ворожу... ..	214
<i>Хряцёв Валентин.</i> Белый лист бумаги... ..	214
<i>Сульженко Дарья.</i> Лунные одежды.....	215
Маргаритка	215
<i>Докучаев Евгений.</i> Как верим мы во всё происходящее... ..	216
Над всем, что мы сейчас зовём земным... ..	216
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	217
<i>Сёмочкин Александр.</i> День рождения	218
<i>Осипова Галина.</i> Бабушкина радость.....	233
<i>Аршакуни Артур.</i> Лазерный уровень, или Жизнь и смерть в маленьком посёлке городского типа	234
<i>Курилкин Владимир.</i> Тайна гнилого ручья.....	265
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	271
СОДЕРЖАНИЕ	277

**Редакция не всегда разделяет мнение авторов,
ответственность за достоверность и точность предоставляемых материалов несут авторы.**

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 13

**Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 50**

Формат 70х100/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.